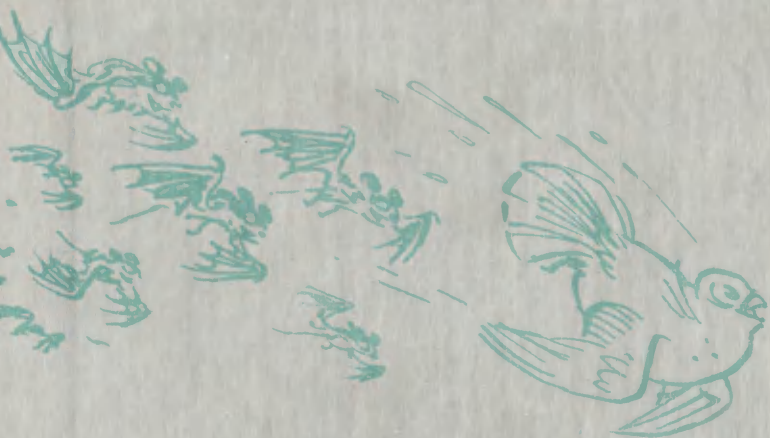

Кир
Бульчев

Дорога Алключения Исы

Кир Булычев

Приключения
Алисы

Конец
Атлантиды

Издательское
объединение
"КУЛЬТУРА"
1992

**ББК 84Р7
Б90**

**Рисунки
Евгения Мигунова**

КОНЕЦ АТЛАНТИДЫ

1. СОВПАДЕНИЕ КАК В РОМАНЕ

Солнце мгновенно поднялось над океаном, словно вынырнуло из глубины и спешило отдышаться. Оно разбрызгалось искрами по верхушкам ленивых зеленых волн, подгоняя их к песчаному пляжу острова Яп. Но волнам за ночь надоело биться о берег, и они устало облизывали полосу плотного песка, не дотягиваясь до темного вала водорослей, выброшенных штормом к столбам кокосовых пальм.

Алиса медленно шла по песку. Порой язык волны, отороченный пеной, трогал ступню. Маленькие полупрозрачные песчаные крабы деловито носились вокруг, а если на них падала тень Алисы, быстро закапывались в песок.

Алисе хотелось найти на берегу редкую ракушку или морскую звезду — утром после шторма на пляже случаются любопытные находки. Но в то утро ничего удивительного не встретилось. Алиса прошла больше километра и видела только два пустых кокосовых ореха, обкатанный волнами кусок дерева и несколько обыкновенных ракушек каури. Директор подводной фермы Аран Сингх рассказывал, что в прошлом году ураганом на берег выбросило метровую раковину тридакны. Теперь она лежит у входа в лабораторию.

Солнце поднялось уже высоко и стало жарко. Но купаться здесь было плохо — мелководье. Пока дойдемь

до глубокого места, сто раз побьешь ноги об обросшие скользкими водорослями обломки кораллов. В отлив широкая полоса, что тянется до рифов, кажется шкурой громадной жабы.

Алиса кинула последний взгляд на море и поспешила к белому причалу, за которым начиналась глубокая бухта. Она соединялась с океаном каналом, пробитым в коралловой тверди.

Вот тут-то Алиса и увидела бутылку.

Бутылка целиком ушла в песок, наружу торчало лишь горлышко, облитое сургучом, и поэтому она сначала показалась Алисе концом палки. Но волна вспенилась вокруг горлышка, и оно заблестело. Алиса присела на корточки, разгребла мокрый, тяжелый песок. Бутылка была толстой, пузатой, темной. Пока она плавала по морю, на ней поселились скользкие мелкие водоросли, покрыв ее словно чехлом. Алиса отодрала слой водорослей сбоку и подняла бутылку, глядя на нее против солнца, чтобы понять, нет ли чего-нибудь внутри.

Внутри что-то лежало. Может быть, листок бумаги.

Алиса попробовала соскрести сургуч с горлышка, но тот был как камень.

Она поднялась и побежала к причалу.

Алиса пробежала шагов сто и остановилась.

«А почему я, собственно, бегу? — подумала она. — Впрочем, торопиться надо, ведь бутылка — сигнал бедствия. Бутылки кидали с борта гибнущего корабля или с берега необитаемого острова. Правда, это бывало очень давно... двести, триста лет назад. Кто будет теперь кидать в океан бутылки? Скорее всего, шутник или безнадешный романтик. А если бутылка настоящая, «кораблекрушительная», то за триста или четыреста лет, что прошли с тех пор, как ее кинули в волны, корабль, терпящий бедствие, давно утонул, а Робинзон умер от скуки».

Чтобы развеять сомнения, бутылку надо разбить и прочесть вложенную в нее записку. Но это будет нечестно по отношению к Пашке Гераскину. Он никогда не простит ей такого предательства. Пашка Гераскин серьезно относится к романтике и верит, что настоящие приключения в конце XXI века еще не перевелись.

Алиса поднялась на причал.

Подводный катер — батискат, который на океанской станции дали Алисе и Пашке, был пришвартован со стороны бухты. Ни Пашки, ни робота, с помощью которого они чинили сломанный манипулятор батиската, видно не было. Да и вообще причал был пуст. Директор Аран Сингх с двумя зоологами еще вчера улетел в Сидней на совещание, а остальные с рассветом ушли на батискатах и катерах в океан проверить, не натворил ли бед ночной шторм на жемчужных фермах и в крабовых питомниках.

Алиса прошла по гладким камням причала до батиската.

Он был похож на веретено, увенчанное зеленоватым куполом. Там, под куполом, Алиса и увидела своего друга. Он лежал в кресле, задрав ноги на пульт, и читал старинную книгу.

Пашка был так поглощен чтением, что не заметил, как Алиса спрыгнула на палубу батиската и присела, разглядывая длинную членистую руку манипулятора.

Все в порядке. Пока она гуляла по берегу, Пашка с роботом кончили ремонт. Так что Пашка имел полное право читать сколько ему вздумается.

Алиса откинула колпак над каютой и спрыгнула внутрь.

Пашка даже бровью не повел.

Алиса поставила бутыль на штурманский столик и уселась во второе кресло.

— Что нового? — спросила она.

— По-моему, я сделал великое открытие, — сказал Пашка, продолжая читать.

— Я тоже, — сказала Алиса и подвинула бутыль ему под нос.

Пашка был невозмутим. Алисе стало обидно.

— Что за тайны! — сказала она.

Книга, которую с таким вниманием читал Пашка, была очень старой. Кожаный переплет обтрепался на углах, страницы пожелтели.

— Слушай, — сказал Пашка и перелистал назад несколько страниц. — Перевожу с английского: «... Я находился в своей каюте, намереваясь отойти ко сну, когда услышал отчаянный крик лейтенанта Робинсона. «Капитан! — кричал он. — Скорее!» В его голосе была такая настойчивость, что я решил: случилось несчастье. Стремглав я выскочил на палубу и остановился, пораженный

зрелищем. Предраcсветная темнота была озарена странным зеленоватым сиянием, которое исходило от громадного болида, что неcся, прочерчивая ослепительный след по синему небу. Еще мгновение — и примерно в миле от нас болид коснулся поверхности океана и, подняв гигантский столб воды, исчез в его пучине. Он был настолько раскален, что еще минуту мы наблюдали свечение воды, словно некто опустил в воду горящую лампу. Волна, поднятая этим небесным телом, вскоре достигла нашего фрегата и была так велика, что корабль лишь чудом не лег на борт. Когда все успокоилось, мы проследовали со всей осторожностью к месту падения болида и, осветив воду фонарями, увидели, что там плавают множество мертвой рыбы. Я разрешил матросам спустить шлюпку, и они набрали несколько бочек рыбы, что послужило славным подспорьем нашему столу. Но самое удивительное случилось, когда мы поднимали шлюпки на борт, намереваясь следовать далее. Мичман Джонс закричал, что видел нечто огромное слева по курсу «Рочестера». Несмотря на то, что рассвет лишь наступал и видимость была ограниченной, нам удалось понять, что упавший в океан болид настиг в невероятных глубинах некое загадочное существо, неизвестное прежде натуралистам. Это существо, достигавшее длины ста или более футов...»

Тут Пашка перевел дух и сказал:

— Сто футов — это тридцать метров, понимаешь?

— Понимаю, — сказала Алиса. — А что ты читаешь?

Пашка заложил пальцем страницу и открыл книгу на титульном листе. Там было написано по-английски: «Отчет о плавании фрегата Его Величества «Рочестер» в Тихом океане и Южных морях в 1816—1819 годах, написанный коммодором Стэнли Рейнольдсом. Издано в Лондоне в 1822 году».

— Поняла? Это я в библиотеке фермы взял. Там много книг, но в большинстве специальные. А несколько совсем старых. Я как увидел эту книгу на полке, меня что-то кольнуло. Ты веришь в предчувствия?

— Нет.

— Ты не права, Алиса. Если не было предчувствия, почему я эту книгу взял? Почему я ее открыл именно на этих страницах?

— Случайно, — сказала Алиса.

— Иногда я подозреваю, что ты лет на пятьдесят старше меня, — укоризненно произнес Пашка.

— Дочитывай, — сказала Алиса.

Бутылка стояла перед самым носом Пашки, но тот ее не видел, сейчас для него ничего, кроме книги, не существовало.

— «Это существо, достигавшее длины ста или более футов, — продолжал читать Пашка, — имело обтекаемое тело и длинную шею, которая заканчивалась небольшой головой, схожей с головой питона. Хвост чудовища скрывался в волнах. Так как одна из шлюпок еще не была поднята на борт, я приказал боцману и четырем матросам подгрести к чудовищу и осмотреть его подробно, соблюдая осторожность, ибо не исключено, что оно лишь оглушено. Вместе с матросами в шлюпку опустился судовой врач Р. Поткинс. Шлюпка не успела отойти от борта, как чудовище пришло в себя и, сильно ударив широким плоским хвостом по воде, скрылось в глубине. Полагаю, что мы наблюдали таинственного морского змея, о котором ходит столько слухов между моряками».

Пашка громко захлопнул книгу и воскликнул:

— Теперь ты понимаешь?

— Что я должна понимать?

— А то, — сказал Пашка, — что известна широта и долгота этой встречи. Слушай: «После того как волнения этих минут остались позади, я приказал штурману проинформировать о месте, где находился «Рочестер» в момент падения болида. Вышеописанное происшествие имело место в точке с координатами: 138 градусов 50 минут 22 секунды восточной долготы и 12 градусов 15 минут 54 секунды северной широты».

— Это очень интересно, — сказала Алиса.

На самом же деле она не вслушивалась в Пашкины слова. Она не могла дожидаться, когда, наконец, этот романтик увидит, что перед его носом стоит самая настоящая бутылка, выброшенная на берег океаном.

— Тебе не интересно, — сказал Пашка. — Я по голосу слышу. Ты не поняла, что от нашего острова до той точки всего сто пятьдесят миль?

— Да?

— И сегодня же мы на нашем батискате отправимся туда. Нам все равно нужно провести ходовые испыта-

ния. Мы опустимся в той точке и отыщем громадный метеорит и логово морских змеев.

— Не слишком ли много сразу? — спросила Алиса. — Прошло двести пятьдесят лет.

— Морские змеи живут дольше. — Пашка сказал это так уверенно, словно всю жизнь дружил с морскими змеями. — Но если не хочешь, я проведу испытания без тебя. А ты отдыхай, загорай... может, отыщешь неизвестный науке подвид каракатиц.

— Или бутылку, которую выбросило на берег.

— Если бы ты увидела бутылку, выброшенную на берег, — заявил Пашка, — ты бы ее не заметила. Нужно иметь особый взгляд на вещи. Тайны и открытия покоряются лишь людям моего склада.

И в этот момент Пашка поднял глаза и увидел бутылку.

Он посмотрел на нее совершенно равнодушно.

— Такие приземленные люди, как ты, — продолжал он, — увидят на берегу разбитый бурей фрегат с черным флагом на бизань-мачте и скажут...

Но что они скажут, так Алисе никогда и не удалось узнать. Потому что Пашка открыл рот, а закрыть его не смог. Он протянул руку, дотронулся до бутылки, одернул пальцы и часто заморгал.

— Э... — произнес он наконец. — Э.. Это что?

— Бутылка, — сказала Алиса.

— Какая?

— С письмом о бедствии, — сказала Алиса.

— Кто? Где? — Пашка вдруг ожил, вскочил и чуть не вывалился из батискафа. — Почему на борту бутылка, а мне никто ничего не рассказывает?

— Я шла по берегу, — сказала Алиса как можно наивнее, — и подумала: наверное, Пашке хочется найти таинственную бутылку. Я взяла ее и принесла.

— Ты какое имела право находить бутылку? — Пашка был в ужасном гневе. — Ты не имела права находить бутылку! Я ее искал всю мою сознательную жизнь, а ты... так просто, шла по берегу! Это неправда! Этого не может быть.

— Ну что ж, — сказала Алиса, — если бутылки не может быть, я ее отсюда унесу.

— Не смей! — Пашка схватил мокрую, в водорослях бутылку и прижал к груди как бесценное сокровище. —

— Ты ничего не понимаешь. Немедленно открыть!

— Зачем? — Алиса, честно говоря, получала истинное наслаждение от Пашкиной суматохи. Уж очень быстро разлетелась в клочки его спесь. — Что за спешка? — спросила Алиса.

— А если они терпят бедствие? Если они носятся по волнам на маленьком плоту?

— Где носятся? — спросила Алиса.

— В океане.

— За триста лет их унесло очень далеко, — сказала Алиса.

— Но может быть, ее кинули только вчера!

— Разве ты когда-нибудь видел такую бутылку? — спросила Алиса. — Это же древняя бутылка!

— Где молоток?

— Молоток и все инструменты унес робот, — сказала Алиса. — Да я и не позволила бы тебе разбивать бутылку, потому что она — исторический памятник.

— Это не памятник! Это сигнал бедствия!

Алиса решительно отобрала у Пашки бутылку и выпрыгнула из батискафа.

Пашка побежал за ней по пирсу, потом по дорожке, что вела к зданию лаборатории, и кричал:

— Осторожнее! Ты ее сейчас уронишь!

В лаборатории была только Дороти Гомера, очень толстая, добрая полинезийка, ассистентка Сингха.

Увидев вбежавшую в лабораторию Алису и услышав топот Пашки, она сказала:

— Дети, не разбейте микроскоп, он мне еще понадобится.

— Дороти, — сказала Алиса, подбегая к ней и ставя бутылку на стол, — что это такое?

— Это бутылка, — сказала Дороти.

— Что вы еще можете сказать?

— Это таинственная бутылка, ее выбросило на берег! — закричал Пашка.

— Странно, — сказала Дороти, разглядывая бутылку, — таких давным-давно никто не делает.

Дороти осторожно перевернула бутылку и посмотрела на ее донышко. На донышке были видны выпуклые буквы.

— Видите, — сказала она, — «Фирма Спанк и сыновья. Ливерпуль».

— А что это значит? — спросил Пашка.

— Сейчас узнаем.

Дороти включила информатор и набрала на нем код.

— Я вызываю Лондон, — сказала она. — Справочную Британского музея.

Через несколько секунд на дисплее побежали строчки — справочная откликнулась. Дороти набрала вопрос: когда в Ливерпуле существовал стекольный завод фирмы Спанк, который выпускал бутылки темно-зеленого стекла вместимостью в одну пинту?

Ответ пришел немедленно: фирма Спанк и сыновья обанкротилась в 1822 году. Бутылки в пинту и полпинты она выпускала, начиная с 1756 года, однако требуется более точное описание бутылки, чтобы установить год ее изготовления.

— Вот так, — сказала Дороти, разглядывая бутылку.

— Я же говорила, что бутылка страшно старая, — сказала Алиса. — Ее болтало по волнам сотни лет.

— Я не согласна с вами, дети, — ответила Дороти.

Дороти убеждена, что все, кому меньше двадцати лет, — дети. У нее своих шестеро, да еще двое приемных. Ждать от нее серьезного отношения к исследователю, которому недавно исполнилось двенадцать, невозможно. Приходится терпеть.

— Эта бутылка пробыла в воде не больше года, — сказала Дороти.

— Не может быть! — возмутился Пашка. — Вы посмотрите, как она обросла.

— Вот именно, она совсем не обросла, — ответила Дороти.

Она взяла пинцет и соскоблила водоросли с бока бутылки — водоросли уже подсохли и легко отстали от стекла.

— Даже меньше года, — сказала Дороти. — В наших краях морская растительность очень активна. Если бы бутылку бросили в воду двести лет назад, вы бы и не догадались, что это бутылка. Вы бы решили, что это кусок коралла.

— Значит, — сказала Алиса, — кому-то эта бутылка попала на глаза и он решил: давай я подшучу над любителем романтики. Пускай он решит, что произошло кораблекрушение.

— Нет, — сказал Пашка. — Эта бутылка пролежала

двести лет на берегу острова. В песке. А сегодня вылезла наружу.

— Не вижу у нее ножек, — заметила Алиса.

— Не спорьте, дети, — сказала Дороти. — Мы ее откроем и все узнаем.

Она достала из стола маленький молоточек и оббила темную массу сургуча. Под сургучом была пробка. Дороти подхватила ее пинцетом и вытащила.

— Вот и все, — сказала Дороти, запуская пинцет внутрь бутылки и извлекая оттуда свернутый в трубку листок бумаги.

Она развернула его на столе.

Листок был совсем белый, почти не пожелтел. На нем была только одна строчка:

« $138^{\circ}50'22''\text{E.}, 12^{\circ}15'54'''$ ».

— И это все? — спросил Пашка. Он взял со стола бутылку и заглянул в нее, потом потряс. Ничего больше из бутылки не выпало.

— У меня есть рабочая гипотеза, — сказала Дороти. — Хотя мне и жаль разочаровывать мальчика Пашу. На острове Гуам работают гидрологи. Они изучают морские течения. Наверное, кто-то из гидрологов нашел старую бутылку и решил отправить ее в плавание. Надо будет им позвонить и сказать, что мы нашли их письмо.

— Но почему только координаты? — спросила Алиса.

— Я думаю, — ответила Дороти, — это та точка, в которой сбросили бутылку. Если хотите, загляните в кабинет профессора Сингха, там большая карта. По-моему, это отсюда недалеко.

— Хорошо, — согласился Пашка и забрал записку. Потом взял и бутылку. — Мы ее оставим себе на память, — сказал он.

— Разумеется, — ответила Дороти. — В нее можно налить кокосовое молоко.

Пашка первым побежал к двери. Дороти крикнула вслед:

— Постойте!

Почему-то вместо того чтобы остановиться, Пашка припустил со всех ног по дорожке. Алиса вернулась. Дороти достала из ящика стола коробку шоколадных конфет.

— Возьми, девочка, — сказала она. — И своего друга тоже угости.

Алиса поблагодарила и взяла конфеты. Она не любила шоколадных конфет, но не хотела огорчать добрую Дороти. Ведь конфеты привозили сюда из Австралии или из Индии специально для Дороти, которая их обожала.

Когда Алиса вышла из домика лаборатории, Пашка уже добежал до пирса.

— Пашка! — крикнула она. — Разве ты не пойдешь посмотреть на карту?

Но Пашка только отмахнулся.

Алиса пошла за ним. «Романтика тебя погубит», — подумала она.

Когда Алиса поднялась на пирс, Пашка уже влез в батискаф.

Он положил на пульт записку из бутылки, а рядом с ней открытую книгу о путешествии фрегата «Рочестер».

— Ты чего убежал? — спросила Алиса, спрыгивая в батискаф и кладя перед Пашкой две шоколадные конфеты.

— Смотри, — сказал Пашка таким голосом, словно он только что достиг в одиночку Северного полюса.

Указательным пальцем правой руки он прижимал строчку в книге, указательным пальцем левой — записку, найденную в бутылке.

— Ты ничего не видишь?

— А что я должна увидеть?

— Тебе никогда не быть великим исследователем, — сказал Пашка. — Это же одинаковые координаты! До секунды!

Алиса сначала не поверила ему. Совпадение было слишком невероятным. Но через минуту она должна была признать, что Пашка прав.

— Ничего не понимаю, — сказала она. — Так не бывает.

— Так не бывает в обычной жизни, — сказал Пашка, — но когда я берусь за дело, бывает и не такое.

— Во-первых, бутылку нашла я, — сказала Алиса.

— Ну и что? Если бы я не прочел книгу, эту записку ты бы выбросила.

Пашка кинул в рот одну за другой две шоколадные конфеты.

Потом спросил:

— Ты знаешь, что мы будем делать?

Алиса немного подумала и ответила:

— Наверное, мы завтра с утра поплывем в эту точку.

— Почему завтра с утра? Сегодня! Сейчас! Немедленно!

2. В ПОДВОДНОМ УЩЕЛЬЕ

Сразу уйти в море не удалось.

Путешествие займет весь день. Два часа туда, два часа обратно, и неизвестно, сколько уйдет на погружение.

Надо загрузить в батискат еду и пресную воду, проверить батареи и очиститель воздуха — погружение в море не развлечение для детей. Пока Пашка с помощью робота проверял системы батиската, а потом раздобывал на складе скафандры для глубоководных работ, Алиса побывала в информатории, чтобы раздобыть подробную карту морского дна того района, где они собирались искать болид, морского змея и разгадку тайны записки.

Судя по карте, глубины в тех местах были невелики, не больше пятисот метров. Правда, там проходила узкая расщелина. Больше ничего интересного — ни подводного вулкана, ни загадочной впадины...

Потом Алиса вызвала бюро прогнозов по Океании и получила прогноз погоды на сутки. Прогноз был хорошим.

Теперь — к Дороти.

— Дороти, миленькая, — сказала Алиса сладким голосом, заглядывая в лабораторию через окно.

Дороти откинула со лба прядь тяжелых черных волос.

— Что тебе, девочка?

— Мы пошли в море. Возвращение вечером.

— Не простудитесь, — сказала Дороти.

И снова склонилась над микроскопом.

Вся операция заняла полминуты. Если бы Алиса принялась просить разрешения или стала бы объяснять Дороти, что они с Пашкой хотят совершить погружение в таинственной точке, разумеется, Дороти бы никогда их не пустила и велела бы ждать возвращения профессора Сингха. Алиса же никогда не обманывала. Она сказала чистую правду. Но сказала точно так, как говорят

экипажи батискатов, уходящие в океан на работу. Она не просила, а сообщила. Поставила в известность. А Дороти «приняла к сведению». Ей и в голову не пришло, что московские практиканты замышляют авантюру.

Через пятнадцать минут батискат отвалил от причала и осторожно направился по каналу к выходу в стене рифов. Ветер совсем стих, и вода в лагуне была гладкой как зеркало. Маяки на выходе из канала перемигнулись, фиксируя выход батиската, и Пашка, который вел кораблик, послал им сигнал: батискат номер семнадцать, экипаж два человека, выходит на ходовые испытания. Курс норд-ост-ост.

За рифами покачивало. Океан еще не успокоился после ночного шторма, его грудь мерно поднималась в сонном дыхании. Легкий батискат медленно и долго взбирался на вершину покатой волны, потом скользил вниз. Покачаться на волнах, конечно, приятно, но когда у тебя дело, приходится отказать себе в удовольствии.

Пашка перевел батискат на полуполет. Два широких плавника выскочили из днища батиската, и он пошел дальше большими пологими прыжками, срезая вершины волн. Алиса откинула колпак, и теплый, упругий ветер приятно бил в лицо.

— У тебя есть версия, откуда взялась записка? — спросила Алиса.

Она понимала, что Пашка ни на секунду не поверил Дороти, будто записка в бутылке — шутка гидрологов.

Пашка ответил не сразу. Он поднял батискат чуть выше, чтобы не врезаться в большую волну, катившую навстречу.

— Я чувствую, — сказал он наконец, — что мы с тобой стоим на пороге великого приключения, может, самого большого в жизни. Но что это за приключение, я не знаю. Фантазии не хватает. Что нам с тобой известно? Точка в океане. Нам сообщил о ней капитан фрегата «Рочестер» и неизвестный, который кинул бутылку.

— Может, это случайность?

— Таких случайностей не бывает, — возразил Пашка.

— погоди! — воскликнула Алиса. — У меня идея. А вдруг кто-то на острове уже читал эту книгу? Допустим, в прошлом году?

— Как читал?

— Пришел в библиотеку, увидел на полке старый

том и прочел его. Потом подумал: дай-ка я возьму старую бутылку, напишу на записке координаты из книги и брошу ее у берега.

— Ну какой дурак мог это сделать?

— Ричи Гомера, сын Дороти. Он очень веселый.

— Нет! — закричал Пашка. — Так быть не может! Ты отнимаешь у меня тайну! Мне надоела твоя трезвость, Алиса Селезнева! Я тебя в последний раз предупреждаю: если ты не станешь, наконец, романтиком, наши пути разойдутся.

— Не кричи, Пашка, — сказала Алиса. — Дай-ка мне эту записку.

Алиса еще раз поглядела на записку.

— Почерк взрослый, — сказала она. — Но если человек намерен сообщить что-то важное, зачем ему писать только координаты?

На этот вопрос Пашка отвечать не захотел.

Они неслись по волнам больше часа, а потом Пашка снизил скорость, и батискаф поплыл, покачиваясь, взбираясь на океанские валы и легко скользя с них. Над волнами носились летучие рыбки. Одна из них залетела в батискаф, Алиса поймала ее на пульте и выбросила обратно в воду. Потом Алиса открыла термос с чаем и достала бутерброды. Они позавтракали.

В тот момент, когда Алиса поднесла ко рту последний кусок бутерброда, раздался звонок — пульт сигнализировал, что батискаф вышел в расчетную точку.

Океан вокруг был точно таким же, как и полчаса назад, — пустынным, мирным и могучим. Высоко пролетел альбатрос, летучие рыбки блестками отсвечивали под солнцем.

— Ну что? — спросил Пашка. — Начнем погружение?

Алиса задраила прозрачный колпак. Пашка начал осторожно выпускать воздух из цистерн. Забортная вода поступала в них, и батискаф постепенно становился все тяжелее. Он погружался. Зеленая волна хлестнула по колпаку, в последний раз сверкнул луч солнца, скользнул по приборам, и сразу стало темнее.

Сколько раз уже Алиса опускалась в глубины океана, но всегда у нее сжималось сердце от сладкого предчувствия. Только что батискаф был для океана чужим — он лишь касался воды дном. Но стоило ему уйти вглубь, как он превратился в одного из обитателей бездны, слов-

но стал громадной рыбой или китом. И океан, такой пустой и почти безжизненный на поверхности, внутри оказывался населенным всякой живностью, которой и дела не было до батиската и тех человечков, что в нем сидели.

Сначала вода вокруг была светлой, зеленой, лучи солнца пронизывали ее. Небольшая акула скользнула рядом с батискатом, равнодушно глянув на него. Можно было различить полосы на ее боках и даже блеск маленького злобного глаза. Потом совсем рядом — только протяни руку — проплыла большая медуза, чуть шевеля длинными, почти прозрачными щупальцами. Стайка рыб слаженно совершила поворот, словно это были не рыбы, а корабли, и пошла в глубину, обгоняя батискат.

Постепенно темнота за бортом сгущалась. Пашка не спешил с погружением — он проверял приборы. Потом выпустил оба манипулятора, и длинные членистые руки высунулись по бокам батиската, раскрыли и снова сжали металлические пальцы, страшно испугав акулу. Все системы батиската работали отлично.

Алиса взглянула на приборы. Температура воды понемногу падала — лучи солнца уже не прогревали ее. Вокруг царила вечерняя синь, и рыбы, проплывавшие рядом, казались черными тенями.

Пашка включил прожектора. Большой скат, попавший в луч, взмахнул крыльями и рванулся в сторону.

Батискат опускался по спирали.

Сто метров...

Сто двадцать метров...

Сто пятьдесят метров...

За бортом полная темнота. И рыбы, что встречаются там, сами имеют фонарики и огоньки. Они никогда не поднимаются к поверхности и привыкли жить под большим давлением.

Двести метров...

Двести тридцать метров...

Алиса включила отопление, в батискате стало холодно.

Триста метров...

Четыреста сорок...

— Вижу дно, — сказал Пашка.

Он направил луч прожектора вниз.

Дно было гладким, кое-где по нему были разбросаны крупные камни. В одном месте прожектор высветил бледную морскую звезду.

И больше ничего.

— Странно, — сказал Пашка.

— А ты думал, что здесь тебя ждут?

— Ничего я не думал. Давай искать. Может, потребуется осмотреть несколько километров дна.

Пашка набрал на пульте задание для батиската: разработать оптимальный маршрут, чтобы обследовать квадрат за квадратом весь участок дна. Человеческие глаза — далеко не лучший инструмент. Приборы скорее найдут то, что таится под слоем ила.

Подумав несколько секунд, батискат двинулся вперед. Он шел зигзагами, сам избирая маршрут. На дисплее этот маршрут накладывался на карту дна.

Так прошло минут двадцать. Ничего особенного за это время не случилось. Под батискатом тянулось серое, почти ровное дно. Порой появлялись его обитатели: то проползет краб, то проплывет светящаяся большая креветка с глазами на длинных стебельках, то скользнет рыба, по боку которой тянется цепочка огоньков, отчего она становится похожей на пассажирский самолет.

— Гляди! — Пашка нажал на кнопку.

Батискат дернулся и замер. Под ним в слое глубоководного ила протянулась широкая волнистая полоса, будто там проползла огромная змея.

Пашка сразу же перевел батискат на ручное управление и направил его по следу.

— Наверное, это морской змей, — сказал Пашка. — Кто еще мог оставить такой след?

Они проплыли по следу метров триста. И тут он внезапно оборвался.

— Еще одна загадка, — вздохнул Пашка.

— Похоже, — сказала Алиса, — что змей опустился на дно, прополз по нему, а потом снова поплыл.

— Допускаю, — согласился Пашка. Он не очень любил, когда кто-нибудь разгадывал загадку скорее него.

Алисе и Пашке казалось, что они уже весь день плывут в этой непроницаемой тьме, над ровным и скучным дном, где ничего интересного и быть не может. Металлоискатели батиската упрямо молчали, локаторы не

показывали никаких крупных предметов. Тихо, монотонно, скучно. И с каждой минутой настроение портилось и все больше хотелось наверх, к солнцу, к зайчикам, играющим на волнах, к свежему ветру.

— Ничего здесь нет, — вдруг сказал Пашка.

— Предлагаешь подняться?

— Даже не знаю.

— Давай заглянем в расщелину, — предложила Алиса.

Она показала на почти прямую линию, что темнела на дисплее.

— Как хочешь, — ответил Пашка скучным голосом.

Он помолчал немного, потом добавил:

— Может, в самом деле гидрологи пошутили.

Трещина появилась под батискатом совсем неожиданно.

На карте она казалась узкой, но в действительности была шириной больше пятидесяти метров, и луч прожектора с трудом достигал ее дальнего края.

Стены расщелины почти вертикально уходили вниз. Приборы сообщили, что до дна двести метров.

Батискат завис над серединой расщелины и медленно начал опускаться.

— Смотри, температура воды здесь выше, — сказала Алиса.

— Всего на градус.

Лучи прожекторов отражались от базальтовых стен. Пронеслась, будто испуганная чем-то, стая крупных рыб, светя огоньками на концах усов.

Понемногу расщелина сужалась. Минут через двадцать батискат достиг дна. Здесь между стенами было не больше двадцати метров. Дно покрывал густой слой ила.

— Смотри, — сказал Пашка, — какая странная стена.

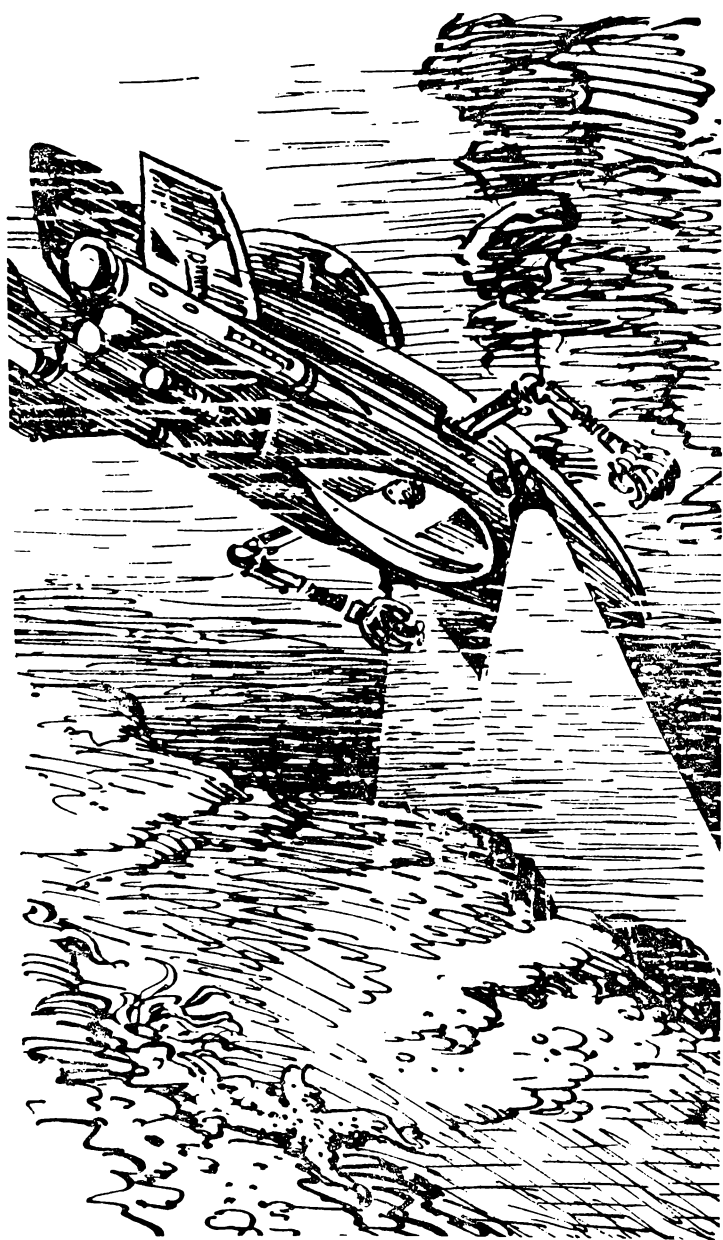
Стену пересекали тонкие полоски, словно их провели по линейке.

— Только не говори, что это следы неизвестной подводной цивилизации, — сказала Алиса.

— А это что? — Пашка направил луч прожектора на дно ущелья.

Там угадывалась гладкая каменная плита.

— Люк в подводное подземелье, где лежат сокровища, — улыбнулась Алиса.

— Не смейся, — сказал Пашка. — Мы обязаны это обследовать.

— погоди, — сказала Алиса. — Давай проплывем еще дальше по трещине. Если ничего больше не увидим, тогда вернемся и поглядим на твой люк.

Плита, полоски... может, это ничего не значило, но Алиса почувствовала, как сердце забилося быстрее. А вдруг?..

Несколько громадных глыб, видно, сорвались в свое время сверху и перегородили ущелье. Из щели между глыбами вырвался пузырек газа и помчался вверх. За ним второй...

— Видишь? — воскликнул Пашка. — Выход газов.

Цепочка пузырьков вырвалась из-под скалы и потянулась кверху.

Батискат завис над тем местом, откуда вырывались пузыри.

— Может быть, здесь вулканическая активность? — спросила Алиса.

— Ты же сама проверяла — район сейсмически нейтральный, вулканической деятельности нет.

— Значит, здесь идет какой-то процесс с выделением метана или какого-нибудь другого газа. Это бывает, — сказала Алиса.

— Сейчас проверим, что за газ, — сказал Пашка.

Он дал команду манипулятору. Длинная рука выдвинулась из корпуса батискафа. Два металлических пальца осторожно держали опрокинутую пробирку. Когда новая цепочка пузырьков вырвалась снизу, манипулятор ловко накрыл пробиркой один из них и быстро спрятался в корпус.

Алиса набрала запрос и через минуту на дисплее появились цифры: состав газа.

— Кислород — 21 процент, — прочел Пашка, — углекислота — 1/10 процента, азот — 78 процентов — это же воздух!

— Почти такой, как наверху, — согласилась Алиса.

— И что это означает?

— Это означает, что там, внизу, — сказала Алиса, — есть полость, наполненная воздухом.

— Это невероятно! — заявил Пашка. — Я немедленно иду наружу.

— Зачем? — спросила Алиса. — Пускай манипулятор

разберет завал и отыщет место утечки. Он это сделает куда лучше тебя.

— Лучше? — возмутился Пашка. — Ты больна болезнью двадцать первого века!

— Какой болезнью?

— Ты уверена, что машины все делают лучше, чем человек.

— Нет у меня такой болезни, — ответила Алиса. — Но машины для того и изобретены, чтобы делать некоторые вещи лучше человека. Быстрее и точнее.

— Но принимать решения все равно будет человек, — ответил Пашка. — В конце концов мне надоело сидеть в этой банке. Я тысячу лет не гулял по дну моря.

— Но здесь глубина почти полкилометра.

— Скафандр рассчитан на большее, ты же знаешь, — ответил Пашка. — А если тебе хочется посидеть в батискате, сиди. Отдохни, пока я буду заниматься исследованиями загадочного явления.

Пашка — великий провокатор. Об этом все в школе знают. Он может любого, даже самого спокойного человека вывести из себя, и тот, того не замечая, уже несется совершать необдуманные поступки и делать великие глупости, потому что Пашка его к этому подтолкнул. Неудивительно, что Алиса поднялась с места и сказала:

— Я пойду с тобой.

— Это неразумно, — сразу сменил политику Пашка. — Кто-то должен оставаться на корабле. Мало ли какая опасность может нам угрожать?

— Какая? В этих скафандрах нам ничего не страшно.

Пашка провел батискат немного вперед, отыскал ровную площадку на дне расщелины и опустил туда батискат. Облаком поднялся серый ил и долго не оседал. Даже когда акванавты натянули глубоководные скафандры и выбрались через двойной люк наружу, дно было покрыто туманом. Идти было трудно. Тяжелый столб воды сковывал движения. Впереди, словно толпа чудовищ, нависли каменные скалы.

— Как ты думаешь, — раздался в шлеме Алисы голос Пашки, — а вдруг это осколки того болида, который видел капитан «Рочестера»?

Алиса не ответила, но подумала, что надо будет захватить с собой образцы этих скал. Если это болид, то состав у него будет иной, чем у породы на дне.

Снизу, со дна, скалы казались выше. Темнота сгустилась, светили только шлемовые фонари скафандров, выхватывая из тьмы острые края скал.

— Где же эти пузыри? — услышала Алиса голос Пашки. — Куда они подевались?

Пашка протиснулся в узкий проход между скал.

— Вижу! — воскликнул он.

Его фигурка в блестящем скафандре исчезла. Алиса последовала за ним.

Но оказалось, что Пашка ошибся, это лишь маленькая глубоководная медуза сверкнула в луче фонаря.

— Ну где же, где же эти пузыри? — бормотал Пашка.

— Может, они кончились? — спросила Алиса.

Они остановились, стараясь сообразить, куда идти дальше.

Алиса взобралась на большой округлый камень, чтобы оглядеться.

Перед ней торчали головы и спины скал, виднелись черные провалы между ними, а дальше — темнота.

Вдруг Алиса замерла. По ущелью медленно двигался огонек. Сначала Алисе показалось, что это какая-то глубоководная рыба с собственным фонарем, но огонек был куда ярче, чем положено иметь животному. К тому же он двигался, покачиваясь в такт шагам.

Алиса сказала:

— Паша, мы не одни.

Она сказала это так тихо, почти шепотом, что Пашка не сразу понял. Было страшно, что Тот, кто идет, их услышит. Хотя этот страх был глупым — ведь Пашка с Алисой переговаривались по радио.

— Что ты говоришь? — спросил Пашка, который где-то у ног Алисы пробирался по узкому проходу между скал.

— Тихо!

Пашка замер. По тону Алисы он сообразил, что произошло что-то особенное.

— Что там? — прошептал он.

— Он идет, — сказала Алиса. — Я его вижу.

— Кто?

— Не знаю.

— Тогда выключи фонарь, — приказал Пашка. — Я влезу к тебе!

Алиса послушно выключила фонарь. На нее сразу

навалилась темнота. И лишь далеко впереди покачивался, медленно приближаясь, огонек.

К тому времени, когда Пашка оказался рядом с Алисой, огонек приблизился настолько, что стало ясно — это фонарь, укрепленный на шлеме человека.

— Кто это? — спросил Пашка.

Алиса не ответила. Она отодвинулась немного назад, чтобы спрятаться за выступом скалы.

— Может быть, нас ищут со станции? — спросил Пашка.

— Они бы услышали, как мы переговариваемся.

— А может, это другая экспедиция? Мало ли кто опускается на дно? Геологи, вулканологи, зоологи.

Неизвестный остановился метрах в двадцати от Пашки с Алисой и начал крутить головой, светя вокруг.

Он что-то искал.

Вдруг в свете его фонаря засверкали пузырьки воздуха. Неизвестный увидел их и подошел к тому месту, откуда они поднимались. Он опустился на корточки и начал разгребать ил. Облако ила просвечивало изнутри.

Алиса переключила шлемофон на внешний прием и стали слышны звуки океана. Человек ударял чем-то по металлу, потом раздался удар погромче и вдруг внизу вырвался фонтан пузырей.

Удары по металлу возобновились.

— Ты понимаешь? — прошептал Пашка, наклоняясь к шлему Алисы.

— Понимаю. И очень удивляюсь.

Любой бы удивился, увидев на дне неизвестного человека, который занимается ремонтом.

Не надо было быть гением, чтобы сообразить: здесь, под ущельем, расположена какая-то полость, наполненная воздухом. И в этой полости находятся люди.

Если бы это была научная база или лаборатория, Алиса с Пашкой узнали бы о ней еще на острове Яп, когда собирали материалы. Значит, здесь Секретная база.

А это чепуха. К концу двадцать первого века на Земле уже не было не только тайных или секретных баз, но даже армий, бомб и пушек. Мысль о том, что можно убивать друг друга, чтобы отнять землю и города или навязать другим свой образ жизни, была людям двадцать первого века отвратительна. Самое главное правило:

человек должен жить так, как он хочет, дружить, с кем хочет, ходить и ездить, куда хочет. Человек должен быть свободен. При одном условии: его свобода не должна наносить вреда другим людям. Вот этому научиться оказалось труднее всего. Но когда люди этому научились, оказалось, что число счастливых людей увеличилось в тысячу раз.

Конечно, не все люди через сто лет будут счастливыми. Такого не бывает. Останутся и обиды, и неразделенная любовь, и ссоры, и даже такие чувства, как зависть, ненависть и злоба. Не могут же все быть добрыми. Но если общество, в котором ты живешь, действует по правилам добра, то твоя злоба остается твоим личным делом. Твоя глупость — это твоя беда, твоя зависть — это твоя тревога. Мы станем терпимыми, и обязательным для всех будет чувство юмора. Улыбнитесь, будут говорить через сто лет врачи. Улыбнитесь, и вам станет легче. Такое лекарство поможет лучше любого аспирина.

— Надо его выследить, — сказал Пашка.

— Нет, — сказала Алиса. — Мы поднимемся наверх и сообщим о встрече на ферме. Пускай решают взрослые.

— Сингха нет. Дороти нам не поверит.

— Мы позвоним в Сидней.

— Постой, — возразил Пашка, — мы же еще ничего не знаем. А вдруг это кладоискатель? Такой же, как я. Он тоже выловил бутылку и нашел подводную пещеру. А в ней сокровища атлантов.

Тем временем загадочный человек кончил трудиться, закрыл сумку, что висела на боку его скафандра, и, постояв немного, чтобы проверить, не поднимаются ли пузырьки, побрел прочь.

— За ним! — прошептал Пашка, и не успела Алиса ответить, как он уже соскользнул со скалы.

Алиса съехала вниз за ним и поняла, что не знает, куда идти. Ил поднялся со дна, застывая расплывчатое пятно удаляющегося фонаря.

Ничего не видно. Ровным счетом ничего. Только в ушах неразборчивое ворчание Пашки, который наткнулся на скалу и не может выбраться на открытое место.

Конечно, надо было включить фонари, но тогда тот человек их наверняка увидит.

— В какую сторону идти, понимаешь? — спросил Пашка.

— Дай руку.

Алиса двинулась вперед и через два шага пальцы ее перчаток натолкнулись на гладкую грудь Пашкиного скафандра. Оказывается, Пашка шел ей навстречу.

Алиса развернула Пашку.

— Видишь? — Алиса показала на пятно света впереди.

— Вижу.

И в этот момент свет погас.

— Наверное, он куда-то свернул, — сказал Пашка. — Скорее.

— Или спустился вниз. Может быть, там у него люк.

Преодолевая сопротивление воды, они поспешили вперед по ущелью и лишь тут поняли, что свет исчез не потому, что неизвестный человек скрылся, — его перекрыло громадное черное тело.

Алиса успела включить шлемовый фонарь — на нее надвигался сгусток тьмы, который издавал низкий, утробный, почти неслышимый звук.

Включить-то свет Алиса успела, но бежать было поздно: черная туша навалилась на нее, черная сверкающая кожа отразила свет фонаря, сверкнул яркий черный глаз... невероятная тяжесть подмяла Алису, закрутила, прижала к камням.

Алиса услышала, как вскрикнул Пашка.

К счастью, скафандр рассчитан на большое давление, его не повредить даже кашалоту. Но разве об этом думаешь, когда в полной темноте на тебя наваливается абсолютно черный слон, а может, кто-то в десять раз тяжелее слона?

Давление ослабло — чудовище проплыло или проползло дальше.

Алиса хотела было подняться, но сделать это было трудно, потому что удар, поваливший ее, был таким сильным и неожиданным, что у нее перехватило дыхание...

Она повернула голову, стараясь нащупать лучом фонаря Пашку, и увидела, что он неподвижно лежит в облаке ила.

Но помочь Пашке Алиса не смогла: чудовище возвращалось. Его пасть, усеянная длинными острыми зубами, потянулась к Алисе. Алиса подняла руку, защищаясь. Она со страхом подумала: неизвестно, выдержит ли скафандр удар таких острых зубов?

И в тот момент, когда Алиса поняла, что спасения нет, она услышала громкий свист. При этом звуке чудовище замерло, подняло голову... Затем отступило.

И Алиса потеряла сознание.

Алисе еще не приходилось терять сознания. А тут потеряла, да еще от страха. Поэтому Алиса никогда никому в этом не признается.

Она была без сознания совсем недолго, может быть, минуту.

Но за это время Пашка, который ничего не видел, потому что лежал, зарывшись шлемом в ил, смог подняться, включить фонарь и отыскать Алису. Увидев, что ее глаза закрыты, он перепугался и принялся ее звать. От звука Пашкиного голоса она очнулась. Голова кружилась.

— Ничего, — сказала она слабым голосом, — ничего страшного.

В носу свербило, но когда на тебе скафандр, невозможно почесать переносицу... Алиса громко чихнула, и Пашку это успокоило.

Он осмелел и был полон энергии.

— Ты видела? — воскликнул он. — Это был морской змей! Понимаешь, тот самый морской змей, которого видел капитан «Рочестера»! Мы с тобой сделали великое открытие. Скорее вставай, мы должны найти его логово.

— Пашка, — Алиса села, но встать не смогла — ноги не держали, — ты, кажется, забыл, что тут был человек.

— При чем тут человек! — завопил Пашка, но тут же спохватился и замолчал. Молчал он недолго. Ровно столько, чтобы Алиса смогла подняться на ноги. — Пошли скорей! — наконец сообразил Пашка. — Разве ты не понимаешь, что теперь морской змей погнался за тем человеком. Он его догонит и сожрет!

— Нет, — сказала Алиса.

— Почему нет?

— Потому что тот человек умеет командовать морским змеем.

— А ты откуда знаешь?

— Я слышала, как он приказал змею оставить нас.

— А почему я не слышал?

— Не знаю.

— Тебе не показалось?

— Нет. Я слышала свист.

— Значит, это он отправил бутылку, — заявил Пашка. — Он живет здесь в плену у морского змея... Мы должны его спасти.

— Пашенька, — сказала Алиса устало, — не сходи с ума. Лучше сначала подумай.

— Может, я и погорячился, — сказал Пашка. — Но главное — мы обязаны его найти. Если устала, возвращайся в батискат. И жди меня.

— Давай оба вернемся в батискат.

— И потеряем драгоценное время?

И Пашка пошел по ущелью вслед за морским змеем. Алисе стало ясно, что Пашку не остановить. Пришлось идти следом.

Голова у нее разболелась, ноги были как ватные. Ей казалось, что они идут уже три часа, хотя в самом деле прошло минут десять. Ущелье тянулось прямо, впереди никого не было — ни змея, ни человека.

— Паш, — сказала наконец Алиса, когда поняла, что сил больше нет, — давай вернемся.

— Сейчас.

Пашка остановился. Алиса подумала, что он согласен вернуться к батискату, но вместо этого Пашка присел на корточки и торжествующе произнес:

— Попались, голубчики!

Алиса подошла поближе.

Пашка склонился над крышкой люка.

Люк был круглым, каменным. Ила на нем не было, значит, его недавно открывали.

Пашка вытащил нож и постарался всунуть его в щель. Это было неразумно, но у Алисы не было сил спорить. Пашка надавил на нож, и его стальное лезвие благополучно обломилось.

В отчаянии Пашка начал стучать о крышку люка кулаком. Но камень гасил звук. С таким же успехом можно было стучать по скале.

— Я придумал, — сказал Пашка. — Мы пригоним сюда батискат и взломаем люк манипулятором.

— Погоди, — возразила Алиса. — Мы не знаем, кто там таится. И они нас в гости не звали. Тебе бы понравилось, если бы кто-нибудь у тебя взломал дверь?

— Не понравилось, — согласился Пашка. — А что ты предлагаешь?

— Вернуться наверх.

— Я вернусь на остров, и мое великое открытие сделают другие. Лучше уж я попаду в плен, а ты будешь меня спасать.

Конечно, Пашка шутил, но ясно было, что вытащить его из ущелья можно только подъемным краном.

Луч фонаря упал на небольшой камешек. Пашка со злостью пнул его ногой, камешек не шевельнулся. Пашка рассердился и еще раз ударил по нему. И вдруг камешек отъехал в сторону, а люк, как бы подчиняясь движению камешка, медленно откинулся.

— Видишь, а ты говорила, что мне его не открыть, — сказал Пашка.

— Ты ногу не ушиб?

— Потерплю. Давай спустимся, поглядим — и сразу обратно. Не отказываться же от такого приключения.

И чтобы не слышать Алисиных возражений, Пашка быстро ступил в отверстие, и через несколько секунд его голова скрылась внутри.

— Стой наверху, — услышала Алиса голос друга. — И подстраховывай меня.

Но Алиса не послушалась. Оставляя Пашку одного ей не хотелось, да и стоять одной в черном ущелье, где плавают морские змеи, не очень приятно.

Алиса заглянула в шахту, далеко внизу вода светилась от Пашкиного фонаря.

— Пашка, ты что делаешь? — спросила она.

— Опускаюсь, — сказал Пашка. И через секунду добавил: — Опустился.

Тогда Алиса последовала за ним. Вот и дно колодца... Совсем близко закругляется каменная стена...

Она посветила фонарем вверх и вдруг увидела, что крышка люка медленно закрывается.

— Пашка, смотри!

— Ничего, — ответил Пашка храбрым голосом. — Выпутаемся. Главное — идти вперед.

Идти было некуда. Они были заперты, как жуки в узкой, высокой банке.

У ног в стене колодца открылось забранное решеткой отверстие и вода, урча, хлынула туда.

— Это переходник, — сказал Пашка спокойно. — Сейчас вода уйдет, и мы выйдем.

— Куда? — спросила Алиса.

Как только вода ушла из колодца, в его стене со скрипом отворилась железная дверь. За ней было светло.

Там стоял старый человек в скафандре, но без шлема. Лицо его было бледным и усталым.

— Выходите, дети, — сказал он по-русски.

3. ПЛЕННИКИ АТЛАНТОВ

Алиса с Пашкой оказались в обширном зале с низким каменным потолком.

Под потолком тянулся ряд позеленевших бронзовых светильников. Некоторые горели, некоторые погасли, и оттого часть пещеры была погружена в полумрак.

Старик подошел к стене возле двери в колодец, повернул медный рычаг, и дверь медленно, со скрипом, закрылась.

Что-то в старике удивляло. Но что?

Во-первых, скафандр. Он был непрозрачный, темно-синий, с золотым поясом и золотыми манжетами, на плечах — небольшие крылышки, тоже из золота, одно, правда, обломано. Потом Алиса разглядела и шлем старика, который лежал на широкой каменной тумбе у стены пещеры. Шлем был украшен продольным золотым гребнем, словно шлем древнегреческого воина.

А лицо старика? Странное лицо. Очень бледное, почти голубое, без морщин, с глубоко запавшими темными глазами. Длинные седые волосы были собраны в пучок на затылке. Бороды не было, но жидкие усы, свисающие от углов рта, придавали лицу грустное выражение, какое бывает у голодной собаки.

Старик сказал:

— Можно снять шлемы.

Ребята отстегнули крепления и откинули шлемы на спины.

Потом спросил:

— Следили?

— За кем? — Пашка сделал большие глаза.

— Следили, следили, — проворчал старик. — Ходят тут, следят, подглядывают...

— Мы сначала не следили, — сказала Алиса. — Но потом на нас напал морской змей.

— Какой такой змей? — Старик глядел на них рассеянно, будто думал о другом.

— Морской змей! — сказал Пашка. — Редчайшее животное. Мы уже сто лет его ищем.

— Змей? Эмпидоклос, что ли? — спросил старик. — Он играл. Молодой еще.

— Он у вас прирученный? — догадался Пашка. — И откликается на имя? А мы испугались, что он на вас напал.

— Значит, вы увидели, побежали, в колодец полезли — меня спасали?

Старик поморгал и глубоко вздохнул.

Какое-то шуршание послышалось неподалеку.

Алиса обернулась — в полутьме, в дальнем конце зала, мелькнула розовая фигура.

Старик тоже обернулся. И сразу сжался, понурился.

— Пошли, — сказал он, — пошли, чего уж там! Я вас не знаю, вы меня не знаете, залезли куда не просили, теперь плохо будет.

И он, волоча ноги, побрел к низкой металлической двери. Дверь была обита золотыми полосками. Старик повернул массивную изогнутую ручку.

Пашка толкнул Алису.

— Сто против одного, — шепнул он, — это самая настоящая Атлантида!

Старик отворил дверь, и они увидели уходящий наклонно вниз узкий коридор. Видно, старик услышал слова Пашки, потому что, не оборачиваясь, проворчал:

— Атлантида! Мы уж забыли, а они ищут. Была Атлантида, да потонула...

Под потолком тянулась цепочка светильников. Теперь Алиса смогла их разглядеть. Каждый светильник представлял собой разинутую пасть змеи, в которую, подобно белому яйцу, была вставлена лампа. Лампы были электрическими, некоторые разбиты или перегорели. Стены коридора выложены камнем, но тщательно обтесанным.

Вдруг Пашка, который шел спереди, ахнул и отшатнулся.

Он больно ударил Алису откинутым на спину шлемом.

— Ты что? — спросила Алиса и тут же увидела, что его испугало.

В неглубокой нише стояла позолоченная человеческая фигура с шестью руками. Страшные тонкие губы были растянуты в улыбке, на шее висело ожерелье из белых черепов.

— Не бойтесь, дети, — раздался голос старика. — Это бог не вредный. Только пугает.

— Ну и боги у вас, — проворчал Пашка, который не любил, чтобы кто-то замечал его слабости.

Старик не ответил.

Коридор расширился. Вдоль стен потянулись длинные низкие скамьи со спинками в виде переплетенных змей. Скамьи были каменными, змеи — бронзовыми.

«Что же меня так настораживает?» — думала Алиса.

И поняла: пустота и тишина.

Они шли уже несколько минут, но никого не встретили, ни с кем старик не разговаривал, словно он один жил в этом подводном царстве. Как капитан Немо в «Наутилусе».

Старик открыл еще одну дверь и сказал:

— Здесь будете сидеть. Ждите, пока Госпожа скажет, что с вами делать.

— Какая госпожа? — спросила Алиса.

— Мы люди маленькие, — ответил старик, глядя куда-то мимо Алисы в стену. — Ходим, чиним. Все течет, все капает, все прохудилось. Все кричат: «Где Гермес? Почему капает?» А я вам скажу, — старик перешел на громкий шепот, — потому капает, что сверху вода.

С этими словами старик вышел из комнаты и закрыл за собой дверь.

Алиса обернулась и поняла, что изнутри в двери нет ручки.

— Подождите! — крикнула она, бросаясь к двери.

Алиса несколько раз ударила кулаком в дверь.

— Не суетись, Алиска, — сказал Пашка. — Ты мешаешь мне думать.

Алиса обернулась.

Ее друг стоял у длинного низкого стола и разглядывал предметы, лежавшие на нем. Там было множество вещей, сваленных без всякой системы. Банки из-под пива, кучка ржавых гвоздей, карманные старинные часы, обросшие кораллами, кусок доски с надписью «SANTA MARIA», человеческий череп, сабля с обломаным клинком, почти целая фарфоровая тарелка, мятая канистра, медный чайник с отломанным носиком, скелет рыбы...

Пашка извлек из-под расколотого блюда несколько потемневших серебряных монет.

— Талеры, — сказал он. — Им лет пятьсот.

Он стал разглядывать, что написано на талере.

— Как ты думаешь, — спросила Алиса, — куда мы попали? Может, это в самом деле... подводные археологи?

— Археологи? — Пашка фыркнул. Алисины слова расшевелили его. — И сколько же лет они вырубали в базальте свою базу, забыв сообщить об этом в видеогазеты? Неужели тебе все еще непонятно?

— Сейчас ты опять скажешь: Атлантида!

— Этот старик — последний атлант. А пещеры — осколки некогда великой и могучей империи.

— Но ведь Атлантида была в Атлантическом океане, а это Тихий.

— Удивительный народ — скептики, — ответил снисходительно Пашка. — Ты что, веришь старику Платону, который записал туманные слова египетских жрецов. А откуда знали про Атлантиду египетские жрецы? От моряков. А куда плавали египетские моряки? В Индию и Китай. Ну и конечно, в настоящую Атлантиду, которая была расположена на островах.

— А как ты объяснишь, что он разговаривал с нами по-русски?

— Зачем объяснять? — нашелся Пашка. — Скажи, на каком языке разговаривали между собой атланты?

— Не знаю, — растерялась Алиса.

— А я вот читал в старом журнале, что русский язык в античном мире был очень распространен. Кто были этруски?

— Они жили в Италии еще до римлян.

— Вот именно. Этруски — это таинственный народ, язык которого до конца так и не удалось разгадать, даже с помощью самых современных компьютеров. Но кое-что известно. Этруски приплыли в Италию из-за моря в древние времена и построили там много городов, даже Рим. Но потом римляне их победили. И этруски куда-то делись. Один очень образованный человек, кандидат химических наук, еще сто лет назад написал статью, что этруски — это предки русских. Слышишь: эт-русски! И говорили они по-русски. Разве исключено, что они спаслись из Атлантиды, когда она утонула? И тогда все становится на свои места: атланты — это этруски, этруски — это русские, и мы с тобой по-своему атланты.

— Трудно поверить, — сказала Алиса.

— К сожалению, даже сто лет назад тому открывателю никто не поверил. И знаешь, почему?

— Почему?

— Из зависти. Каждому хочется сделать великое открытие. А если не удалось, он начинает завидовать тому, кто сделал.

— Мне трудно с тобой согласиться, Пашка, — сказала Алиса, — даже если это атланты, да к тому же этруски, неужели они столько тысяч лет говорят на современном русском языке. А мне даже стихи Ломоносова трудно читать — так язык изменился.

— Ничего удивительного, — упорствовал Пашка. — Они следили за событиями. Выныривали и подслушивали.

Алиса поняла, что Пашку не переспоришь. Она отстегнула шлем и положила его на круглый табурет. Сиденье табурета было выточено из черного дерева, а ножки — из розового коралла.

Пашка с увлечением разбирал старые монеты. Но Алисе было тревожно. Зачем надо было их запирать? Куда исчез этот старик? Станный атлант — говорит по-русски, живет под водой, дрессирует морского змея... Алиса стояла возле стола с трофеями и разглядывала вещи, надеясь отыскать какой-нибудь ключик к этой тайне. И вдруг она увидела бутылку. Пузатую зеленую бутылку.

— Пашка! — сказала она. — Что ты на это скажешь? — Она подняла бутылку и показала ему.

— Точно! — воскликнул Пашка. — Как бы сказал Шерлок Холмс: это последняя точка в цепочке тайн. Преступник найден! Этот старик вызывал нас на помощь! Это он кинул бутылку с запиской. Все ясно!

— Ничего не ясно, — сказала Алиса. — Если кинул, почему не обрадовался, когда мы пришли?

— А что, если кинул не он? — Глаза Пашки загорелись. — А что, если здесь есть тюрьма? И он держит в ней тех, кто потонул после кораблекрушения? Алиса, слушай, когда он придет, о записке ни слова! Мы объединимся с его жертвами и поднимем восстание.

Алиса только вздохнула. Пашка — хороший человек, умеет так увлечься собственной идеей, что начинает верить: это не глупая идея, а единственная и окончательная правда.

Она почувствовала, что устала. Ведь с раннего утра на ногах, подумать только, сколько всего вместились в этот день — от находки бутылки до подводного плена. А день еще только перевалил за половину.

Пашка закончил изучение монет и занялся детективной работой.

Алиса сидела устало на скамейке и смотрела, как он тщательно простукивает стены и пол.

— Камень, — говорил он деловито и делал шаг дальше. — Камень, — повторял он.

Алисе было холодно. И душно. Такое неприятное сочетание — извечный каменный холод и духота. Снять скафандр? Станет еще холоднее. «Глупая, — сказала она сама себе, — ведь в скафандре должно быть отопление!» Алиса отыскивала кнопку обогрева.

— Перегородка! — торжественно объявил Пашка. — Я же говорил!

В той стороне комнаты, где он выстукивал стену, было полутемно. Поэтому Алиса и не заметила небольшую дверь, покрашенную под камень.

Внезапно эта дверь медленно отворилась.

Пашка от неожиданности отпрыгнул.

В дверях стояла странная фигура.

Это была очень толстая, невысокого роста женщина с длинными, до пояса, черными спутанными волосами. На голове у нее сверкал золотой обруч, в который спереди был вставлен большой красный камень. Женщина была одета в зеленое, до земли, платье, расшитое золотыми рыбами и змеями. На груди в несколько рядов висели ожерелья из драгоценных камней и маленьких раковин.

Алиса не сразу разглядела ее лицо, потому что оно было скрыто волосами. На нее в упор глядели маленькие черные пронзительные глаза, близко посаженные к крючковатому острому носу. Губы были тонкие, голубые.

— Это вас Гермес поймал? — спросила женщина пронзительным голосом.

«Ага, — подумала Алиса, — значит, старик здесь не один. Атлантида населена. И все знают русский язык».

— Здравствуйте, — сказал Пашка. — Скажите, почему нас заперли?

— Потому что к нам нельзя! Это нарушение закона.

— Нам ваши законы неизвестны, — сказал Пашка. — А по нашим — людей запереть нельзя.

— А разве мы вас звали?

— Звали, — сказал Пашка.

— Я не звала. Значит, никто не звал.

— А кто вы такая, что за всех отвечаете?

— Я — наследница Афродита. Скоро Госпожа Гера умрет, и я буду править Атлантидой. Я вам нравлюсь?

— Не очень, — честно признался Пашка.

— Тогда вас придется казнить. Я здесь единственный ребенок. Больше нам детей не нужно. Тем более таких грубых.

— Я с вами не согласна, — сказала Алиса. — Я думаю, что нас лучше отпустить, и вы останетесь одна.

Наследница Афродита задумалась. Она грызла ногти и сопела.

Наконец она додумалась.

— Нет, — сказала она. — Если вы обещаете, что не будете драться со мной за трон, я вас оставляю здесь. Мне совсем не с кем играть. А у меня есть тысяча кукол. Мне папа дарит.

— Я не играю в куклы, — сказала Алиса.

— Значит, ты хочешь отнять мой трон?

И тут наследница уселась на пол и начала громко рыдать.

В дверь вбежал лысый толстяк в красной тоге. В руке у него был кинжал с хищно загнутым лезвием.

— Убийцы! — закричал он. — Не смейте обижать ребенка!

Он погрозил Пашке кинжалом, но тут же забыл о нем, кинулся к наследнице, присел рядом с ней на каменную скамью и принялся ее утешать.

Алиса не поняла, что он говорит, но по тому, как лысый толстяк гладил длинные спутанные волосы наследницы, было ясно, что он ее очень любит и расстраивается из-за ее несчастий.

Афродита, всхлипывая, опустила голову на грудь толстяку.

Пашка с Алисой молча смотрели на эту сцену, не решаясь что-нибудь сказать.

Через несколько минут наследница стала всхлипывать все тише и тише, а потом вдруг захрапела. Да так громко, что Пашка не выдержал и прыснул от смеха.

Толстяк зашипел на него, как змея. Пашка осекся. Толстяк поднатулся, подхватил наследницу под коленки, обнял другой рукой за плечи, поднял и, покачиваясь от натуги, унес из комнаты.

— Пашка, — сказала Алиса уверенно, — мне тут не нравится.

— А мне, — ответил упрямо Пашка, — даже очень нравится. Таких приключений у меня давно не было.

— Боюсь, — сказала Алиса, — что они только начинаются.

В этот момент большая дверь медленно отворилась и вошел старик, который взял их в плен.

— Скучали? — спросил он.

Старик говорил ровным голосом, будто ему все равно, скучали они или нет, хотят сидеть в каменном мешке или не хотят. Надо говорить — он говорит. А может и не говорить.

— Мы не скучали! — ответил Пашка. — У нас были гости.

— Кто? — спросил старик.

Его голова медленно поворачивалась, будто ему легче было поворачивать всю голову, чем двигать глазами. Наконец он заметил открытую дверь в глубине комнаты.

— А я забыл, — сказал он, — что тут есть вторая дверь. Госпожа Гера будет сердиться. Как же ты, Гермес, скажет она, забыл, что там есть вторая дверь? Вот мне и конец придет. Вы ведь сбежать могли.

Алиса и Пашка заметили, что старик переоделся в длинную, до земли, темно-зеленую тогу. На ней была вышита серебряная змея, которая несколько раз обвиняла старика, а ее разинутая пасть оказалась у него под подбородком. Казалось, еще секунда — и змея цапнет Гермеса за нос.

Рукав тоги был разорван и кое-как сшит серыми нитками.

Старик пересек комнату, заглянул в маленькую дверь. Там было тихо.

— Эй! — крикнул он в темноту. — На совет, на совет! Госпожа сердится.

— Жалко, что у нас нет оружия, — сказал Пашка. — Не представляю себе, как буду тебя защищать.

Старик обернулся к ним и долго смотрел, словно не узнавал.

— Вы что здесь делаете? — спросил он наконец. — Здесь чужим нельзя.

— Мы сразу уйдем, — сказала Алиса. — Только покажите нам дорогу.

— А! — вспомнил старик. — Вы за Эмпедоклюсом гонялись. Теперь вас судить будем. Наверное, засудим, правда?

— Учите, — строго сказал Пашка, — нас будут искать. И когда найдут, преступников настигнет заслуженная кара.

Алиса поняла, что Пашка вспомнил какой-то приключенческий роман.

— Настигнет — постигнет, — ответил старик. — А сверху все течет. Скоро протечет совсем, вот нам и крышка. Пошли, что ли?

4. СМЕРТЬ ПРИШЕЛЬЦАМ!

Старик вел их по скудно освещенным лестницам и коридорам. Алиса старалась запомнить все повороты, но это было невозможно: под океаном обнаружился целый подземный город... И тут Алиса ахнула от удивления.

За небольшой дверью открылся зал, второго такого на Земле не отыскать. «Наверное, — подумала Алиса, — рабы атлантов трудились сотни лет, чтобы его создать».

Зал был слабо освещен, и поэтому сначала казалось, что ты вошел в бесконечный лес. Прямыми рядами стояли колонны стволов, каждая больше метра в диаметре, вершины их исчезали в полутьме, и казалось, что там, наверху, клубится густая листва.

Когда глаза привыкли к полутьме, стало понятно, что это не деревья, а каменные столбы. Каменотесы тщательно вырезали каждую полосу коры, каждый сучок. Потолок в самом деле состоял из ветвей и листьев, но и они были вырезаны из камня. Этих гигантских каменных деревьев было столько, что границы зала скрывались в бесконечности. Когда-то деревья были раскрашены. Кора их была коричневой и золотой, листья зелеными. Но краска сохранилась лишь в отдельных местах, а там, где она облезла, был виден серый камень.

Пол в этом зале был гладким, сложенным из зеленых керамических плиток. На плитках были нарисованы цветы и бабочки, жуки и пчелы... Да так тонко, что страшно было на них наступить.

Алиса с Пашкой замерли на пороге зала. Старик же прошел вперед. Через несколько шагов, сообразив, что шаги пленников не слышны, он обернулся.

— Вы чего оробели? — спросил он. — Леса не видели?

— Кто это сделал? — спросил Пашка.

— Атланты, — ответил старик. — Старались, убивались, а зачем? Сик транзис gloria мундис, что означает: «Так проходит земная слава».

Каждый шаг гулко раздавался в каменному лесу, и от этих звуков лес казался еще необозримее.

Зал заканчивался аркой, которая опиралась на колонны из белого коралла, обвитые зелеными нефритовыми змеями.

При приближении людей двери в арке медленно раскрылись, и Алисе почудилось, что сейчас она увидит стражей в латах с кривыми мечами, как в сказках Шехерезады. Но стражей не было: за дверями оказался еще один зал.

В нем стояло множество скульптур. Некоторые из них были знакомы по учебнику античной истории.

Пашка задержался, любуясь мраморной статуей воина, поднявшего меч. Мрамор был белым, теплым, почти живым.

Следующая дверь оказалась пастью злобной драконьей рожи. Словно громадный красный язык, эту пасть перекрывал алый занавес.

Старик остановился перед ним в растерянности. Потом поглядел на Алису и сказал:

— Закрыто.

— Открыто! — послышался резкий, высокий голос изнутри.

— А вроде бы закрыто, — все еще сомневался Гермес.

Но все же откинул занавес. Алисе показалось, что чудовище облизнулось алым языком.

Алиса ожидала увидеть еще один огромный зал, но вместо этого они оказались в довольно небольшом, но высоком помещении. Всю заднюю стену занимала золо-

тая кобра. Змея свернулась кольцами и высоко, к самому потолку, подняла раздутую шею, которая кончалась маленькой злобной головой и разинутым ртом. Из рта высовывался усыпанный жемчужинами раздвоенный язык. Кольца змеи образовывали как бы сиденье трона, а шея и голова — спинку.

На троне восседала худая старая женщина с жемчужной диадемой в седых волосах. Она была одета в розовое платье, расшитое серебряными звездами. Лицо ее было голубым, глубоко запавшие глаза — черными. Женщина сидела неподвижно и сама казалась статуей.

По обе стороны трона тянулись низкие скамьи, на которых лежали плоские подушки. Справа от розовой женщины, которая, как поняла Алиса, и была Госпожой Атлантиды, на скамье сидел еще один старик. В отличие от нее и Гермеса, который привел пленников, он был одет скромно, даже бедно. На нем была серая мятая тога и серый высокий колпак. Ни одного украшения, если не считать медного браслета на правой руке.

Старик Гермес, введя пленников, спросил у Госпожи:

— Мне, что? Уйти или садиться?

— Глупый, — сказала женщина, — ты член Совета. Опять забыл?

— Он скоро забудет, как его зовут. — Человек в сером улыбнулся одними губами, глаза остались печальными.

Старик послушно поднялся на несколько ступеней и уселся на скамью по левую руку от Госпожи. И сразу задремал.

— Кто вы? — спросила женщина в розовом. — Зачем вы пришли сюда?

— Я — Алиса Селезнева, — ответила Алиса. — А это мой друг Павел Гераскин. Мы проходим биологическую практику на острове Яп, на океанской ферме.

— На ферме? — Госпожа подняла тонкие брови. Видно, ей было незнакомо это слово.

— Это такое хозяйство, — пояснила Алиса. — Там разводят морских животных, пасут кашалотов и дельфинов...

— Сколько лет тебе? — спросила Госпожа.

— Двенадцать, — ответила Алиса.

— А твоему другу?

— Мне тоже двенадцать, — сказал Пашка. — Только я

не понимаю, что происходит. Мы ничего плохого не хотели, а нас заставили сюда прийти, как будто мы пленники.

— Вы пленники, — сказала Госпожа. — Таков закон Атлантиды. Никто, попавший сюда, не уходит живым.

— Но мы не знали вашего закона, — сказала Алиса.

— Незнание закона не освобождает от его выполнения, — сказала Госпожа.

— Какие-то средневековые порядки! — возмутился Пашка. — Спускаешься под воду с исследовательской миссией, тебя хватают и еще грозят. Вы должны радоваться, что мы вас нашли.

— Интересно, — сказал мужчина в сером, — почему мы должны радоваться тому, что вы забрались туда, куда вас не звали?

— Мы же не нарочно! — воскликнул Пашка. Он уже забыл, почему опустился в подводное ущелье, и чувствовал себя невинной жертвой.

— Глупые детишки! — вдруг проснулся старик Гермес. — Лезут, не спросясь, не знают куда. Я пойду, Госпожа Гера? А то опять течет.

Он показал костлявым пальцем на потолок, и все послушно подняли головы. На потолке, когда-то побеленном и раскрашенном желтыми узорами, расплылось большое влажное пятно.

— Помолчи, — поморщилась Госпожа Гера. — Сначала Совет, сначала приговор, а потом иди куда хочешь. Я предлагаю: за нарушение закона пришельцев убить.

— Как так убить? — удивился Пашка.

— Мне лично вас жалко, — сказала Госпожа, — но я подчиняюсь Закону. Она обернулась к серому человеку:

— Что ты скажешь, Посейдон?

— Я уважаю закон, — сказал серый человек. — Но он ничего не говорит о казни детей.

— Не все ли равно, сколько лет человеку? — возразила Госпожа. — Закон ничего не говорит, потому что он относится ко всем.

— Я полагаю, — сказал Посейдон, — что самым разумным будет оставить пленников здесь. Нам нужны рабочие руки. Им все равно не убежать.

— Через час нас начнут искать! — выкрикнул Пашка. — И тут же локаторы найдут наш батискат. И еще через два часа вас будут судить уже по нашим законам.

«Какой дурак!» — подумала Алиса. Но было поздно.

— Мальчик прав, — сказала Госпожа Атлантиды. — Мы забыли о их подводном корабле. Посейдон, прошу тебя, перегони их корабль в наш ангар.

— Вы не знаете, как им управлять! — испугался Пашка. — Вы его сломаете.

— Я видел на моем веку много подводных кораблей, — улыбнулся одними губами Посейдон.

Он поднялся и обратился к Госпоже:

— Прошу мое мнение учесть при решении Совета.

— Твое мнение будет учтено, — ответила Госпожа.

— Стойте! — Пашка хотел было броситься следом за Посейдоном, но Госпожа так властно сказала: «Ни с места!», что Пашка остановился.

— А ты, Гермес, — улыбнулась Госпожа, глядя на Гермеса, который клевал носом, стараясь удержаться от дремоты, — ты понимаешь, что Закон нарушать нельзя?

— Закон для всех один, — ответил Гермес. — Закон я знаю.

— И ты согласен со мной?

— Я всегда согласен, — ответил старик. — Мне идти пора, вода капает.

— Тогда скажи: «Пришельцы приговариваются к смерти».

— А? — Старик бессмысленно смотрел на Госпожу, и у Алисы возникло желание закричать: «Не слушайте ее!»

Затем мутный взор старика переполз на Алису и Пашку.

— Кто такие? — спросил он. — Я не помню.

— Скажи, смерть!

— Это... — Старик долго жевал губами. Потом светлая мысль посетила его. — Дай их мне, — сказал он. — Будем чинить. Сил не хватает, никто мне не помогает. Я их научу. Пускай помогают, а?

— Ты ничего не понял, старый дурак! — рассердилась Госпожа.

— Куда мне понять...

Алый занавес отлетел в сторону, и в комнату ворвались толстяк и наследница Афродита.

— Почему без нас заседаете? — закричал толстяк с порога. — Опять заговор?

— Мы вас звали, — устало ответила Госпожа. — И не наша вина, что вы гуляете неизвестно где.

— Почему неизвестно где? — возмутился толстяк. — У ребенка был нервный шок.

Толстяк помог наследнице подняться на ступени, и они заняли место Посейдона.

— Меркурий, — обратилась Госпожа к толстяку, — мы судим пришельцев, которые нарушили закон и проникли в Атлантиду. Мы приговорили их к смерти. Ты согласен?

— Согласен, согласен, — быстро ответил толстяк. — Они нам угрожали. Моя девочка в опасности.

— Значит, все решено. Единогласно.

— Чепуха какая-то, — возмутился Пашка. — Я протестую. Я требую защитника!

— Правильно! — закричала вдруг наследница. — Я скоро умру от скуки. Мне не с кем играть. Мне прислали сверху детей, чтобы я играла, а злая Гера хочет их убить. Папа, прекрати!

— Да, кстати, — тут же изменил свою позицию толстый Меркурий, — почему их нужно казнить, когда моей девочке не с кем играть? Нет, я не позволю. Опять заговор против моей девочки. Гера, тебе пора уступить ей место. Ты стара и зла.

Алиса слушала эту перепалку как во сне. Такого быть не могло. Мы живем в конце двадцать первого века, когда на Земле не убивают людей. Может, они шутят? Может, это спектакль?

— Вы не понимаете! — Госпожа Гера поднялась с трона и протянула вперед руку. — Если нарушить закон единожды, закон погибнет. Погибнет закон — погибнет Атлантида. Своей властью я приказываю: Гермес и Меркурий, отведите пришельцев к внешнему люку и утопите!

Она была грозной и страшной. Казалось, что из глаз вылетают черные стрелы. Остальные в зале оробели и молчали...

Пауза тянулась долго, словно все окаменели, заколдованные.

Вдруг занавес откинулся, впуская Посейдона.

— Все, — сказал он, — их корабль скрыт. Что решил Совет?

— Совет моей властью постановил — смерть! — произнесла Гера.

Посейдон окинул взглядом комнату. Потом обернулся к Алисе.

— Это правда? — спросил он.

— Она не вправе отвечать, — сказала Госпожа Атлантиды.

— Это ложь, — сказала Алиса.

— Здесь решаю я! — Госпожа была неумолима. — Я — это закон. И много лет уже я его охраняю.

— Что ты думаешь, Меркурий? — обернулся Посейдон к толстяку.

— Я против! — воскликнул толстяк. — Моей девочке не с кем играть, а вы тут топите детей.

— А ты, Гермес? — спросил Посейдон.

— Ты о чем? Прости, я задремал, может, чего пропустил?

— Задремал или притворился?

— Пускай дети живут, — быстро ответил Гермес. — Мне помощники нужны. Ты не сердись, Госпожа, все течет, чинить некому.

— Атланты не убивают детей, — сказал Посейдон. — Решение Совета: оставить им жизнь. Ты одна против.

— Решение Совета: смерть пришельцам!

— Я увожу детей, — сказал Посейдон. — Им не следует слушать дразни стариков.

Он поднял руку, жестом приказывая пленникам следовать за ним.

Красный занавес всколыхнулся и мягко опустился сзади. Они снова оказались в зале скульптур.

Вслед неся крик Госпожи Геры:

— Они приговорены и будут убиты!

— Фапофадофажди, — сказала Алиса Пашке, пользуясь старым школьным кодом. — Фамыфаосфатафанемфася фаодфани.

— Фапофанял, — ответил Пашка.

— Фавлефасу, — сказала Алиса.

Пашка кивнул. И на самом деле, каменный лес — лучшее место, чтобы убежать.

Они миновали зал скульптур. Алиса оглянулась. Посейдон брел шагах в трех сзади, его серая тога волочилась по камням.

Вот и каменный лес.

Алиса почувствовала, как напрягся Пашка.

— Беги, — шепнула она. — Налево.

Пашка послушно бросился налево. Алиса побежала в другую сторону. Она не оглядывалась, главное было — оторваться от Посейдона. Ей казалось, что она бежит по настоящему лесу, вот только нет кустов, чтобы спрятаться. Она обогнула один ствол, второй, третий... Впереди, уходя в бесконечность, стояли такие же громадные колонны.

И вдруг со всего размаха Алиса врезалась в стену.

Она настолько не ожидала этого, что ушиблась и упала на пол.

Лес был обманом! Всего-то в нем оказалось шесть рядов деревьев, а за ними — зеркальная стена.

Алиса постаралась подняться, ноги скользили по кафельному полу, по нарисованным цветочкам и бабочкам. «Гадкий мир, — подумала Алиса, — все ненастоящее!» Сзади раздался крик.

Алиса обернулась.

Посейдон спокойно ждал в проходе между деревьями. А чуть дальше был виден Пашка, который колотил кулаками по зеркальной стене и громко проклинал Атлантиду и всех атлантов.

— Пашка, за мной! — крикнула Алиса.

Она побежала к выходу из зала. Пашка за ней.

Но выйти из зала не удалось. В его дверях стоял, нервно колотя себя хвостом по бокам и разевая розовую пасть, огромный лев.

Алиса начала отступать.

Лев сделал шаг за ней.

Кто-то толкнул Алису. Это был Пашка. Он встал перед Алисой, закрывая ее собой.

У Пашки, может быть, много недостатков. Но он никогда не оставит товарища в беде.

Лев стоял с раскрытой пастью. Пашка и Алиса замерев, глядели на льва.

Сзади подошел Посейдон и спросил:

— Ну что, набегались? Пойдем дальше?

Пленники ничего не ответили.

Посейдон поднял руку, щелкнул длинными сухими пальцами. Лев растворился в воздухе.

— Голограмма, — сказал Посейдон.

— Ага, — перевел дух Пашка. — Я так и подумал.

— Нет, — сказал Посейдон. — Ты так не подумал. Иначе бы прошел сквозь него. Идите направо.

Справа была небольшая дверь. Алиса повернула изогнутую бронзовую ручку, и дверь послушно открылась.

За дверью обнаружилась небольшая комната с длинным столом посредине. Вдоль стола были расставлены кресла с резными спинками.

На столе стояло несколько сосудов, закрытых крышками.

Посейдон закрыл за собой дверь и сказал:

— Если вам нужно вымыть руки и привести себя в порядок, туалет в соседнем помещении.

— Зачем мыть руки, если вы собираетесь нас убивать? — спросил Пашка.

— Очень неприятно убивать грязных детей, — совершенно серьезно ответил Посейдон. — К тому же здесь тепло, вы можете снять скафандры, наверное, надоело в них ходить.

Когда Пашка с Алисой мыли руки в небольшой комнате, где стояла низкая золотая ванна и из кранов в виде птичьих голов тонкими струйками лилась пресная вода, Алиса сказала:

— Знаешь что, Пашка?

— Что? — Пашка, ополоснувшись, принялся простукивать стены. Он надеялся, что можно будет убежать оттуда.

— Я думаю, что нас не будут убивать.

— В любом случае я им так просто не дамся, — сказал Пашка.

Алиса сняла скафандр и положила его на низкий каменный стол. Потом причесалась, глядя в мутное овальное зеркало. Пашка скафандра не снимал.

— Вроде бы нас собираются кормить, — сказала Алиса.

— Могут и отравить, — предупредил Пашка.

Алиса приоткрыла дверь в большую комнату. Посейдон сидел за столом, подвинув к себе один из сосудов, и мирно черпал оттуда серебряной ложкой суп. Он увидел, что дверь в туалет приоткрылась, и сказал, улыбаясь:

— Фазафахофаdifате, а то суп остынет. И в следующий раз придумайте код посложнее. Нельзя недооценивать противника.

— Вы правы, — согласилась Алиса.

Она прошла к столу и села в кресло. Посейдон подвинул ей серебряную миску.

— Надеюсь, вы употребляете в пищу суп из креветок? — спросил он.

— Спасибо, — сказала Алиса. — Я очень проголодалась.

Пашка стоял в дверях, так и не решив еще, что перевесит: голод или осторожность.

Посейдон спросил:

— Суп не остыл?

— Нет, — сказала Алиса. — Очень вкусно.

— А мне так надоела морская пища! — сказал Посейдон.

Пашка осторожно подошел к столу.

— Нехорошо, — заявил Посейдон, глядя на него, — в скафандре за стол у нас не садятся.

Алиса посмотрела на Пашку укоризненно.

— Я руки вымыл, — сказал Пашка.

Понятно было, что скафандра он не снимет.

— Ну, как знаешь, — сказал Посейдон.

Суп был не очень вкусный, подсолненные креветки плавали в жидком бульоне.

— Овощей не хватает, — вздохнул Посейдон. — Теплица вышла из строя, а починить некому.

Пашка сел за стол. В скафандре не очень удобно обедать. Но он делал вид, что всю жизнь обедает только в скафандре.

— А откуда вы знаете русский язык? — спросила Алиса.

— Я знаю все основные языки Земли, — ответил Посейдон.

Пашка съел несколько ложек супа, потом отложил ложку и сказал:

— Плохо питаетесь.

— Другого предложить не можем, — ответил Посейдон. — Кстати, я должен заметить, что, в отличие от Алисы, вы плохо воспитаны.

— Ваша наследница не лучше, — ответил Пашка.

— Вы правы, — сказал Посейдон. — Но что делаешь, она последний ребенок, мы ее избаловали.

— Ребенок! — фыркнул Пашка. — Взрослая женщина!

— Даже пожилая, — согласился Посейдон. — Но для нас она ребенок.

Он подвинул к себе сосуд поменьше, снял крышку.

— Отварной осьминог, — сообщил он. Потом достал ложкой кусок белого мяса и принялся жевать. — Как всегда, недоварен.

Алиса попробовала кусочек, но прожевать не смогла. Пашка даже пробовать не стал.

Так и закончился обед.

Затем Посейдон поднялся и произнес:

— Вы готовы идти?

— Только не вздумайте нас казнить, — сказал Пашка. — Учтите, я буду сопротивляться.

— Молодой человек, — ответил Посейдон усталым голосом, — меньше всего на свете мне хочется вас казнить. — Он помолчал и добавил: — Но осторожность не мешает.

В столовую быстро вошел толстый Меркурий.

— Я возьму обед для доченьки, — сказал он.

— Опять капризничает? — спросил Посейдон.

Толстяк только махнул рукой и начал составлять сосуды стопкой. Потом обнял стопку и осторожно понес к выходу.

— Тяжело одному воспитывать ребенка, — вздохнул Посейдон.

— А у вашей Афродиты нет матери? — спросила Алиса.

— Мать этой девочки умерла... пятьдесят лет назад.

Посейдон отодвинул миску.

— Хотите отдохнуть? — спросил он.

— Нет, мы не устали, — сказала Алиса. — Нам пора возвращаться.

— К сожалению, это невозможно. Закон велит сохранять нашу тайну.

— И сколько это будет продолжаться? — грозно спросил Пашка.

— Всю вашу жизнь, — ответил Посейдон.

— Вы хотите, чтобы я всю жизнь осьминогами питался?

— Мы же питаемся.

— Вы привыкли. А я не намерен.

— Ничем не могу помочь, — сказал Посейдон.

— Какие же вы после этого культурные люди, — воскликнул Пашка, — если вы не подумали о наших родителях? Они сойдут с ума, когда решат, что мы погибли! У вас нет совести!

— Мы не можем думать обо всех, — сказал Посейдон. — На Земле много несчастных людей и одиноких родителей. Мы — хранители великой и древней тайны. И мы не принадлежим себе. Я был бы рад покинуть Атлантиду. Но не имею права.

— Почему?

Посейдон не ответил.

5. ПРИНЦЕССА, КУКЛЫ И СИРЕНЫ

Посейдон провел их по узкому коридору в ту комнату, где они томились первый час своего плена.

— Прошу вас не выходить, — сказал он и запер за собой дверь. — Я вернусь.

Пашка прошел вокруг стола, потом улегся на скамью.

— Не переживай, Алиска, — сказал он. — Выпутаемся.

Алиса почувствовала, что устала. Она села в ногах у Пашки.

— Кто же они такие? — подумала она вслух.

— Атланты, — сказал Пашка уверенно. — Последние атланты.

— Но они знают, что такое голограмма, выходят наружу в скафандрах, говорят по-русски, как мы с тобой...

— Научились, — сказал Пашка.

— Нет, — сказала Алиса. — Я им не верю.

— Мне бы пулемет, — вздохнул Пашка. — Мы бы пробили путь наверх.

Алиса только отмахнулась. Она думала о другом. Вернее всего, у атлантов должен быть пункт связи. Обязательно должен быть. Значит, можно будет дать о себе знать... Атланты боятся, что их найдут. Значит, им есть, что скрывать.

— Где наш батискат? — услышала Алиса голос Пашки.

— Он у них в ангаре, — сказала Алиса.

— Точно! — Пашка сел на скамейке. — Мы его найдем и прорвемся. Пошли.

— Куда?

— Ты забыла, что здесь есть вторая дверь. К наследнице.

— Она шум поднимет.

— Чем мы рискуем? Хуже не будет.

Пашка прошел к маленькой двери и толкнул ее. Дверь послушно открылась. За ней оказался большой зал, совершенно темный.

— Эй! — крикнул Пашка.

«Эй-эй-эй...» — отозвалось эхо, отражаясь от далеких стен.

Когда эхо утихло, стало слышно, как, срываясь с высоты, по полу бьют капли.

— Хорошо, что я оказался сообразительней тебя и не снял скафандра, — сказал Пашка.

Он надел шлем и включил фонарь. Яркий луч улетел вдаль, но не нашел преграды, а рассеялся в темноте.

— Вот это да! — сказал Пашка. — Откуда же приходила наследница?

— Ау, — раздался голос справа. — Ау...

И тут же зазвучала медленная, нежная песня.

Она заполняла собой гулкое подземелье.

— Это вы, Афродита? — позвал Пашка.

Песня продолжалась.

Они пошли направо, стараясь держаться ближе к стене.

— Стой! — крикнула Алиса.

Но Пашка уже сам увидел, что дальше хода нет, — у ног был обрыв. Внизу чернела вода.

Песня прекратилась.

Пашка наклонил голову, чтобы фонарь светил вниз.

Вода была спокойна. Вдруг она всколыхнулась, и из нее показалась голова девушки. Длинные зеленые волосы расплескались по плечам. Лицо тоже было зеленым, глаза большие, словно у ночного животного.

Девушка подняла руку и поманила Пашку.

Рядом с ней вынырнула вторая.

И они запели. Они пели очень красиво, в два голоса, и при этом медленно плавали кругами, не отрывая взгляда от Пашки.

Пашка глядел на них завороженно, и Алисе пришлось вмешаться.

— Паш, — сказала она, — по-моему, это самые обыкновенные сирены, или морские русалки.

— Молчи. Не мешай!

— Когда-то моряки теряли голову от их песен и ныряли в воду. Только учти, вода здесь очень холодная.

— Ау, — позвала Пашку одна из русалок.

— Они хотят вступить с нами в контакт, — пояснил он.

Алиса вспомнила, что Одиссей заливал своим матросам уши воском, чтобы те не слушали песен сирен и не бросались в море.

— Может, тебе уши заткнуть? — спросила она.

— Не беспокойся, — ответил Пашка. — Неужели ты не видишь, что мною руководят научные интересы?

Но Алиса не была в этом убеждена. На всякий случай она встала к Пашке поближе.

Тут из темноты выплыл морской змей размером чуть побольше дельфина, но с длиннющей, тонкой шеей и маленькой головкой.

Одна из русалок ловко вскочила ему на спину, и оказалось, что у нее широкий, плоский чешуйчатый хвост.

— Вот это да! — воскликнул Пашка. — Морской змееныш!

Он уже забыл о сиренах, потому что проблема морских змеев его занимала куда больше.

Из озера доносился плеск, веселое уханье змееныша, визг сирен.

— Обойдем озеро с другой стороны, — сказала Алиса.

Вскоре они вышли на широкую площадку.

Площадка сбегала к самой воде, и там вдоль берега стояло несколько выдолбленных из камня корыт. Корыта были пусты. Возле одного из корыт сидели три сирены и тихонько выли. При виде Алисы с Пашкой они принялись выть куда громче, а одна стала стучать кулачком по краю корыта.

— Наверное, они голодные, — решил Пашка.

Вдруг Алиса увидела свет.

Свет вырывался из небольшого окошка, пробитого в каменной стене. Желтым квадратом он падал на склон, и казалось, что горит окно в избушке в темном лесу.

Пока Пашка разглядывал сирен, Алиса поднялась к окошку и заглянула внутрь.

Там была самая настоящая лаборатория.

На длинном белом столе стояли приборы, колбы, пульвы и баренги. У одной стены был пульт с дисплеем, вдоль другой тянулись стеклянные ниши с заспир-

тованными обитателями морских глубин. Но с первого взгляда было ясно, что лаборатория находится в полном запустении. Приборы стояли в беспорядке, большой электронный микроскоп зарос паутиной, а на окуляре сидел большой белый паук и чистил лапы. На полу валялись разбитые пробирки. В углу на круглом белом табурете сидел старик Гермес и мирно дремал, опустив голову на грудь.

— Тише, — сказал Пашка Алисе. — Пускай спит. Нам нужно скорее отыскать батискат.

Но уйти не удалось.

По берегу озера медленно брела еще одна сирена, но без хвоста и двуногая.

Зеленые волосы скрывали лицо, а зеленое платье волочилося подолом по камням. В руке она несла бронзовый фонарь.

Сирены при виде двуногой подруги отчаянно заскулили. Та зашипела на них, видно приказывая молчать.

Она кинула опасливый взгляд на светящееся окошко лаборатории и тут заметила Алису с Пашкой.

— Ой! — сказала двуногая сирена, подобрала подол платья и, похоже, хотела убежать, но нога у нее подвернулась, и русалка неловко упала.

— Бежим, — сказал Пашка. — А то сейчас сюда сбегутся.

Сирена громко рыдала знакомым Алисе голосом.

Этот шум услышал старик, что спал в лаборатории. Он с трудом поднялся с табурета и побрел к двери.

Алиса отлично понимала, что нужно бежать, но ноги сами понесли ее к плачущей русалке. Она склонилась над ней, помогая подняться.

— Афродита, — сказала она, — вы ушиблись?

— Зачем ты меня испугала! — закричала на нее наследница. — Ты меня нарочно испугала, чтобы я упала.

— Вы ошибаетесь, — возразила Алиса. — Давайте я помогу вам подняться.

— Нет, я никогда уже не поднимусь, — сообщила наследница сквозь слезы. — У меня сломана нога.

— Пашка, — позвала Алиса, — помоги мне.

Пашка не отозвался.

Алиса подняла голову, над ней стоял старик Гермес.

Он сказал что-то наследнице на своем языке, и та в ответ разразилась длинной визгливой тирадой.

Она была так возмущена, что поднялась без помощи Алисы и принялась махать кулаками перед носом Гермеса.

Зеленый парик съехал набок.

Старик тоже кричал на наследницу, сирены выли и щебетали возле пустых корыт, эти звуки поднимались, усиленные эхом, к потолку подземного зала, и Алисе казалось, что она сидит на стадионе во время футбольного матча.

Вдруг шум, как по команде, прекратился.

Старик спокойно побрел в свою лабораторию, наследница замолкла, словно ее выключили. И даже русалки-сирены утихомирились.

— Ты думаешь, я его испугалась? — спросила наследница у Алисы.

Алиса нагнулась, подняла фонарь Афродиты, который, к счастью, не пострадал, и передала его женщине.

— И вовсе я не скрывалась от него, — продолжала наследница. — Я переделалась в русалку, потому что люблю изображать русалок. Иногда я даже с ними танцую на берегу. «Где же Пашка? — тем временем подумала Алиса. — Вернее всего, он воспользовался суматохой, чтобы продолжить поиски батискафа. Это правильно. У него есть фонарь. А я пока узнаю побольше об атлантах». А вслух спросила:

— Почему же вы ссорились с Гермесом?

— А они здесь все из ума выжили, — ответила наследница. — Он ходит в эту лабораторию и говорит, что там работает. А все знают, что он только спит. Он же сто лет как все позабыл. И еще смеет кричать, что я мешаю ему ставить опыты, старый дурак!

Афродита подняла подол и стала рассматривать ссадину на коленке.

— Так я и знала, — сообщила она Алисе. — Почти до крови. Когда я стану Госпожой Атлантиды, я прикажу этого Гермеса казнить. Он мне надоел. Пошли ко мне.

— Пошли.

— А где твой мальчик? Он мне нравится.

— Мальчик ушел по делам.

— У всех дела! — капризно сказала наследница. — Как только мне мальчик понравится, у него дела. Я ненавижу мужчин.

Наследница сорвала криво сидевший парик, бросила его в озеро, и сирены, толкаясь и вереща, кинулись к нему. Их глаза хищно горели в полутьме. В мгновение ока они разорвали парик на клочки.

— Они думают, что он съедобный, — засмеялась наследница и пошла прочь от озера.

— Они голодные? — спросила Алиса, поднимаясь следом за ней.

— Еще бы, — сказала Афродита. — Что осталось в озере, то и едят. Скоро друг дружку съедят. Или змееныши их скушают, или они змеенышей скушают. Все друг дружку едят.

— А почему их не кормят?

— Самим мало, — сказала наследница. — Только Гермес иногда кормит. Но он глупый, всех жалеет.

Наследница остановилась у двери в лабораторию. Старик Гермес опять задремал.

— Тихо, не разбуди, — прошептала она, — мы через лабораторию пройдем. Тут короче.

Она подошла к стеклянному шкафу, в котором лежал свернутый спиралью скелет какой-то рыбы, нажала на угол шкафа, и тот, страшно закрипев, чуть двинулся в сторону. Наследница навалилась на него животом и позвала Алису:

— Помоги. Все тут заржавело, даже противно.

Они принялись толкать шкаф вдвоем, но он не поддавался. Наследница запыхалась и отошла. Потом схватила со стола микроскоп и запустила им в шкаф.

— Ты что! — закричала Алиса.

Но было поздно — стеклянный шкаф разлетелся вдребезги, скелет рыбы рассыпался по полу, а то, что недавно было микроскопом, раскатилось по каменному полу массой мелких деталей.

— Ой! — закричал с перепугу Гермес. — Наводнение, обвал!

Он вскочил, опрокинул табуретку, кинулся было бежать, потом сообразил, что случилось, и опечалился:

— Что ж вы наделали! Как теперь опыты ставить?

— Молчи, дурак! — огрызнулась наследница и со всего размаха ударила ногой по стойке шкафа. У того, видно, уже не осталось сил сопротивляться, и он упал, открыв проход. — Вот видишь, — сообщила Афродита, — с ними надо строже! Они все распустились.

— Кто? — спросила Алиса, входя за наследницей в открывшийся проход. Там было темно, и бронзовый фонарь в руке наследницы высвечивал занавески и тряпки, свисавшие вокруг.

— Все люди и все вещи, — сказала Афродита. — Когда я возьму власть, то приведу все в порядок. Все меня будут бояться. А Госпожу Геру, если не успеет помереть, казню.

— А что здесь было раньше? — спросила Алиса. Ей надоело слушать, как тараторит глупая наследница.

— Театр, — сказала Афродита. — Разве не видишь? Мне отец рассказывал. Я отсюда платья и парики беру.

В подводном мире было мало пыли. Только здесь, в этом проходе ее скопилось столько, что запершило в носу. И запах здесь был особый — запах пыльных тряпок.

Проход кончился небольшим обрывчиком, Алиса увидела внизу несколько рядов кресел. Наследница тяжело прыгнула вниз и поспешила по проходу между кресел. Алиса сообразила, что они спустились со сцены и оказались в зрительном зале.

— Сколько вас здесь? — спросила Алиса.

— Много, — туманно ответила Афродита. — А раньше было больше.

— Сколько?

— Ты всех видела.

Ууух-взззвиии! Что-то черное, чернее тьмы, широкое, плоское метнулось над головой — закачались, зашуршали старые занавеси.

Алиса присела от неожиданности.

— Не бойся, — сказала наследница, — они не кусаются.

— Кто это?

— Летучие собаки.

— Они тут живут?

— А где же им жить? Ты их не бойся. Ты камеусов бойся.

Наследница, пригнувшись, нырнула под низкую арку.

И тут они оказались в ее детской.

Когда-то там была театральная уборная. Вдоль стены шли узкие высокие зеркала в золоченых пышных рамах, перед каждым был столик и небольшое вертящееся кресло. Кроме того, в комнате стояло несколько пыш-

ных, правда, потертых и продавленных диванов, валялось множество ковров и звериных шкур. Но больше всего там было кукол. Фарфоровые и тряпичные, целлулоидные и деревянные, в длинных платьях и коротких распашонках, с белыми, желтыми, золотыми, черными, рыжими, зелеными волосами, а то и вовсе без волос, с голубыми, серыми, черными закрывающимися глазами и даже с пуговицами, пришитыми к розовому лицу. Одни куклы были как новенькие, а другие истрепаны настолько, что трудно угадать, какими они были раньше. Несколько самых больших кукол сидели в креслицах перед зеркалами, остальные занимали диваны, лежали на полу и под стульями. Самая маленькая куклолка сидела на подушке широкой неприбранной кровати.

— Тебе нравится? — спросила наследница, зажигая светильники перед зеркалами. — Сейчас мы будем с тобой играть.

Афродита суежилась, ей очень хотелось, чтобы гостье у нее понравилось.

— Ты у кого-нибудь видела столько кукол? — спросила она.

— Нет, не видела.

— Правильно. Потому что я наследница престола великого царства. Сегодня я люблю вот эту... — Афродита схватила с дивана деревянную, грубо сделанную большую куклу в синем коротком платье. Глаза куклы были нарисованы синей краской, а розовая краска щек почти вся облупилась. — Нравится?

— Нравится, — согласилась Алиса.

Надо признаться, что сцена была страшноватой. Пожилая, толстая, лохматая женщина прыгала по комнате, хватала кукол, совала их под нос Алисе и требовала, чтобы гостья восхищалась.

— Откуда у вас столько игрушек? — спросила Алиса.

— Это все игрушки сверху, — сказала наследница. —

Когда папа был молодой, он специально их искал. Больше всего собрал с утонувших кораблей. Меня все так баловали, так любили, даже больше, чем сейчас. Когда я маленькая была, Посейдон устроил у себя в узле связи пункт наблюдения. Как только ловили сигнал SOS, сразу посылали туда субмарину. Корабль еще не успеет до дна спуститься, а дядя Посейдон с папой уже идут по

каютам: ищут, ищут, собирают кукол, чтобы меня порадовать...

Афродита захохотала, но тут же закручинилась и добавила:

— А когда субмарина сломалась, больше кукол не стало... Правда, жаль? Ведь столько тонет детей, куклы им не нужны, а мне ничего не достается.

Алиса поежилась. Она все больше убеждалась, что наследница не совсем нормальная. В бабушки годится, а всерьез думает, что осталась девочкой.

— А где ваша мама? — спросила Алиса.

— Ее камеусы сожрали, — сказала наследница, — но давно, я еще маленькая была. Только я тебе не скажу, сколько лет назад.

— Почему?

— Чтобы ты не догадалась, что мне пятьдесят лет. Или сорок. А может, двадцать.

Афродита отбросила куклу в сторону, та ударилась головой в высокий железный подсвечник без свечей, отлетела к погнутому, ободранному игрушечному паровозу и замерла.

«Где сейчас Пашка? — подумала Алиса. — Столько времени прошло, а я так ничего и не узнала».

— Возьми эту куклу, она больная, за ней надо ухаживать, — сказала наследница и протянула Алисе лысую куклу, которая долго пробыла в воде. — Качай ее и утешай, а я сделаю нам с тобой постельку.

— Зачем? — спросила Алиса. — Я не хочу спать.

— Ты будешь теперь спать со мной, — сказала наследница. — Ты всегда будешь спать со мной, или я тебя убью. Качай ребенка!

Алиса принялась покачивать куклу.

— Афродита, — попросила она, — расскажите мне про вас.

— Нельзя. Чужим рассказывать про нас нельзя.

— Закон не разрешает?

— Еще чего не хватало! — закричала наследница. — Знать не хочу этого отвратительного закона!

— Но Госпожа Гера главнее всех?

— Ой, какая ты вредная девочка! — изумилась наследница. — Ты меня все время обижаешь. Не буду с тобой дружить! Ты лишена моей милости. Отдай куклу!

Алиса протянула ей куклу.

Наследница взяла куклу за ногу и остановилась посреди комнаты в задумчивости.

— Очень странно, — сказала она. — Оказывается, мне нечего рассказывать.

— Расскажи, кто вы такие, откуда сюда попали...

— Но я не знаю, откуда мы сюда попали. Мы здесь всегда! Это наша Атлантида. Она всегда была и всегда будет. Самая великая страна в мире. И я в ней самая главная!

— А почему вас раньше было много и даже был театр, а теперь мало?

— Театр был... было светло. Много света. Была субмарина, и папа брал меня на ней кататься. Мы поднимались наверх, и я видела звезды... Ты видела звезды?

— Я живу наверху.

— Жила, — поправила ее наследница. — Отсюда еще никто не уходил.

Она всхлипнула и закашлялась.

— Были люди, — повторила она, — много. И мне давали конфеты. И мы делали музей... А где все это? Почему этого нет? Не знаю...

Афродита стояла посреди комнаты, раскачивая за ногу облезлую куклу. Потом уронила ее на пол.

Алиса стала размышлять, как лучше сбежать от наследницы и заняться поисками Пашки, но тут события приняли неожиданный оборот.

В детскую вошел, задыхаясь от быстрой ходьбы, толстяк Меркурий.

Он закричал что-то с порога и, не умолкая, кинулся к Афродите. Алису он не заметил, видно, принял ее за одну из кукол.

Но, толкнув ее, сообразил, что наследница не одна, испугался, схватился за сердце.

— Почему ты здесь? — спросил он у Алисы.

— Ваша дочь привела меня сюда.

— Тогда я спрашиваю, почему вы не заперли дверь? Вы что, забыли, что сегодня полнолуние и камеусы выходят из своих нор?

— Я ничего не знаю про камеусов, — сказала Алиса.

— Когда узнаешь, будет поздно, — сказал толстяк.

Он прошел к двери, которая вела в театральный зал, и запер ее на засов. Потом вернулся к той дверце, сквозь которую вошел. Запер ее тоже.

— Скажите, пожалуйста, что такое камеус? — спросила Алиса. — Я волнуюсь за Пашку. Он пошел искать наш батискат. Он же ничего здесь не знает.

Толстый Меркурий не ответил. Он попытался погладить по голове свою дочку, но пальцы запутались в ее волосах, и он с трудом выдрал их оттуда.

— Ты мне голову оторвешь! — взвизгнула наследница.

— Я пошла, — сказала Алиса. — Только объясните, где искать наш батискат?

— Не знаю, — сказал толстяк. — Уходи скорее. Мне надо утешить ребенка.

Он отворил дверь за занавеской и подождал, пока Алиса выйдет.

И тут же Алиса услышала, как щелкнул засов.

Алиса совершенно не представляла себе, куда идти. Поэтому она потеряла полчаса, блуждая по коридорам, пока не попала еще в один обширный зал.

Зал был похож... ни на что он не был похож!

Если это была свалка, то зачем свозить сюда целые и даже ценные вещи? В полутьме вырисовывались контуры неожиданных в подводном царстве предметов. Настолько неожиданных, что порой Алиса даже не сразу узнавала их. Что это за длинный стеклянный ящик с перегородками и черным квадратом на внутренней стенке? Да это старинная телефонная будка! А это? Словно плавник гигантской акулы? Хвост самолета столетней давности. А это? Контрабас. А это? Спортивная штанга. А это? Ну что? Такое знакомое... Башня танка? Склад? Или музей?

Конечно же, догадалась Алиса, много лет атланты собирали в морях то, что утонуло вместе с кораблями. А корабли, как известно, перевозят по морям все, что делают люди.

...Нечто громоздкое, темное, необъятное нависало над Алисой, перегораживая путь. Алиса подняла глаза и встретила взглядом со страшной мертвой головой существа, которое висело, прибитое спиной к этой громадине.

Алиса ахнула и метнулась назад.

И тогда сообразила: перед ней стоял, подпертый бревнами, целый парусник, на носу которого под_буш-притом была прикреплена деревянная фигура, как было

принято делать на парусниках в давние времена.

Борта парусника поднимались на высоту трехэтажного дома. И в темноте, уходя к невидимому потолку, тянулись мачты с обвисшими серыми парусами. Как попал сюда такой большой корабль?

— Как ты сюда попал? — спросила Алиса вслух, обращаясь к деревянной фигуре. Та не ответила.

Но эхо подхватило негромкий вопрос и начало таскать, искажая, эти звуки по залу музея.

Зашуршали ткани, заскрипели доски, зазвенели медные котлы. Казалось, что вещи ожили, зашевелились, зашептались: здесь чужая, здесь живая девочка в мире умерших вещей...

И казалось, они начали сдвигаться все ближе, ближе, тянуть к ней невидимые лапы, чтобы не выпустить, навсегда оставить в этом промозглом, захламленном мире.

Алиса замерла, стараясь подавить ужас, который поднимался в ней. Замерли и вещи. Они подстерегали ее движение.

Алиса не знала, в какую сторону идти дальше. Она стала осторожно оглядываться, чтобы отыскать проход в лабиринте.

И тут она услышала осторожные шаги.

Кто-то медленно, крадучись, приближался к ней.

Алиса сделала осторожный шаг. Еще один.

Остановилась.

Тот, кто преследовал ее, тоже остановился. Прислушивался.

Звук в этом зале распространялся так причудливо, что нельзя было угадать, с какой стороны приближаются шаги.

Скрипнула доска под чьей-то ногой.

И снова нависла тишина, которая казалась более зловещей, чем любой звук.

Стоять на месте и ждать, когда тебя поймут, было еще страшнее, чем куда-то идти.

Алиса разглядела проход между кораблем и грудой ящиков и вошла в него. Единственный светильник, горевший как бы в воздухе, над парусником, рождал длинные черные тени.

Алиса шла все быстрее, стараясь ступать на носки, но даже самое слабое шуршание подошв разносилось, усиливаясь, по музею.

Наверное, ей теперь никогда не выйти отсюда. Надо закричать. Надо позвать...

Алиса все ускоряла шаги...

И вдруг, впереди, она уловила быстрое движение. Кто-то, увидев ее, спрятался за ящик.

Может, показалось?

Алиса бросилась назад. Только не оборачиваться...

Сзади шаги. Ее догоняют.

И тогда Алиса стремглав, спотыкаясь, помчалась вперед. Куда угодно, только убежать!

Но преследователь не отставал. Сквозь бешеные удары сердца, сквозь шум собственного частого дыхания Алиса слышала шаги.

Впереди показался яркий свет.

Скорее туда!

Но на пути Алисы возникла высокая черная фигура.

Алиса попыталась остановиться, нырнуть куда-нибудь в сторону.

Но не успела.

Человек, который подстерегал ее, быстро протянул длинную костлявую руку и схватил Алису за плечо.

— Стой! — сказал он.

Алиса забилась, как птенец, попавший в силки. Но человек держал ее крепко.

— Уходи, — сказал он громко кому-то. — Уходи и не навлекай на нас позора.

Алиса с трудом различала эти слова, голова кружилась от страха, и удары собственного сердца были как удары грома.

— Не бойся, девочка, — сказал тот же голос. — Ты в безопасности.

Алисе было так страшно, что она не сразу поняла смысл этих слов. Она замерла, словно окаменела, глядя назад.

И увидела, как розовое платье мелькнуло рядом с кораблем и растворилось в темноте. И оттуда из темноты вылетела серебряная молния. Человек, что держал Алису, дернул ее в сторону и пригнулся сам.

Раздался удар и звон.

Острый загнутый нож с золотой рукоятью ударился острием о радиатор старинного автомобиля и упал на каменный пол.

— Как грустно, — произнес человек, державший Алису, — как стыдно...

Сначала Алиса узнала голос, а подняв голову — и человека.

Это был Посейдон.

— Пойдем, девочка, — сказал он. — Она не вернется.

— Это была Госпожа Гера? — спросила Алиса.

— Да, — ответил Посейдон. — И она хотела тебя убить.

Посейдон вывел Алису из музея.

Он шел быстро, держа Алису за руку. Алиса еле поспевала за ним, ноги были как ватные. В жизни так не пугалась.

— Куда мы идем? — спросила она.

— Ко мне.

Посейдон достал из кармана серого плаща большой ключ, схожий со штопором, и вставил его в почти невидимое отверстие в стене коридора. Раздался щелчок, и часть стены провалилась в пол.

— Это самое тайное место Атлантиды, — сказал он. — Мы рассчитывали на то, что даже если люди проникнут сюда, они не найдут этой двери.

В лицо Алисе ударил яркий свет. Ей показалось, будто в мгновение ока она перенеслась из Атлантиды в обыкновенную комнату обыкновенного института на Земле.

И если бы не длинная, до земли, серая тога, Посейдон был бы самым обыкновенным земным профессором, который пригласил Алису к себе в лабораторию.

Посейдон снял серый колпак, поправил ладонью неровно остриженные седые волосы и сказал:

— Сюда, в мое хозяйство, я никого не допускаю.

Он провел Алису в следующую комнату. Это был пункт связи. В линию вдоль стены на низком столе тянулись телевизионные экраны. Они были окружены овальными золотыми рамами в виде змей.

— Сколько здесь змей! — сказала Алиса. — Почему?

— Традиция, — ответил Посейдон. — Наследие Атлантиды. Атланты поклонялись Великому змею.

— Зачем эти экраны? — спросила Алиса.

— Это мониторы, — ответил старик. Он уселся в удобное вращающееся кресло и указал Алисе на соседнее. — Садись, у тебя, наверное, много вопросов.

— Да, — сказала Алиса. — У меня тысяча вопросов, но сейчас меня больше всего беспокоит, где Пашка.

Он побежал искать батискат и пропал. Раньше я не так боялась, а теперь очень за него волнуюсь.

— Сейчас проверим, — сказал Посейдон.

Он протянул руку и включил один из мониторов.

По экрану побежали зеленые полосы, и Посейдону пришлось долго настраивать его, прежде чем картинка стала нормальной.

— Все в небрежении, — вздохнул Посейдон, — остался один механик, но ты же видела, в каком он состоянии.

— Вы имеете в виду Гермеса?

— У него очень плохо с памятью. И ослаб он сильно. Его только и хватает на то, чтобы латать щели.

На экране монитора был виден большой, плохо освещенный зал. Три его стены были каменными, а четвертая, блестящая, гладкая, — стеклянной. За ней плескалась вода.

— Это ангар, — сказал Посейдон. — Там, за перегородкой, наша сломанная субмарина и ваш батискат. Сейчас ты увидишь.

Посейдон нажал кнопку на пульте, и яркие прожектора загорелись в том зале, пронзая толщу воды. Алиса увидела, что за перегородкой находятся два корабля. Один из них незнакомый, похожий на акулу. Второй — батискат.

— Как видишь, — сказал Посейдон, — ваш корабль цел и в безопасности.

— А где Пашка? — спросила Алиса.

— Он должен будет сюда прийти, — сказал Посейдон. — Он уже час бродит по нашему городу.

— Вы его видели?

— Еще недавно он был в музее.

Посейдон набрал комбинацию из цифр на пульте, и на соседнем мониторе появился длинный коридор.

— Ой! — воскликнула Алиса. — Это же Пашка!

И в самом деле по коридору шагал Пашка. Он был в скафандре, шлем откинут за спину, вид серьезный и целеустремленный.

— Он идет правильно, — сказал Посейдон. — Скоро будет у ангара. Не беспокойся.

— Пойдемте к нему!

— Не спеши. Ему сейчас ничто не угрожает.

— А Гера его не найдет? — спросила Алиса.

— Не беспокойся, мы его не выпустим из виду.

А когда нужно, придумаем, как ему помочь.

— А сейчас нельзя помочь?

— Сейчас еще нельзя.

— Почему?

— У нас с тобой есть более важное дело, — сказал Посейдон.

— Спасти Пашку — самое важное дело.

— Ты ничего не знаешь!

— Я еще мало знаю, — сказала Алиса, — но уже начинаю что-то понимать.

— Что?

— Вы здесь как мастодонты, как вымершие динозавры. Я не знаю, сколько лет вы уже живете под водой, но, наверное, вас раньше было много, а теперь почти никого не осталось. Даже ваша девочка уже старуха. Вы меня извините, пожалуйста, что я так с вами разговариваю, но мне кажется, что вы все немного ненормальные. Почему вы не поднялись наверх? Вас очень хорошо встретят. У нас хорошая жизнь. Вы будете лечиться в санатории и, может, даже писать воспоминания. Представляете, как интересно — Записки последнего атланта! И по телевизору будете выступать. Я думаю, что вы много знаете, а если вы умрете от старости или ваш потолок рухнет, то все ваши знания пропадут.

Посейдон слушал серьезно, склонив голову, и чуть кивал, соглашаясь со словами Алисы.

— Наша последняя субмарина, — произнес он, — вышла из строя пятьдесят лет назад. Мы заточены здесь. Мы пленники Атлантиды.

— Но теперь же все изменилось! Мы поднимемся в нашем батискате!

Посейдон отрицательно покачал головой.

— Но почему же? — воскликнула Алиса. — Не так важно, кто живет под водой, а кто на суше. Это наша общая Земля, и вы должны чувствовать себя патриотами!

— Милая, наивная девочка! — вздохнул Посейдон. — Ты так ничего и не поняла.

— Чего я не поняла?

— Если я тебе раскрою тайну, меня ждет смерть. Это самый главный наш закон. И я не могу его преступить.

— А если не раскрывать тайну? — спросила Алиса.

— Если не раскрывать, то мы останемся здесь и не

сможем отпустить вас. И мы умрем, скоро умрем, потому что надежды не осталось. Но и вы умрете с нами.

— Что за глупая тайна! Что за глупый жестокий закон! — воскликнула Алиса. — Не может быть закона, который обрекает людей на смерть ни за что.

— Твоими устами говорит разум, — печально ответил Посейдон. — Но я воспитан в почтении к закону. И тот, кто правит нами, ставит закон выше жизни.

— Розовая Госпожа?

— Да, Гера.

— А какое она имеет право губить вашу жизнь? Я разговаривала с Меркурием. Он так переживает за свою дочку. И в самом деле, вы слышали, как она кашляет? Ей обязательно нужно на свежий воздух, ее надо лечить, а она сидит здесь.

— Меркурий выжил из ума, — сказал Посейдон. — Мы как маленькая стайка старых скорпионов...

Посейдон включил третий монитор. И они увидели зал Совета Атлантиды.

На троне-кобре сидела Гера. В руке она держала черную шкатулку.

— Так я и знал! — воскликнул Покейдон. — Она нас ищет!

Он ударил ладонью по ряду кнопок, и возник страшный шум, будто невпопад, без нот заиграл духовой оркестр.

Алиса зажала уши.

Посейдон поманил Алису за собой в небольшую нишу, там жестом велел сесть на стул. Потом выключил свет. Лишь огоньки на пульте да зеленые экраны мониторов чуть освещали его лицо.

Голова Посейдона наклонилась к Алисе.

— Я не могу рисковать, — прошептал он ей на ухо. — Она не должна услышать.

Голова Алисы раскалывалась от шума.

— Я боюсь ее, — продолжал Посейдон. — Она убила многих. Тех, кто хотел подняться к людям, тех, кто отказался ей подчиниться. Она безжалостна, в ней не осталось ничего человеческого.

Губы Посейдона дрожали, голос срывался.

— Я открою тебе тайну, потому что хочу, чтобы ты ушла отсюда, — продолжал он. — Иначе Гера скоро уничтожит нашу станцию. Есть такой пункт в Законе: если

спасти станцию нельзя и угроза раскрытия неотвратима, начальник станции обязан ее уничтожить. Как только Гера решит, что надежды нет, она это сделает. Поэтому ты должна знать правду.

И в темной нише, при неверном свете экранов, под грозную, нестройную музыку, Алиса услышала историю Атлантиды.

6. ТАЙНА АТЛАНТИДЫ

Три тысячи четыреста лет назад на Землю прилетела экспедиция с планеты Крин.

Мудрая цивилизация той планеты уже давно вышла в космос и овладела секретом межзвездных полетов.

Она посылала корабли во все концы Галактики. Но эти экспедиции подчинялись строгому Закону: если жители какой-нибудь планеты еще не вышли в космос, если они не готовы к космическим контактам, изучение планеты должно проводиться в строжайшей тайне. Никто там не должен догадаться, что за ними ведется наблюдение. Иначе развитие планеты нарушится, и это может привести к печальным последствиям.

Когда криняне прилетели к нам, на Земле лишь начала развиваться цивилизация. Первые государства создавались в Египте, на острове Крите, в Индии и Китае. А севернее, в лесах Европы, лишь маленькие поселки охотников и рыболовов возникали на берегах рек.

Криняне были настоящими учеными, они внимательно записывали, снимали на пленку все, что происходило на Земле. На их глазах происходил удивительный феномен — рождение великой цивилизации.

Больше всего кринян интересовала Атлантида. Атлантида, слухи о которой дожили до наших дней, была богатым государством. Она лежала на островах Полинезии. Корабли атлантов бросали якоря у острова Пасхи и берегов Америки, ходили в Китай и Индию, достигали Аравии, огибали Африку и посещали Средиземное море. Но однажды, более трех тысяч лет назад, в Тихом океане произошло страшное землетрясение, и Атлантида погрузилась в глубины вод. Могучее государство пропало бесследно.

Эта трагедия произошла на глазах кринянских наблюдателей. Они ничем не могли помочь атлантам, даже их возможностей не хватило бы, чтобы остановить бедствие. К тому же строгий Закон запрещал вмешиваться в дела землян.

Когда Атлантида погибла, криняне начали исследовать утонувшую страну. Они опускались в подземные храмы и пещерные города Атлантиды. Потом кто-то догадался, что из подземной части столицы атлантов можно откачать воду, сделать непроницаемые переборки и таким образом спасти часть сокровищ погибшей страны. Что они и сделали.

И тогда криняне сообразили: подводная Атлантида — идеальная база для их экспедиции. Земляне никогда не найдут ее. С тех пор, уже три тысячи лет, подземные залы утонувшей страны существуют как база космической экспедиции кринян.

Шли годы и столетия. Каждые пять лет менялся состав станции. Ее мониторы могли наблюдать, что происходит в разных концах Земли, подводные корабли доплывали до любого уголка нашей планеты, спутники снимали картины битв и праздников.

По мере того как земная цивилизация развивалась, положение кринян становилось сложнее. Людей на Земле становилось все больше, они уже освоили свою планету, росли города, строились заводы, на полях сражений грохотали пушки...

По расчетам кринян, Земля уже подходила к критической точке своего развития. Это бывает почти с каждой планетой: на ней скопилось много опасного оружия, скоро люди изобретут и атомную бомбу. Немало было в космосе цивилизаций, которые не смогли справиться с этой страшной опасностью и погибли. На других планетах удавалось преодолеть этот рубеж — запретить оружие и перейти к мирной эпохе.

На Крине понимали, что лет через триста подводную базу придется закрыть.

Если для землян триста лет — срок немыслимо длинный, то для кринян, которые живут дольше, он не так уж велик.

И вот в апреле 1818 года в тропической части Тихого океана опустился космический корабль, который должен был забрать ученых, что прожили на Земле пять лет, и

заменить их новой сменой. Смена состояла из сорока молодых, энергичных, жаждущих работы, любознательных и очень образованных ученых. Были среди них биологи, химики, сейсмологи, электронщики, был экипаж подводной лодки и даже ремонтник. Сорок человек — двадцать шесть мужчин и четырнадцать женщин.

Прилет этого корабля и наблюдал капитан брига «Рочестер».

Ученые приняли дела у предыдущей смены, подивились на подземные залы и храмы атлантов, обошли музей, где скапливались столетиями предметы земной цивилизации, проверили лаборатории и, собравшись в главном зале Совета, вслух повторили клятву: «Никогда не преступать Закон. Никогда и никому не раскрывать своей тайны. А если случится невероятное и кто-то из землян проникнет в Атлантиду, члены экспедиции должны притвориться, что они и есть атланты, — чудом пережившие катастрофу жители древней страны».

Члены экспедиции много работали, изучали нашу планету, следили за тем, что происходит в мире, снимали фильмы, собирали образцы земной техники и искусства — в этом им помогало море, пожирая корабли и даря исследователям все, что было в их трюмах.

В Атлантиде была большая биологическая станция. Если какому-нибудь виду морских животных грозило истребление, то криняне брали к себе последних животных этого вида и сберегали их в своем зоопарке. Поэтому в подземном озере станции жили морские змеи, сирены и морские коровы. А семья взрослых морских змеев обитала в трещине, на дне которой скрывался вход в Атлантиду. Змеи были приручены и узнавали своих хозяев...

В этом месте рассказа Алиса вспомнила, как на них с Пашкой напал морской змей. Посейдон улыбнулся и сказал, что змей не напал. Он принял их за обитателей станции и решил поиграть.

И тут Посейдон перешел к самой главной и печальной части своего рассказа.

Прошло пять лет.

Вот-вот должен был прибыть корабль с Крины со сменой.

Ученые уже собрали материалы, которые они отвезут к себе домой, сортировали записи, паковали пленки и

образцы, попрощались со своими питомцами в подводном зоопарке, облетели те места Земли, которые успели полюбить, а корабля со сменой все не было.

Месяц шел за месяцем, но никаких вестей из дома.

К сожалению, на базе не было космического передатчика. Никакой сигнал не достигнет другого конца Галактики.

Месяцы превращались в годы, годы — в десятилетия.

Ожидание перешло в отчаяние.

Если сначала была надежда, что корабль со сменой погиб в пути и вместо него прилетит другой — может, через год, может, чуть больше, — то через десять лет последняя надежда пропала. Что-то страшное случилось на родной планете исследователей...

— А когда должна была прилететь смена? — спросила Алиса.

— В 1823 году.

— Но сейчас же 2088 год!

— Мы живем под водой двести семьдесят лет!..

Посейдон продолжил свой печальный рассказ.

Станция могла существовать вечно. Энергию давал термоядерный реактор, пресную воду синтезировали опреснители, море дарило пищу.

Станция-то была вечной, но ее обитатели вечными не были. Кто-то из ученых погиб, кто-то умер от болезни или сошел с ума от тоски. Одно дело — работать на подводной станции и знать, что ты в конце концов вернешься домой, совсем другое — понимать, что ты никогда уже не выйдешь из-под воды, что, вернее всего, твоя родная планета погибла.

— Надо было выйти к нам, — сказала Алиса, — и все объяснить.

— Кому объяснить? — спросил Посейдон. — Представь себе, что в 1860 или в 1870 году из-под воды появляются странные существа с голубыми лицами и рассказывают, что они — пришельцы с другой планеты. Нас просто могли убить.

— Ну, а позже?

— А позже мы все, кто остался в живых, стали стариками. Даже наши дети стали стариками. Да и мало детей рождалось в подводном царстве. Из первого поколения нас осталось трое: я, Гермес и Гера. Толстяк Меркурий — мой племянник. А Афродита — третье поколе-

ние. Это последний ребенок Атлантиды, она родилась всего девяносто лет назад.

— Девяносто? А она мне сказала, что ей пятьдесят лет.

— Бедная девочка молодится. Она скрывает свой возраст.

— А сколько же лет вам?

— Мне скоро будет триста лет, — ответил Посейдон. — И мой жизненный путь подходит к концу.

Он замолчал. Все так же гремел оркестр и перемигивались огоньки на пультах.

Передохнув, Посейдон продолжил свой печальный рассказ.

Чем меньше оставалось на станции кринян, тем меньше она была похожа на научную станцию. Какой смысл проводить исследования, если их результаты никогда и никто не узнает? Постепенно ломалось оборудование, приходили в негодность приборы. К концу двадцатого века на станции осталась одна действующая субмарина и ни одного летательного аппарата. Потом последняя субмарина вышла из строя. Теперь даже при желании последние жители Атлантиды не смогли бы подняться на поверхность моря. Вымер и зоопарк. Лишь сирены да морские змеи чувствуют себя привольно. Он, Посейдон, единственный из наблюдателей продолжает работу. Не потому, что она нужна, а чтобы не сойти с ума.

— Ничего не понимаю! — воскликнула тут Алиса. — Вот появились мы с Пашкой. Вы должны просить нас: скорее, скорее поднимемся наверх!

— Все не так просто, — сказал Посейдон. — Ты очень молода, Алиса, и не понимаешь, как рассуждают очень старые люди. У нас есть Закон. В нем написаны все правила, по которым мы должны жить. Когда-то он был полезен. Закон приказывал нам работать, Закон предписывал подчиняться дисциплине и выполнять решения Совета. Представь себе: под водой, на немыслимой глубине, без надежды выйти наружу живут несколько человек. У них свой мир, совсем иной, чем на Земле или на несчастной Крине. У нас здесь как бы собственная планета. И на ней, как на планете, есть правительство и есть граждане. Если у людей нет настоящего дела, они его придумывают. Мне легче других, я с грехом пополам

продолжаю свои наблюдения. Старик Гермес следит, чтобы вода не прорвалась в подземелье. А Госпожа Гера правит нашим миром в постоянной борьбе с толстяком Меркурием и его глупой дочкой. Они борются за власть. Не улыбайся, Алиса, ты не знаешь, что порой власть людям кажется важнее работы, даже важнее жизни. Так случилось потому, что мы — пленники собственного мира. Для Геры Закон стал богом. Пока действует Закон, она правит Атлантидой. Пока она правит, она жива. Сто лет назад двое из нас, зная, что Земля уже вышла в космос, хотели подняться на поверхность и рассказать обо всем людям. Гера узнала об этом. И был суд. Она потребовала на Совете казни предателям за нарушение Закона. Я тогда выступил против этого жестокого решения, но люди были приговорены к смерти. Я был уверен, что приговор — пустая формальность. Кто и как будет казнить своих товарищей? А на следующий день этих людей нашли мертвыми. Никто не признался в том, что совершил злодеяние. Но я убежден, что их отравила Гера. Ради чего? Ради власти...

— Но неужели вы не пытались дать о себе знать? — спросила Алиса. — Тайком от нее?

— Я — кринянин и подчиняюсь Закону, — сказал старик.

— И вы никогда не кидали в воду бутылку?

— Что за глупая мысль?

— Мы спустились сюда, потому что нашли бутылку с вашими координатами.

— Этого не может быть!

— И все-таки было, — сказала Алиса. Она жалела старого ученого. Он как будто закован в невидимые цепи. И не знает, что хуже: остаться и умереть здесь или уйти отсюда...

— Давайте поглядим, где Пашка, — сказала Алиса. — Он уже, наверное, в ангаре.

7. ПОБЕДА ГОСПОЖИ ГЕРЫ

С тех пор как Пашка расстался с Алисой, убежав от озера сирен, он многое увидел. И чем больше он видел, тем больше удивлялся и запутывался в своих версиях.

Он был в заброшенном театре, но не догадался, что это театр. Он видел засохший, темный сад, где шур-

шали ветвями мертвые деревья и рассыпались под ногами хрупкие стебли травы. Он увидел странную мастерскую реставраторов. Там когда-то старались возродить произведения искусства, найденные на утонувших кораблях — чистили от кораллов и ржавчины, укрепляли, паяли, восстанавливали обычные и необычные предметы: ложки, тарелки, часы, картины, скульптуры и даже одежду.

Потом Пашка заблудился, попал в нежилую часть пещерного города и с трудом нашел путь назад. Он спугнул стаю летучих собак, видел белого подземного червя, похожего на канат...

Только на исходе часа Пашка оказался в том музее, где Алиса пережила несколько страшных минут.

Он, конечно, спешил, но, когда увидел гигантский склад трофеев, задержался там, потому что заметил парусник.

Пашка много читал о пиратах и мореплавателях и потому сразу определил, что в музее стоит непонятно как перенесенный туда атлантами испанский галеон семнадцатого века «Сарагосса». На оружейных палубах галеона сохранились тридцать две пушки, в каюте капитана — мореходные инструменты, его треуголка и серебряный бокал, а в трюме — груз пряностей и китайского фарфора.

Понятно, что Пашка обследовал галеон от клотика до трюма, потерял на это полчаса, но ничего с собой поделать не мог. Он даже поднялся на верхнюю палубу, увидел там штурвал и постоял, держась за него и воображая, что паруса надуваются над головой и пассат подгоняет «Сарагоссу» к Молуккским островам, чтобы сразиться там с голландским корсаром, что разгромил испанскую факторию...

Пашка был так погружен в собственные мысли, что не слышал осторожных шагов Алисы. И не заметил ее преследовательницу. Иначе он, разумеется, вмешался бы в ход событий. Тем более что через плечо у него висела перевязь с коротким морским абордажным палахом и он мог дать бой любому пирату.

А когда Алиса, умирая от страха, бежала по проходу между роялей, машин, ящиков, танков, статуй, тюков с бархатом, якорей, кроватей, столов, компьютеров, связок копры, Пашка, все еще воображая себя капитаном

Хуаном Диего Суаресом, спускался по трапу с другой стороны фрегата.

Он слышал шаги, даже голоса, но меньше всего хотел встретить кого-нибудь из атлантов. Поэтому поспешил прочь от голосов и вышел из музея.

И вскоре он достиг цели.

Зал, в который попал Пашка, был разделен пополам прозрачной перегородкой. По ту сторону перегородки была вода. Зал был совсем пуст, если не считать сваленных в кучу каких-то баллонов и инструментов, а недалеко от перегородки — небольшого пульта, схожего с пюпитром, какой стоит перед дирижером в оркестре.

Вода за перегородкой была темно-зеленой.

Пашка включил шлемовый фонарь и подошел к перегородке.

Луч пронизал толщу воды и высветил узкую, похожую на акулу подводную лодку. Она лежала на дне. За ней, туда луч доставал с трудом, Пашка угадал очертания батиската.

Пашка обрадовался батискату, как родному брату.

— Здравствуй, — сказал Пашка вслух.

Но как проникнуть к батискату? Как проверить, цел ли он? Как вывести его отсюда наверх?

Может, вернуться в город атлантов за Алисой?

Пашка подошел к пульту. «Проверим, как действует система, — сказал он себе. — Ведь наверняка атланты как-то выходят наружу».

Возле кнопок на пульте были надписи на непонятном языке атлантов.

Пашка нажал на крайнюю кнопку справа.

Ничего не произошло, только где-то сверху раздалось слабое жужжание и на пульте загорелся зеленый огонек.

— Как я понимаю, — раздался голос, — ты намерен затопить наш город.

Пашка обернулся.

За его спиной, скрестив руки на груди, стояла Госпожа Гера.

Ее большие черные глаза смотрели сурово, белые волосы обрамляли голубое лицо и розовое платье мягкими складками касалось пола.

— Ты хочешь нам отомстить? — спросила женщина.

Она говорила совершенно серьезно. Пашка даже удивился.

— Почему я должен мстить? — сказал он. — Я хотел узнать, как попасть к нашему батискату.

— Пойми меня, мальчик, — сказала женщина, — мы живем здесь вдали от всех людей, мы никому не мешаем, никого не трогаем. Нам нужно только, чтобы нас оставили в покое. Если вы выйдете наружу, вы сразу же приведете за собой своих друзей, и наша Атлантида погибнет.

— Почему? — удивился Пашка. — Если хотите, живите здесь. Но мне кажется, вы не очень хорошо живете.

— Мы живем по нашим древним законам.

— Вы, наверное, не представляете себе, как мы живем там, наверху, — сказал Пашка. — Вы оторвались от действительности. Может, в ваши атлантические времена люди враждовали, мешали жить друг другу. Но теперь на Земле мир, все сыты и даже нет армий. Вы не бойтесь. Я вам даю честное слово, вас никто не тронет. К вам будут приезжать только ученые, чтобы вас исследовать.

— Вот ты и проговорился, мальчик, — сказала розовая женщина. — Ты прав. Нас не оставят в покое. Погибнет тайна, погибнет Закон, и мы тоже погибнем!

— Если бы вы заглянули наверх, то поняли бы, как вы не правы!

— Неужели ты думаешь, что мы не заглядываем наверх? Мы знаем о вас все. Мы можем увидеть любую точку Земли. Уже много тысяч лет мы следим за каждым вашим шагом!

— Значит, вы не атланты!

— Для тебя мы атланты.

Женщина вздохнула, прикрыла глаза, стараясь успокоиться. Потом сказала спокойно:

— Прости, я совсем забыла, что ты всего-навсего мальчик и не знаешь действительных побуждений взрослых людей. Тебя легко обмануть.

— Меня не так уж легко обмануть, — возразил Пашка.

— Ты мне нравишься. Ты смелый мальчик.

Женщина подошла к нему и положила руку на плечо. Пашка покосился на ее руку и увидел, какие узловатые и морщинистые пальцы у Геры. И вдруг он понял, что она стара как мир, что ей много-много лет. Он хотел спросить, сколько, но не посмел.

— Любопытно, — вдруг произнесла женщина, — как все изменилось. Я в последний раз встречалась с вами, людьми, шестьдесят лет назад. Я видела водолаза. У него был совсем другой скафандр. Куда более громоздкий. На какую глубину рассчитан твой?

— На два километра, — сказал Пашка.

— Молодцы! Вы делаете большие успехи. Я помню, как люди опускались под воду только в специальных колоколах. Ты не читал об этом?

— Читал, — сказал Пашка. — Пока под колоколом был воздух, водолаз мог дышать.

— Молодец. А из чего сделан твой шлем?

— Это — полистон, — сказал Пашка.

— Дай погляжу, — сказала женщина.

Пашка удивился, но отстегнул шлем и протянул ей. Женщина надела шлем.

— Мне идет твой шлем? — спросила она с улыбкой. И что-то в этой улыбке испугало Пашку.

— Отдайте, — сказал он.

— Сейчас, — сказала женщина.

Она медленно отступала от Пашки.

Он сделал шаг следом за ней, и тогда женщина включила шлемовый фонарь. На расстоянии двух метров его свет с такой силой ударил Пашке по глазам, что тот зажмурился.

— Не надо! — воскликнул он и в ответ услышал резкий, колющий смех.

Когда Пашка открыл глаза, он увидел, что дверь в зал закрывается. Стало очень тихо. Пашка не знал, что делать.

И тут он услышал голос Госпожи Геры:

— Прощай, мальчик. Ты мне понравился, но я не могу оставить тебя в живых.

Пашка увидел, как в стеклянной перегородке открылся люк.

И в него хлынул поток зеленой воды. Он ворвался в зал так сильно, что казался толстым блестящим канатом, протянувшимся через зал. Струя воды ударила в камень и разлетелась брызгами.

Вода завихрялась по полу, и вот уже весь пол залит водой, вот она коснулась башмаков Пашки, поднялась до щиколоток... Пашка бросился к двери, за которой скрылась Госпожа Гера. Но, конечно, дверь была за-

крыта... Вода крутилась водоворотами, быстро поднимаясь.

Там, за перегородкой, совсем близко, — батискат. Но до него без шлема не добраться.

Пашка поднял голову, выискивая, нет ли наверху отверстия... Он еще даже не успел испугаться, но был жутко зол, что дал себя провести розовой женщине.

Вода уже поднялась до колен...

8. КАМЕУСЫ ВЫХОДЯТ НА ОХОТУ

Посейдон начал последовательно, один за другим, включать мониторы.

Вот зал музея. Пусто. Вот театр, там никого. Вот покои наследницы. Наследница спит, обняв лысую куклу. Вот берег подземного озера. Сирены сидят у пустых кормушек и заунывно поют...

— Почему у вас такие странные имена? — спросила Алиса.

— Мы взяли их из древних земных мифов. Так велит Закон. Никто не должен догадаться, что мы — пришельцы.

— А ваше настоящее имя?

Ответить Посейдон не успел.

На экране монитора возник зал перед ангаром Атлантиды. Все в зале изменилось.

Зал был залит водой, которая хлестала из отверстия в перегородке.

По пояс в воде металась маленькая фигурка.

— Пашка! — закричала Алиса. — Что с ним? Почему он не уходит?

— Проклятие! — воскликнул Посейдон. — Она нас обманула! Она добралась до него раньше нас!

Вспыхнул еще один монитор.

Алиса увидела, что, отделенная от ангара стеклянным иллюминатором, глядит на Пашкины мучения розовая Госпожа. Она улыбается и гладит Пашкин шлем, прижимая его к груди.

— Она отняла у него шлем!

— Вижу, — сказал Посейдон.

— Скорее, бежим ему на помощь!

— Мы не успеем, — ответил старик.

— Не спорьте!

— Но это безнадежно.

— Пожалуйста! Я же не знаю дороги!

Посейдон кинул последний взгляд на мониторы.

Вот Пашка. Вода уже достигает ему до груди. Пашка старается стащить с себя скафандр, который тянет его ко дну.

Розовая женщина удовлетворенно кивает головой, кидает на пол шлем и быстро уходит...

Алиса первой выбежала из лаборатории Посейдона.

Старик возился с ключами, он волновался, никак не мог попасть ключом в скважину.

— Никто не тронет вашей лаборатории! — сердилась Алиса. — Не тратьте времени.

— Надо запереть. Нужен порядок. Закон запрещает...

— Хоть скажите, куда мне бежать!

— Иду, иду...

Посейдон широкими шагами пошел по коридору. Алиса хотела схватить его за руку и тащить за собой, но она понимала, что он не может идти быстрее.

— Какое изуверство! — бормотал Посейдон. — Докатиться до низкого преступления!

Алиса не слушала старика. Она представляла себе, как вода в подzemелье поднимается к потолку и там, стараясь удержаться на плаву, бьется Пашка, но силы его оставляют.

— Долго еще?

— Скоро, — задыхаясь, произнес старик. — Скоро... Я не могу!

Мелькали светильники. Странные статуи улыбались Алисе в залах, летучие собаки проносились черными тенями...

— Здесь, — сказал наконец Посейдон.

Ход раздваивался перед ними: лестница вверх и лестница вниз.

— Там. — Посейдон показал на нижнюю лестницу. — Вход в ангар.

И поспешил по второй лестнице наверх.

— Вы куда?

Посейдон уже стоял перед дверью.

— Мы должны перекрыть воду. А это можно сделать только отсюда.

Он распахнул дверь и с опаской заглянул внутрь.

Алиса поняла: он боится, не поджидает ли их Гера.

Маленькая комната. Пульт управления. Один иллюминатор, глядящий в ангар. Комната пуста.

Посейдон протянул руку к пульта. Алиса кинулась к иллюминатору. И замерла от удивления.

В зале не было воды!

Пол был мокрым, на полу валялись клочки водорослей, расплескалась пятном слизи медуза... Но Пашки и след простыл.

— Где он? Где? — Алиса обернулась к Посейдону, будто он был во всем виноват.

— Я сам ничего не понимаю, — ответил старик. — Кто-то перекрыл воду, включил насосы и выпустил твоего друга... Это загадка.

— Побежали обратно, — сказала Алиса. — Мы включим мониторы и найдем Пашку.

— Если я пробегу еще десять метров, — простонал старик, — я умру.

Он сказал это так искренне, что Алисе стало стыдно. Ведь в триста лет нелегко бегать по коридорам и слушать упреки какой-то девочки. Посейдон нарушил из-за нее Закон, теперь ему пощады не будет. И поэтому Алиса сказала:

— Не бойтесь, я с вами. Я вас не оставлю. Мы возьмем вас наверх, и никакая Гера до вас не доберется.

Голубые губы Посейдона тронула слабая улыбка.

— Спасибо, девочка, — произнес он.

Он с трудом поднялся и медленно пошел к выходу.

Алиса кинула последний взгляд на батискат, который мирно покоился в зеленой воде, такой близкий и такой недостижимый. И вдруг ахнула: батискат медленно начал двигаться.

— Посейдон! — воскликнула она. — Смотрите!

Батискат, набирая скорость, удалялся от стеклянной стены. Вот он включил носовой прожектор, и конус света разрезал зеленую мглу.

— Этого не может быть! — произнес Посейдон. — Он не мог.

— Это Пашка! — радовалась Алиса.

— Но как? Никто не мог вывести его отсюда. Его шлем отняла Гера.

Алиса оглянулась. Шлема нигде не было.

— Пойми же, — упрямо повторял Посейдон, — у толстяка и наследницы ума не хватило бы... да и не нужен им батискат, они хотят править Атлантидой. Старик Гермес давно в маразме... Неужели Гера?

— Конечно, — с иронией сказала Алиса. — Она сначала его утопила, а потом отнесла на батискат.

— Ничего не понимаю, — развел руками Посейдон.

— Все хорошо кончилось, — сказала Алиса, глядя, как светлым пятнышком исчезает в глубине океана батискат. — Сейчас Пашка вызывает по рации ферму на острове Яп. Через час здесь уже будут катера спасательной службы. И власть вашей Геры кончится...

— Мне страшно, — сказал старик. — Я прожил всю жизнь здесь, под водой.

— Не бойтесь, — сказала Алиса. — У нас хорошие врачи.

Посейдон покачал головой...

— Врачи не всегда могут помочь, — вздохнул он.

— Пошли, — сказала Алиса.

— Куда?

— Вам надо подготовиться. Кто-то должен все объяснить нашим.

— Погиб Закон, погибла Атлантида, — сказал Посейдо. — Тебе этого не понять.

— Честное слово, всем будет лучше!

Настроение у Алисы исправилось. Как хорошо, что раз в жизни Пашка оказался сознательным человеком и, вместо того чтобы самому совершать подвиги, догадался отправиться за помощью.

Если бы Алиса знала в тот момент, как она далека от истины, она бы так не радовалась...

Алиса с Посейдоном осторожно шли по коридору. Старик впереди. У него был замечательный слух, выработанный за многие годы жизни в тишине подводного мира. Он шел медленно, опасаясь каверз Госпожи Геры...

Вдруг он остановился.

— Слышишь? — прошептал он.

— Ничего не слышу.

— Сегодня полнолуние, — сказал Посейдон. — Сейчас там, наверху, взошла луна...

— И что же?

— Камеусы вышли на охоту.

— Я ничего не понимаю.

— Скорее, Алиса, — сказал Посейдон. — Надо спрятаться в моей лаборатории. Туда они не проникнут...

Над головой послышался шорох, потом громкий голос Геры прозвучал в динамике:

— Внимание. Камеусы вышли на охоту. Всем запереться в помещениях. Кто успеет, спешите в зал Совета.

И тут Алиса тоже услышала то, что так испугало старика.

Из недр подземелья доносился шорох, будто тысяча маленьких коготков скребли по камням. Этот шорох, хоть тихий и далекий, таил в себе что-то зловещее...

Старик побежал. Алиса даже не думала, что у него остались силы так бежать.

Она бежала рядом, думая, как подхватить старика, если он упадет.

Через несколько метров они достигли двери в центр наблюдения.

Старик дрожащей рукой сунул ключ в скважину.

И тут Алиса увидела загадочных камеусов.

В дальнем конце коридора показалась серая масса. Непонятно было, из чего она состоит: смутно мелькали ноги, покачивались спины каких-то существ. Все громче был слышен шорох.

Старик открыл дверь.

— Скорее! — Он почти упал внутрь. — Запри. У меня нет сил.

Алиса взяла у него ключ и, когда заперла дверь, почувствовала, как что-то ткнулось в нее. Потом еще удар...

Алиса повернула ключ.

Старик сидел на полу, прислонившись к стене.

— Все в порядке, — сказала она.

— Я сейчас, — простонал старик. — Сил не осталось...

— Давайте я вам помогу. — Алиса попыталась поднять Посейдона, он был худой и казался легким, но на самом деле поднять его было трудно...

От потерял сознание, и Алиса, задыхаясь от напряжения, приволокла его во внутреннюю комнату центра наблюдения, где был диван, — не оставлять же старика на каменном полу.

К счастью, диван был низким. Алиса опустилась в ноги у старика.

Отдышавшись, она подошла к пульту.

Вот театр. Что-то темное проскочило в поле зрения монитора. Еще одна тень... Но не разберешь, что это такое.

Алиса стала смотреть на следующий экран. На нем был виден берег подземного озера.

И тут она увидела первого камеуса.

Это был большой серый краб, размером с собаку. Тонкие, длинные ноги делали его похожим на паука-сенокосца, только очень большого. Но, в отличие от безвредного сенокосца, у краба были длинные массивные клешни, которые он раскрывал и сводил, будто угрожал.

Не успела Алиса разглядеть первого камеуса, как следом за ним на берег подземного озера выскочили другие. Они разбежались вдоль воды, вынюхивая что-то, словно собаки. Алиса увидела, как из озера показалось испуганное лицо сирены и сразу исчезло, как только она заметила камеуса.

Один из камеусов увидел свет в лаборатории над озером. Он скользнул в ее дверь. И принялся пробовать клешнями приборы, может, искал что-нибудь съедобное. Алиса услышала звон и хруст стекла.

Она обернулась, глядя на Посейдона. Но тот все еще лежал с закрытыми глазами и часто дышал.

Алиса хотела заглянуть в другие залы Атлантиды, но не знала, какие надо кнопки нажимать.

Включились все новые экраны.

На одном было видно море. Солнце склонялось к воде. Алиса взглянула на часы: седьмой час. На базе уже волнуются. Нет, успокоились. Ведь там знают, что случилось.

Включился еще один экран. На нем был виден небольшой городок на берегу моря. Белый мирный городок, несколько корабликов и глиссеров стоят у причала, над улицей медленно плывет флаер... Почему этот городок заинтересовал Посейдона? Надо будет спросить.

Шорох со стороны двери отвлек Алису.

Она поняла, что это скребутся крабы.

Посейдон открыл глаза.

— Вам плохо? — спросила Алиса. — У вас есть лекарство?

— Там, — тихо сказал Посейдон. — Синий пузырек. Видишь?

Алиса достала лекарство. Протянула старику.

Он прислушивался.

— Они скребутся в дверь? — спросил он. — Это стучит смерть.

— Вы о крабах? — спросила Алиса.

— Камеусы... — Старик открыл пузырек, по комнате распространился странный острый аромат. Старик поднес пузырек к носу, понюхал... — Последний, — сказал он в ответ на взгляд Алисы. — У нас была аптека, с Крины.

Камеусы продолжали царапаться в дверь.

— Откуда они? — спросила Алиса. — Из моря?

Старику стало легче. Он опустил ноги на пол.

— Спасибо, — сказал он. — Не представляю себе, как ты меня дотащила. Отважная девочка.

Посейдон встал и подошел к мониторам.

Он увеличил изображение на мониторе, что глядел на берег подземного озера, и показал Алисе крупным планом краба, который методично рвал на клочки белый халат, забытый в лаборатории.

— Они жили здесь всегда, — сказал старик. — Правда, судя по всему, раньше они были куда меньше и совсем безвредными. Их ловили, исследовали... Это особый род пещерных крабов. Они таятся в трещинах скал и питаются тварями, что живут в пещерах, — улитками, мокрицами, если повезет, летучими собаками, даже грибами, что вырастают в темноте. Когда много тысяч лет назад эти подземелья обжили атланты, крабы стали пожирать объедки, научились ловко воровать пищу, забираться в склады...

— Но ведь Атлантида утонула, — сказала Алиса, не в силах оторвать взгляда от краба, который рвал белый халат. В движениях его клешней и в выражении белых, на стебельках, глаз была холодная жестокость.

— Камеусы мечут икру и затем обволакивают ее плотной оболочкой. В глубинах трещин икринки прожили несколько лет, пока мы не откачали отсюда воду. А затем камеусы приспособились жить рядом с нами. Мы старались их извести, травили ядами. Многие крабы погибали, но те, что остались, перестали бояться ядов. Мы придумали новые способы истребления. Крабы учились с ними бороться. Мы запаковывали органические продукты в специальные контейнеры, камеусы стали прогрызать металл. Пока на станции было много людей,

крабы отсиживались в своих трещинах и каменных норах. Но теперь, поняв, что мы бессильны, камеусы перешли в наступление. На наше счастье, крабы становятся агрессивны лишь раз в месяц, когда над океаном поднимается полная луна. В эту ночь они впадают в бешенство. В такие ночи мы собираемся в зале Совета за двойными стальными дверьми, потому что обычная дверь теперь не преграда для них... Но никогда еще я не видел такого нашествия...

— Что же делать? — спросила Алиса.

— Остается только одно: ждать. Как только зайдет луна, крабы исчезнут, спрячутся в своих щелях.

— Скоро придут спасатели, а они ничего не знают о крабах.

— Крабы, к счастью, не умеют плавать.

«Странно, — подумала Алиса, — я спешила, бежала — и вдруг остановилась. Я сижу в осажденной крепости и жду спасения. Рядом со мной очень старый человек, пришелец с другой планеты, который сотни лет жил в подводной тюрьме и не смел ее покинуть. И даже сейчас боится. А я к нему уже привыкла. Лицо у него приятное, очень усталое, но не злое».

Алиса поглядела на мониторы.

— А почему у вас некоторые мониторы показывают наш мир? — спросила она. — Вот этот показывает море, а тот — какой-то городок.

— Привычка, — сказал Посейдон. — Я ведь не только наблюдатель. Я занимаюсь тектоникой, изучаю строение Земли. Я прихожу сюда, веду наблюдения, регистрирую процессы, которые происходят в недрах вашей планеты. Работа меня спасает... Хоть она и никому не нужна.

— Теперь все будет иначе, — возразила Алиса. — Вы же знаете многое, что неизвестно наверху. Наверху вас обязательно сделают академиком, вот увидите.

— Наивно, девочка. Кому нужен выживший из ума старик? Все наши открытия безнадежно устарели. Еще сто лет назад мы знали о вашей планете в тысячу раз больше, чем сами земляне. Но ваша наука развивалась с такой скоростью, что теперь мне впору у вас учиться.

— Как жалко, что Закон запрещал вам выйти к людям раньше! — сказала Алиса. — Вы бы нам сильно помогли.

— Мы изучили морское дно. Мы знаем, где под океаном находятся очаги магмы, где — запасы полезных

ископаемых. Мы знаем, как предсказывать извержения вулканов и землетрясения... Вот видишь этот гавайский городок Колау? Он спокойно спит, не подозревая, что в шесть утра на него обрушится землетрясение. И не будет больше этого городка — разлетятся на куски его дома, провалится под землю эта церковь, волна цунами смоем в море порт...

— Какой ужас! — воскликнула Алиса. — И вы так спокойно об этом говорите? Даже муравейник жалко, если он попадет в лесной пожар, а вы же говорите о целом городе, о людях, которые в нем живут!

— Это закон природы, — сказал Посейдон. — Мы не вмешиваемся.

— Вы не вмешивались, вы жили, как подземные кроты! Поглядите, до чего вы докатились! Нельзя быть только наблюдателями. Люди должны помогать друг другу. Знаете, кто вы? Вы преступники. И сами себя наказали! — возмутилась Алиса.

— Если бы мы открылись вам, то ваша судьба бы изменилась. Я не знаю, была ли бы сейчас Земля лучше или хуже, — возразил Посейдон.

— Я говорю не о том, чтобы вмешиваться или не вмешиваться! — сказала Алиса. — А о том, чтобы спасти людей, если им грозит опасность! Если бы опасность грозила вашей планете или даже вашей станции, мы пришли бы к вам на помощь!

— Для того чтобы стать такими, вы должны были сами прожить собственную историю. Сами совершить свои ошибки и сами их исправить.

— Но какую же ошибку совершили люди того города, который спит? И которые погибнут на рассвете?

— Я надеюсь, что ваши сейсмологи уже догадались, что надвигается землетрясение.

— Нет, не догадались. Это ясно. Вы же видите, до землетрясения осталось несколько часов, а в городе спокойно, никакой эвакуации. Значит, о землетрясении никто не подозревает.

— Я ничего не могу сделать, — сказал Посейдон.

— Неужели у вас нет рации?

— Она давно уже вышла из строя. Да и зачем нам связь с Землей?

— Скорей бы спускались спасатели, — сказала Алиса. — Тогда мы успеем предупредить этот городок...

Она была сердита на Посейдона и на всех этих кри-
нян. Вроде бы они говорят правильно, логично, разумно.
Но все равно они не правы.

Алиса с надеждой смотрела на монитор, на котором
был виден ангар. Скорей бы...

Но там было спокойно. Только один камеус выска-
чил в зал, быстро переставляя серые ноги, боком про-
бежал через него, остановился перед стеклянной стеной,
вглядываясь в толщу воды. Потом побегал прочь.

Посейдон уселся в кресло перед монитором и сказал
тихо, словно чувствовал себя виноватым:

— Надо проверить, как остальные...

Но он не успел этого сделать. На мониторе, который
показывал подземное озеро, в толпе крабов, суетив-
шихся на берегу, жадно глядя на перепуганных сирен и
морских змеенышей, вдруг возникла паника. Крабы
бросились наверх, подальше от воды.

Вода в середине озера расступилась, и из нее пока-
зался прозрачный купол. На поверхность поднимался
батискат.

Еще несколько секунд — и батискат, вынырнув из
воды, замер. Можно было различить, что под куполом
два человека.

Яркий свет прожектора ударил по берегу. Купол
откинулся. В батискате стоял Пашка.

9. БЕГСТВО ИЗ АТЛАНТИДЫ

Алиса сразу все поняла.

Вместо того чтобы подняться на поверхность и вы-
звать помощь, безрассудный Пашка отправился сам
совершать подвиги.

Почему так случилось?

Но для этого надо рассказать, что же произошло с
Пашкой Гераскиным.

...Вода уже доставала Пашке до груди, когда он
понял, что больше она не поднимается. Вода не только
не пребывала, она начала уходить из зала. Слышно
было, как работают насосы. Тяжело дыша и чавкая, они
выкачивали воду.

Вот вода уже по колено, по щиколотки... вот послед-
ние ее струи втягиваются в решетку в полу.

Дверь в зал отворилась, и туда вошел, волоча ноги, старик Гермес. Он был в скафандре, сумка с инструментами через плечо. В руке Пашкин шлем, который унесла Гера.

— Это вы откачали воду? — спросил Пашка.

— Опять поломка, — вздохнул старик. — Везде поломки. Иду, вижу — прорвало. Да и ты остался запертый. Ох, старое все здесь, ненадежное. Попадешься невзначай, утонуть можно. Ай-ай-ай! — Старик тяжело вздохнул и протянул Пашке шлем. — Потерял, что ли?

— Спасибо.

Пашка не знал, что ответить старику. Может, признаться, что шлем отняла Госпожа Атлантиды и хотела его убить? А вдруг старик, чего доброго, сообщит Гере, что ее план не удался, и тогда она вернется, чтобы исправить свою ошибку?

Но старик сам разрешил Пашкины сомнения.

— И чего же ты хотел, мальчик? — спросил он. — Небось домой захотелось? К маме? Пошли, провожу тебя.

И старик вывел Пашку из зала, провел узким ходом в шлюзовую камеру. Потом задраил внешний люк, спросил, в порядке ли шлем у Пашки. Пашка надел шлем, закрепил его и проверил, как поступает воздух. Все было в норме. Потом старик вытащил из инструментального ящика свой потертый и поцарапанный шлем, похожий на шлем греческого воина, привинтил его и открыл воду. Шлюз быстро наполнился, и старик Гермес открыл внешний люк. Они стояли на дне океана.

Старик побрел вперед. Они не могли разговаривать — системы связи в скафандрах были разными. Пашка уже догадался, что старик ведет его к батискату.

Пашке казалось, что прошла вечность, прежде чем они, миновав субмарину атлантов, достигли батиската. Старик остановился. Он подождал, пока Пашка открыл люк переходника, а через три минуты они уже были внутри батиската и можно было снять шлем.

— Почему вы меня спасли? — спросил Пашка.

— Почему? — повторил старик, глядя на Пашку выцветшими, серыми глазами. — Это я себя спасал.

— А я думал, что вы ничего не замечаете, — не тактично признался Пашка. — Вы всегда чепуху несли.

— Так все думают, — сказал старик. — Какая опасность от старого дурака? Этим и спасаюсь.

— Но почему?

— Потому что здесь больше жить нельзя. Но и признаться в этом — значит жизни лишиться. Вот и притворялся дураком.

Пашка уселся в кресло у пульта батиската.

— Куда идти? — спросил он. — Вы знаете?

— Туда. — Старик показал пальцем направление. — Я бы сам на нем уплыл, но не знаю, как управлять.

Пашка включил прожектор и начал разворачивать батискат.

Именно тогда Алиса увидела, как батискат уплывает, и обрадовалась, что Пашка догадался вызвать спасателей. Старик Гермес тоже решил, что Пашка будет подниматься.

— Через триста метров выход в ущелье, — сказал он Пашке. Голос старика изменился, даже помолодел.

— И давно вы притворяетесь? — спросил Пашка.

— Давно. Если открыть мысли, Госпожа Атлантиды сразу меня со света сживет. Я все старался весть наверх дать. Я знаешь, что придумал? Собирал старые бутылки, вкладывал в них записки с нашими координатами и выпускал их в море.

— Я знаю! — воскликнул Пашка. — Мы потому и приплыли сюда, что нашли такую бутылку. С координатами.

— Значит, я был прав, — сказал старик Гермес.

— А что же вы подробнее не написали?

— Я напишу, — проворчал старик, — а бутылка к Госпоже попадет. Она и догадается. Я человек старый, немощный, мне уж триста лет скоро. Я терпел и ждал. Что с дурака возьмешь? Хожу себе, чиню, латаю...

— Как хорошо, что вы успели вовремя и спасли меня.

— Я не успел. Я знал. Я как выследил, что Госпожа сюда идет — сразу за ней. И ждал, пока она уйдет. Очень боялся, что она задержится поглядеть, как ты потонешь.

Батискат прошел сквозь горло широкого туннеля и оказался в ущелье.

— Поднимайся, — сказал старик. — Теперь можно.

Но Пашка не спешил перевести рули батиската на вертикальный подъем.

— Подождите, — сказал он, — нельзя оставлять Алиску. Ей угрожает ваша Госпожа.

— Так поднимись, позови на помощь!

— Нет, сначала мы возьмем Алису. Помощь может опоздать.

— Лодка твоя, ты капитан, — вздохнул старик. — Только разумнее вызвать помощь.

— Мы возвращаемся, — твердо произнес Пашка.

— Есть другой путь в Атлантиду, — помедлив сказал старик. — Через подземное озеро. Там нас не ждут.

Старик боялся возвращаться в Атлантиду. Он нарушил Закон и знал, что сделает с ним Госпожа, если он попадет к ней в руки. Пашка этого понять не мог. А старик, мечтавший лишь о том, что он увидит перед смертью настоящее солнце и вдохнет свежего морского воздуха, мрачно сидел рядом с Пашкой. Он уже жалел, что спас его.

Шлюзовое устройство у озера действовало. И меньше чем через час после того как старик спас Пашку в зале ангара, они вынырнули посреди подземного озера, перепугав и без того испуганных сирен и морских змеек.

— Что это? — спросил Пашка, увидев, как от луча прожектора разбегаются камеусы.

— О горе! — воскликнул старик. — Как я мог забыть! Сегодня полнолуние! Камеусы вышли на охоту!

Эти слова старика Гермеса Алиса услышала. Их уловили микрофоны в зале подземного озера.

Алиса слышала, как Гермес объяснял Пашке, что такое камеусы. Посейдон, сидевший рядом, удивленно говорил:

— Этого быть не может! Ведь Гермес давно сошел с ума! Он ничего не понимает! Какая глупость! Нас было двое недовольных, а мы не доверяли друг другу.

Голос Госпожи Атлантиды раскатился по всему подземелью:

— Я все вижу! — кричала она. — Я вижу, какое преступление совершил ничтожный Гермес, который не убоился моего гнева. Слушай же, предатель Атлантиды, нарушитель Закона: если ты сейчас убьешь этого мальчишку, я сохраню тебе жизнь.

Алиса видела, как вздрогнул Гермес, услышав грозные слова Геры. Он опустил голову, съежился, стараясь спрятаться от разящих слов.

— Не бойся, — услышала Алиса голос Пашки, — ничего она с тобой не сделает.

— Она всесильна, — тихо ответил Гермес.

— Зло не бывает всесильным, — возразил начитанный Пашка.

Крабы, толпившиеся у лаборатории, замерли, тоже слушая Госпожу Атлантиды.

— Я жду одну минуту, — произнесла Гера. — После этого пеняй на себя.

Посейдон включил еще один монитор. Гера стояла посреди зала Совета Атлантиды, держа в руке золотой микрофон в виде змеиной головы.

— Я пойду, — сказал между тем Пашка. — Мне надо найти Алису.

— Ты не пройдешь мимо камеусов, — чуть не плача произнес Гермес. — Они разорвут тебя.

— Надеюсь, мой скафандр выдержит.

Алиса обернулась к Посейдону:

— Пожалуйста, сделайте, чтобы он нас услышал. Он должен знать, что мне ничего не грозит.

Посейдон наклонился к микрофону.

— Внимание, — произнес он, — говорит Посейдон. Слушай меня, Госпожа Атлантиды! Слушай меня, Гермес, слушай меня, мальчик Паша. Алиса в безопасности. Она стоит рядом со мной. Госпожа, ты бессильна против нас. Еще вчера мы были разобщены, каждый сам по себе, и потому ты правила Атлантидой и утверждала, что ты и есть Закон. Твое время прошло. Я лишь жалею, что раньше не доверял Гермесу.

— Я тоже жалею об этом! — закричал Гермес, который услышал слова Посейдона.

— Ты одна, Гера, — продолжал Посейдон, — с помощью детей, которые пришли из солнечного мира, мы поняли, что единственный выход — наверх, где ветер и солнце.

— Я убью вас! — кричала Гера. Она отбросила микрофон и протянула руку к рубильнику на стене. — Я затоплю Атлантиду! Никто не выйдет отсюда живым.

— Глупости, — сказал Посейдон. — Гермес и Паша в батискафе. Они не погибнут.

Гера замерла. Она поняла, что Посейдон прав.

Обезумевшая от страха потерять власть, Госпожа Атлантиды готова была убить всех. И если кто-то спасется, ее торжество будет неполным.

И тут все услышали отчаянный визг.

Вспыхнул еще один монитор. На нем была видна детская Афродиты.

Наследница сидела на кровати, прижимая к груди куклу, и отчаянно вопила. Ее отец, толстяк Меркурий, стоял посреди комнаты, подняв стул.

Им было отчего испугаться: в дверной трещине шевелилась клешня камеуса.

С каждым мгновением щель становилась все шире. Слышно было, как трещит дверь.

Толстяк кинулся к двери и стал суматошно колотить по ней стулом, стараясь попасть по клешне, но промахивался и лишь расшатывал дверь.

— Гера! — воскликнул Посейдон. — Достань оружие. Бери лазерный бластер и спаси Меркурия с Афродитой. Ты Госпожа Атлантиды. Это твой долг — защищать кринян.

— Это священное оружие!

— Открой сейф! Наступил момент.

— Момент? — Госпожа Атлантиды задумалась. Потом тихо произнесла, словно читала: — В момент крайней опасности для станции ее начальник имеет право употребить оружие. Так гласит Закон.

Гера открыла сейф и вынула оттуда лазерный бластер. И тут же направилась к двери.

— Вот видишь, — сказал Посейдон. — Я рад, что она вспомнила о долге.

— Вы уверены, что Госпожа Гера идет спасти наследницу и Меркурия? — спросила Алиса.

На экране монитора было видно, как Госпожа Атлантиды выбежала из двери. Навстречу ей, раскрыв клешни, кинулись два крупных камеуса.

Зеленый луч вылетел из бластера, крабы обуглились и кучками пепла рассыпались по каменному полу.

Госпожа миновала зал скульптур, потом повернула направо...

— Куда? — закричал Посейдон. — Не туда!

Камеусы, почуяв шаги Госпожи Атлантиды, кидались на нее со всех сторон. Но она резала их лучом, не останавливаясь... Она бежала к подземному озеру...

Алиса поняла: через три минуты Гера увидит батискат.

Она схватила микрофон:

— Пашка, ты меня слышишь?

— Что у вас случилось?

— Гера вырвалась из своей норы и несется вас расстреливать. Она вооружена и очень опасна. Немедленно — погружение.

— Понял, — быстро ответил Пашка.

Одним движением он закрыл колпак, задраил его. Взрывая бурунчики воды, батискат быстро пошел вниз. Когда Гера, уничтожая камеусов, выбежала на берег озера, лишь водоворот на месте батиската напоминал о кораблике.

Гера выбежала на самый берег, к пустым каменным кормушкам, и начала палить по воде. Взревел раненый морской змей, вода кипела, облако пара поднялось над озером.

— Она больна, — сказал Посейдон. — Она лишилась рассудка.

Как молнии сверкали лучи лазерного бластера. Батиската и след простыл, но Гера не прекращала стрельбу, будто у нее заклинило палец.

И она не услышала, да и как в таком состоянии услышишь, что сзади к ней подкрались камеусы.

Даже Алиса, поглощенная зрелищем, заметила их, когда было поздно.

— Сзади опасность! — закричала она.

Но Гера не обернулась.

Клешни крабов рванули ее одежду.

Гера упала на каменный пол. Зеленый луч полосовал вокруг, но она не могла прицелиться: клешни крабов резали ее руки.

Алиса в ужасе закрыла глаза руками.

Потом была тишина. Только доносился визг наследницы.

— Все, — сказал Посейдон. — Ты свободна, Алиса.

Алиса заставила себя посмотреть на монитор.

Кучка тряпок и лужа крови, в которой лежал лазерный пистолет, — вот и все, что осталось от Госпожи Атлантиды.

И тут Алиса увидела, как вода близ берега расступилась.

Из воды поднимался Пашка Гераскин в скафандре.

Крабы, закончив свою кровавую трапезу, кинулись к

нему, широко разевая клешни.

Но Пашка не обращал на них внимания. Он будто не чувствовал, как клешни вцепляются в скафандр, стараются разорвать его.

Раскидывая крабов кулаками, он дошел до лежавшего на камнях лазерного бластера. Быстро поднял его.

Несколькими короткими ударами луча он очистил берег от камеусов.

Потом откинул шлем и вытер перчаткой лоб.

— Алиса, — сказал он, — ты меня слышишь?

— Слышу, — сказала Алиса.

— Где Афродита и Меркурий?

— Я скажу тебе, как пройти, — сказал Посейдон.

Алиса вместе с ним следила за каждым шагом Пашки, предупреждая друга об опасности, когда из-за кулис в театре на него кинулся громадный камеус, когда еще один протянул клешню из-под кресла, когда целая толпа камеусов устроила засаду в темном проходе, пока другие штурмовали дверь в бывшую гримерную — детскую наследницы.

И Пашка, как в приключенческом романе, успел в самый последний момент. Крабы уже прогрызли дверь, и первый из них махал клешнями, отбиваясь от стула, которым защищался толстяк Меркурий.

Но на этом Пашкина работа не закончилась.

Он вызволил и Алису с Посейдоном. И они вместе вернулись к берегу озера.

Когда переходили в батискат, который Пашка поднял на поверхность, на берегу не было ни одного камеуса. Они не хотели больше рисковать. А может быть, сообразили, что люди уходят и камеусы остаются безраздельными хозяевами Атлантиды. Вряд ли они слышали, как Алиса крикнула:

— Недолго вам здесь править! Люди вернутся!

Крабы не ответили. Они не умеют разговаривать. В батискате было тесно.

Мрачной серой птицей сидел Посейдон, прижимая к груди мешок с записями и документами. Рядом нахохлился Гермес, поставив ноги на драгоценную и никому уже не нужную сумку с инструментами, с которыми он не мог расстаться. Всхлипывала наследница и шептала отцу: «А нас не утопят? Может, вернемся? Крабы уйдут, и мы будем жить с тобой вдвоем». — «Успокойся, —

бормотал ее отец, — нам нельзя обратно, нас некому кормить». — «Но у меня не будет своего царства». — «Папочка отыщет тебе царство...»

— Я надеялась, Паша, что ты вызовешь помощь, — сказала Алиса.

— И это вместо благодарности! — Пашка задраил люк. — Я спас население Атлантиды. Что бы вы без меня делали?

— Дождались бы помощи, — сказала Алиса. — Может, даже Гера осталась бы жива.

— Геру мне не жалко, — сурово сказал Пашка. — Она бы все равно отсюда не ушла. А Меркурий с Афродитой обязательно бы погибли.

Он сел за управление батискатом и повел его к шлюзу. Кто-то постучал по корпусу. Еще...

Алиса удивленно выглянула.

Рядом с батискатом плыли сирены и морской змее-ныш. Сирены колотили в корпус, просили не оставлять их.

— Товарищи сирены! — крикнул им Пашка. — Через несколько часов здесь будут люди. В том числе биологи. Вы для них — сокровище. Я обещаю вам, что отныне вас будут кормить только вкусно и только до отвала.

Но сирены не поняли Пашку и плыли за батискатом до самого шлюза, и их с трудом удалось отогнать, чтобы они не попали в открытое море.

Как только батискат начал подъем из трещины, Алиса, несмотря на возражения оробевшего вдруг Пашки, взяла микрофон:

— Остров Яп, — сказала она, — вас вызывает батискат-17.

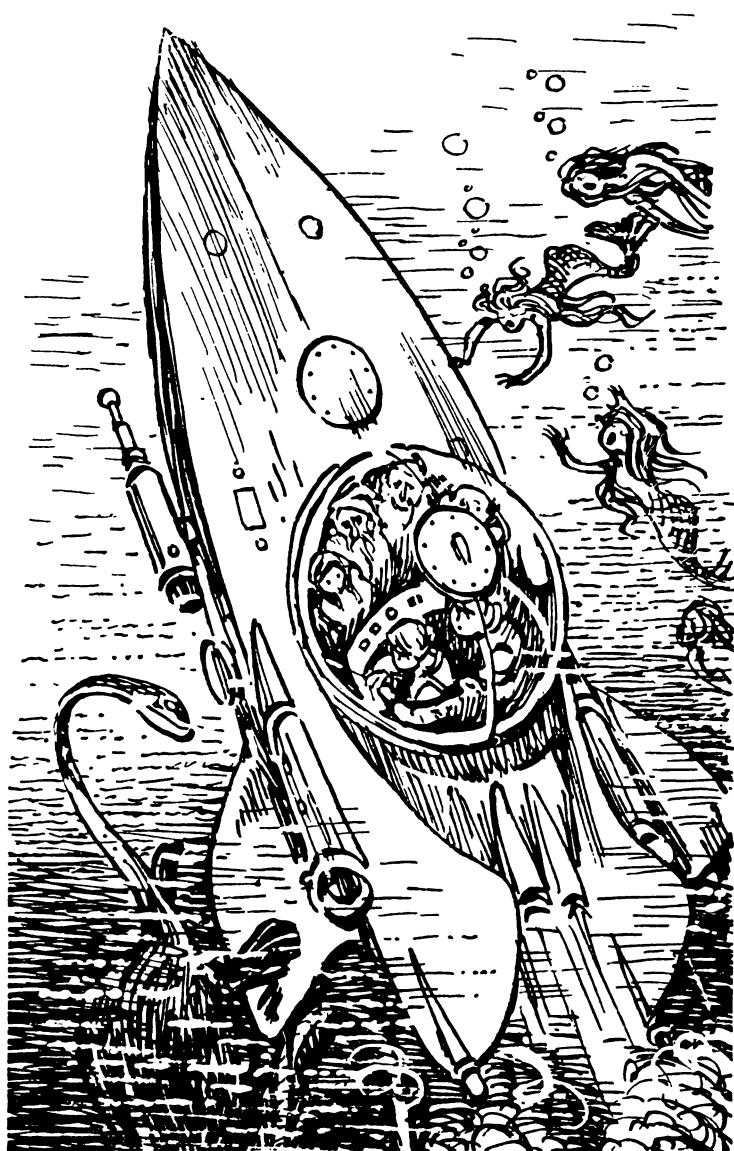
— Это ты, Алиса? — раздался голос Дороти. — Ты с ума сошла!

— Простите, Дороти, мы не хотели вам доставлять неприятности. Но у нас было столько приключений!

— Какие могут быть приключения! — возмущенно ответила Дороти. — Вы же еще дети! Вы забываете, что питаться надо по часам. Вы знаете, сколько сейчас времени?

— Сколько? — виновато спросила Алиса.

— Девятый час, а вы все еще катаетесь по морю. Ужин остыл, кокосовое молоко прокисло, лепешки зачерствели. В следующий раз я оставляю вас без ужина.

— Мы летим, мы спешим! — воскликнула Алиса. — Мы везем гостей. Дороти, вы самая прекрасная, добрая и заботливая женщина на свете!

— Не подлизывайся, — сказала Дороти. — Сколько гостей я должна кормить сегодня?

— Кроме нас, четверых.

— Где же вы их нашли?

— В Атлантиде.

— Поняла, — засмеялась Дороти, — значит, это гидрологи. Скажи им, что я ставлю на огонь жаркое.

Алиса обернулась к криньям.

Они смотрели на нее внимательно и даже испуганно. И молчали.

Им было страшно.

Батискат быстро шел наверх.

Рядом с ним плыл громадный морской змей, Эмпедоклус, который не хотел отставать от своего друга, старика Гермеса.

— Минуточку, Дороти, — сказала Алиса, — не отключайся. Дай мне координаты сейсмической станции в Гонолулу.

— Пожалуйста. — Дороти никогда не удивлялась.

Алиса набрала координаты сейсмологов.

— Сейсмический дежурный по Гонолулу слушает, — послышался голос.

— Говорит подводная ферма острова Яп. Мы имеем информацию, что завтра в шесть утра на острове Оаху случится землетрясение силой в девять баллов. Наибольшим разрушениям подвергнется город Колау.

— Информация достоверная? — спросил сейсмолог.

— На сто процентов. Проверьте по вашим каналам, — сказала Алиса.

— Спасибо, — сказал сейсмолог. — До связи.

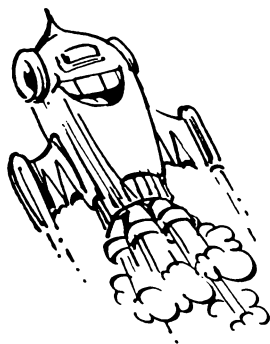
Батискат прорвал поверхность воды, и последний ответ луны мелькнул в кабине.

Когда Алиса поглядела на атлантов, у нее сжалось сердце — какие это несчастные, грязные, изможденные, старые люди. И чтобы жалость не отразилась на лице, Алиса улыбнулась и сказала, обращаясь к Посейдону:

— Сейсмологи благодарят вас. Вы спасли сегодня много человеческих жизней.

Маленькая голова морского змея поднялась над водой рядом с батискатом, потом показалась черная

туша, короткий хвост... Поднялся фонтан брызг
И морской змей скрылся в волнах.
Батискат взял курс на остров Яп.

ГОРОД БЕЗ ПАМЯТИ

ВСТУПЛЕНИЕ О СТАРЫХ И НОВЫХ ЗНАКОМЫХ

Стоянка перед космовокзалом была переполнена, и Алисе пришлось минут пять кружить над ней, пока не освободилось место для ее флипа. Она пролетела совсем низко над рощей кокосовых пальм. Орехи уже созрели, дрессированные мартышки срывали их и метко кидали в корзины. С низким, почти неслышным гулом с космодрома поднялся рейсовый Москва — Марс, на несколько секунд завис неподвижно над полем, затем стремительно понесся к облакам.

Август подходил к концу, погода капризничала, даже бюро прогнозов не могло ее толком наладить. У входа в космовокзал громко перекликались туристки с Пилагеи в разноцветных париках, синий робот вынес из автобуса громадный букет орхидей, пожилая воспитательница пересчитывала галдящих малышей. У каждого малыша в руках розовый кристалл, значит, они вернулись из своей первой межпланетной экскурсии: такие кристаллы дают каждому, кто впервые побывает на Ганимеде... Шел обычный день на московском космодроме.

Но для Алисы он был необычным.

Она провожала «Днепр».

Как быстро бежит время! Всего месяц назад они с Пашкой Гераскиным опускались в батискате в глубины Тихого океана, спасались от морского змея, сражались на кладбище погибших кораблей и нашли утонувшую Атлантиду. И все это далеко в прошлом. Через две недели идти в школу, в седьмой класс, и все вокруг твердят: «Алиса, ты не девочка, ты подросток, ты должна быть серьезной!»

Раньше она всегда торопила время, ей хотелось скорее вырасти, чтобы прекратилось это бесконечное детство, когда каждый тебя учит, каждый что-нибудь запрящает, каждый дает полезные советы. Вот детство и прошло. Хорошо это или плохо?

Желтый, в черных кружках, похожий на божью коровку флип взвился со стоянки. Алиса сразу бросила свою машину вниз, чтобы занять его место. Времени до отлета «Днепра» оставалось в обрез. Жалко, если опоздаешь. Ведь еще неизвестно, увидит ли она когда-нибудь снова атлантов с Крины, которых они с Пашкой отыскивали на дне Тихого океана.

Алиса выскочила из флипа и побежала на космовокзал.

Она не сразу разглядела в шумящей толпе своих друзей. Пашка первым заметил ее и закричал:

— Алиса, мы здесь!

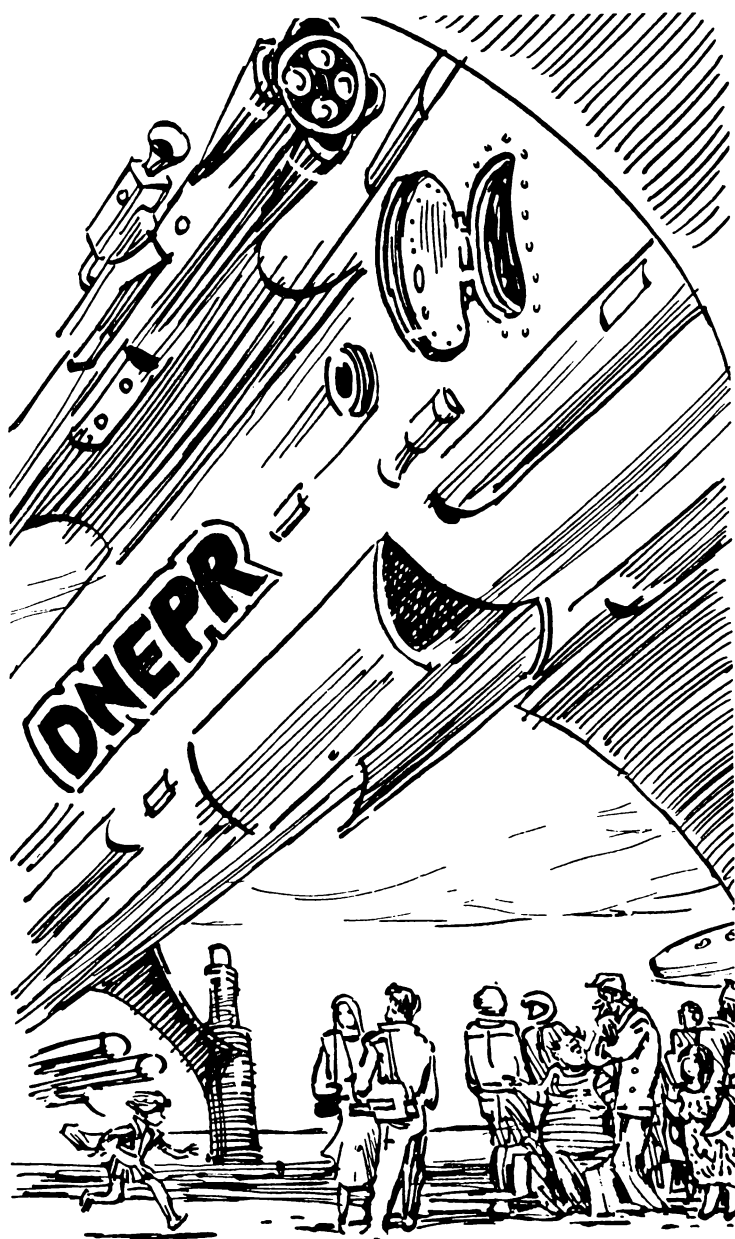
Они стояли у ландышевого фонтана: капитан Полосков, с которым Алиса когда-то летала на «Пегасе» за дикими зверями, механик Зеленый, его рыжая борода поседела, а голубые глаза, как и прежде, были печальны, Тадеуш с видеокамерой через плечо, его прекрасная жена Ирия Гай, Пашка Гераскин и криняне.

Сначала Алиса подошла к криньянам.

— Здравствуйте, атланты, — сказала она.

Когда Алиса с Пашкой встретили их в подземельях Атлантиды, криняне старались убедить непрошенных гостей, что они — потомки атлантов. Только потом стало известно, что это не атланты, а жители планеты Крины, члены экспедиции, которые были заточены под дном океана, после того как неожиданно и таинственно прервалась связь с их планетой.

А теперь космический корабль «Днепр», которым командует капитан Полосков, должен помочь им вернуться домой. И разгадать тайну: почему двести пять-

десять лет назад связь с Криной прервалась, и с тех пор никто в Галактике не знает, что же произошло с этой планетой.

— Ах, Алисочка! — воскликнула Афродита, бывшая наследница престола Атлантиды. — Я так рада тебя видеть! Я надеюсь, что ты обо мне не забыла?

За месяц на Земле наследница помолодела, лицо ее стало розовым, глаза блестели. Но, даже помолодев, Афродита совсем не была похожа на прекрасную греческую богиню. Она осталась пожилой толстой женщиной, которая так и не смогла расстаться с детством.

— Я о тебе не забыла, — улыбнулась Алиса и достала из сумки свою старую куклу, которую нашла в ящике под кроватью.

— Ах! — воскликнула наследница. — Какое счастье! Я так скучаю без моих кукол, которые остались в Атлантиде! Меня здесь никто не любит и никто не дарит мне игрушек.

— Афродита, ты не права! — возмутился ее отец, толстый старик Меркурий. — Мы загрузили в корабль два контейнера с игрушками.

— Это не те игрушки! — ответила Афродита. — Это не любимые игрушки!

Худой, высокий Посейдон, глядя на которого никогда не подумаешь, что ему уже триста лет, положил сухую руку на плечо Алисе.

— Когда все уладится, — сказал он, — я буду тебя ждать. Прилетай к нам.

— А я? — вырвалось у Пашки Гераскина.

— Разумеется, ты тоже, наш отважный юный друг, — сказал Посейдон.

Робот, которого Алиса заметила, когда кружила над космовокзалом, подъехал к ним и спросил:

— Могу я видеть сейсмолога Посейдона с планеты Крина?

— Это я, — ответил старик.

— Примите, пожалуйста, этот скромный букет орхидей, — сказал робот, — от благодарных жителей гавайского города, который вы спасли от землетрясения.

Он протянул букет Посейдону. Тот смутился и ответил:

— Этот букет по праву принадлежит Алисе. Ведь она настояла, чтобы мы срочно поднялись наверх. Иначе бы никто не узнал о землетрясении.

Но, разумеется, Алиса букета не взяла.

Мастер Гермес стоял в сторонке. Он так и не расстался со своим сундучком, где хранил инструменты. Много десятилетий он ходил с ним по переходам и залам Атлантиды, заделывая дыры, починяя трубы. Вот и везет его через всю Галактику домой.

Подошел невысокий седой человек со шрамом через щеку. Когда-то знаменитый капитан Симак, теперь начальник Космофлота.

— Вы готовы? — спросил он.

— Корабль «Днепр» к полету готов, — ответил Полосков.

— Хочу еще раз предупредить вас об осторожности, — сказал Симак. — Наладить связь с Криной так и не удалось. Никто в Галактическом центре не знает, что там произошло. Ни один корабль с Крины не появлялся на населенных планетах. Ни один корабль не был там.

Алиса знала об этом. Уже месяц все газеты и телестанции рассказывали об этой тайне. Но педантичный Симак счел необходимым еще раз напомнить экипажу о сложности их задачи.

— Мы будем осторожны, — ответил Полосков.

— Вы отвечаете за безопасность наших гостей, капитан. Кринянам и без того пришлось многое пережить.

— Я обязательно вернусь на Землю! — воскликнула Афродита. — Здесь замечательные игрушки!

Симак вежливо кивнул и сказал механику Зеленому.

— Я очень рассчитываю на ваш пессимизм. Все знают, что вместо вопроса «как дела», вы говорите...

— «Что у нас плохого?» — хором ответили за Зеленого Алиса и Пашка.

Остальные рассмеялись. Даже сам Зеленый улыбнулся, хотя не выносил, когда над ним смеются. Но тут же согнал с лица улыбку и произнес:

— У нас еще немало недостатков. Некоторые дети плохо воспитаны.

— Они уже не дети, — сказал Тадеуш. — Они семиклассники, подростки.

— Прошло пять лет, как мы летали с Алисой на «Пегасе», — добавил Полосков.

Симак посмотрел на часы.

— Все, — сказал он. — Пора прощаться. Желаю счастья вам, криняне. И пускай наша с вами дружба станет началом дружбы между Криной и Землей.

— Спасибо, — ответил за кринян Посейдон.

Тадеуш обнял свою жену.

— Наступает осень, — сказал он. — Когда станет холодно, не надо открывать без нужды окна и закалять Вандочку.

— Не бойся, — ответила Ирия. — Даже если бы я захотела ее закалять, Гай-до никогда не разрешит.

Расставшись с экипажем и пассажирами экспедиции, Алиса, Пашка и Ирия Гай поднялись на крышу космовокзала. Они видели, как автобус подкатил к распахнутому люку «Днепра» и их друзья вошли в корабль. Автобус укатил обратно, люк закрылся, на вершине диспетчерской башни замигали сигнальные огни. Еще через несколько минут «Днепр» осторожно оторвался от летного поля и начал подниматься к облакам. Моросил дождик.

Ирия Гай незаметно смахнула слезу. Она обожала своего мужа и не выносила, когда тот улетал в экспедиции. Но что поделать, если твой муж космобиолог. «Днепр» вонзился в серые облака и исчез.

— Полетели ко мне во Вроцлав, — предложила Ирия Гай.

— Спасибо, — сказала Алиса. — С удовольствием. Только не сегодня.

— На той неделе, — сказал Пашка. — Бюро прогнозов обещает хорошую погоду и много грибов.

— Правильно, — согласилась Алиса. — Мы навестим вас перед самым началом занятий. Я соскучилась по Гай-до.

— Замечательно! — сказала Ирия. — Гай-до каждый день о вас спрашивает.

На том и договорились.

1. «ДНЕПР» НЕ ОТВЕЧАЕТ

Есть под польским городом Вроцлавом небольшой домик на краю леса. Там живут космический биолог Тадеуш, его любимая инопланетянка жена Ирия Гай и их дочка Вандочка. А рядом с домом в саду стоит самый быстрый, умный и добрый космический корабль по имени Гай-до, построенный когда-то отцом Ирии.

В пятницу, как раз к обеду, Алиса и Пашка Гераскин прилетели к Ирии в гости.

В саду было пусто. Пашка осторожно опустил флип на дорожке возле большой клумбы с флоксами и выскочил первым.

— Алиса! — воскликнул он. — Гляди какие яблоки!

Яблоки и в самом деле были удивительными. Дерево было густо усыпано красными, белыми, зелеными, желтыми, оранжевыми, длинными, круглыми, большими, маленькими плодами.словно все существующие сорта яблок собрались на одном дереве.

— Тадеуш вывел, — слышался низкий голос. — Я ему помогал советами.

— Гай-до! — Алиса обернулась.

Кораблик был прикрыт кустами орешника.

Алиса кинулась к старому другу.

— Как ты? Не скучаешь? Ты совсем не изменился!

— Все меняется, — ответил кораблик и засмеялся. Он был рад видеть старых друзей. — Грустно лишь, что тебя забывают.

Из округлых боков кораблика вылезли два манипулятора, и они раздвинули кусты, чтобы лучше видеть Пашку и Алису.

— Честное слово, мы тебя не забывали! — сказала Алиса. — Но это лето было такое занятое. Мы были на острове Яп, опускались в океан в батискате...

— Не надо лишних слов, — ответил Гай-до. — У меня есть телевизор, и я отлично знаю, что вы открыли Атлантиду. И Пашка, подозреваю, наделал там немало глупостей.

— Ну, это еще надо доказать, — возразил Пашка. Сзади слышались быстрые шаги.

По дорожке к ним бежала Ирия Гай в домашнем халатике и переднике. В руке она держала поварешку.

— Мои дорогие! — закричала она. — Приехали! Какое счастье! Я совсем извелась от тоски.

— Обещали — сделали, — сдержанно ответил Пашка.

Ирия начала обнимать и теребить Алису, а Пашка отступил на шаг в сторону. Он обожал Ирию Гай, но испугался, что его тоже поцелуют. А поцелуев он, понятное дело, не выносил.

Вдруг внутри кораблика слышался детский плач.

— Простите, — сказал Гай-до, — Вандочка проснулась, пора ее кормить. Ты сама ее будешь кормить, хозяйка, или мне доверись?

— Доверю, — сказала Ирия, потому что знала, как обидится корабль, если отнять у него обожаемую Вандочку. — Только сначала покажи ее моим друзьям.

Из открытого люка появились манипуляторы, которые держали розовую подушку. На подушке лежала годовалая девочка и сосала палец. Вандочка хныкала, и, когда Ирия взяла ее на руки, Гай-до проворчал:

— Сначала покормим, а потом, мамаша, будете играть с ребенком.

Но Ирия не послушалась и взяла девочку.

Девочка сразу перестала хныкать, а Гай-до сказал:

— Ты ее избалуешь. У этих мамаш никакого представления о педагогике.

Но Ирия его не слушала. Они с Алисой принялись обсуждать, на кого похожа Вандочка: сиреневые глазки от мамы, носик от папы, губки... губки вроде бы от мамы... а может быть, от папы...

Пашке этот пустой женский разговор быстро надоел, и он полез в Гай-до поглядеть на пульт управления.

К своему удивлению он обнаружил, что внутри Гай-до все переделано. Похоже, что кораблю уже никогда не подняться в небо. Всю середину кубрика занимали детские вещи: люлька, бутылочки и тарелочки с пищей, пеленки, чепчики, игрушки... а вокруг были разбросаны многочисленные книжки о воспитании, кормлении и лечении маленьких детей. Целая библиотека на множестве ящиков.

— Ну, ты даешь, старина Гай-до, — сказал неодобрительно Пашка. — Видно, совсем забыл, как мы с тобой сражались в глубоком космосе.

— Ты не понимаешь, Пашка, — ответил Гай-до. — Самое благородное дело в мире — воспитывать младенцев. Ты еще не дорос до отцовской любви.

— И не спешу дорастать, — ответил Пашка. Он был расстроен, словно его предал лучший друг. — К тому же я думал, что если у тебя и будут дети, то железные.

— Не издевайся, — грустно ответил Гай-до. — Мне не дано стать отцом, но мне доступна любовь.

— Пашка! — позвала снаружи Алиса. — Пошли, окунемся в речке! Через десять минут обед.

Тут же в корабль вернулись внутренние манипуляторы, которые принесли подушку с Вандочкой. Ванда сидела, сосала конфету и улыбалась.

Манипуляторы осторожно положили девочку в люльку и принялись быстро готовить ей обед. С потолка спустилась третья рука и ловко отняла конфету.

— Перед обедом, — сказал Гай-до, когда девочка заревела, — хорошие дети не едят конфет, чтобы не испортить аппетита. А хорошие родители не дают малышам конфет за пять минут до обеда!

— Нет, — вздохнул Пашка, — мне с тобой не по пути.

Он выскочил из люка, взял свою сумку, и они с Алисой побежали купаться.

Речка была тихая, чистая, неглубокая, к ней склонялись ивы, рыба мелочь прыскала в разные стороны от купальщиков. Вода была холодной, Алиса окунулась, вылезла на берег, достала кассету с записью языка планеты Крины и принялась учить. Пашка еще долго плескался, больше из упрямства, чем для удовольствия, вылез посиневший, зубы стучали, весь покрыт гусиной кожей. Он долго прыгал на берегу, залез на дерево, сорвался, снова залез. К обеду они, конечно же, опоздали, Ирия сердилась, что приходится подогревать суп.

Алиса глядела на Ирию и думала: «Как удивительно в ней уживаются два совсем разных человека. Один человек — домашняя хозяйка, хлопотунья, повариха: «Ах, как бы Тадеуш не простудился!», «Ах, как бы пчела не укусила Вандочку!». Второй человек — тот, которого воспитывал отец: боец, альпинист, отличный стрелок, победивший узурпатора на планете Пять-четыре, конструктор космических кораблей. Сегодня перед ними первый человек. А что будет завтра? Попробуй кто-нибудь обидеть ее Тадеуша или ее друзей. Тогда посмотрим!»

Обед был чудесный: суп с грибами, фритки — польская жареная картошка, тушеное мясо с ананасами, коктейль из кокосового молока, мангустины, которые Ирия выращивает в теплице... Алиса еле живая отвалилась от стола, глаза слипались. Но Пашка отважно сражался с третьей порцией малинового мороженого.

Алиса поднялась наверх, в свою комнатку, поглядела сверху на сад. Погода испортилась, снова пошел дождик, Гай-до стоял посреди кустов, круглый, толстый, блестящий от дождевых струй, стекавших по нему. Он мерно покачивался и пел колыбельную песню на польском языке — видно, укачивал Вандочку.

Алиса свернулась калачиком на диванчике, успела подумать: «Какой здесь свежий, душистый воздух...» — и заснула.

Когда она поднялась, уже стемнело. Снизу раздавались голоса.

Она выглянула в окно. Пашка размахивал старинной саблей дедушки Тадеуша, сражаясь с большим чертополохом, Гай-до умолял его не шуметь, что бы не разбудить Алисочку. У Гай-до замечательная интуиция. Даже не видя Алису, он точно знал, спит она или нет.

— Ну вот, — услышала Алиса голос кораблика, — разбудил мою красавицу.

— Спать после обеда вредно! — ответил Пашка и сделал выпад. Но промахнулся. Потом поднял голову, увидел в открытом окне Алису и добавил — Купаться пойдешь?

— Ни в коем случае.

— Купанье под дождем, — заявил Пашка, — закаляет лучше, чем подъем на Эверест. Хотя некоторые трусливые девчонки предпочитают вышивать гладью.

— Ах, гладью! — возмутилась Алиса, вскочила на подоконник и прыгнула вперед, чтобы достать до ветви могучего дуба, что рос возле дома. Ветвь спружинила, прогнулась, но Алиса уже перелетела на следующую, пониже, оттуда, метров с трех, прыгнула на землю. Пашка не успел отбежать и потому в мгновение ока был повержен.

— Ты что! — закричал он. — Больно же!

— Берешь свои слова обратно? — спросила Алиса.

— Ура! — закричал Гай-до. Он принялся стучать манипуляторами, изображая аплодисменты.

Пашка изловчился, вырвался. Ему было не очень приятно, что его победила Алиса.

— Ладно уж, — сказал он. — Я пошутил.

Из домика выглянула Ирия и позвала всех пить чай.

Чай пили на террасе, потому что Гай-до было скучно одному и хотелось поговорить.

Беседовали о планете Крина. Что могло с ней случиться?

Пашка, конечно, предположил, что на нее напали космические пираты или Черный странник.

— Конечно, — сказала Ирия, — этого исключать нельзя. В Галактике еще немало сохранилось всякой

нечисти. Но все же мне кажется, что Паша не прав. Черный странник был один. Другого в Галактике никто не знает. И он давно погиб. А пиратам, даже если все пираты соберутся вместе, целую планету не захватить. Ведь Крина была цивилизованной планетой. Криняне могли путешествовать между звезд, у них была развита наука. Нет, здесь что-то иное...

— Эпидемия, — предположила Алиса.

— Это больше похоже на правду, — вмешался в разговор Гай-до. — По имеющейся у меня информации, по крайней мере три планеты за последние двести лет погибли из-за эпидемии. На Перикюле после космической чумы, которую занесла одна из экспедиций, спаслось лишь несколько человек. Что касается второго случая, то я о нем узнал из информатория...

— погоди, Гай-до, — перебила его Ирия. — Ты так будешь рассказывать до утра. А ведь могло случиться, что там началась война и все погибли.

— Цивилизации такого высокого уровня, как кринянская, — сказал Гай-до, — уже не воюют. Этот закон сформулировал А-Пей-до на втором галактическом конгрессе футурологов и социопрогностиков на Альдебаране восемнадцать лет назад. Меня удивляет, что ты, моя хозяйка, этого закона не запомнила.

— У меня голова, а не компьютер, — ответила Ирия, и Гай-до замолчал. Он не выносил, если ему напоминали о том, что он всего-навсего машина.

Пашка подошел к телевизору.

— Я просто не представляю, — сказал он, — как люди жили в древности. Смотрели по телевизору не то, что хочется, а то, что показывают. Я недавно читал статью по истории телевидения. Оказывается, лет сто назад ты включаешь, допустим, телевизор в восемь часов. Показывают футбол. А тебе нужно узнать новости. А до новостей надо ждать целый час. Глупо, правда?

— Не понимаю, — сказала Алиса. — А если тебе некогда?

— Значит, жди до завтра.

— Мы не можем ждать, — сказала Алиса. — «Днепр» уже долетел до Крины.

Пашка включил телевизор.

— Пожалуйста, — сказал он, — прочтите нам новости.

«Как сообщают с Паталипутры, — отозвалась дикторша, улыбнувшись, — эпидемия гигантизма, охватившая там коров, взята под контроль. Стадо гигантских коров, выросших после этой загадочной болезни, отправлено в зоопарк на исследование...»

На экране возникли коровы. Они мирно паслись на лугу... Нет, это не луг, они объедали вековые деревья!

— Родовались бы! — сказал Пашка. — Такая корова дает, наверное, тонну молока.

— А сколько она ест? — спросила Алиса.

И дикторша, будто услышав вопрос Алисы, добавила:

«Стадо гигантских коров способно за один день уничтожить до десяти гектаров отборного леса».

Тут дикторша сделала паузу.

«Одну минуточку, — сказала она. — Только что из центральной диспетчерской к нам поступила срочная информация... Она касается экспедиции к загадочной планете Крина...»

— Вот видите, — сказала Алиса. — Наверное, они приземлились.

— погоди, — раздался голос Гай-до, — по интонации дикторши я чувствую, что дело неладно.

«Экспедиция находилась на постоянной связи с диспетчерской. Двадцать минут назад была получена информация, что экспедиция достигла планеты и корабль готовится к посадке. После этого связь внезапно прервалась. Возможно, возникли помехи... Мы будем информировать о корабле «Днепр», как только поступят дополнительные сведения. А теперь начинаем репортаж с межпланетных соревнований по фехтованию на лазерных шпагах...»

— Не выключай! — сказала Алиса, увидев, что Пашка поднимается с кресла.

— И не думаю, — сказал Пашка. — Я просто хотел выйти на связь с диспетчерской. Они нам скорее скажут.

— Им сейчас не до нас, — сказала Ирия.

Она поднялась и подошла к перилам террасы. Подняла голову, глядя на звезды.

— Я чувствую, — сказала она, — что случилось несчастье.

— Какое может случиться несчастье с «Днепром»? — удивился Пашка. — Это же корабль первого класса.

Никто ему не ответил. Несчастья случаются с любым кораблем.

До ночи никаких новостей больше не было. Центральная диспетчерская все время пыталась добиться связи, но корабль не отвечал. В двенадцать Ирия заставила ребят пойти спать. Сама она осталась у телевизора. Алиса долго не могла заснуть, прислушивалась сквозь писк комаров к голосу диктора...

2. «МЫ ЕГО НАЙДЕМ!»

Алиса поднялась на рассвете, как только в лесу начала куковать кукушка. Лес был тихий, осенний, не то что в июне, когда он полон птичьих голосов.

Алиса поднялась, умылась и тихонько спустилась вниз.

Гай-до был покрыт росой и блестел сквозь листву. Телевизор на веранде был включен. Возле него в плетеном кресле сидела, нахохлившись, Ирия.

— Что нового? — тихо спросила Алиса.

— Ничего, — ответила Ирия.

— А что делать?

— Я только что говорила с диспетчером, — сказала Ирия. — Связи с «Днепром» нет.

Из кустов донесся тихий голос Гай-до. Корабль боялся разбудить Вандочку, что спала в нем.

— Мне нужны пленки переговоров «Днепра» с диспетчерской, — сказал он. — Я бы их проанализировал.

— Если связь оборвалась неожиданно, — сказала Ирия, — этот анализ тебе ничего не даст.

Дикторша на экране сказала:

«Передаем дополнительные сведения, касающиеся экспедиции на «Днепре». Совет капитанов постановил готовить спасательную экспедицию к Крине. В качестве базы для экспедиции выбран патрульный крейсер «Боец», который в настоящее время дежурит за Трансплутоном. Сегодня крейсер будет вызван на Землю для подготовки к срочному вылету...»

— К срочному, — сказала, усмехнувшись, Ирия Гай.

— После дождичка в четверг, — добавил Гай-до, который знал все поговорки Галактики.

На веранду вышел сонный Пашка. Он тер глаза, жмурился, зевал.

— Что нового? — спросил он. — Нашли?

— Готовят экспедицию, — сказала Алиса.

— Пока они подготовят, — сказал Пашка, — мы уже будем там.

— Как так? — не поняла Алиса.

— Я во сне понял, — сообщил Пашка. — Мы не можем ждать, пока их найдут другие. У нас есть Гай-до.

— Пашка, ты что?

— А я лучше спрошу Ирию. Ирия, ты как думаешь?

— Я уже решила, — сказала Ирия спокойно.

— Что?

— Я лечу на Крину. Сегодня.

— И я с тобой, — сказал Пашка.

— Нет! Я лечу одна, — сказала Ирия. — И попрошу тебя, Алиса, позаботиться о Вандочке, пока нас с Гай-до не будет на Земле.

— И меня тоже не берешь? — удивился Пашка.

— Не беру.

— Тебе нужен мужчина на борту. Защитник.

Даже Алиса улыбнулась. Пашка совсем забыл, что Ирия Гай даст сто очков вперед любому мастеру спорта.

— Мы с Гай-до уже летали вдвоем и умеем обходиться без мужчин, — сказала Ирия.

Глаза Ирии потемнели, щеки запали, движения стали резкими.

— Послушай, Ирия, — сказала Алиса, — Ты права. Долететь ты сможешь одна. Но мы не знаем, что случилось на планете. Мы не знаем, что угрожает нашим друзьям. Ты сейчас думаешь только о Тадеуше. А кроме Тадеуша, на борту еще несколько наших друзей. Я имею такое же право, как и ты, переживать за них.

— И я! — воскликнул Пашка.

— Мы тебе пригодимся. А если ты боишься, что тебе придется о нас заботиться и нас защищать, ты глубоко ошибаешься.

— Мы уже не дети, — сказал Пашка.

— Они правы, — слышался голос Гай-до. — Я уже просчитал все варианты полета. Куда больше шансов, что ребята тебе помогут, чем помешают.

— Ой, Гай-до, помолчи, — отмахнулась Ирия.

— Не могу молчать, — ответил с достоинством кораблик, — когда речь идет о справедливости.

— А что подумают ваши родители? — Ирия уже начала сдаваться.

— А они подумают, что мы у тебя в гостях, — ответил Пашка. — И пускай это тебя не заботит.

— Нет, не могу. Это слишком опасно, — вздохнула Ирия.

— Арьергардный бой, — заметил Гай-до. — Она уже почти сдалась. Можете собираться.

— Мы его найдем! — воскликнул Пашка.

Вся первая половина дня ушла на сборы, устройство Вандочки и дипломатические маневры с родителями.

А что касается оружия и снаряжения, у Ирии все было дома.

3. ПУТЬ К ЗАГАДОЧНОЙ ПЛАНЕТЕ

— Корабль Гай-до, третьего класса, пункт приписки Земля, начинает испытательный полет за пределы Солнечной системы, просит разрешения на выход в космос, — произнесла Ирия. Она сидела за пультом. Пашка рядом с ней, перед штурманским дисплеем.

— Гай-до, — диспетчер на экране улыбнулся Ирии, — выход разрешаю. Когда вернетесь?

— Дня через три, может быть, через неделю.

— Удивительные существа эти женщины, — сказал диспетчер, обернувшись к кому-то в комнате. — От трех дней до бесконечности. Все-таки без мужчин я бы их в космос не пускал.

Ирия быстро выключила экран.

— Пронесло, — сказал Пашка.

— А почему должно было не пронести? — спросила Алиса. — Мы им не ввали. И нет никаких запретов улетать с Земли.

— Если бы они знали, что мы летим на Крину, никогда бы не пустили.

— Отставить пустые разговоры, — сказала Ирия. — Алиса, приготовь завтрак экипажу.

На ней был рабочий комбинезон и облегающий шлем. От этого лицо казалось совсем другим, чем вчера.

Алиса спустилась в трюм. Гай-до, который понимал, что с Ирией сейчас разговаривать нет смысла, начал давать Алисе советы, что достать из холодильника. Хотя Гай-до, если не считать топлива, никогда ничего не ел, он мнил себя великим кулинаром. За последний год,

проведенный в саду под Вроцлавом, он проштудировал все кулинарные книги, что были дома и в библиотеке. У Гай-до была идея придумать такое питание для Вандочки, чтобы вырастить из нее самую здоровую девочку в Галактике. У него вообще было много идей, и далеко не все из них самые умные. Но как уверяет Гай-до, даже великие Эйнштейн и Дарвин время от времени ошибались.

Алиса слушала Гай-до рассеянно. Хорошо было бросаться в авантюры, если ты ребенок. Да здравствует приключение! Теперь, когда тебе уже почти тринадцать лет, начинаешь задумываться над последствиями. Конечно, она не рассказывает, что полетела на Крину. Но ее не оставляли и другие мысли: отчет о летней практике так и не написан, коллекции не разобраны, на биостанции ждет Аркаша Сапожков, у него не получается опыт. И бабушку она уже три месяца не видела...

Сверху из рубки донесся голос Ирии, которая вышла на связь с центральным информаторием на Земле.

— Значит, никаких новостей? А как идет подготовка к спасательной экспедиции?

— Крейсер «Боец» прибыл на Землю. Центральный компьютер просчитывает варианты опасности. Старт экспедиции через три дня, — ответил голос диспетчера. Раздался щелчок. Связь прервалась.

— Не понимаю, — сказал Гай-до. — Какие могут быть варианты? Что они там рассчитывают? Главное я высчитал. И на это у меня ушло сорок шесть секунд.

— Что ты вычислил? — спросила Алиса.

— Точку над Криной, в которой прервалась связь с «Днепром». Восемь километров. И эту цифру я вам советую запомнить.

Покормив друзей и вымыв посуду, Алиса взяла мневмокассету и принялась изучать язык кринян. Она не хотела учить язык под гипнозом, как сделали Пашка и Ирия, которые видели в этом докучливую обязанность. Лучше потратить три дня — все равно в полете — и выучить язык основательно, на всю жизнь, а не только на одну экспедицию.

Ирия проверяла снаряжение, а Пашка сидел за пультом управления, ловил на экранах золотые искорки встречных кораблей и вступал в переговоры с их радиостами.

На следующий день дежурил по камбузу Пашка, и им пришлось есть подгоревшую яичницу, а молоко сбежало. Гай-до сообщил, что по всем законам физики испортить завтрак в условиях автоматической кухни невозможно и надо иметь к этому особый талант. Пашка признался, что у него такой талант есть.

На четвертый день полета Гай-до сообщил:

— Система Крины в пределах видимости. Начинаю снижать скорость.

Прошло еще полдня, прежде чем Крину смогла увидеть и Алиса.

Диск планеты был похож на земной. Белые спирали циклонов перекрывали очертания коричневых континентов и голубых океанов.

Гай-до вышел на орбиту вокруг Крины на высоте двадцати пяти километров и начал изучать планету.

Экипаж Гай-до расположился перед экраном, а он сам комментировал то, что они видели.

— Первое наблюдение, — произнес Гай-до, — не видно воздушных кораблей. Ни самолетов, ни ракет, ни дирижаблей.

— Странно, — сказала Алиса. — Триста лет назад они долетали до Земли и других планет. Куда же все делось?

— Ответить не могу, — серьезно сказал Гай-до. — Констатирую факт.

— Смотрите, город! — воскликнул Пашка.

В самом деле на экране появился город. Можно было угадать улицы, даже отдельные дома.

— Наблюдение второе, — сказал Гай-до. — Не вижу на улицах быстходных машин.

— Но отсюда не разберешь, — возразил Пашка.

— Разрешающая возможность моих объективов, — возразил Гай-до, — позволяет с высоты в двадцать пять километров различать предмет диаметром в два метра.

— А люди? — спросила Ирия. — Ты видишь людей?

— Да. Я почти уверен, что вижу отдельных людей, а в одном месте... смотрите... скопление людей возле большого здания.

Алиса тоже увидела на экране темное пятнышко.

— Значит, они не вымерли, — сказала Алиса.

— А может, это обезьяны? — спросил Пашка. — Люди вымерли, а их место заняли обезьяны. Я читал об этом в фантастическом романе.

— Не исключаю и такой возможности, — серьезно ответил Гай-до.

— Фантастические романы мы будем обсуждать потом, — сказала Ирия Гай. — Продолжайте наблюдение.

Гай-до еще несколько раз облетел планету. Они видели другие города, отдельные здания, деревни, дороги, корабли в море.

— Это удивительно, — сказал, наконец, Гай-до. — Если бы я не знал, что представляет собой Крина, я бы решил, что мы летаем вокруг отсталой планеты. Экипажи, что двигаются по улицам, по-моему, запряжены лошадьми или какими-то похожими животными, дороги запущены, некоторые зарастают кустарником. Корабли... Я убежден, что корабли здесь парусные.

— Все ясно, — сказал начитанный Пашка. — Я и об этом читал в фантастическом романе. Они истратили все свое топливо, и им пришлось перейти на силу ветра и лошадей.

— Ты опять ошибся, Паша, — сказала Ирия Гай. — Ты же знаешь, что на Крине были атомные станции, гравитолеты, солнечные и световые двигатели...

— Больше мы ничего отсюда не увидим, — сказал Гай-до.

— А как же «Днепр»? Если он не взорвался, то должен лежать на планете, — сказал Пашка.

— Продолжай облеты, пока не убедишься, что корабля нет, — приказала Ирия кораблику.

Тот молча подчинился.

И еще через три витка Гай-до показал на дисплее фотографию: в глубине густого леса среди деревьев лежит... космический корабль. Корпус его частично скрыт деревьями. Через минуту, сличив силуэт корабля с данными компьютера, Гай-до доложил, что сомнений у него нет: это «Днепр». Безжизненный, замерший, заваленный стволами деревьев, которые он сокрушил при посадке...

— Спускайся, чего же ты ждешь? — закричал Пашка.

— И не подумаю, — ответил Гай-до. — Я не знаю, почему они сели в лесу, я не знаю, почему прервалась связь, я не хочу, чтобы с нами случилось нечто подобное.

Ирия волновалась. Алиса увидела, как побелели ее пальцы, которыми она вцепилась в край пульты.

— Скажи, Гай-до, — ее голос дрогнул, — корабль поврежден? Нет ли в нем пробоин?

Все замолчали. Вопрос Ирии был понятен. Если в корабле есть пробоина — неизвестно от чего: от метеорита, от вражеской ракеты, — значит, он погиб, и погибли все, кто на нем находился.

Гай-до ответил не сразу.

«Пускай ее не будет, — мысленно умоляла его Алиса. — Пускай ты не найдешь пробоины!»

Наконец в гробовой тишине послышался голос Гай-до:

— Я не могу разглядеть его днище. С боков и сверху корабль цел.

Алиса вздохнула с облегчением.

— Но он совершил аварийную посадку. Это очень странно, — продолжал Гай-до.

— Почему? — спросила Алиса.

— Потому что он сел в вековой лес, где стоят деревья в два обхвата. Ни один разумный капитан не будет сажать свой корабль в таком лесу, если рядом, всего в пяти километрах, есть большая ровная поляна.

Алиса поняла, что Гай-до прав.

— Гай-до, — сказал Пашка, — ты хочешь, чтобы мы навсегда остались на орбите?..

— Помолчи, — оборвала Пашку Ирия Гай. Она села за пульт и набрала приказ.

— Правильно, — откликнулся Гай-до, — я только собирался это сделать.

От Гай-до отделилась проба — небольшой управляемый аппарат, который спускают на неизвестную планету, чтобы определить ее температуру и состав воздуха.

Гай-до молчал, остальные смотрели, как на экране проба мягко опускается в атмосферу планеты. Рядом с ее изображением на дисплее загорались цифры — данные о ее скорости и высоте.

Когда до поверхности осталось восемь с половиной километров, все затаили дыхание — именно на этой высоте, по подсчетам Гай-до, что-то произошло с «Днепром». Но ничего не случилось. Проба миновала высоту, и ее приборы показали, что никаких изменений в составе воздуха нет. Ничто не помешало пробе достигнуть поверхности планеты. Воздух там был пригоден для дыхания, температура — плюс восемнадцать градусов

— Все нормально, — сказал Пашка первым.

— Не знаю, — ответил Гай-до. — Не верю я этой планете. Ведь с «Днепром» что-то произошло!

— Но это не значит, что с нами случится то же самое, — спросил Пашка.

— Гай-до прав, — сказала Ирия Гай. — Поймите, ребята, я куда больше вас спешу на Крину. Там, в «Днепре», мой Тадеуш. Но если с нами что-то случится, весь смысл экспедиции пропадет. Подождем возвращения пробы.

Проба вернулась через сорок минут. Она подлетела к Гай-до и спряталась в специальном люке. Гай-до принялся изучать ее записи. Алиса тем временем рассматривала местность, на которой лежал «Днепр».

И в самом деле странно — до края леса, где за обширной пустошью текла широкая река, было километров пять. За рекой начиналась равнина, где были видны отдельные домики.

— Я так и думал! — услышала Алиса возглас кораблика. — Именно на этой высоте есть какое-то препятствие.

— Какое? — спросила Ирия.

— Не понимаю. Все физические характеристики воздуха те же самые, температура почти без изменений... плотность воздуха чуть-чуть выше... Эффект светового преломления чуть-чуть иной... Но что это? Это не микроорганизмы, это какое-то неизвестное мне поле... Никогда не встречал... я в тупике. Но интуиция меня никогда не обманывала. Там таится опасность, моя госпожа.

— Что же будем делать? — спросила Ирия.

— Рискнем? — сказал Пашка.

— Есть один выход, — сказал после некоторого раздумья Гай-до. — Весь резерв гравитонов я могу обратить на создание мощного силового поля, которое защитит нас... Но тогда мне уже не подняться с планеты.

— Ничего страшного, — сказала Алиса. — Там, внизу, «Днепр». Мы возьмем топливо на нем.

— А вдруг что-нибудь случится? — возразил Гай-до. — Я ведь потеряю подвижность и не смогу прийти вам на помощь.

— Об этом сейчас не думай. На планете мы сами о себе позаботимся, — сказала Ирия Гай. — Работай! Сколько времени тебе понадобится?

— Две минуты, — сказал Гай-до печально. Никому не хочется стать неподвижным, а для Гай-до не летать —

все равно что человеку остаться без ног, а птице без крыльев.

Ирия набрала на пульте курс. Если отключится автоматика, ей придется сажать корабль вручную.

— Опускаемся на поляне, на краю леса, — сказала она. — Если для «Днепра» метровые стволы все равно что спички, для Гай-до они опасны. Пять километров пройдем пешком. Хорошо?

— Конечно, — сказал Пашка, — часовая прогулка.

— Готово, — сказал Гай-до. — Начинаю снижение.

Он медленно пошел вниз. Двадцать километров... пятнадцать... десять... девять... восемь...

Вдруг они увидели на экранах, как небо вокруг корабля начало интенсивно светиться фиолетовыми сполохами, похожими на полярное сияние. Алиса почувствовала, что в голове у нее зажужжало. Она хотела сказать об этом Ирии, но рот не открывался... Неприятное ощущение длилось меньше минуты. Затем сияние погасло.

— Прошли, — сказал Гай-до. — Как вы себя чувствуете?

— Хорошо, — сказала Ирия. — Но ты был прав. Там в самом деле какое-то поле.

— У меня в голове будто оркестр заиграл, — сказал Пашка. — И полное затмение.

— У меня тоже, — сказала Алиса.

Ирия не сказала ничего. Она вела кораблик вниз.

Гай-до тоже молчал. Он берег остатки энергии.

Шесть километров... четыре... два... пятьсот метров... Гай-до шел на бреющем полете над речкой. Вот и пусть, за ней зубчатой стеной поднимается лес.

Корабль мягко коснулся травы, подскочил, улегся поудобнее.

— Все, — сказала Ирия. — Теперь в путь.

— Я буду ждать, — слабым голосом произнес Гай-до.

4. ТАЙНА «МАРИИ ЦЕЛЕСТЫ»

Через несколько минут они покинули кораблик.

Впереди шла Ирия. В облегчающем комбинезоне, в шлеме, к которому спереди прикреплен сильный фонарь. За спиной рюкзак, в нем пища, походная аптечка, заряды для парализующих пистолетов, теплая одежда —

ведь никто не знает, что их здесь ждет. За широким поясом Ирии был кинжал в ножнах, кобура с бластером и моток тонкого троса.

Также были снаряжены и ее юные спутники.

В том месте Крины, где опустился Гай-до, было позднее утро. Холодный ветер гнал над вершинами деревьев низкие, серые тучи. Высокая трава, мокрая от недавнего дождя, поднималась выше колен. Земля под ногами была скользкой, в траве виднелись проплешины — пятна рыжей глины.

Лес поднимался перед ними сплошной темно-зеленой стеной. Если не считать шелеста ветра, вокруг царила тишина. Не слышно было пения птиц и жужжания насекомых. Крина показалась неласковой, угрюмой и настоженной.

За пять минут путешественники дошли до леса.

Подлеска в нем не было. Прямые седые стволы поднимались из покрытой голубым мхом земли. Деревья стояли так тесно, что сквозь потолок листвы свет почти не проникал. В лесу было сумрачно и сыро. Светлые стволы казались приведениями, и Алиса невольно жалась к Ирии. Она поминутно оглядывалась, будто деревья могли сойти с места и догнать ее.

Идти было трудно, ноги порой проваливались, прорвав слой мха, что покрывал сгнившие стволы или ямы между узловатыми корнями.

Попадались грибы. Они были похожи на громадные поганки, чуть ли не с Алису ростом. Хоть ветра в лесу не было, поганки покачивались на длинных, тонких ножках, будто раскланивались с гостями. Большая летучая мышь пролетела над головами, так быстро, беззвучно и страшно складывая метровые крылья, что Пашка от неожиданности присел и чуть было не выстрелил в чудовище. Мышь давно уже исчезла, а в глазах Алисы все еще стояла ее ухмыляющаяся морда.

Они шли молча, говорить не хотелось: еще привлечешь голосами внимание тварей, что таятся в чаще.

Пять километров, которые надо было пройти до «Днепра», растянулись на два с лишним часа. С каждым шагом лес становился все гуще, седые стволы сдвигались все теснее, мох делался все выше, словно они шли по дну моря, раздвигая ногами мягкие упругие водоросли.

— Стой! — прошептала Ирия.

Она показала вправо.

Там, в дымке, между стволов, двигалось мохнатое животное, похожее на огромного кабана. Животное на секунду замерло, глядя в упор на Алису маленькими черными глазками... и пошло прочь. Кaban уходил беззвучно, словно лишь привиделся Алисе. Потом вдали хрустнула ветка...

Через час Ирия разрешила устроить привал. Сама она не устала, но понимала, что силы ребят на исходе. Они остановились на небольшой прогалине между деревьев, где над головой был виден клочок серого неба. Ирия достала из рюкзака термос с горячим бульоном, и они подкрепились.

Когда Алиса допивала бульон, она услышала шорох над головой. Она кинула взгляд вверх и замерла.

С низкого горизонтального сука до половины свесилась толстая блестящая белая змея. Ее голова была всего в десяти сантиметрах от Пашкиного лица. Красная пасть широко распахнулась, раздвоенный язык в нетерпении высунулся изо рта и плясал между острых зубов.

Размышлять было некогда. Даже бластер не успеешь достать.

Алиса крикнула:

— Пашка, ложись!

И кинула крышку от термоса, из которой пила бульон, в морду змее.

Пашка не понял, чего от него хотят, и начал крутить головой, соображая, откуда грозит опасность. Змея не обратила никакого внимания на крышку, пролетевшую рядом с ней.

Быстрее всех оказалась Ирия. Она успела выхватить усыпляющий бластер и поразила змею в то мгновение, когда ее зубы были готовы коснуться Пашкиной шеи.

Змея дернулась, тяжело, вяло, как мешок, соскользнула на землю и вытянулась во всю свою пятиметровую длину у Пашкиных ног. Он стал медленно отступать назад, приоткрыв рот и выставив перед собой руки... Но тут он ударился спиной о ствол соседнего дерева, отчаянно прыгнул в сторону и провалился в моховую подушку.

— Да, — сказала Ирия, задумчиво глядя на змею, — здесь не следует отвлекаться.

Пашка поднялся. Он был бледный и злой.

Ирия спрятала бластер и сказала:

— Я думаю, что мы достаточно отдохнули. Можно идти дальше.

— Конечно, — сказала Алиса, но идти дальше она не могла, потому что у нее дрожали коленки. У Пашки тоже.

Пока ребята приходили в себя, Ирия сфотографировала змею, взяла пробу ее яда, смерила температуру ее тела. Ирия никогда не теряла времени даром.

Алисе было стыдно, что она не помогает Ирии, но дотронуться до этого скользкого чудовища у нее не было сил.

Первым собрался с духом Пашка.

— Пошли, что ли? — сказал он угрюмо. — А то совсем темно станет.

Ирия тут же пошла вперед.

Больше ничего, достойного упоминания, не произошло. Через полчаса впереди стало светлее, и они увидели поврежденный «Днепр».

Но добраться до него оказалось непросто. Ударившись о землю и протаранив дорогу среди лесных великанов, корабль повалил множество деревьев, и они, перепутавшись корнями и сучьями, образовали баррикаду, через которую путешественники перебрались с великим трудом.

Корабль почти не пострадал от такой необычной посадки, только кое-где на корпусе виднелись царапины.

«Днепр» был безмолвен и как будто мертв. Капли дождя ударяли по его обшивке, на сломанной внешней антенне сидела черная ворона. При приближении людей она с громким карканьем поднялась вверх и полетела оповещать лес о том, что видела чужих.

Они остановились, не доходя ста шагов до корабля.

Ирия знаком приказала ребятам оставаться на месте, а сама осторожно подошла к «Днепру». Люк был открыт, но трап не был спущен. Ирии пришлось подпрыгнуть и подтянуться на руках, чтобы забраться внутрь корабля.

Целую минуту Ирия простояла в первом отсеке неподвижно, вслушиваясь, есть ли кто-нибудь на корабле. Потом исчезла внутри.

Пашка сделал шаг к «Днепру».

— Стой, — сказала Алиса. — Ты куда? Ирия велела ждать.

— Жди, если хочешь, — огрызнулся Пашка. — Я могу ей пригодиться.

Он шел, выставив перед собой бластер, и, видно, сам себе казался героем. Но тут, как назло, под ним обломился сук, и Пашка завяз в переплетении веток.

В проеме люка показалась Ирия.

— Там никого нет, — сказала она.

Ее голос показался слишком громким.

Ирия протянула руку, помогая Пашке взобраться в корабль, а Пашка помог Алисе.

Ирия включила аварийное освещение.

Коридор, ведущий к отсеку управления, был пуст. Там не было ни одного человека. На полу валялись вещи, которым не положено валяться на полу корабля: один башмак, чья-то записная книжка, открытая консервная банка, из которой натекла уже засохшая лужа сгущенного молока, золотой нагрудный знак пилота, хлебная корка, радиационный счетчик и, что самое удивительное, бластер.

В отсеке управления тоже были следы беспорядка. Один из дисплеев разбит, кресло штурмана опрокинuto, на полу разорванные штурманские карты, второй башмак...

Алиса спросила:

— Ты смотрела в каютах?

— Разумеется, — сказала Ирия. — Там то же самое.

— Значит, на них напали грабители, — уверенно сказал Пашка. — Сначала они увели людей, а потом стали тащить вещи. Но очень спешили и многое по пути потеряли.

— Скажи тогда мне, — спросила Ирия, — что пропало с корабля?

— Ну как я могу сказать? — удивился Пашка. — Я же не знаю, что было тут прежде.

— Я тебя поняла, Ирия, — сказала тогда Алиса. — Даже если не знаешь, что было, можно сказать, что должно быть.

— Правильно, — сказала Ирия. — Я была в каюте Тадеуша, там все разбросано, но ничего не пропало. — Она помолчала и добавила: — И кто-то разорвал мою фотографию.

— Ничего удивительного, — тут же предложил другую версию Пашка. — На них напали дикари, которые

не знают ценности вещей. Они хватали что придется и бросали.

Ирия как будто не услышала Пашку. Она продолжала:

— Обрывки фотографии валяются на полу, там же куртка Тадеуша. Он ее не надел. И талисман: медальон с локоном Вандочки. Тадеуш никогда не снимал медальон, ни днем, ни ночью.

Они еще раз обошли весь корабль, стараясь найти хоть какой-нибудь ключ к разгадке того, что случилось с экипажем. В каюте наследницы Афродиты валялись ее любимые куклы. В каюте мастера Гермеса Алиса нашла его заветный сундучок с инструментами.. Люди, покидая корабль, расставались с самыми дорогими их сердцу вещами.

Так ничего и не поняв, они вернулись в отсек управления.

Корабельный журнал — кассета с пленкой, на которой регистрируется вся жизнь корабля, — обнаружился под креслом. Они включили кассету. Алиса узнала голос капитана Полоскова. Вот он сообщает, что планета Крина в пределах видимости. Вот идет доклад о переходе на орбиту... Полосков говорит: «Странно: над планетой нет воздушных кораблей». После этого Полосков отдает команду начинать снижение. Последние слова Полоскова звучали так: «Высота восемь тысяч семьсот метров. Экипажу приготовиться к посадке. До моего разрешения никому корабль не покидать...»

И тут его голос оборвался, а вместо него Алиса услышала другой: то ли Зеленого, то ли Тадеуша. Голос произнес: «Какая чепуха!» Послышался чей-то смех. И запись оборвалась. Лишь тихо шуршала пленка...

— Вот и все, — сказала Ирия.

— Что делать дальше? — спросил Пашка.

— Если их нет в корабле, мы будем их искать вне корабля, — сказала Ирия.

— А как же Гай-до? — спросила Алиса. — Он нас ждет. Он же совсем беспомощный.

— Рано, — отрезала Ирия. — Мы еще ничего не узнали. А если сейчас нести контейнер с топливом к Гай-до, это... это займет всю ночь. И неизвестно, что нас ждет ночью в лесу. Постараемся обойтись собственными силами. Если до темноты ничего не обнаружим, про-

ведем ночь в «Днепре» Это безопаснее. Если бы я была одна...

Но Ирия оборвала себя. Может быть, ей хотелось сказать, что ребята для нее обуза. Но не сказала.

— Знаете, что мне это напоминает? — спросил Пашка.

— Что?

— Тайну «Марии Целесты». Читали?

— Я читала, — сказала Алиса. — А Ирия вряд ли.

Ирия отрицательно покачала головой.

— Много лет назад, когда корабли были парусными, в океане нашли «Марию Целесту». Корабль был совершенно цел, на плите стоял теплый чайник, все вещи были целы... и ни одного человека.

— И что же с ними случилось? — спросила Ирия.

— До сих пор эта тайна не разгадана, — ответил Пашка.

Они прошли по коридору обратно к выходу.

— Почему они не спустили трап? — подумала вслух Ирия, останавливаясь перед люком.

Алиса увидела, что Ирия глядит на запор люка. Запор открывался, если нажмешь на кнопку справа от люка. Вторая кнопка выпускала трап. Дублирующие кнопки были в отсеке управления. В крайнем случае можно было открыть люк вручную, повернув рычаг, — это было сделано на случай, если по какой-то причине откажут силовые установки, чего обычно не бывает.

Но кто-то, забыв о кнопках, старался выбить дверь, приспособив, как лом, толстый стальной прут. Краска с люка была сбита неверными, неточными ударами. Вмятины и царапины были на самом рычаге.

— Вот видишь, — сказал Пашка, — дикари-грабители все-таки здесь побывали.

— И вместо того чтобы пробиваться в корабль, они старались из него выйти, — ответила Алиса. — Очень остроумно.

— Не исключено, — сказал Пашка, — что рычаг закрылся случайно, а грабители не знали, как открывается люк.

— А наши смотрели, как они это делают? — спросила Алиса.

— Не веришь? Ну хорошо, у меня по крайней мере есть своя версия. А ты только критикуешь, — сказал Пашка. — Предложи свою.

— Не знаю, — честно сказала Алиса.

Ирия прыгнула на землю и принялась осматриваться в поисках следов. Но на мху и в переплетении ветвей трудно было что-нибудь отыскать. Алиса и Пашка, прыгнув за ней, тоже стали искать следы, бродя кругами вокруг корабля. Но с каждой минутой искать было все труднее. Смеркалось. Дождь разошелся не на шутку. Порывы дикого ветра раскачивали вершины деревьев.

В двадцати шагах от корабля на обломанном суче Ирия увидела лоскут от синей куртки. Кто-то зацепился за сук и потом, вместо того чтобы осторожно освободиться, так рванул, что рукав разорвался... «Значит, он спешил? Бежал?» — подумала Алиса. Но говорить ничего не стала. Она понимала, что Ирия не хочет обсуждать новые версии. Она представляет себе, что где-то здесь, может, раненый, может, попавший в плен, томится ее любимый Тадеуш.

— Все, — сказала Ирия. — Возвращаемся в «Днепр». Поиски продолжим с рассветом.

— Не согласен, — возразил Пашка. — У нас есть фонари. Нельзя терять ни минуты.

Он включил фонарь, но его яркий луч тут же запутался в переплетении ветвей.

От этого стало еще темнее. Белые стволы казались гигантскими привидениями. Дождь стегал по лицам. Кто-то пронзительно заверещал в чаще. Пашка выключил фонарь. Этим он признал, что не прав.

Когда они вернулись на корабль, Ирия обратилась к Алисе с вопросом:

— Как ты думаешь, включить прожектор?

Алиса поняла: с одной стороны, его яркий свет может быть маяком для членов экипажа «Днепра», если они заблудились. Но если они попали к врагам и враги так сильны, что смогли захватить большой корабль, они догадуются, что на корабле снова появились люди, и вернутся.

— Наверное, не стоит, — сказала Алиса.

Ирия кивнула.

Потом сказала:

— Занимайте капитанскую каюту. Спать будем все вместе.

Они перетаскивали туда матрасы из соседних кают. Алиса и Пашка легли не раздеваясь. Сил не было даже

выпить чаю. Пашка сразу уснул, но к Алисе сон не шел.

Потом она все-таки уснула, и во сне ей показалось, что кто-то ходит по каюте. Она осторожно открыла глаза, тускло горел ночник.

Дверь медленно открылась. Ирия вышла из каюты и прикрыла за собой дверь.

Алиса решила, что Ирия хочет проверить, хорошо ли заперт корабль. Она пролежала минут пять. Ирия не возвращалась. Алису охватило беспокойство. Она поднялась и вышла в коридор. Ирии нигде не было. Алиса дошла до люка. Люк был приоткрыт. Алиса осторожно выглянула наружу и увидела, как далеко, в сплетении ветвей, поблескивает луч фонарика. То остановится, замрет, то дрогнет, то пробежит по листве. Алиса поняла, что Ирия ищет следы. Она не посмела окликнуть ее, уселась у люка, вытащила бластер и стала ждать. А фонарик все бродил вокруг корабля, постепенно удаляясь. Наверное, прошло больше часа, прежде чем его огонек снова приблизился к «Днепру». Когда Алиса поняла, что Ирия возвращается, она тихонько поднялась, вернулась в каюту, спрятала бластер и накрылась одеялом. Еще через две минуты в коридоре слышались осторожные шаги. Дверь приоткрылась и затворилась вновь. Алиса закрыла глаза. Сопел Пашка, но дыхания Ирии не было слышно. Значит, Ирия не спит.

Может, сказать ей, что сочувствуешь и все понимаешь? Нет, не надо. Пускай Ирия думает, что Алиса спит. Так ей спокойней.

Алиса старалась дышать ровно и глубоко. И, согревшись под одеялом, заснула.

5. ГИБЕЛЬ МЕРКУРИЯ

Алисе показалось, что она спала одну минуту. И тут же ее разбудил бодрый голос выспавшегося Пашки: — Скорее, скорее выходим в поход!

Алиса вскочила. Пашка уже застегивал ремень с бластером и ножом.

Ирии не было.

— Ирия, — закричал Пашка. — Где ты?

— Я здесь, — слышался ответ. Ирия вошла в каюту. — Я встала пораньше, проверила все вещи Та-

деуша. Хотела понять, в чем он ушел, что взял с собой.

Алиса с первого взгляда поняла, что Ирия так и не спала.

— Ну и что? — спросил Пашка

— Очень странно, — ответила Ирия. — Он ушел, совершенно ничего с собой не взяв.

— Раздетый?

— Одетый. Так, как был одет в корабле. Но не так, как одеваются, выходя на незнакомую планету.

Ирия достала из рюкзака термос. Они выпили по чашке чая.

Снаружи был сизый туманный рассвет. Вата тумана покрывала поваленные деревья, и лишь некоторые ветки прорезали его и торчали наружу, словно руки.

— В пятидесяти метрах отсюда ручей, — сказала Ирия. — Там умоемся.

Ирия уверенно шла впереди, ловко перепрыгивая через сучья и пробиваясь между ветвей. Алиса оглянулась: «Днепр» нависал над ними, темный, гладкий, как заблудившийся в лесу бегемотище.

Там, где кончался поваленный лес, журчал среди корней ручеек.

Чтобы не промочить ног, Алиса забралась на ствол упавшего дерева, что лежал поперек ручья. Вода текла под ним. На дне что-то блеснуло. Алиса сначала подумала, что это рыбка. Но когда она опустила руку в воду, рыбка не уплыла. Алиса достала из воды золотую пуговицу от форменного мундира Космофлота. Пуговицами давно уже никто не пользовался, только моряки и космонавты упрямо сохраняли старую традицию.

— Ирия, смотри, — сказала Алиса. — Это наверняка пуговица Полоскова.

— Или механика Зеленого, — сказала Ирия.

— Значит, их здесь вели дикари, — сказал Пашка, — и они специально оставляли мелкие блестящие вещи, чтобы мы их нашли по следам.

Ирия ничего не ответила. Она смотрела вперед, где так же, как вчера, поднимались одинаковые светлые стволы деревьев. Лес затаился...

Ирия остановилась, выпустила из-за обшлага своего комбинезона пластинку-карту, сфотографированную с орбиты. Алиса заглянула ей через плечо. На карте было видно, что лес тянется до широкой реки, за которой начинаются поля.

— Нам к реке, — сказала Ирия

— Пойдем напрямик? — спросила Алиса печально. Она так устала прыгать по моховым кочкам и проваливаться в гнилые ямы.

— А может, спустимся по ручью? — ответила Ирия. — Он наверняка впадает в реку.

Вдоль ручья идти было веселее. Кое-где деревья расступались, и тогда было видно серое небо, по которому неслись быстрые облака. Правда, порой ручеек растекался, образуя широкое болотце, и приходилось углубляться в лес, чтобы обойти его.

Пашка осмелел, забыл о змеях и чудовищах и часто отбегал в сторону, в надежде отыскать еще какой-нибудь след. Но больше ему не удалось ничего отыскать.

Алисе хотелось есть, она знала, что в рюкзаке у Ирии были бутерброды и сок. Конечно, можно попросить ее сделать привал. Но просить не хотелось. Алиса была уверена, что Пашка сейчас думает о том же самом. Он-то любит поесть куда больше, чем обыкновенный человек, но тоже видит, как устремленно и неустанно шагает Ирия и как она порой оборачивается, бросая взгляд на спутников, и молча укоряет их за то, что отстают.

«Ничего, — уговаривала себя Алиса, — сейчас выйдем к реке, осмотримся, тогда Ирия обязательно сделает привал».

Берега ручейка стали круче, словно он почувствовал, что скоро ему встречаться с рекой, и начал энергичнее стремиться вперед, прорезая путь в земле. Им пришлось отойти от ручейка, и теперь они шагали по краю крутого обрывчика. Ручей, вобрав в себя ключи и родники, стал куда шире, глубже. Он громко журчал, перекачивая по дну камешки.

Впереди среди деревьев показался просвет — лес кончался.

И тут они увидели человека.

Человек сидел на земле, привалившись спиной к стволу и опустив голову на грудь.

Ирия подняла руку, приказывая спутникам не двигаться с места.

Затем вынула из кармана бинокль, вгляделась в неподвижную фигуру и передала бинокль Алисе. Та увидела лицо спящего совсем близко. И сразу узнала его, хотя человек был грязен, щеки его исцарапаны, а одежда разорвана.

— Меркурий! — закричала Алиса и бросилась к старику.

Конечно же, это был толстяк Меркурий, отец наследницы Афродиты. «Какое счастье, — подумала Алиса, — что мы так быстро нашли его. Сейчас тайна разрешится».

— Меркурий! — закричала она снова, спотыкаясь о сучья и проваливаясь в мох.

От вторичного крика Меркурий открыл глаза и увидел подбегающую к нему Алису. В глазах его был ужас. Он вскочил и попытался убежать. Но ноги плохо держали его.

Ирия, обогнав Алису, схватила его за руку.

— Не бойтесь! — закричала она. — Мы — ваши друзья.

Старик забился всем телом, словно животное, которое попало в западню. Он кусался, отбивался толстыми ногами, махал руками, и Ирия с трудом его удерживала.

А Алиса и Пашка прыгали перед ним, стараясь поймать его взгляд.

— Меркурий! — повторяли они. — Меркурий! Это мы! Это я, Алиса. Это я, Пашка Гераскин! Не бойтесь!

Но Меркурий продолжал вырываться из железных пальцев Ирии. Потом, стихнув, сказал плачущим голосом:

— Больно... мне больно...

— Только не убегайте, — сказала Ирия. — Мы не сделаем вам больно. — И она отпустила старика.

Тот начал растирать руки.

— Не надо, — повторял он, — я больше не буду.

— Меркурий, миленький, — испугалась Алиса, — что они с тобой сделали?

— Да, сделали, — согласился Меркурий, глядя мимо Алисы. — Больно.

— Кто они? — спросил Пашка. — Скажи, это дикари?

— Дикари, — согласился Меркурий.

— погоди, Паша, — остановила Ирия следующий вопрос Гераскина. — Меркурий в шоке. Ему нужно успокоиться.

Ирия обернулась к Меркурию и мягко сказала:

— Пожалуйста, успокойтесь. Все будет хорошо

Она открыла сумку с аптечкой, прикрепленной к поясу, и достала оттуда прозрачный шарик. Быстро приложила его к руке Меркурия и нажала. Шарик сплюснулся. Его содержимое влилось под кожу Меркурию.

— Не надо, — сказал Меркурий, отводя руку Ирии

Лекарство начало действовать сразу, хотя не совсем так, как надеялась Ирия.

Меркурий на самом деле стал куда спокойнее, но все равно не узнавал своих старых знакомых.

Ирия велела Алисе раскрыть рюкзак, достать еду. Угостили и Меркурия. Он вел себя странно. Держал в руке бутерброд, словно не знал, что это такое. Но, видно, был голоден и, увидев, что Алиса и Пашка уплетают бутерброд, совсем по-детски улыбнулся и затолкал свой бутерброд в рот. Он жевал и улыбался. Потом взял протянутый Алисой стакан сока и долго принюхивался к нему. Выпил сок. Протянул стакан Алисе и сказал:

— Надо. Каждый день. Правильно?

— Что делать? — вздохнула Алиса. — Он еще не пришел в себя.

— Наверно, его пытали, — сказал Пашка. — Посмотрите, какие синяки на плечах и глаз подбит.

— Он сам мог упасть, — возразила Алиса. Ведь Ирия сейчас думает: если это случилось с Меркурием, то что с Тадеушем?

— Я ничего не понимаю, — произнесла Ирия. — Я ждала всего что угодно, только не этого...

Меркурий хитро улыбнулся и потянулся к термосу.

Видно, он подумал, что в термосе тоже сок, никто не успел его остановить. Он хлебнул из термоса горячий бульон, завопил, стал отплевываться. Потом вскочил и сердито крикнул:

— Злые, злые!

Махнул рукой и побрел прочь.

Пашка засмеялся.

— Ты что? — удивилась Алиса.

— Смешно ведь!

Алиса хотела пойти следом за Меркурием, но Ирия ее остновила:

— Пускай он идет, может, ему станет лучше.

Они смотрели, как Меркурий медленно бредет по лесу. Шагов через сто он остановился. Оглянулся. Увидел, что его не преследуют.

— Ничего, — сказал он громко. — Это пройдет.

— По-моему, он приходит в себя, — сказала Алиса.

А Меркурий снова пошел прочь. Стволы скрывали его из виду, поэтому Ирия пошла за ним, но не спешила, чтобы не пугать старика.

Меркурий шел все быстрее. Он еще раз оглянулся, помахал им рукой, побежал...

Тут уж они все побежали следом.

Меркурий бежал неровно, зигзагами, как слепой, вытянув вперед руки, его фигура все уменьшалась, и странно было видеть, как быстро может бежать такой толстый и старый человек.

Вдруг он пропал.

Когда Алиса первой добежала до того места, где Меркурий будто растворился в воздухе, перед ней раскрылась широченная даль: она стояла на краю высокого обрыва. Далеко внизу поблескивала река, за ней до горизонта тянулась плоская равнина.

Рядом часто дышал Пашка.

— Где он?

Они смотрели вниз, старались отыскать на поверхности голову Меркурия. Но река была пустой, чистой и ровной, как полоска серого пластика.

— Почему он так? — подумал вслух Пашка. — Чего он испугался? Он сошел с ума?

Алиса дотронулась кончиками пальцев до руки Ирии. Она понимала, как переживает сейчас Ирия, которая представляет себе, что так же где-то в лесу блуждает и может погибнуть ее Тадеуш.

Алиса еле сдерживала слезы. Надо же, прожить столько лет под океаном, а погибнуть дома, на родной земле!

Алиса перевела взгляд на противоположный берег. За рекой были видны редкие, раскиданные по лоскутным полям, словно игрушечные, домики. Даже издали было видно, что они бедные, приземистые, крыты соломой, без труб. За домами снова начинался лес. На горизонте спичкой поднималась высокая башня или труба. Но это уже было так далеко, что даже в бинокль не разглядишь.

— Смотри! — сказал Пашка.

Из-за поворота показался гребной корабль. Посреди него поднималась высокая мачта с большим белым флагом, на котором был нарисован красный медведь.

Ирия рассматривала корабль в бинокль. Потом протянула бинокль Алисе.

Корабль приблизился настолько, что можно было разглядеть лица его гребцов и пассажиров.

Обнаженные по пояс, потные, угрюмые гребцы сидели на низких скамейках. Между ними ходил надсмотрщик с длинным бичом. Пассажиры собрались толпой на носу.

Нарумяненная толстая женщина с копной ярко-рыжих волос восседала на высоком стуле. Одета она была в длинный белый халат, на котором был нашит красный медведь. Вокруг женщины кольцом расположились еще несколько человек, облаченных в белые халаты с красными медведями. На некоторых были шапки, изображающие птичьи головы.

Пашка протянул руку, Алиса передала ему бинокль.

Пока Алиса разглядывала корабль, он уже приблизился. Снизу стали слышны голоса, крик надсмотрщика, который начал стегать бичом по плечам гребцов. Рулевой на корме навалился на тяжелое рулевое весло. Поток подхватил корабль и понес его под самым обрывом.

Пашка опустил бинокль.

— Что характерно, — сказал он, — никакой техники. Обратили внимание?

— Трудно было не обратить, — сказала Алиса.

Ирия между тем разглядывала берег. Она прошла шагов сто вверх по реке, туда, где обрыв выдавался уступом, и позвала ребят.

Там, за поворотом, берег отступал от обрыва. Внизу, на усыпанной камнями и заросшей невысоким кустарником площадке, уместилась покосившаяся хижина. Рядом с ней была видна вытащенная на берег лодка.

— Предлагаю спуститься к хижине, — сказала Ирия.

— Зачем? — спросил Пашка. — Наших надо искать в лесу.

— Там должны быть люди, — ответила Ирия. — Они что-то могут знать.

— Ирия права, — согласилась Алиса. — Лес большой.

Вскоре они отыскиали промоину, по которой скатывался к реке ручей. Спуск был крутой, в некоторых местах такой крутой, что приходилось прижиматься всем телом к откосу.

В трещинах росли колючки, из норок выглядывали пауки, ящерицы бесстрашно глазели на людей, не желая уступать дорогу.

От промоины сквозь кусты вела узкая тропинка.

Не доходя нескольких шагов до хижины, Ирия остановилась. Они с минуту прислушивались. Кругом все было тихо. На берегу никого. Тогда Ирия жестом велела друзьям подождать, а сама подошла к двери и постучала. Никто не ответил. Ирия постучала сильнее.

6. ДОЧЬ ПЕРЕВОЗЧИКА

Внезапно дверь резко распахнулась, и в проеме возник приземистый рыжий мужчина, одетый в серую рубаху и рваные черные штаны. В руке он держал топор и готов был пустить его в дело.

— Ты чего? — спросил он.

— Уберите топор, — сказала Ирия. — Что за манеры?

— Манерам не обучен, — ответил оборванец, не опуская топора. — Уходи, пока цела.

— Я не желаю вам вреда, — сказала Ирия, — но мне надо с вами поговорить.

— Человеческого языка не понимает! — удивился рыжий. — Бе-пе, что ли? От вас, бе-пе, добра не жди.

С этими словами он захлопнул дверь.

Но Ирия не сдавалась.

— Погодите, — сказала она, понимая, что за дверью слышно каждое ее слово. — Я пришла издалека. Я никакая не бе-пе. Я не знаю, что это такое «бе-пе». Я потеряла моих друзей. Скажите, пожалуйста, сюда не приходили люди, одетые как я?

— Убью! — раздалось из-за двери. — Не уйдешь сейчас, догоню и убью.

— С ума вы здесь все посходили, что ли? — удивилась Ирия. — Я прошу вас ответить добром.

— Я тебе сейчас отвечу!

Дверь с грохотом раскрылась, и рыжий с занесенным над головой топором выскочил из нее. Если бы Ирия не отшатнулась, он мог бы ее разрубить. Но Ирия ловко перехватила руку оборванца, заломила ее за спину, он согнулся до земли, выронил топор и сразу заныл:

— Тетенька, не надо, я тебе плохого не сделал! Мы люди маленькие, никого не видим, ничего не слышим, возим людей на лодке, как прикажет поклон Таракан, помилуй!

Из-за хижины выбежала рыжая девушка, одетая в платье, сшитое из какого-то мешка, и с криком:

— Не смей трогать моего отца! — кинулась на Ирию, как разъяренная кошка.

Одна рука у Ирии была занята — она держала оборванца, — и она с трудом стала отбиваться от девушки.

Тут Пашка пришел на помощь Ирии, а Алиса, видя, в какой клубок сплелись все четверо, схватила с земли топор, закинула его в воду и закричала:

— Прекратите драку! Я вам приказываю!

Получилось так громко, так повелительно, что все замерли, и клубок распался.

На поляне перед хижинной наступила тишина.

Отец девушки сидел на земле и тер кисть правой руки, видно, Ирия больно сжала ее. Девушка и Пашка стояли друг против друга, как два бодливых козла.

— Если вы нам скажете, видели ли вы наших друзей или нет, мы сразу уйдем, — сказала Алиса.

— Мы ничего не знаем, — сказал упрямо оборванец. — Куда мой топор дели? Мне без топора нельзя.

— Он в воде у берега лежит, — показала Алиса.

Мужчина сразу поднялся и полез в реку. Нагнувшись, он шарил руками в воде и громко ворчал.

Пока он был занят, девушка тихо сказала:

— Видела я твоих друзей. В лесу они.

— Где в лесу? — спросила Ирия.

— У помников, — сказала девушка.

— Сколько их было? — спросила Ирия. — Они здоровы? Кто такие помники? Они не причинят вреда нашим друзьям?

— Я сразу на все ответить не смогу...

— Отвечай по порядку. — Пашка показал ей кулак.

— А ты прикажи своему мальчишке, чтобы он не дрался, — сказала девушка. — А то ничего не скажу.

— Паша! — воскликнула Ирия. — Неужели ты не понимаешь, что в такой момент...

— Понимаю, — ответил Пашка и сделал шаг в сторону.

— Я была в лесу, — сказала рыжая девушка, — и видела там помников.

— Молчи, Речка! — завопил тут оборванец. — Хватит того, что я уже пережил.

Он, мокрый по пояс, вылез из реки, держа в руке свой топор.

— Папаша, — девушка подошла к нему и отняла топор, — не вмешивайся. Ты не все понимаешь.

Она обернулась к Ирии и объяснила:

— Мой отец здесь перевозчик. И все его обижают. Кто хочет, тот и обижает. А он огрызается, как дикий кот.

— Чтобы слова такого я больше не слышал! — не сдавался отец девушки. — Чтоб о помниках ни слова. А если какой поклон или вкушец услышит?

— Зря я к тебе вернулась, — сказала Речка. — Кричишь ты много!

— А ты, может, и не ко мне вернулась! Может, ты на подглядки вернулась.

Ирия улучила паузу в этом не очень понятном для посторонних споре и вмешалась:

— Вы обещали рассказать о наших друзьях.

— А что еще рассказывать? Помники с ними были. Значит, в Убежище повели.

— Простите, — сказала Ирия, — мы здесь новые люди. Мы здесь первый день. Мы не знаем, кто такие помники, что такое Убежище, где все это находится. Помогите нам, пожалуйста.

— Ни в коем случае! — разозлился перевозчик. — Я ее не пушу.

— Не надо пускать, — сказала Ирия. — Вы только скажите, куда нам идти, мы сами.

— В лесу самим нельзя, — сказала девушка, — в лесу помереть можно.

— А ты за нас не беспокойся, — сказал Пашка. — Справимся. У нас бластеры.

— В лес нельзя, — сказал перевозчик. — В лесу смерть ходит. Где Ручеек? Нет Ручейка!

— Он придет, — сказала девушка.

— Когда придет? Ты все говоришь, а он не идет.

— Когда надо будет, тогда и придет.

— Сейчас надо.

— Сейчас рано.

— Порченная ты, помниками порченная! — закричал перевозчик, глаза его побелели, он стал водить руками по траве, словно искал свой топор.

— Я вас проведу, — сказала девушка. — Я вас до беспамятной ямы проведу, до каменной дороги.

— Никуда ты, Речка, не пойдешь, — повторил перевозчик.

— Только не сейчас, — сказала девушка. — Когда все проплывут, тогда и пойдем.

— Кто проплывет? — спросил Пашка.

— Я думаю, два остались, — сказала девушка, — но кто знает? Может, еще кого позвали.

Алиса кивнула, будто поняла.

— Должны вот-вот появиться, — продолжала девушка. — Только вам тогда по берегу лучше не гулять. Вдруг стрельнут?

Перевозчик насторожился. У него был отменный слух.

— Едут, — сказал он.

Девушка выглянула из-за угла хижины. Пашка хотел бежать на берег, но перевозчик остановил его:

— Куда собрался? Ты же одет по-чужому. Они тебя мигом схватят. А меня задушат.

Из-за хижины Алиса увидела, что по реке плывет новый корабль. Больше всего он был похож на огромное долбленое красное корыто, посреди которого торчала толстая мачта с парусом. На парусе был грубо нарисован павлин. На корме стоял шатер из синих и желтых полос ткани.

— Сам, — сказал печально перевозчик. — Сам поклон Таракан.

Тут «корыто» начало поворачивать к берегу. Матросы убирали парус, рулевые повисли на рулевом весле, заставляя неповоротливое судно двигаться, куда надо.

На корме перед шатром можно было разглядеть человека в полосатой, цвета шатра, одежде. Он махал руками, суетился, грозил кулачком матросам.

— Прятаться надо, — сказала Речка. — Ты чего, отец, молчишь?

— Идите, — согласился перевозчик. — А я дань заплачу!

Девушка вывела путешественников из-за хижины, и, пригибаясь, чтобы их не увидели из «корыта», они побежали к кустам. Там они и затаились.

И вовремя. Еще через три минуты «корыто» приблизилось к берегу и ткнулось носом в песок. Матросы, голые, если не считать коротких полосатых юбочек, сбросили с борта мостки, и по ним быстро сбежал невысокого роста горбун, что командовал «корытом». За ним спустились стражники в полосатых, синих с жел-

ным, таких же, как у господина, костюмах с копьями в руках.

Вся эта компания остановилась на берегу, и один из стражников закричал:

— Синий Нос! Синий Нос, предстань пред грозные очи!

Перевозчик мелкими шажками подбежал к горбуну, упал на колени и принялся биться головой о песок.

— О, славный, грозный Таракан! — кричал он. — О, великое хвостатое крылатое существо, поклон ты наш!

— Почему его зовут тараканом? — спросила Алиса шепотом у Речки.

— Потому что это его герб, — ответила девушка. — Видишь, на парусе нарисован?

— Но это же павлин, — сказала Алиса.

— Таракан не такой, — вмешался Пашка. — Он маленький, черный или рыжий, он с усами, он бегаёт. Он — насекомое!

— Я-то знаю, — загадочно ответила девушка, — а другие не знают.

Между тем перевозчик по закону поклона Таракана протянул ему мешочек. Горбун вытряхнул из него на ладонь несколько монеток.

— Мало, — сказал он.

— Знаю, что мало, поклон Таракан, — печально ответил перевозчик. — Да никто не платит. Времена такие, что никто не платит.

— Врешь! — закричал Таракан высоким голосом. — Все таишь! Поклоном норовишь стать! Сапоги тебе целовать будут?

По знаку горбуна стражники вытащили из-за поясов плети и принялись стегать рыжего перевозчика, который валялся в ногах у горбуна и клялся, клялся, клялся, что ни монетки не спрятал, что с голоду опух, дочку не может замуж выдать, потому что нечего за ней дать.

— Чего же мы ждем! — возмущенно прошептал Пашка. — Можно, я их проучу?

— Не смей! — испугалась Речка. — Ты все погубишь. Так надо, чтобы бить. Так всегда делают. Иначе рабы слушаться не будут.

— Ты мне и без того уже столько монет недодал сколько дней в году, — сказал горбун. — Как расплавиться будешь?

— Вы же меня на место определили, поклон Таракан! — взмолился Синий Нос. — Сколько дают, столько отдаю. Может, помру скоро на этой работе.

— Что же делать? — Горбун пересыпал с руки на руку монетки. Стражники перестали лупить перевозчика, утомились. — А ну, показывай дочку. Может, и в самом деле осчастливлю тебя, за долги возьму, в хорошем доме будет жить, кушать из серебряной миски.

— Нету дочки, — ответил Синий Нос.

— Как так нету?

— В лесу она. Грибы собирает. Грибов не соберешь, что зимой жевать будем?

— Врешь! — сказал горбун. — Врешь, гладиолус вонючий! А ну, всыпьте ему, пока не сознается, где прячет свою дочь.

Стражники принялись снова хлестать перевозчика.

— Ну зачем он обо мне сказал? — расстраивалась Речка. — Совсем старый стал, не понимает.

— А почему такое странное ругательство? — спросил Пашка. — Разве у вас гладиолусы вонючие?

— Не все ли равно, — отмахнулась девушка. — Если человек бедный, подлый, ничтожный, то и имя у него некрасивое. А если благородный, богатый, то мудрецы придумают ему красивое имя.

— Значит, гладиолус хуже таракана?

— Значит, хуже, — сказала девушка.

На реке показался еще один корабль.

Это было совсем удивительное сооружение: большой плот из толстых бревен, на котором возвышался дощатый помост, устланный шкурами и коврами. По бокам плота медленно вращались, ударяя ступицами о воду, большие колеса, как на старинных колесных пароходах. На помосте стоял громоздкий резной шкаф. Вокруг шкафа выстроились люди в лиловых рясах, круглых шляпах, из-под которых свисали черные чадры с прорезями для глаз.

Стражники прервали экзекуцию и дружно повалились на колени. Матросы на «корыте» тоже пали ниц. Только горбун остался стоять, глядя, как плот поворачивает к берегу.

— Это еще кто? — спросила Алиса.

— Это сам повелитель грома и луны, верховный Клоп Небесный, первый вкушец королевства.

— Ой, — сказал Пашка, — можно понятнее?

— Можно, — спокойно ответила девушка. — Первый вкушец — это верховный жрец нашей земли. Вы знаете, что такое жрец?

— Конечно, — ответил Пашка, — это первобытный священник.

— Вот именно. У нас их называют вкушецами. Это приличнее.

— Почему приличнее?

— Потому что жрец жрет. А наши не жрут, а вкушают. Им кажется, что вкушец — более красивое слово.

— Любопытно, — сказала Алиса. — Станный пароход. Колеса крутятся, а трубы нет. Где же у него котел?

— Какой котел? — не поняла девушка.

— А колеса крутятся?

— А ты присмотришься, — сказала Речка.

Плот уже подошел поближе и тут Алиса поняла, что она ошибалась. Колеса вращали люди, человек по десять каждое. Как белки в колесе они работали ногами, потные, голые, несчастные.

— Это рабы? — спросил Пашка.

— Это грешники, — сказала Речка. — Бедные грешники.

— А в чем же они согрешили?

— Кто в чем, — сказала девушка. — Может, помник попался, может, вкушецу не заплатил, или украл что-нибудь, или высморкался в храме. Много бывает разных грехов.

— Их надо всех освободить! — сказал Пашка.

— Смотри, какой смелый! — улыбнулась Речка.

Когда плот подошел к берегу, люди в лиловых рясах распахнули дверцы шкафа, и оттуда вышел очень худой сутулый человек, одетый так же, как остальные жрецы, только на голове у него, словно корона, сияло золотое солнце.

Жрецы склонились перед ним.

— А почему у них лица закрыты? — спросил Пашка.

— Потому что они вкушецы звезд и ночи. И никто не должен видеть лица ночи.

— Слава тебе, знаменитый Клоп! — сказал горбун.

— Почему ты задержался? — спросил главный жрец. Голос у него был глухой, потому что он говорил сквозь чадру.

— Навожу порядок среди моих рабов, — сказал поклон Таракан.

— Хорошо, что я тебя догнал, — сказал жрец. — Надо поговорить.

— Слушаю и повинуюсь. — Горбун протянул руку чтобы помочь жрецу сойти на берег.

— Отойдем, — сказал Клоп Небесный. — Чужие уши не должны слышать наших высоких бесед.

— Воистину, — ответил Таракан.

— Клоп с Тараканом, — фыркнул Пашка. — Смешно!

— Никто не думает, что это смешно. А кто подумал, уже умер, — сказала Речка.

Горбун в полосатом наряде и лиловый жрец с солнцем на голове пошли к кустам. За ними, на некотором отдалении, последовали стражники и монахи.

Горбун остановился совсем рядом с затаившейся в кустах Алисой.

— Вроде бы здесь можно поговорить, — сказал он.

— Да, они не услышат, — ответил жрец.

Они зашли за куст, и жрец откинул чадру. Под ней оказалось бледное лицо, изрезанное морщинами. Из вышитой бисером сумки, что висела у пояса, жрец достал кисет и курительную трубку. Набил трубку табаком, потом вытащил из сумки кремь и огниво. Раскурил трубку Горбун стоял молча, глядел на жреца. Потом спросил:

— И какое же наказание положено тобой, Клоп Небесный, за такой грех?

— Медленное поджаривание на костре, — ответил тот, усмехнувшись — Курение — страшный грех...

Жрец с наслаждением затянулся.

— ...с переходом всего имущества твоему храму, — закончил горбун прерванную жрецом фразу.

— Не пропадать же деньгам грешника, — кивнул жрец

— Тогда и я согрешу, — сказал горбун.

— Греси, уважаемый Таракан, — согласился жрец.

В руках горбуна оказалась плоская медная фляга. Горбун отхлебнул из нее и спросил, вытирая тонкие голубые губы:

— О чем ты хотел поговорить со мной, властитель звезд?

— Там, в Убежище, — сказал жрец, — как доносят мои люди, есть много странных и даже чудесных вещей.

— Я слышал об этом, — согласился горбун.

— Плохо будет, если они попадут в руки недостойным.

— Или дуракам, — сказал горбун.

— Как видишь, мы мыслим с тобой одинаково, мой ученик, — сказал жрец. — Главное — не высовываться. Наши отряды невелики.

— Конечно, — сказал горбун, прихлебывая из плоской бутылки — Эти бандиты-близнецы приведут с собой целую орду мерзавцев.

— И его Повелительство имеет армию.

— Наши люди не пойдут в первых рядах, — сказал горбун.

— Они должны остаться в живых...

— Чтобы забрать все чудесные вещи, что спрятаны нечестивцами.

Заговорщики замолчали.

Алисе очень хотелось чихнуть. Но она лежала так близко к горбуну, что видела каждую ниточку на его полосатых штанах.

«Он же похож на осу, — подумала она. — На желто-синюю осу».

— А теперь мне хотелось поговорить с тобой еще об одном деле, — сказал жрец, понижая голос.

— Я слушаю, несравненный Клоп.

— Наше Повелительство великий Радикулит...

— Да славится имя его! — воскликнул горбун.

— Да славится имя его, — тихо повторил жрец, — стареет.

— Но он еще крепок.

— Он еще крепок, но стареет. И мы обязаны думать о том, кто займет его место в случае несчастья...

Алисе жутко хотелось чихнуть. Она чесала переносицу, но не помогало, она извивалась на песке, стараясь удержаться...

И чихнула!

Заговорщики подпрыгнули от неожиданности и бросились бежать к берегу.

Впереди неся Клоп Небесный, подобрав лиловую рясу и мелькая худыми голыми ногами. За ним, подпрыгивая, семенил горбун.

— Стража! — кричал он на бегу. — Оцепить кусты! Никто не должен уйти живым! Там враги! Там подглядчики.

— Бежим! — крикнула Речка.

Она первой кинулась в гущу кустарника. Колючки цеплялись за рукава, корни — за башмаки, сзади доносились вопли.

— Сюда! — крикнула Речка и пропала из глаз.

Оказалось, что в гуще кустарника есть лаз. Алиса нырнула туда.

Пещера. Вернее, яма в обрыве, тесная и сырая. Вчетвером они еле в ней поместились.

— Теперь тихо, — сказала Речка. — Я думаю, они нас не найдут. Я тут уже не раз пряталась.

— Зачем пряталась? — спросил Пашка.

— То работорговцы, то люди горбуна, то разбойники — мало ли кто хотел меня утащить.

— Ну и жизнь, — сказал Пашка. — Никакой справедливости.

— А какая может быть справедливость для бедных?

— С этим надо кончать, — сказал Пашка.

— Трудно.

— Но ведь раньше было иначе, — сказала Алиса.

— Тише, — прошептала Ирия.

Алиса понимала: Ирию сжигает желание скорее вернуться в лес, найти Тадеуша. И раз приходится терпеть и ждать, она будет терпеть и ждать, но мысленно она не здесь, она в лесу.

Переключались голоса. Солдаты и жрецы прочесывали кусты в поисках злоумышленников.

В пещерке было душно, с потолка сыпалась земля. Казалось, что прошел целый час, прежде чем крики солдат утихли.

— Можно вылезать? — прошептал Пашка.

— погоди, — ответила девушка, — они могли затаиться. Вкушечки ужасно хитрые. Они привыкли ловить людей. Люди думают, что опасность миновала, а они сидят и подстерегают.

И снова потянулось ожидание.

— А кто такие помники? — спросила вдруг Ирия. — Они живут в лесу?

— Они живут в Убежище, — сказала Речка.

— Они плохие?

— Все думают, что они плохие, а они хорошие.

— Они не причинят вреда нашим друзьям?

— Если ваши друзья хорошие, то не причинят.

— А почему они живут в лесу?
— А где же еще жить? — спросила девушка.
— А почему твой отец их не любит?
— А помников никто не любит, — ответила Речка. — Их боятся. Вы же слышали, Клоп с Тараканом собираются в поход на помников.

— Почему?
— Потому что помники крадут детей.
— Так это же плохо!
— Это хорошо, — уверенно сказала девушка. — Они моего брата украли. И меня украли. Только я вернулась.
— Убежала? — спросил Пашка.
— Нет. Я подглядчица, — сказала Речка.
Пашка ничего не понял. Речка прошептала:
— Я вылезу наружу, посмотрю...
— Осторожнее, — сказала Ирия.
— Я очень осторожная, — ответила Речка и выбралась из пещеры.

Алиса смотрела ей вслед. Девушка проползла между кустами и замерла, прислушиваясь.

В кустах возник какой-то шум.

— Осторожнее! — прошептала Алиса.

Но девушка поднялась и пошла навстречу шуму.

Из кустов вышел ее отец. Он хромал, голова была разбита, бровь рассечена, струйка крови стекала по щеке.

— Отец! — побежала к нему Речка. — Они тебя совсем замучили!

— Ты жива! — обрадованно воскликнул перевозчик. — А я уж не знал, чего думать.

Девушка сорвала лист с куста и стала вытирать отцу щеку.

— Негодяи! — говорила она. — Они за это поплатятся.

— Не надо так говорить, — перевозчик опасливо оглянулся. — У них везде уши.

— Не бойся, недолго осталось терпеть

— Нет, не говори так, не говори!

— Вылезайте. — Девушка обернулась к пещере. — Они уплыли.

— И так серчали, — сказал перевозчик, увидев, как его гости вылезают из-под земли и отряхивают с комбинезонов грязь. — Так серчали, чуть меня не убили. Я

им сказал, что у нас здесь странная птица завелась — кричит, словно человек чихает.

— И поверили?

— Может, поверили, может, не поверили, откуда им знать, что в лесу водится. Но спешили сильно. Им в Город надо.

Когда все вышли на берег, то увидели, что плот Клопа Небесного и «корыто» горбуна уже отплыли довольно далеко.

— Я выведу их наверх, — сказала Речка отцу. — И вернусь.

— Нет, — сказал перевозчик. — Я с тобой пойду. А то ты опять в лесу пропадешь. Сколько мне одному бедовать?

— Не бойся, я вернусь, — сказала Речка. — Мне здесь до вечера сидеть, смотреть, кто по реке плывет. Вечером уйду. Так договорено. Так что ты оставайся. Если без меня кто проплывет, помни и все расскажешь.

— Ты их далеко не води, — сдался перевозчик. Глаз у него распух, на щеке ссадина, он стал еще страшнее, чем прежде.

— Не бойся, — снова повторила девушка.

— Ты одна у меня осталась! — горестно сказал перевозчик.

Когда они забрались на крутой обрыв и, переводя дыхание, поглядели вниз, хижина перевозчика показалась им махонькой, игрушечной, а сам Синий Нос, что стоял рядом, задрал голову и стараясь разглядеть дочь на обрыве, был ростом чуть больше муравья.

Лес в том месте подступал близко к обрыву, и от него тянуло сыростью, влагой, тусклым запахом мхов и грибов.

Речка долго вглядывалась вверх по реке. Но река была пуста.

— А почему ты за ними следишь? — спросил Пашка.

Хоть они сначала и повздорили, с Пашкой Речка чувствовала себя свободней, чем с остальными.

— Надо, — коротко ответила девушка.

Она присела на корточки, сорвала несколько длинных травинок и принялась плести из них какую-то сложную косичку. Ее пальцы летали так быстро, что трудно было уследить из их движением.

— Это, — сказала она, обращаясь к Ирии, — вы отдадите первому же помнику. Скажете, что от Речки.

— Это пароль? — спросил Пашка. — Чтобы нас не убили?

— А зачем вас убивать? — удивилась девушка. — Если вы до помников доберетесь, никто вас не убьет. Вы только доберитесь. Не помрите по дороге.

— А как мы узнаем, кому отдать? — спросила Ирия, пряча косичку в карман комбинезона.

— Ну разве ты помника не отличишь?

— Нет, — улыбнулась Ирия. — Ты забываешь, Речка, что мы здесь еще ничего не знаем.

— Отличишь, — уверенно сказала Речка и первой направилась к лесу.

Они вступили в его тень. Белесые стволы сомкнулись со всех сторон, под ногами пружинили моховые кочки. Небо пропало из глаз.

— Чем помники от остальных отличаются? — спросила Алиса.

— Они... они такие, как я. Обыкновенные.

— Твой отец помник?

— Нет, разве не видно? — удивилась девушка. — Мой отец простак. Как все люди там... — Речка показала назад.

— А в лодках были простаки?

— В лодках не было простаков, — поморщилась девушка. — Какие вы непонятливые! В лодках были поклоны, вкушецы и их слуги. И солдаты. Разные люди. А простаки работают. Землю пашут, сапоги тачают. Их можно бить. А поклонов и слуг бить нельзя.

— Вот это уже понятнее, — сказала Ирия. — А почему помники живут в лесу?

— Они не живут в лесу! — Речка была в отчаянии, что ее новые друзья не понимают простых вещей. — Они живут в Убежище. Там есть над чем думать. И их найти трудно.

— То, что ты называешь Убежищем, за лесом?

— До Убежища лес, — сказала девушка. — И за Убежищем тоже лес. И горы. Вы разве не знали?

— Не знали, — сказала Ирия.

Речка остановилась, огляделась. В лесу было тихо. Лес затаился, словно прислушивался к шагам людей.

— Здесь я прошлый раз оборотня встретила, — сказала Речка. — Еле убежала.

— Оборотня? — повторил Пашка. — А во что он оборачивается?

— Может в летучую мышь, а может в сову, — сказала девушка. — Кто знает! Они опасные.

— Нет, — сказал Пашка, — эта планета требует большой специальной экспедиции. Чем больше я по ней путешествую, тем более загадочной она мне кажется.

— А ничего загадочного, — откликнулась Речка. — Только безобразий много.

— Речка, — спросил Пашка, — а ты знаешь, что раньше это была очень развитая страна? И отсюда даже летали космические корабли.

— Ты честно говоришь?

— Честное слово. Ваши даже к нам прилетали.

— Когда будешь в Убежище, скажи об этом пигмею Хрусту, — попросила девушка. — Он очень обрадуется.

Справа что-то светлело.

— Там что? — спросила Алиса.

— Туда нельзя, — ответила девушка — Вы вообще в лесу бойтесь ям, особенно если в них туман.

— Почему?

— Там пауки бывают. Или еще хуже.

— А что хуже? — спросил Пашка.

— Попадешь в яму, станешь бе-пе.

— Вместо того чтобы пугать, — сказал Пашка, — лучше бы объяснила.

— Ну как тебе все объяснишь, если ты простых вещей не понимаешь! — ответила Речка. — Я же сказала: видишь яму — беги.

— А еще от чего бежать?

— А в лесу, если что незнакомое, обязательно беги.

— Ничего, мы вооружены, — сказал Пашка.

— Слышала я уже это от тебя Много твое оружие поможет, если в туман попадешь? Твои-то попали, видать.

— Кто? — быстро спросила Ирия.

— Кто? Твои друзья. Видела я их. Бе-пе! Ясное дело.

— Я так больше не могу! — воскликнул Пашка. — Говори по-человечески.

— Тише! Пигмеев атани спугнешь. И без шкуры останешься. Все! Дальше мне хода нет. Теперь держите на то белое дерево. Никуда не сворачивайте, поляну обойдите по краю, чевире неопасные, но противные, потом не отмоешься. У того дерева начнется каменная дорога. По ней идите быстро, не разговаривайте. Чуть какой шум — прячьтесь в кусты и ждите. Через час уви-

дите белую полосу поперек дороги. Там встаньте. Выйдет караульщик. Это помник, наш. Отдашь ему плетенку. Скажешь на словах, что вечером буду, как договорено. Есть важные новости. Ясно?

— Ясно, девочка, — сказала Ирия.

— Я бы пошла с вами, да не могу, некогда.

— Мы увидимся, — сказала Ирия.

— Обязательно увидимся.

Пашка протянул девушке руку.

— Ты чего? — спросила она.

— Руку даю, — сказал Пашка. — Прощаюсь.

— Так у вас делают? — спросила Речка.

Ирия уже шла впереди.

— Пашка, не задерживайся, — сказала Алиса. Речка провела себе ладонью по щеке — так прощаются на Крине.

Девушка стояла, смотрела им вслед — тоненькая, в сером рубище, длинные рыжие волосы рассыпались по плечам.

Такой Алиса и запомнила Речку.

7. ПИГМЕИ АТАНИ

Метров через сто они вышли на поляну. Поляна была невелика, она густо заросла высокой сочной травой. Мирная поляна, тихая, только бабочки выются над ее серединой.

— Не вижу чевирей, — сказал Пашка.

— Ну и хорошо, — ответила Алиса.

— Может, пройти напрямик?

Ирия, которая огибала поляну, прижимаясь к кустарникам, ответила не оборачиваясь:

— Паша, я бы тебя в экспедицию с собой не взяла. Если есть предупреждение, всегда выполняй его. А то будет поздно.

— Слушаюсь, капитан, — ответил Пашка, который уже раздумал идти напрямик, он отломал толстый сухой сук и кинул его в центр поляны.

И тут же из густой зеленой травы высунулись многочисленные розовые щупальца, тонкие, гибкие, быстрые. Они закрутились, разыскивая, кто потревожил их покой. И над поляной повис густой неприятный запах.

— Пашка, тебя же предупреждали! — воскликнула в сердцах Алиса, спеша вперед, потому что дышать было невозможно.

Вонь еще долго преследовала их.

— Ведь предупреждали, почему ты никому не веришь? — возмущенно воскликнула Алиса, остановившись перевести дух.

— Доверяй, но проверяй, — повторил Пашка чью-то глупую фразу.

Громадное белесое дерево-великан в три обхвата возникло перед ними. Оно было таким старым, что в коре, источенной норами и дуплами, живого места не было. Обитатели коры — насекомые, зверьки, птицы — высунулись, глаза на гостей.

Ирия первой обогнула дерево, прошла несколько шагов и остановилась. Ударила каблуком башмака по земле. Звук был гулким, твердым.

— Девочка была права, — сказала она.

Когда Алиса догнала Ирию, она увидела, что та стоит в начале бетонной дороги. Она была старая, по ней давным-давно никто не ездил. Между бетонными плитами росли кусты и даже маленькие деревья, края плит раскрошились. Но это была самая настоящая дорога.

— Еще одно предсказание сбылось, — заявил Пашка. — Теперь мы скоро дойдем до наших помников.

— Погоди, Пашка, — сказала Алиса. — Велели же не разговаривать. Только не представляю, как тебе это удастся.

— А вот посмотришь, — ответил Пашка и пошел по дороге рядом с Ирией, которая вытащила бластер из-за пояса и шла, стараясь беззвучно наступать на бетон, оглядываясь и прислушиваясь к звукам леса.

Так они шли несколько минут. Но до белой полосы не дошли.

Внезапно с обеих сторон раздался оглушительный визг, крики, треск ветвей. И отовсюду, даже будто из-под земли, появились маленькие юркие черные мохнатые тела...

Алиса даже не успела ахнуть, как под тяжестью мохнатых тел упала на бетон. Раздался выстрел, кто-то успел выстрелить — Пашка или Ирия. От существ, которые напали на путешественников, пахло шерстью, потом и мускусом. Они так суетились, дергали Алису,

кричали, щебетали, таким тяжелым комом навалились на нее, что она испугалась: сейчас задохнется.

Ее потащили в лес...

Они не знали, что попали в плен к пигмеям атани. И не знали, что пигмеи, ловкие, цепкие, как обезьяны, живут в кронах деревьев, где вьют большие гнезда из сучьев, сражаются со стадами обезьян и драконами, которые разоряют их гнезда и воруют детей, и что у пигмеев есть тайные святыи места, где они скрывают своих идолов и сокровища, что находят в заросших лесом городах. Ну и конечно, они не знали, что есть на Крине рыцари, из которых самые отчаянные посылают отряды, чтобы выслеживать пигмеев и отыскивать эти тайники. И уж совсем не знали, что, кроме братьев Кро-тов, это мало кому удастся. Это лишь потом они узнали, что если пигмей попадется в лапы Крота или подобного ему лесного рыцаря, то вряд ли он вырвется на свободу. Скольких пигмеев эти разбойники уже замучили, чтобы выпытать секреты их тайников! Скольких сгноили в заброшенных шахтах! Зато если пигмеям попадется в руки рыцарь или стражник, они к ним беспощадны. Речку или помника они не тронут — они их угадывают по одежде. Но за рыцарями они охотятся. А Ирию и ее друзей они приняли за рыцарей.

Ничего этого наши герои, разумеется, не знали. Их волокли, как пойманных кабанов, скрутив лианами руки, по кочкам в чащу, в темноту, подальше от дороги.

Ветви стегали их по лицу и плечам, и не закроешься от ударов, лианы так сильно стягивали руки, что они затекли: вокруг пересвистывались пигмеи — мохнатые темные человечки, которые казались быстрыми тенями. Под их ногами чавкала вода. Потом они продрались сквозь переплетение колючих ветвей и оказались в низине, окруженной сплошной стеной кустов и деревьев. В центре низины горел громадный костер, вокруг стояло несколько шалашей. Шалаши эти были временными, только раз в году пигмеи атани собирались сюда на священный праздник Белой Господинки. В этот день сокровища вынимают, и пигмеи любуются ими, тут же приносят жертвы, совершают священные пляски, посвящают молодых пигмеев в охотники, продают и покупают невест. И главное — в этот день они смотрят на Белую Господинку, Хранительницу Леса, мать пигмеев.

Пигмеи думают, что эта статуя родилась вместе с лесом в древние времена из корней деревьев. Ничья рука не касалась ее...

Пленников бесцеремонно бросили на землю и, казалось, о них забыли. Алиса смогла, наконец, разглядеть пигмеев.

Они были невелики ростом, по пояс взрослому человеку. Старые охотники украшали себя ожерельями из кабаньих клыков, а красавицы вдевали эти клыки в нос и в уши. Если пигмею удавалось найти в лесу или в заброшенном городе какую-нибудь красивую, с его точки зрения, вещь, он ее использовал как украшение. Поэтому в мочке уха одного из пигмеев висел ржавый гвоздь, у другого на груди — будильник без стрелок, а у самого знатного в густые волосы была воткнута позеленевшая дверная ручка.

Пигмеи занимались своими делами. Женщины сортировали на больших листьях угощение — чистили улиток, сдирали шкуру с ящериц, — другие подметали ветками площадку у костра, устилали ее мхом.

— Как в приключенческом фильме, — сказал Пашка, который вовсе не пал духом, а наблюдал за всем с интересом. — Потом они привяжут нас к столбам и начнут стрелять в нас из лука.

— Не говори глупостей, — сказала Алиса, — и без тебя тошно.

— Ловко они нас ограбили, — произнесла с сожалением Ирия. — Я даже не заметила.

Тут Алиса поняла, что пигмеи сняли с них пояса, к которым крепится все — от аптечки и запаса концентрированной пищи до бластера.

— А я заметил, — сказал Пашка, — только подумал, что они меня щекочут.

Из самого большого шалаша вышел старый пигмей. Его длинные курчавые волосы от старости стали желтыми, желтая борода доставала до земли, и немудрено: он шел, согнувшись пополам, так что доставал кончиками узловатых пальцев до земли.

Остальные пигмеи, а их собралось на площадке, наверное, несколько сот, засуетились, сбежались к старику. Тот направился к лежавшим на траве пленникам.

Изучал он их долго. Рассматривал, трогал, даже открыл пальцем губу Алисы и осмотрел ее зубы, будто

лошадь покупал. Пашка фыркнул, но старик заворчал на него.

Больше всего старика заинтересовала Ирия.

Он опустил перед ней на корточки, погладил по золотым волосам и засвистел. Остальные тоже засвистели. Старик распрямился и отдал приказание.

Алиса пожалела, что компактный переводчик остался в поясе, которого она лишилась. Без него языка пигмеев не поймешь.

Пигмеи выволокли из шалаша большой, длиной метра полтора, сверток. Они положили его на землю недалеко от пленников, развязали лианы, размотали мешковину, и там обнаружилась мраморная статуя.

Статуя изображала молодую женщину в короткой тунике. Женщина держала перед собой небольшую книжку. Талантливый скульптор очень хорошо передал состояние читательницы — ее не интересовало ничего, кроме книги, в которую был устремлен ее взгляд.

На небольшом постаменте было выбито название скульптуры:

«ЧИТАТЕЛЬНИЦА».

По знаку старика пигмеи положили скульптуру рядом с Ирией и начали сравнивать пленницу с «Читательницей». Сравнение убедило их в том, что Ирия и есть ожившая статуя. Это привело пигмеев в восторг.

Старик поднял руку, все замолчали, и в тишине он произнес:

— Ату-мана!

Затем показал на статую и перевел указующий перст на Ирию.

Толпа пигмеев издала радостный вопль.

Когда радость несколько утихла, все обернулись к Ирии, ожидая, что она скажет.

Ирия сказала:

— Спасибо за внимание. Теперь развяжите меня и моих друзей.

Услышав голос ожившей Белой Господинки, пигмеи пришли в бурный восторг, но развязывать пленников не стали. Ирия повторила свое приказание и нахмурилась. Пигмеи всполошились: Белая Господинка недовольна.

Старик пошлепал губами, подумал, потом крикнул:

— Вери-Мери!

— Вери-Мери! — завопили пигмеи. — Вери-Мери!

Из-за шалашей раздался ответный крик. Пигмеи толпой бросились туда и через несколько секунд выволокли на площадку маленького сытого пигмея. Он жевал большой корень.

Пигмеи начали кричать на Вери-Мери, старик рассердился, отобрал корень, поднял на вытянутой руке и начал выговаривать пигмею за непослушание. Тот глубоко вздохнул, поглядел на пленников, потом, обратившись к Ирии, сказал на языке Крины:

— Они велят спросить, чего ты сердишься?

— Вы переводчик! — догадался Пашка.

— Конечно, переводчик, разве не видать? — сказал пигмей. — Быстро отвечайте, а то они мой корень сжуют.

— Я приказала им меня развязать, — сказала Ирия.

— Вряд ли, — сказал Вери-Мери. — Кого решили скушать, их не развязывают.

— А ты переведи, — повторила Ирия.

Вери-Мери обернулся к ожидавшим зрителям и сообщил, чего хочет Ирия.

Началось долгое совещание. Некоторые соглашались с тем, что живую богиню неприлично держать связанной. Другие полагали, что развязанная богиня убежит. Наконец, старейшина принял решение и сообщил его Вери-Мери, заодно вернув ему корень.

— Странно, — сказал переводчик, засовывая корень в рот. — Велят развязать. Значит, кушать не будут.

С этими словами он не спеша направился обратно за шалаши.

Пигмеи развязали пленников. Ирия тут же потребовала, чтобы им вернули пояса.

Снова побежали за Вери-Мери. На этот раз он даже подходить близко не стал. Выглянул из-за шалаша и объявил:

— И даже переводить не буду. Они ваши вещи уже растащили и в тайники засунули.

— А ты попробуй, — сказала Ирия.

— А то мы дождь напустим или град, — добавил Пашка. — С нами, с богами, лучше не шутить.

— Ладно уж, переведу.

На этот раз совещание пигмеев затянулось. Видно, Пашкина угроза показалась им реальной, но расставаться с сокровищами не хотелось. Неизвестно, чем бы

кончился спор, если бы вдруг из кроны громадного дерева, что нависало над низиной, не вылетел, держась за конец лианы, отчаянно верещавший пигмей.

Его крик вызвал панику. Некоторые бросились бежать в лес, другие хватались за дубинки, плакали дети, женщины метались по поляне, старик схватил статую «Читательница» и старался утащить ее в шалаш. К старику на помощь прибежало еще несколько пигмеев, но они только мешали друг другу.

Вери-Мери, который продолжал меланхолично жевать корень, подошел к растерянным пленникам и сообщил:

— Левый Крот едет. Выследил. Я так и думал, что выследит. Конец вам пришел.

Сверху послышался хруст ветвей и топот, кусты расступились, и над низиной показались всадники.

Все они были одеты одинаково: в черные кожаные куртки, узкие черные штаны, на головах вместо шапок или шлемов — волчьи головы с разинутыми красными пастьми. Впереди был их предводитель, одетый так же, только на плечах серебряный плащ, расшитый волчьими головами. Все воины ехали верхом на оленях, предводитель — на единороге. Да, на самом настоящем единороге.

Алисе приходилось слышать о единорогах. Отец даже привозил фотографию, сделанную в зоопарке какой-то далекой планеты, только это было давно, и Алиса не запомнила названия той планеты. Когда-то, в сказочные времена, единороги жили даже на Земле, но вымерли.

Единорог был ослепительно белым и во всем схож с большой красивой лошастью. Но на лбу у него был прямой, направленный вперед витой золотой рог.

Группа воинов замерла на краю леса, глядя вниз на суету и суматоху лагеря пигмеев.

Потом главный рыцарь на единороге взмахнул рукой в черной перчатке, остальные воины подняли большие луки и натянули тетиву.

— Ййеееж! — закричал, улыбаясь, рыцарь.

На площадке наступила тишина. Пигмеи попадали ниц.

Черный отряд медленно спустился в низину. Это было внушительное, хоть и жуткое зрелище, и склонный к романтике Пашка глядел на рыцарей, приоткрыв от удивления рот.

А Алиса глядела в лицо предводителя, которого переводчик Вери-Мери назвал Левым Кротом.

Из-под волчьей морды смотрели черные, узко посаженные глаза. Они казались глубокими дырами, пробурвленными в голубом узком лице. Все в нем было узкое: и нос, и губы, и брови, и даже усики. И еще Алиса успела заметить одну странность: все воины и их предводитель были обуты на одну ногу. На правой черный сапог, левая — босая.

Левый Крот встретился взглядом с Алисой и явно удивился.

Потом перевел взгляд на Ирию, на Пашку.

— Кто такие? — спросил он высоким голосом.

— Мы попали в плен, — сказала Ирия.

— Вижу и удивляюсь, — сказал рыцарь. — Я знаю этих дикарей. Они никогда не развяжут пленника. Они даже жарят и жрут его в лианах.

— Случилась странная вещь, — сказала Ирия, решив что правда — лучшее оружие. — Эти карлики принесли статую, решили, что я похожа на нее, и развязали нас.

— Статую? Белую?

Голос рыцаря дрогнул. Видно, Ирия сказала что-то лишнее.

— Где она?

Рыцари привстали в стременах.

Алисе показалось, что большие карие глаза единорога глядят на нее с сочувствием. А может, с укором?

Пигмеи были неподвижны. Как будто сотни человечков заснули на этой площадке.

Взгляд рыцаря остановился на куче пигмеев, скорчившихся возле костра.

Он тронул босой левой ногой единорога. Тот медленно и грациозно подошел к пигмеям и приподнял золотое копыто.

— Ну! — крикнул рыцарь. — Долой!

Пигмеи не шелохнулись.

Тогда по знаку рыцаря воины соскочили с оленей и принялись растаскивать пигмеев.

Когда плачущих карликов разогнали, оказалось, что они закрывали своими телами драгоценную статую «Читательница» — Белой Господинки, свою главную ценность.

Когда под стон и плач пигмеев воины поставили статую, Левый Крот радостно воскликнул:

— Она!

Воины загоготали.

— Большая удача! — воскликнул Левый Крот. — Посмотрим, как запоют поклоны в Городе. А теперь... — Он огляделся: — Искать тайники! Вы знаете, как это делать.

— Поклон Левый Крот, — сказал один из воинов, постарше других, сидевший верхом на могучем олене с рогами размахом в метр. — Я думаю, сначала лучше связать пигмеев, а то будут мешать.

— Правильно, — согласился рыцарь. — Займись этим. А я поговорю с чужими людьми.

Не слезая с единорога, он подъехал к Ирии. Голова единорога была совсем рядом с Алисой, и ей очень захотелось погладить его. Она протянула руку. Единорог словно понял, но не пошевелился. Алиса слышала, как рыцарь спрашивает Ирию:

— Судя по всему, вы благородные поклоны. Но одежда ваша и герб мне незнакомы. С кем имею честь?

Алиса дотронулась до шеи единорога. Шерсть была мягкой, шелковой. Единорог закрыл глаза. У него были длинные черные ресницы.

— Мы издавна, — сказала Ирия. — Вы не знаете нас.

— Может, ты из помников? — нахмурился рыцарь.

— Нет, — ответила Ирия. — Разве вы сами не видите?

Рыцарь ничего не ответил.

В низине стоял вой, слышались крики, стоны, воины ловко привязывали пигмеев в длинной веревке, словно низали бусы. Пигмеи почти не сопротивлялись, а если кто-то норовил убежать, воины били пленников нагайками.

— Почему ехали лесом? — спросил рыцарь у Ирии.

— Мы заблудились.

— Мне трудно поверить, — сказал рыцарь. — Благородная поклонка с двумя детьми без коней или оленей.

— Мы плыли по реке, — сказала Ирия. — Наша лодка разбилась.

Алиса почесала единорога за ухом. Ей показалось, что единорог улыбнулся.

— Готово, поклон Левый Крот! — крикнул старый воин.

— Отгоните их, — приказал рыцарь.

Пигмеев загнали за шалаши, оставили возле них стражу.

— Теперь за дело, — сказал рыцарь. — Где Вери-Мери?

Переводчик Вери-Мери уже сам подошел к рыцарю. Непонятно было, откуда он взялся, где скрывался эти минуты.

— Здесь я, — сказал он лениво.

— Показывай, — сказал рыцарь. — Где тайники пигмеев?

— При всех показывать не буду, — сказал тихо переводчик. — Они увидят — под землей меня найдут. А я жить хочу.

— Не покажешь, умрешь куда раньше, — усмехнулся рыцарь.

— Нет, — ответил переводчик, — не убьешь ты меня, поклон Левый Крот. Сколько еще племен в лесу, сколько тайников, а тебе ведь хочется все раздобыть.

— Молчать!

— Могу и помолчать. Ищи сам, — сказал Вери-Мери и принялся сосать корень.

— Убью! — рявкнул рыцарь.

— Десятая часть моя, — ответил на это переводчик.

— Показывай, — сдался рыцарь.

— Под левым шалашом в земле, — сказал Вери-Мери. — Справа от костра яма засыпана сучьями. Выше, у большого двойного дерева между корней пещерка. А я пойду. Потом встретимся.

— Где? — быстро спросил рыцарь.

— Буду в Городе, — сказал Вери-Мери. — У мудрецов. Люблю поговорить с мудрецами. Дай-ка мне горсть.

— Много, — сказал рыцарь.

Маленький пигмейчик стоял спокойно и улыбался. Он был похож на злую перекормленную обезьянку. Босая нога рыцаря покачивалась у самой его головы. Рыцарю ничего не стоило ударить предателя. И видно, ему хотелось это сделать. Нога дрогнула, и переводчик решил не испытывать судьбу — он шустро отпрыгнул в сторону.

— В Городе я постараюсь узнать важные для тебя вещи, рыцарь, — сказал он.

Левый Крот отстегнул от пояса один из висевших там кошель и уронил на землю. Переводчик не шевельнулся.

Рыцарь тронул ногой единорога, и тот, кинув взгляд на Алису, двинулся прочь.

Тогда переводчик нагнулся, быстрым движением поднял с земли кошель и тут же засунул его под набедренную повязку.

Этим моментом воспользовался единорог. Он поднял заднюю ногу и сильно ударил Вери-Мери золотым копытом. Тот с воплем отлетел в сторону. Но никто не слушал его проклятий. Только Пашка сказал:

— А я согласен. Не люблю доносчиков.

— Я не доносчик! — откликнулся Вери-Мери. — Я принципиальный подглядчик! Это моя работа. И не хуже других.

А на площадке воины раскапывали тайники пигмеев. Те поняли, что происходит, и завопили еще сильнее.

Из тайников воины доставали сокровища, которые, на взгляд Алисы, и не были сокровищами. Ржавая кастрюля, корпус от пишущей машинки, уют без ручки, разбитая люстра, дверца шкафа, мраморные шарики, какие-то блестящие тряпки, и все это грязное, замшелое, словно с помойки. Но воины думали иначе. Порой какая-нибудь вещь вызывала у них бурю восторга, а Левый Крот, который на единороге сновал между группами «археологов», щурился, как сытый кот. Все награбленное добро воины совали в мешки и приторачивали их к седлам. Олени пугливо поглядывали на незнакомые вещи. Особенно тщательно запаковали белую «Читательницу». Заворачивая ее, воины поглядывали на Ирию. Видно, им тоже казалось, что она похожа на статую.

— Может, сбежим? — спросил шепотом Пашка.

— Боюсь, сейчас не удастся, — сказала Ирия.

В этот момент воин вытащил из одного тайника пояс Ирии.

— Это мое, — сказала она, подходя к воину и протягивая руку.

— Подожди, — ответил рыцарь, — потом разберемся. Может, ты ведьма и у тебя там волшебные снадобья.

— Там рация, — сказал по-русски Пашка. — Вот что жалко. Вызвали бы сейчас Гай-до.

— Вызовешь его, — мрачно ответила Алиса. — Если он без топлива сидит, ждет нас, бедненький. Представляешь, как он переживает!

— Слушайте меня, друзья, — сказала Ирия. — Без

моего согласия ничего не предпринимать. Мы обязательно убежим, но ошибки быть не должно.

8. ВСТРЕЧА В ЛЕСУ

Они шли по лесу. Впереди рыцарь на единороге, затем Ирия с ребятами и воины. Сзади гнали длинную вереницу пленных пигмеев.

— Боюсь, что мы с каждым шагом удаляемся от цели, — сказал Пашка.

— На непонятном языке говорить запрещено! — раздался рядом голос.

Они увидели, что за ними шагает, как всегда жужа корень, предатель Вери-Мери.

— Еще тебя не хватало! — возмутился Пашка. — Отойди, а то я с тобой расправлюсь почище единорога.

— Что такое единорог, я не знаю, — ответил с достоинством маленький предатель. — Если вы имеете в виду удар, который мне нанесла рогатая кобыла, то она за это поплатится. Каждый поплатится, кто поднял на меня руку.

Вери-Мери грозно выпучил глаза и надулся, но все равно он был так мал, что его шевелюра еле доставала до плеча Алисы.

— Вы думаете, — продолжал Вери-Мери, — что если человек мал ростом, то большие могут его топтать? Это ошибка. Все великие люди были маленького роста. И знаешь почему?

— И знать не хочу, — буркнул Пашка.

— А ты слушай. Полезно. Маленького ребенка обижают большие дети, потому что они глупые и думают, что рост — это достоинство. А потом, когда маленький человек станет взрослым, он понимает, что вместо роста небо подарило ему ум. И с помощью этого ума он доказывает всем глупым великанам, что может укоротить их, как пожелает. Только для этого нужно терпение. И еще раз терпение. Ты думаешь, мне не жалко этих пигмеев, которые так и не поняли преимуществ нашего малого роста? Жалко. Но в этом мире побеждает только сильный.

— Вери-Мери, — сказала Ирия, — вы мне надоели. И я боюсь, что Паша сейчас вас побьет.

— Нельзя, — ответил переводчик. — Я под защитой знаменитого непобедимого поклона Левого Крота.

— А он будет только рад, — сказала Ирия.

— К сожалению, вы правы, — согласился вдруг переводчик. — До встречи.

И он исчез. То ли под землю провалился, то ли нырнул в листву.

Некоторое время они шли молча. Лес близко подступал к тропе. Листва смыкалась над головой. Что-то заставило Алису поглядеть направо — из переплетения сучьев на нее глядел человек.

На мгновение его лицо мелькнуло белым пятном в массе зелени.

Она хотела сказать об этом Пашке, но, как ни вглядывалась в чащу, ничего больше не увидела.

Процессия двигалась медленно, петляя между могучих стволов. Сзади доносился шум: говор, стоны пигмеев, крики воинов. Спереди мерно покачивались черные спины рыцаря и его охраны.

Единорог оглянулся, взглянул на Алису, и ей показалось, что он улыбается. Но не может же лошадь, даже рогатая, улыбаться.

Деревья расступились, впереди была просека. Она заросла кустами и тонкими деревцами, посреди нее тянулась проселочная дорога. Воины оживились, заговорили громче, даже олени пошли быстрее.

И тут Алиса снова увидела человека, который следил за ними.

Он сидел на толстом суку, нависшем над дорогой, совсем не таился и даже странно было, что никто не догадался поднять голову и заметить его.

Человек улыбнулся Алисе, подмигнул и помахал рукой.

Он был совсем молодым, даже юношей. Одет в кожаную куртку и штаны, у него были длинные, до плеч, огненные волосы, зеленые глаза, и лицо его было почему-то знакомо. Но почему Алисе может показаться знакомым лицо лесного человека на далекой планете?

Дерево осталось позади. Алисе хотелось оглянуться, посмотреть, что будет делать юноша дальше, но она не осмелилась, чтоб не привлечь к нему внимания.

Но оказалось, что юноша сам этого хочет.

Когда через несколько минут первые воины выехали на широкую пустошь посреди леса, заросшую редкими

деревьями, меж которых рос тростник и кое-где поблескивала вода, юноша сполз с дерева, вышел из кустов и спокойно побрел навстречу процессии. Он шел, опустив руки, глядя в землю, будто ему было совершенно невдомек, куда он попал и с кем встретился.

Один из воинов поднял лук, но рыцарь положил руку ему на локоть, приказал подождать.

Юноша шел, не поднимая головы, пока не натолкнулся на дерево. Он потер лоб, удивленно поглядел на ствол, как лунатик, который гуляет во сне по крышам, затем побрел дальше, забрел в низину, не замечая, что идет по колени в воде, чуть не упал, поскользнувшись, выпрямился, остановился, оглядываясь, будто стараясь проснуться и понять, что происходит. Он стоял совсем близко от черного рыцаря, и тот окликнул его:

— Куда идешь, добрый человек?

Юноша поднял голову. Глаза его были пустыми. Что-то произошло с ним за те минуты, что Алиса не видела его. Ведь тогда он улыбнулся ей, он все отлично понимал. А сейчас он глупо моргал, глядя на рыцаря. Потом повернулся и пошел прочь.

— Бе-пе, — сказал воин.

— Вижу, — согласился Левый Крот. — Возьми его.

Воин на олене догнал человека. Преградил ему путь. Тот покорно остановился.

Воин вынул нагайку, слегка хлестнул ею юношу, и тот послушно, как корова, которую пастух погоняет домой, подошел к черному рыцарю.

— Стой! — приказал черный рыцарь. Потом наклонился в седле, протянул руку, сильно схватил юношу за подбородок и потянул к себе.

— Больно, — сказал юноша.

— Еще больнее будет! Ты чего притворяешься? Помник? Подглядчик?

— Может, и помник, — сказал старый воин. — Только он бе-пе. Я их навидался на своем веку. Вроде бы должны знать, куда нельзя соваться, а суются. Даже жалко.

— Ты себя жалея, а не других, — сказал рыцарь. — Свяжи его. И веди.

— Слушаюсь, — сказал старый воин. — А что с ним делать будем?

— Если не притворяется, отвезем в Город. На рынке он хорошо пойдет. Молодой, крепкий.

Старый воин спрыгнул с оленя и, вытащив из-за пояса веревку, быстро связал руки юноше. Тот безучастно смотрел на воина, будто и не замечал его.

Алиса хотела спросить черного рыцаря, что такое бе-пе? Это слово она слышала здесь уже не в первый раз. Но потом раздумала. Ведь здесь все знают, что означает бе-пе. А если Алиса не знает, это вызовет подозрение. Поэтому она не спросила.

Через полчаса дорога начала подниматься, лес поредел, и, наконец, впереди, на вершине пологого холма, показался замок.

Высокая каменная стена окружала массивную башню. Башня была покрыта куполом, в котором виднелся большой разрез — от вершины до стены.

Когда процессия вышла на открытое место, рыцарь приложил к губам трубу, что висела, притороченная к седлу, и затрубил. Тут же на стене появился человек и затрубил в ответ.

К тому времени, когда первые воины поднялись к стенам, ворота замка открылись и оттуда выехал рыцарь.

И тут Алисе показалось, что у нее двоится в глазах, потому что рыцарь, который выехал из замка, был точной копией рыцаря, который возглавлял процессию. Они были одинаково одеты, они ехали на одинаковых белых единорогах. И лица у рыцарей были одинаковыми.

— А я знаю, в чем разница, — сказал вдруг Пашка, который, как это часто бывает, угадал мысли Алисы. — У нашего левая нога босая, а у того — правая.

— Можно предположить, — добавила Ирия, — что если нашего зовут Левый Крот, то это...

— Правый Крот! — воскликнула Алиса.

Рыцарь услышал ее и резко обернулся.

— Слишком догадливая, — сказал он.

— Вы близнецы? — спросила Алиса.

— Я родился первым, — сказал Левый Крот.

— Не хвастайся, — сказал, подъезжая, второй рыцарь. — Хвастовство тебя когда-нибудь погубит. Ты забыл, что у меня первого прорезался зуб?

Рыцари поехали рядом.

Единороги сблизили головы, будто шептались о чем-то.

В воротах замка рыцари остановились, пропуская процессию, и Левый Крот сказал, словно представляя гостей:

— Этих мы отняли у пигмеев.

Он показал на Алису и ее друзей.

— Странные люди, — заметил его брат. — Бе-пе?

— Нет. Говорят, что поклоны издалика. Их корабль перевернулся на реке. Вели проводить их в верхнюю гостиную. Но глаз не спускай.

— А это?

— Это бе-пе, — сказал Левый Крот, глядя на юношу.

— Я бы сказал, что помник.

— Надо будет проверить.

Тут с ними поравнялись олени, груженные добычей.

— Мама будет рада, — сказал Левый Крот.

Больше Алиса ничего не услышала, потому что воины повели их внутрь, во двор замка, где возвышалась башня...

— Что она мне напоминает? — спросила Алиса вслух.

— Обсерваторию, — ответила Ирия.

9. ИСТОРИЯ БАНДИТСКОГО СЕМЕЙСТВА

Отец близнецов, Старый Крот, гроза лесов, бандит и убийца, каких мало, в молодости был простым разбойником, таился со своей бандой в пещере на берегу реки. Однажды, преследуя оленя, наткнулся в лесу на бывшую обсерваторию. Он не знал, что это обсерватория, — на Криине уже двести пятьдесят лет не было ни одного астронома, но башня ему понравилась, потому что была просторной, с холма было видно далеко вокруг, и в ней была лишь одна дверь, которую легко было защищать. Года через два, после некоторых удачных набегов на деревни горбуна Таракана, что тянулись по тому берегу реки, и захвата купеческого каравана, Старый Крот смог обнести башню стеной, чтобы было где расположиться его воинам, устроить конюшни для верховых оленей и хранить добычу. А если у разбойника есть неприступный замок, как у настоящих баронов и знатных поклонов, то он уже не разбойник, а поклон.

Как-то Старый Крот был в Городе у моря. Он ездил на рынок рабов продавать пигмеев, пойманных в чаще. Там на улице он увидел носилки, в которых несли красивую девушку, дочь вкушеца храма святой Сороконожки. Потому девушку и звали красивым именем — Сороко-

ножка. Крот поклялся себе, что эта девушка будет его женой. Поклялся, но никому, кроме ближайших соратников, не сказал об этом. Он умел ждать. И надеялся на Вери-Мери. Вери-Мери был тогда юным пигмеем, который попал в замок-обсерваторию мальчишкой, тихой проворной обезьянкой. Его бы продали, как и других лесных рабов, но хитрый мальчишка смог выбраться из подземелья, где его держали, хотя никто раньше этого сделать не смог, пробраться к самому Кроту, который, на счастье пигмея, был в тот вечер в отличном настроении, и сообщить, что знает, где хранится тайник племени Сухих сучьев. И не соврал.

Не было на всей Крине лучшего шпиона, чем пигмей Вери-Мери. Ну кто подумает опасаться грязного карлика, одного из тысяч городских рабов, что подметают улицы, трудятся в рудниках, вывозят нечистоты?

Вери-Мери познакомился с рабами в доме вкушеца храма Сороконожки и пронюхал, что Сороконожка собирается на Речной остров, к своей тетке, колдунье и прорицательнице Куке-Мокрице. Она отплыла на небольшом корабле с малой охраной, потому что стояли недели сбора урожая, и, как известно, пока урожай не свезут в закрома, в долине реки и на большом море устанавливается мир.

Но какое дело было бандиту Кроту до обычаев! Лес велик, он хранит свои тайны. Там пропадают люди, там живут страшные звери, там летают разумные говорящие птицы, там, в глубине чащи, лежит Убежище помников, которые крадут детей. Там есть страшные колодцы, из которых поднимается дух, одним дуновением своим превращающий человека в бе-пе, что значит «беспмятный, потерявший память».

Крот собрал свой отряд и на маленьких лодках, когда корабль Сороконожки пристал к берегу на ночлег, напал на ее охрану. Так Сороконожка стала его женой.

К несчастью для Крота, один из стражников Сороконожки остался жив. Утром он пришел в себя, выбрался из-под груды тел, брошенных на берегу, отыскал лодку и смог вернуться в Город.

Гнев вкушецов был ужасен. Ужасен был и гнев его Повелительства Радикулита. И хоть Вери-Мери успел предупредить Крота, что на него идет целая армия из Города, Кроту пришлось плохо. Три дня продолжался

штурм обсерватории. У Крота кончились стрелы и камни. Те из его людей, что еще оставались в живых, были ранены и так измучены, что не держались на ногах.

Правда, осаждавшие об этом не подозревали.

И когда во время последнего штурма погиб сам великий вкушеч, его армия отступила. В том бою стрела попала Кроту в глаз, и он окривел. Но с невестой не расстался.

А что невеста? Она поплакала, погоревала, она еще ждала, что ее выручат. Но некому было ее выручать.

Через год она родила двойню — двух мальчиков, похожих как две капли воды. Они были такими одинаковыми, что даже Сороконожка путала их. Мальчики были ловкие, злые, жестокие, и отец специально приносил им из леса животных и птиц, чтобы они их мучили. Когда мальчики подросли, надо было дать им имена. И Сороконожка послала гонца с большими дарами к мудрецам в Город. Потому что только мудрецы знают значение имен. Но мудрецы испугались мести властителя и вкушечов. И отказались дать братьям имена. Пришлось назвать их как отца. И близнецы стали Левым Кротом и Правым Кротом. А знаменитая колдунья Кука-Мокрица с Речного острова, которой отвезли хорошие дары, предсказала, что близнецы никогда не поссорятся и не разлучатся, если будут носить только по одному сапогу. Левый Крот — правый сапог, Правый — левый. Что и было сделано. Первое время мальчики часто простужались, потому что им приходилось ходить босыми на одну ногу даже зимой. Но потом привыкли.

А что касается шлемов, то у них своя история. Когда-то, совсем давно, когда давали имя Старому Кроту, мудрец вместе с именем продал его дедушке картинку, на которой был изображен крот. Однажды в лесу Крот увидел такого зверя. Но он не знал, что зверь зовется волком, потому что только мудрецы знают, как что называть. А они думали, что это животное называют кротом. Вот и стал Крот, и все воины Крота, и дети Крота носить на голове вместо шлемов волчьи головы, называя их кротовыми головами.

Так уж повелось, что все воины в замке, да и сам Старый Крот, ездили на верховых оленях. А однажды случилось невероятное событие. Сороконожка гуляла как-то вечером с близнецами на зеленом склоне возле

замка и услышала стон. Совсем человеческий.

И тут она увидела, как из леса вышел единорог.

Разумеется, госпожа Сороконожка слышала о единорогах и знала, что они живут далеко, за непроходимыми лесами, и людям показываются очень редко. А в неволе умирают. Даже у его Повелительства Радикулита Грозного не было ни одного единорога. Так что настоящего единорога Сороконожка никогда не видела.

И вдруг — такая встреча.

Но встреча оказалась грустной. Когда госпожа Сороконожка и мальчики стояли в оцепенении, глядя на это чудо, женщина увидела, что по шее животного струится кровь.

Госпожа Сороконожка не знала, как помочь животному. Тут из леса выбежали два маленьких единорога на тонких ножках — видно, родились совсем недавно, даже ходить толком не научились.

Единорог, вернее, единорожиха, что оказалась матерью жеребят, сделала несколько неверных шагов и упала. Жеребята остановились рядом.

Тогда женщина подбежала к матери жеребят, вытаскивала платок, постаралась остановить кровь, но не смогла. И тогда губы умирающей единорожихи дрогнули. Губы шевелились беззвучно, Сороконожке казалось, что животное умоляет женщину не покинуть в беде ее детей, потому что она тоже мать и у нее тоже есть близнецы.

— Я обещаю тебе, — поклялась Сороконожка.

Со стены замка стражники увидели, что происходит внизу, и послали за хозяином. Вскоре прискакал Старый Крот. Он был удивлен не меньше жены и тут же приказал отнести тело погибшей единорожихи в замок, снять шкуру и сделать из нее чучело. Сороконожка не стала спорить, хотя ей было это неприятно. А жеребят старый бандит хотел тут же связать и отвезти в Город, надеясь, что ему за них много заплатят.

Сороконожка боялась перечить дикому мужу. Она знала, что спорить с ним — пустое дело. Поэтому она и не спорила, а тихонько делала так, как хотела. Когда ее муж приносил из леса животных и птиц и заставлял мальчиков мучить и убивать их, она, как только он уйдет, отнимала у мальчиков несчастные жертвы, выхаживала их и отпускала на волю. И объясняла близнецам, что животных

надо любить. Потому мальчики росли двуличными. Когда нужно, они слушались отца, когда нужно — мать. Отца они боялись, потому что в гневе он мог жестоко избить, а мать по-своему любили — ведь она их кормила, ухаживала за ними, сидела рядом с их одинаковыми кроватками, когда они болели.

Когда их мать сказала мужу, что считает разумней не продавать жеребят, а вырастить их для мальчиков, близнецы стеной встали на сторону матери. И перед бунтом в собственном семействе Старому Кроту пришлось отступить.

Так и росли молодые рыцари вместе со своими жеребьями.

Нигде единороги не живут в неволе, но в замке Кротов они чувствовали себя свободными. Они были братьями молодых рыцарей. И если хотели, могли разговаривать. Беззвучно, чуть шевеля губами. Но Левый Крот понимал только своего единорога, а Правый — своего.

Когда Повелитель Города Радикулит Грозный узнал, что у Старого Крота живут настоящие единороги, он предлагал за них любые деньги, но Крот был очень гордым. Если бы он сам решил продать единорогов, это одно дело. А если ему приказывают — никогда! Повелитель Радикулит объявил новый поход на замок Крота. Но тут началась война за проливы, и ему стало не до единорогов.

А братья-близнецы выросли самыми настоящими разбойниками, они были отважны и жестоки. Их никто не любил и все боялись. Помники не раз устраивали им засады, пигмеи собирались в большие орды, чтобы убить их, соседние бароны посылали против них отряды... Но не было лучше бойцов, чем братья Кроты. И не было во всем мире быстрее и умнее животных, чем их единороги.

У молодых Кротов была сестра. Она родилась уже после того, как в замке появились единороги. Теперь ей исполнилось шестнадцать лет. Она была странной девочкой — дикой, замкнутой, неразговорчивой. Сам Старый Крот считал, что она родилась такой, потому что ее мать в тот год встретила в лесу Угрюмую Старуху. А кто увидит Угрюмую Старуху, никогда не будет счастлив. Дочку свою Старый Крот не любил, порол, и она убежала от него в лес и пропадала там по нескольку дней. И никому, кроме матери, не было до нее дела. Ей даже не дали красивого имени. Звали ее Белкой.

Потом Старый Крот погиб. Погнался в лесу за каким-то зверем, один, без охраны, заблудился... А может, и не заблудился, а завели его в чащу враги-пигмеи. И попал он там в яму, где живет дух, отнимающий память. И долго бродил по лесу. Когда его отыскивали сыновья, он был так истощен, и так всех боялся, и такие страшные сны ему снились, что он повесился в замковой башне.

А жизнь в замке потекла, как прежде. Выросли сыновья, состарилась Сороконожка. Все уже забыли, что Старый Крот был простым разбойником. Сыновей считали настоящими поклонами. Потому, когда Радикулит Грозный стал собирать всех баронов и поклонов из подвластных ему земель, чтобы начать общий поход на помников, их тоже позвали.

Эту весть принес из Города Вери-Мери. По дороге ему удалось выведать у доверчивых пигмеев, где те собираются на годовой праздник. И конечно же, рассказал об этом своим старым господам. Поэтому и оказался Левый Крот в лесу, поэтому Ирия, Пашка и Алиса попали к нему в замок.

10. НОЧЬ В ЗАМКЕ

Ворота замка со скрипом закрылись, стражи опустили толстый брус, запирая их. Воины спешивались, пигмеев, как покорное стадо, загнали в узкую пасть подземелья. Туда же попал и юноша, найденный в лесу.

Пожилой воин с длинными седыми усами сказал Ирии:

— Вам наверх.

И они вошли в здание обсерватории.

Когда-то на первом этаже были комнаты астрономов и вычислительный центр. Разумеется, все вещи давно отсюда вытащили, некоторые из перегородок сломали. Пленников повели наверх по спиральной лестнице, у которой давно обломились перила, туда, где когда-то стоял телескоп.

Это был огромный круглый зал, его стены кончались на высоте двух метров и переходили в купол с прорезью для телескопа. Сквозь широкую длинную прорезь было видно серое, темнеющее небо, по которому

бежали серые облака. Начался дождь, и капли гулко ударялись о каменный пол.

Воин закрыл за собой железную дверь и ушел.

Сразу стало очень тихо.

И голос Пашки прозвучал гулко:

— Надо бежать.

Алиса и сама знала, что надо бежать, но вдруг она почувствовала, что смертельно устала и мечтает только об одном: лечь и вытянуть ноги.

У стены протянулась низкая широкая скамья, устланная шкурами. Алиса добрела до нее и сказала:

— Можно, я немножко отдохну?

— Нам всем нужно отдохнуть, — сказала Ирия.

Алиса поняла, что Ирия жалеет своих юных друзей, сама-то она могла обходиться без сна несколько суток.

— Еще чего не хватало! — возмутился Пашка. — Отдохнем, когда отыщем Тадеуша.

— Конечно, — сказала Ирия. — Но я здесь старшая. И я сама устала. Если ты, Паша, не поспишь хотя бы несколько часов, от тебя завтра будет мало пользы.

— Конечно, — вздохнул Пашка, — надо учитывать, что Алиса — всего-навсего девочка.

Алиса только улыбнулась. Она понимала, что Пашка не умеет признаваться в своих слабостях.

— Ложись, — сказала она, — скамейка длинная.

Пашка вытянулся у нее в ногах и пробурчал:

— Интересно, почему-то совсем не хочется спать.

И тут же засопел.

Алиса подумала: «Наш герой заснул раньше меня». Но это была ее последняя мысль. Она уже спала.

Когда Алиса проснулась, было совсем темно. Она не сразу сообразила, где она, и не поняла, что же ее разбудило.

Потом сообразила: в зале посторонний.

Кто-то чужой беззвучно ступает по полу, стараясь сдерживать дыхание.

Алиса замерла. Она кинула взгляд наверх: в щели для телескопа были видны звезды.

Чужой подходил все ближе.

Потом раздался щелчок. По звуку Алиса догадалась, где стоит тот человек, — метрах в трех слева.

Снова щелчок. И искры. Снова щелчок — и зажглась свеча.

Как же она не догадалась раньше: пришелец разжигал огонь! У них здесь нет спичек.

Скупой свет свечи вырвал из темноты странное скуластое лицо, черные глаза, копну курчавых волос. Лицо подростка. Нет, девушки!

Девушка вглядывалась в темноту, стараясь увидеть, кто лежит на скамье.

— Ты что здесь делаешь? — спросила Алиса негромко.

— Ах! — Свеча дрогнула и чуть не вывалилась из руки девушки.

— Не бойся! — сказала Алиса. — Ты кто?

Глаза Алисы привыкли к свету, и она поняла, что девушка не намного старше ее.

— Я — Белка. Я здесь живу.

— Белка?

— Я знаю, это некрасивое имя, но мне не стали давать настоящего, потому что отец меня не любил. Можно, я сяду рядом с тобой?

— Конечно, садись, — сказала Алиса. — Вот здесь.

Девушка села и поставила свечу на край скамьи.

— Мне так скучно здесь жить, — прошептала она. — Я увидела, как вас ведут, и подумала: обязательно к тебе проберусь, когда все заснут. Только я очень боялась тех, кто с тобой.

— Почему?

— Эта женщина с золотыми волосами, она страшная.

— Почему?

— Не знаю. Я только чувствую. Я все чувствую, — сказала Белка. — В ней больше силы, чем в мужчине.

Алиса подумала: «Ты бы посмотрела на Ирию на Земле, когда она возится с Вандочкой или готовит обед Тадеушу, вот бы удивилась!»

И тут они услышали голос:

— Еще бы! Ведь Ирия вышла на тропу войны. А ирокезы на тропе войны беспощадны.

Это был голос Пашки.

Белка от неожиданности подскочила.

— Не бойся, — сказала Алиса. — Это Пашка. Он мой друг. Он проснулся от нашего разговора.

— Я вообще не спал, — сказал Пашка хриплым сонным голосом. — Я думал.

— Он немного хвастун, — сказала Алиса. — Но хороший друг.

— Мальчики не бывают хорошими, — сказала Белка. — Из них вырастают мужчины. А это самое гадкое племя.

— Сумасшедшая какая-то, — сказал Пашка. — Какой же мужчина тебя обидел?

— Меня все обижают, — сказала Белка. — Мои братья меня обижают, мой отец меня обижал. А хуже всех Вери-Мери.

— Этот предатель! — сказал Пашка. — Я когда-нибудь до него доберусь.

— До него не доберешься, — сказала Белка. — Он только кажется таким тихим и беззащитным. А он очень богатый и знает все яды и заклинания. Даже моя мать его боится.

Пашка сел на скамье.

— А кто твои братья? — спросил он.

— Владетели этого замка. Крот Правый и Крот Левый.

— Какие странные имена, — сказала Алиса. — Со всем не подходят к рыцарям.

— Почему? Это же имена очень страшных зверей.

— Страшных? — Пашка не смог удержать смеха. — Подземные кроты! Рыцари черных норок! Победители дождевого червя!

— Ты странно говоришь, — сказала Белка. — Я тебя не понимаю. Вас-то самих как зовут?

— Меня — Алиса.

— Меня — Павел. Павел Гераскин.

— Вот у вас странные имена, — сказала Белка. — Я таких никогда еще не слышала. Что они значат?

— Ничего, — сказала Алиса. — Просто имена.

— Просто имен не бывает. Наверно, у вас бедные родители, и они не смогли вам купить красивых имен. Откуда вы сюда приехали?

— С Земли, — сказал Пашка.

— Это выше по реке?

— Нет, это в космосе. За звездами.

— Ох! — испугалась Белка. — Что ты говоришь, Павел Гераскин? А вдруг кто-нибудь услышит?

— И что случится? — спросил Пашка.

— Тебя отведут к повелителям неба, вкушецам. И они тебя убьют.

— За что?

— За то, что ты говоришь, о чем говорить нельзя. Разве тебе неизвестно, что небо твердое? А звезды прибиты к нему?

— Ну прямо средневековые какое-то! — возмутился Пашка. — Люди не знают самых очевидных вещей. А ведь какие-нибудь триста лет назад ваши прадедушки летали в небо и даже долетали до нашей планеты.

— Наши прадедушки, — громко сказала Белка, — жили в этом замке и во дворцах великого Города.

— Ребята! — улыбнулась Алиса. — Я предлагаю, сделаем вот что: ты нам расскажешь, что сможешь, о вашей жизни здесь. А мы тебе расскажем, что захочешь, о нашей жизни у нас.

— А если это будет неправда?

— Захочешь — поверишь, — буркнул Пашка.

— Ладно, начинайте, — сказала Белка.

— Я разбужу Ирию, — сказала Алиса. — Ей тоже надо все знать.

— Ни за что, — сказала Белка. — Тогда я ничего не скажу. Пускай ваша поклонка спит.

— Хорошо, — не стала спорить Алиса. — Рассказывай.

И Белка рассказала о Старом Кроте, о том, как он украл себе жену, как родились близнецы, как появились в замке единороги. Кое-что Алисе стало яснее, но многого она, конечно, и не поняла, потому что Белка всю жизнь прожила в замке-обсерватории и никогда не была в Городе. Она не могла объяснить, кто такие помники, только повторяла, что это очень страшные люди, они крадут детей и потом их едят. И еще призналась, что очень боится пигмея Вери-Мери, который сказал Белке, что обязательно на ней женится.

Белка вдруг замолкла и схватила Алису за руку.

В щели от телескопа на фоне звезд показалась человеческая фигура.

— Стой! — воскликнул Пашка.

— Тише, — слышался в ответ громкий шепот. — Что с вашими нервами? Это я, Ирия.

— А мы думали, что ты спишь, — сказал Пашка.

Ирия не спешила прыгивать на пол. Она помогла взобраться в щель другому человеку.

Ирия спрыгнула вниз, второй человек последовал ее примеру. Алиса услышала его голос:

— Здесь трое. Кто третий?

— По-моему, мои друзья обзаводятся знакомыми, — ответила Ирия.

— Ничего удивительного, — сказал Пашка. — Ты же обзаводишься!

Алиса держала Белку за руку, чтобы та не убежала. Рука девушки дрожала.

Когда Ирия и ее спутник подошли к скамье, пламя свечи осветило их, и Алиса поняла, что это тот самый юноша, которого они встретили в лесу.

— Как же ты спустилась отсюда в подземелье? — спросил Пашка. — Там гладкая стена, метров десять.

— Гладких стен не бывает, — коротко ответила Ирия.

— Но мне бы без помощи Ирии сюда не забраться, — сказал юноша.

Ирия обернулась к Белке и спросила:

— Кто эта девочка?

— Это сестра близнецов, — сказала Алиса. — Она нам рассказывала о себе. Она тебя боится.

— Хорошим людям меня бояться не надо, — ответила Ирия. — Я тоже не теряла времени даром.

Тут Алиса увидела, что через плечо Ирии висит холщовая сумка.

Она положила ее на скамью, вытащила оттуда большой ломоть хлеба, кусок вареного мяса и глиняную бутыл с водой.

— Подкрепитесь, — сказала Ирия. — И благодарите Ручейку.

— Это меня так зовут, — сказал юноша.

Глаза его были живыми, движения уверенными.

— Значит, вы притворялись? — спросил Пашка.

— Когда?

— Когда вас нашли в лесу.

— Разумеется, — сказал юноша. — Иначе бы мне не попасть в замок.

— А я думала, что вы — бе-пе, — сказала Белка. — И все так думали.

— Кто-нибудь скажет мне наконец, что такое бе-пе?! — потребовал Пашка. — Мне никто ничего не рассказывает.

— Бе-пе — это значит беспамятный, — сказал юноша. — Человек, который потерял память.

— Почему потерял?

— В лесу есть такие опасные места, — сказал Ручеек. — Если человек туда попадет, он теряет память.

— Ой! — воскликнула Алиса. — Наверно, старик Меркурий потерял память! И погиб.

— Да, — сказала Ирия. — Я это тоже поняла. Но, к сожалению, все еще хуже.

— Что? Ты узнала о Тадеуше?

— Да, — сказал Ручеек. — Ваши друзья у нас. Мы их нашли в лесу. Они — бе-пе.

— Не может быть! — воскликнула Алиса. — Надо скорее их найти и вылечить.

— Чего же мы ждем! — сказал Пашка. — Ручеек, показывайте нам, как отсюда выбраться.

— К сожалению, — ответил Ручеек, — я ничем не могу вам помочь. Ворота замка закрыты, на стенах часовые. И через стены нам не перебраться. — Он посмотрел на Ирию. — Может быть, госпожа Ирия и смогла бы ... но остальные — нет.

— Тогда ты, Ирия, — сказал Пашка, — иди.

— Нет, — ответила Ирия, — я не могу вас здесь оставить. Мы уйдем все вместе или все вместе останемся.

Алиса поняла, что Ирию не переубедишь. А раз так, то и говорить не о чем.

— А как же вы догадались встретиться? — спросила она.

— Я выбрался наружу, когда стемнело — сказал Ручеек. — Меня ведь не очень стерегли, кто боится бе-пе? Я подошел к башне и тихонько свистнул.

— А я не спала, — сказала Ирия. — И думала, почему лицо молодого человека, которого нашли в лесу, мне так знакомо.

— Тебе тоже? — сказала Алиса.

— Да, — сказала Ирия. — И я догадалась. Юноша похож на Речку ...

— Еще бы! — улыбнулся Ручеек. — Я ее родной брат.

— Ваш отец думает, что вас украли помники, — сказал Пашка.

— Не может быть, — вмешалась Белка. — Если бы помники украли, они бы давно его съели.

— Во-первых, — возразил Ручеек, — помники не едят детей.

— Нет едят! Это все знают.

— Все знают только то, что им говорят вкушецы и поклоны, — сказал Ручеек. — А вкушецы и поклоны ненавидят помников и боятся их.

— Их все боятся, — сказала Белка. — Они страшные. Как дикие звери.

— А ты видела когда-нибудь живого помника? — спросил Ручеек.

— Нет, что ты! — отмахнулась Белка. — Кто их увидит, ослепнет.

— А если я тебе одного покажу?

— Нет, нет, не надо! А то я закричу!

— Но здесь тебе некого бояться, — сказала Ирия.

— Здесь некого, а вдруг он прилетит? Они же летают на птицах!

— Не буду с тобой спорить, — сказал Ручеек. — Но многие говорят, что я — помник.

— Врешь!

— Значит, вру, — быстро согласился Ручеек.

И Алиса поняла, что он в самом деле — помник. Она не знала, кто такие помники, но Ручеек был помником. Это точно.

— Я же тебя видела, — сказала Белка с недоверием. — Ты был бе-пе. А теперь говоришь, что помник.

— Ты смешная девчонка, — улыбнулся Ручеек и в полутьме сверкнули его белые зубы. — Не все ли равно, кто я? Просто человек.

— Просто?

— А разве так не бывает?

— Не бывает, — решительно ответила Белка. — Потому что бывают повелители, бывают угодные небу вкушецы, бывают поклоны, бывают воины, бывают помники, бывают бе-пе, бывают пигмеи, бывают простаки и рабы, а бывают страшные люди из ночи.

Алиса с Пашкой тем временем ели. Оказывается, они очень проголодались. Алиса подумала: «Никогда еще в жизни не ела такого вкусного хлеба».

Над башней дул ветер, он залетал в щель, свистел, ворошил волосы. Было зябко. Алиса натянула на себя шкуру.

— Ручеек мне рассказал кое-что, — сказала Ирия. — И я хотела, чтобы он повторил свой рассказ для вас.

— Нет, — сказал Ручеек, — здесь я говорить не буду. Потому что здесь знатная госпожа и ей об этом не надо знать.

— А я не уйду, — заявила Белка. — Мне здесь интересно, а спать скучно. И к братьям идти скучно. Они сейчас напились и делят добычу.

— Тогда иди к маме.

— Мама любит скучать одна. Ей все надоели.

— Ну сколько же можно говорить! — с раздражением произнес Ручеек.

— А ты лучше помолчи, — ответила Белка. — Кто ты такой? Бе-пе? А я здесь хозяйка. Это мой замок, это моя башня. А когда мама умрет, а моих братьев убьют помники или другие поклоны, я стану хозяйкой. И всех, кто меня обижал, обезглавлю.

— Интересно, — сказал Ручеек, — кто же вложил в твою курчавую головку такие мысли?

— Это мои мысли!

— Твои?

— Мне Вери-Мери сказал. Он только один меня любит.

— А ты его? — спросил Пашка, которому Вери-Мери очень не нравился.

— Ты с ума сошел! — воскликнула девушка. — Он же гадкий.

— А ты ему веришь?

— Он хоть со мной разговаривает, — произнесла Белка. — А больше никто и разговаривать не хочет. Я сюда пришла. Здесь такая хорошая девочка, она со мной стала разговаривать. Мне интересно. А теперь приходит этот притворщик бе-пе со страшной ведьмой, которая ползает по стенам, и велит мне уйти. Уж лучше я буду верить Вери-Мери. Он — самый богатый человек на всем свете. Он только кажется маленьким. А на самом деле его все боятся!

Девушка даже запыхалась, так быстро и яростно она говорила. Она замолчала. Остальные тоже молчали. И вдруг ее губы задрожали, маленький вздернутый нос сморщился, брови сошлись к переносице и наследница сокровищ Старого Крота заревела, как маленькая девочка.

— Я не хотела... — повторяла она. — Я не хотела так говорить! Я боюсь Вери-Мери, он хочет, чтобы я стала его женой. Он страшный, и мне страшно. Здесь всегда темно... убегу отсюда...

— Не надо плакать, — Алиса обняла Белку. — Мы тоже не хотели тебя обидеть. Мы знаем, что ты хорошая.

— Я тебя гнал не потому, что ты плохая, — сказал Ручеек, — я тебя гнал, потому что ты поклонка. Ты расскажешь лишнее своим братьям или этому пигмею ... И нам будет плохо.

— Я никому ничего не расскажу. Честное слово. Я клянусь лесной чащей, священным белым деревом, небесной оленихой, дрожащей трясинной, что никому ничего не расскажу ...

— Ну хорошо, хорошо, — сказала Ирия. — Оставайся. Начинай, Ручеек.

Но Ручеек ничего не успел сказать, потому что вдруг Белка, у которой был удивительный слух, встрепенулась, вырвалась из объятий Алисы и прошептала:

— Они идут.

Не говоря ни слова, Ручеек метнулся к щели, перемахнул через стену и исчез.

Дверь в зал распахнулась.

Вошел старый воин. Он нес факел.

— Уважаемые поклоны, — сказал он, — Великие Кроты велят вам спуститься к ним.

Тут он заметил горящую свечу и сидевшую на скамье Белку.

Девушка подбежала к нему и тихо сказала:

— Сук, не говори никому, что ты меня здесь видел.

— Ясное дело, — ответил воин.

Белка скользнула мимо него, и ее легкие шаги простучали по лестнице.

11. КРОТЫ РАССЕРДИЛИСЬ

Братья Кроты ждали пленников в главной комнате замка, которая находилась за каменной перегородкой на первом этаже.

Комната была похожа на дольку арбуза: одна стена полукруглая, вторая — прямая. В глубине, у выгнутой стены, стояли три деревянных, покрытых резьбой трона. Средний, самый большой, был пуст. На двух поменьше, по сторонам, сидели близнецы. Перед ними стоял длинный, похожий на полумесяц, стол. На нем — миски и кружки с едой и питьем. А между ними, за ними, перед ними — сотни горящих свечей. Свечи были вставлены в старые подсвечники, различные

бутылки, вазы и вазочки, даже в химические колбы, словно в этом замке жил сумасшедший коллекционер, собиравший предметы, в которые можно вставить свечу.

Алису так и подмывало спросить, зачем нужно столько свечей и кто собирает такие подсвечники. Но она не спросила, она понимала, что в этом мире порой лучше обойтись без вопросов. Так она никогда и не узнала, что этот обычай родился в замке после того, как Старый Крот в бою потерял глаз, а второй стал слабеть. Бандиту казалось, что он плохо видит, потому что зал плохо освещен, и он велел вечерами зажигать столько свечей, сколько поместиться на столе. Вот и собирали его слуги где придется разные вещи, которые хоть как-нибудь могли сойти за подсвечники. Чем хуже становилось зрение у Старого Крота, тем больше свечей зажигали на столе. Говорят, что Крот истратил на свечи половину своих сокровищ, и после его смерти в подвалах осталось столько свечей, что его сыновьям ничего не оставалось, как жечь свечи, хотя у них со зрением все было в порядке. Так родилась традиция. А традиция — это то, что никому не нужно, от чего трудно отказаться.

— Добро пожаловать, дорогие гости, — сказал Крот, что сидел справа и был, наверное, Правым Кротом.

— Садитесь, — сказал Левый Крот.

Ирия и ее друзья уселись на табуретки, что стояли с их стороны стола.

Братья внимательно разглядывали Ирию, и Алисе очень не понравились их взгляды. Они были хищными, волчьими. Перед близнецами стояли большие жбаны, откуда они подливали себе в кружки какую-то коричневую жидкость. И вряд ли это был квас.

— Слушай, приезжая поклонка, — сказал Правый Крот, — у тебя золотые волосы и длинные ноги.

— У тебя красивое лицо, — сказал Левый Крот.

— Ты нам понравилась, — сказал Правый Крот.

— И мы решили на тебе жениться, — сказал Левый Крот.

Тут братья захохотали. Это был неприятный смех, потому что они смеялись, изгибая губы, показывая желтые зубы, булькая горлом, а глаза оставались такими же жестокими и пустыми, как прежде, словно кто-то пробуравил в их лицах глубокие черные дыры.

Ирия ничего не ответила.

Братья оборвали смех. Правый Крот продолжал:

— У нас, зубастых и страшных Кротов, есть такой обычай: мы не просим себе жен, а мы берем их силой. Так поступил наш отец. Так поступим и мы. Но нас двое, а ты одна. Поэтому мы разыграем тебя в кости.

Второй брат вытащил из кошель, привязанного к его серебряному поясу, мешочек и высыпал из него на стол два кубика.

— Простите, — сказала Ирия, поправляя волосы и вежливо улыбаясь. — Но у меня уже есть муж, который мне нравится куда больше, чем вы оба, вместе взятые. К тому же я знатная поклонка и со мной нельзя разговаривать неуважительно.

— Да! — не удержался Пашка. — Муж Ирии — великий и могущественный поклон. У него есть большое войско. А я его друг. И если кто-нибудь хоть пальцем тронет Ирию, он будет иметь дело со мной, Павлом Гераскиным!

Рыцари расхохотались и долго не могли остановиться.

Они трясли головами, длинные прямые черные волосы, перехваченные серебряными цепочками, метались, как трава под ветром, унизанными перстнями пальцами они стучали по столу — по стенам прыгали длинные тени.

— Мальчики, мальчики! — услышался скрипучий голос. — Ну опять вы расшалились.

В комнату вошла пожилая, грузная женщина, одетая в вышитое цветами платье. Ее седые волосы были забраны в пук на затылке и скреплены усыпанной сверкающими камнями заколкой. В руке женщина несла корзинку.

— Не мешай, мать, — отмахнулся от нее Правый Крот, — мы решили жениться.

— Наконец-то, — пропела женщина. — Давно пора образумиться. А то все по лесам шастаете.

Рыцари снова рассмеялись. Веселый у них получился вечер.

— Ой, мама! — сказал наконец Левый Крот. — Ты даже и не спросила, кто наша невеста.

— А чего спрашивать? — вздохнула женщина, усаживаясь на табуретку и доставая из корзинки вязание и спицы. — Вы же мне все равно не скажете.

— Вот она, сидит перед тобой.

Женщина поглядела на Ирию. Алиса уже догадалась, что эта женщина — госпожа Сороконожка, вдова Старого Крота.

— Нет, — сказала она печально. — Не по зубам вам такая красавица. Да и не согласится она выйти замуж за разбойников.

— А мы ее и спрашивать не будем, — сказал Правый Крот. — Разыграем ее в кости, и дело с концом.

— Ладно, хватит, — вдруг сказала Ирия. — Мне это надоело. Мне пора от вас уезжать. Верните нам наши вещи и оружие. Иначе я приму меры.

— Я же говорила, что вам она не по зубам, — повторила Сороконожка.

— Ты ничего не поняла! — взъярился Правый Крот. — Ты должна нам сапоги целовать от радости. В роду зубастых Кротов женщины трепещут перед мужчинами! Встать!

Ирия не пошевелилась, но у Пашки нервы не выдержали.

Он вскочил и как петушок бросился к рыцарю.

— Вам же сказали! — закричал он. — Неужели непонятно? Не смейте приставать к Ирии.

Рыцарь коротко размахнулся и ударил Пашку по лицу так, что тот отлетел к стенке.

— Вы подняли руку на ребенка, — раздался тихий голос Ирии. — И это вам даром не пройдет.

Дальнейшее произошло так быстро, что даже Алиса, которая знала, на что способна Ирия Гай, не успела ничего сообразить.

Ирия распрямилась, схватила Правого Крота за руку, рванула вперед так, что он взлетел в воздух и со всего размаха шлепнулся на пол. Брат бросился к нему на выручку, но он не успел даже вытащить меч из ножен, как и сам перевернулся, пролетел метров пять и врезался головой в стену.

— Ну вот, — сказала госпожа Сороконожка, не переставая вязать, — я же говорила, что эта невеста вам не подходит.

— Он нечестно мне врезал, — сказал Пашка, потирая затылок, пока Алиса помогала ему подняться. — И возможно, подставил подножку. Без подножки я бы не упал.

— Спасибо тебе, что ты за меня вступился, — сказала Ирия. — А теперь надо уходить.

— Деточки мои, — произнесла госпожа Сороконожка, — вам отсюда не уйти. Ворота заперты, стража стоит, а уйдете — в лесу ночь, вас мигом звери растерзают.

Со стонами и проклятиями рыцари поднимались на ноги.

— Она не женщина, — сказал Правый Крот.

— Она сам дьявол, — сказал Левый Крот.

— Если хочешь на ней жениться, я тебе уступаю очередь, — сказал Правый Крот.

— А я вообще пока не хочу жениться, — ответил его брат.

— Пускай уходят, — сказал Правый Крот.

— На все четыре стороны, — добавил его брат.

— Пускай их удавы задушат, дракон разорвет, черная тьма сожрет.

— Пускай они в беспмятную яму попадут, в болоте утонут, — вторил, потирая синяк, второй близнец.

— Верните сначала наши вещи, — сказала Ирия.

— Сейчас, — сказал Левый Крот. — Подождите. Сейчас сам принесу.

Прихрамывая, он поспешил к двери и скрылся за ней.

В дверях он столкнулся со своей сестрой — Белкой, но не обратил на нее никакого внимания.

Белка остановилась у входа, исподлобья разглядывая сцену.

— Они на вас напали? — спросила она у Алисы.

— Ничего, — сказала Алиса. — Они уже извинились. Мы уходим.

— Белка, ты что здесь делаешь? — спросила ее мать. — Спать пора.

— Проваливай, — сказал второй брат. — Чтобы я тебя больше не видел.

Белка кинула взгляд на Алису. Но что могла сделать Алиса? Она же не распоряжалась в этой семейке.

— Возьмите меня с собой, — попросила Белка. — Я хочу уйти!

— Вот я тебе поговорю, — проворчала мать. — Совсем распустилась. Не серди мальчиков. Они и так расстроены.

Белка понуро повернулась к двери.

Сороконожка обратилась к Ирии:

— Может, подождете до утра? Вместе с моими мальчиками до Города доберетесь?

— Нет, уж мы лучше сами по себе, — сказала Ирия.

— И то правильно. Я бы на вашем месте моим сынкам доверять не стала.

И, сказав это, госпожа Сороконожка снова принялась за вязание.

— Идем, — сказал Правый Крот. — Там все готово.

Они вышли из комнаты, миновали коридор, еще комнату, заваленную мешками, и попали во двор.

Там все было готово ...

Выставив копья, стояли полукругом воины Кротов. Слуги держали факелы — сцена была зловещей. Ирия обернулась, сзади уже тоже были воины.

— Только не вздумай бежать, — раздался голос Левого Крота. — Погляди на стены. Вы под прицелом.

Алиса подняла голову. Рыцарь был прав. На стене протянулась цепочка воинов. Каждый из них держал в руках натянутый лук.

— Вы мерзавцы, — сказал Пашка убежденно. — У вас нет честного слова.

— Это нам никогда не мешало, — ответил Правый Крот.

Из башни, неся корзинку с вязанием, вышла госпожа Сороконожка.

— Что вы намерены делать с ними, мальчики? — спросила она.

— Не жениться же на этой ведьме! — рявкнул Правый Крот. — Отвезем в Город. Продадим на рынке невольников.

— Нехорошо, мальчики, не так я вас воспитывала, — вздохнула Сороконожка.

— Нас жизнь воспитывала, — ответил ее сын. — А жизнь — жестокая штука.

Слышен был плач. У стены, скорчившись, сидела наследница рода Кротов Белка и горько плакала, спрятав лицо в ладонях.

12. В ПОДВАЛЕ ЗАМКА

На этот раз братцы-близнецы взялись за дело серьезно. Они уже видели, на что способна Ирия, и не хотели рисковать. Слуги приволокли тяжелые ржавые кандалы с цепью и заковали Ирии руки.

Потом пленников провели в душный холодный подвал, набитый несчастными пигмеями. Воздух проникал туда только через забранное решеткой окошко под самым потолком, и Алисе показалось, что она вот-вот умрет от духоты и вони, от стонов и плача пигмеев.

Они с трудом отыскивали себе место на скользком каменном полу и прижались друг к дружке, чтобы не замерзнуть.

Сквозь решетку сверху проникал синий свет — начинался холодный рассвет. На дворе замка еще некоторое время слышны были голоса, смех воинов. Потом послышался голос одного из Кротов:

— Не спать, часовые, не спать! Головы оторву!

— Не спим, зубастый Крот! — послышалось в ответ со стены.

Потом все затихло.

Пленники молчали. Алиса иногда засыпала и тут же просыпалась. Душно, холодно и безнадежно. Вот что получилось: летели, спасали — представители великой галактической цивилизации. А чем все это кончилось? Подземельем на дикой Крине, где никто не помнит, что всего несколько сот лет назад их планета была одним из центров галактической науки. Что же могло случиться? И Алиса поняла, что за весь день она ни на шаг не приблизилась к разгадке. Тайна громоздится на тайну — и ни одного ответа. Загремели кандалы — значит, Ирия не спала. «Как она мучается, — подумала Алиса. — Она переживает не только за Тадеуша, но и за нас с Пашкой. Она ведь думает, что виновата в том, что взяла нас на Крину». Алиса протянула руку, нащупала железный браслет, сковывающий кисть Ирии, погладила ее пальцы.

— Ничего, — прошептала она. — Все будет хорошо.

— Спасибо, Алисочка, — прошептала в ответ Ирия. И голос ее дрогнул.

Черная тень закрыла решетку.

— Девочка, — послышался шепот. — Девочка, это я, Белка. Ты не спишь?

— Я не сплю, — ответила Алиса.

— Я тоже не сплю. Я очень злая. Я обязательно убегу и тебе помогу убежать. Держи.

Тонкая рука протянулась между прутьями решетки. Алиса поднялась и, перешагивая через тела спящих

пигмеев, добралась до окна. В кулаке Белки был кусок хлеба.

— Ешь, — сказала Белка. — Больше мне достать не удалось.

— Спасибо.

— Что тебе еще нужно?

— Убежать, — сказала Алиса.

— Это я понимаю. Только из замка не убежишь. Мы в Городе убежим.

И с этими словами Белка исчезла.

Алиса вернулась к Ирии. Она разделила кусок хлеба на три ломтика. Пашка тоже не спал. Они съели хлеб. Почуввав запах хлеба, вокруг зашевелились голодные пигмеи. В тот момент, когда Алиса подносила ко рту последний кусочек хлеба, мохнатые пальцы вырвали его и в темноте завязалась драка между невольниками.

На дворе стояла тишина. Из окошка тянуло холодом.

Алиса снова задремала. Ей даже начал сниться сон, будто она сидит в гостях, и хозяйка протягивает ей большой бокал валерьянки. «Я не люблю валерьянку, — говорит Алиса. — Я голодная». — «Сначала бокал валерьянки, а потом уже гречневую кашу», — отвечает хозяйка. И звенит кандалами.

Звон разбудил Алису.

Оказывается, Ирия поднялась и отошла к окну.

— Не расстраивайтесь, — донесся оттуда, из-за решетки, голос Ручейка. — Я повторяю: ваши друзья в безопасности. И мы обязательно до них доберемся. Терпение и еще раз терпение.

— Детям плохо.

— Утром мы будем на корабле. Там я постараюсь вам помочь.

— А вы уверены, что наши друзья в безопасности?

— Следующую ночь, — ответил Ручеек, — мы проведем на острове, у реки. Это на полдороге к Городу. Там я получу известия из дома. И тогда мы решим, что делать. Главное — потерпите.

— Спасибо. Мы надеемся на вас.

— Спокойной ночи.

— Спокойной ночи ...

Алиса проснулась, когда уже наступило утро. Проснулась от страшного гама, криков и стонов — воины выгоняли пигмеев наружу. Проснулся Пашка. Он при-

нялся растирать затекшие ноги, потом начал прыгать, чтобы согреться.

В опустевший подвал заглянул старый воин и крикнул:

— Выходи! Вам что, специальное приглашение?

На дворе в котле варилась похлебка. Пигмеи стояли толпой у котла, протянув ручки, и скулили. Слуги кидали им деревянные миски, повара плескали туда похлебку. Старый воин Сук сам принес Ирии и ребятам по миске похлебки. Правда, ложек не было, и пришлось пить похлебку через край. Один из близнецов стоял у входа в башню и посмеивался, глядя на пленников.

Ни старой госпожи Сороконожки, ни Белки не было видно.

Зато Алиса увидела Ручейка. Юноша сидел в сторонке и тоже пил похлебку из миски. Алиса чуть было не поздоровалась с ним, но спохватилась: ведь он бе-пе, беспамятный.

Ручеек оказался замечательным актером. Даже издали было видно, какое у него тупое, равнодушное лицо, какие пустые глаза. И когда воины начали сгонять в кучу пигмеев и остальных пленников, Ручеек покорно поднялся и пошел к воротам.

— Ку-ку, — сказал вдруг один из пигмеев, что шагал рядом с Алисой.

Алиса обернулась. Вот чудеса! Да это же Белка! Она встрепала свои черные кудри, закуталась в немыслимо грязную шкуру и, маленькая, худенькая, затерялась в толпе дикарей.

Близнецы выехали к воротам верхом на одинаковых единорогах. Они приоделись. Поверх черных курток накинули одинаковые серебряные плащи. Оскаленные волчьи головы казались издали их собственными головами. Это были замечательные, brave рыцари ... если бы не беда с сапогами. На Левом — только правый сапог. На Правом — только левый.

Госпожа Сороконожка вышла проводить детей к двери башни. С вязанием она так и не рассталась.

— Вы там поосторожнее! — крикнула она сыновьям. — Поменьше безобразничайте.

Сыновья даже не оглянулись.

Госпожа Сороконожка достала из корзины длинный пирог, поманила к себе Алису. Алиса оглянулась на воина. Тот отвернулся. Алиса подошла к Сороконожке.

— Возьми, — сказала она, — на дорожку.

— Спасибо, — сказала Алиса и взяла пирог.

— От пигмеев береги, — сказала Сороконожка. — Они голодные, отнимут.

Голова процессии уже скрылась в воротах. И Алиса побежала догонять своих.

13. ВНИЗ ПО РЕКЕ

Вниз по реке плыли на двух кораблях. И это было к лучшему, потому что на переднем, гребном, расположились братья и большая часть их воинов. Всех пленников, а также оленей и единорогов, разместили на барже, которая шла на буксире за передним кораблем. Стражников на барже было немного, и они не обращали внимания на пленников.

Ручеек незаметно подсел поближе к Ирии. Между ними и ближайшим стражником стояли единороги. Вскоре к ним присоединилась Белка. Ручеек сначала ее не узнал, а узнав, развеселился:

— Ну и хитра, тебе бы подглядчиком быть. Давай мы тебя к себе возьмем.

— Куда к себе? — Белка была так рада, что ей удалось ускользнуть из замка, что перестала бояться юношу.

— К нам, к помникам.

— Брось шутить, — отмахнулась наследница замка Кротов, — какой ты помник! Помники страшные! Помник бы меня давно съел.

— Никогда не поздно, — сказал Ручеек.

— Только не шути, — сказала Белка. — Я не люблю, когда шутят. Вы так — пошутите, пошутите, а потом украдете.

На всякий случай она отодвинулась от Ручейка.

Ирии было тяжело таскать ржавые кандалы. К тому же они натирали ей запястья.

— Время есть. Целый день плыть. Я вам много чего расскажу. Но и вы мне расскажете. Хорошо? — сказал Ручеек.

— Хорошо, — сказала Ирия.

— Тогда вы начинайте. Про себя и про нас.

— Про нас не надо, — сказала Белка. — Про нас мы все знаем.

— Не вмешивайся, когда старшие разговаривают, — сказал Ручеек. — А то накостыляю тебе.

— А я закричу. Тебя братья убьют.

— Не знаю, кого сначала, — ответил Ручеек. — Меня везут по приказу братьев, а тебя? Тебя кто приглашал?

Белка сразу замолчала. Но, правда, вскоре она забыла об угрозе Ручейка и время от времени вмешивалась в рассказ. Уж очень ей трудно было поверить в то, что Крина, на которой она родилась и выросла, когда-то была совсем другой. Что на Крине были заводы, в громадных городах работали театры, что с космодромов поднимались космические корабли, что кринские экспедиции бывали в разных концах Галактики и даже на Земле. И ни о каких рыцарях, баронах, вкушецах и рабах на их планете и не подозревали. Ирия рассказала молодым людям, как Пашка и Алиса отыскиали на дне Тихого океана забытую станцию кринян и как они помогли криньянам подняться к людям.

— Сколько лет назад эти криняне потеряли связь с нашей планетой? — спросил Ручеек.

— Двести пятьдесят лет назад, — сказала Ирия.

— Правильно, — сказал Ручеек. — Это случилось двести пятьдесят лет назад. Мы это уже знаем.

— Но что случилось? — спросила Алиса.

— Точно мы еще не знаем, — ответил Ручеек. — Только сейчас наши ученые отыскили главный архив и начали его исследовать. Они читают документы.

— Что такое «читают»? — спросила Белка.

— Они смотрят на маленькие черные значки, которые написаны на старых листах бумаги, — объяснил Ручеек. — И эти значки с ними говорят.

— Как так говорят? У них рты есть?

— Нет, они молчат, — сказал Ручеек. — Но говорят.

— Это колдовство!

— Значит, я колдун, — сказал Ручеек.

— Ой! Порази тебя гром, разорви тебя кролик! Сожри тебя суслик!

— Вот видишь, ничего не случилось, — сказал Ручеек.

— Значит, ты не колдун, — с облегчением произнесла Белка.

— У вас никто не умеет читать? — спросила Ирия.

— Только мы, помники. За это нас считают колдунами и охотятся за нами, как за дикими зверями.

— Еще бы, — сказала Белка, — вы детей крадете и потом едите.

— Ну скажи ей, что это чепуха! — воскликнул Пашка. — Они просто темные и ничего не понимают.

— В этом есть правда, — сказал Ручеек. — Мы крадем детей.

— Не может быть! — удивилась Алиса.

— А почему? Меня самого когда-то украли, когда я был маленький. Если бы не украли, я был бы такой же темный и беспамятный, как эта Белка.

— Я знатная поклонка!

— Вижу, какая ты поклонка.

— Но красть детей нехорошо! — сказала Алиса.

— Что ты знаешь? Ты второй день на нашей планете, а уже половину этого времени сидишь связанная и голодная. Скажи спасибо, что живая! — Ручеек разволновался, начал махать руками, и Ирия остановила его, чтобы он не обратил на себя внимание охранников.

Алиса заметила, что один из единорогов внимательно смотрит на юношу, будто понимает, о чем идет разговор.

Ручеек взял себя в руки и продолжал спокойнее:

— Вы не видели нашей планеты. А хуже места, как я понимаю, нет во всей вселенной. Ты рассказывала нам о Земле, о том, что у вас нельзя убить человека просто потому, что он тебе не нравится, что у вас там нет голодных, что все чистые, хорошо одеты и говорят то, что хотят. Ты рассказывала, что у вас все умеют читать и писать, летать на воздушных машинах, все могут учиться и жить там, где им хочется. У нас ничего этого нет. У нас есть кучка знатных поклонов и вкушцов, которые хорошо живут, а все остальные даже не подозревают, что тоже могут жить иначе. У нас никто, понимаешь, никто не умеет читать и писать. А если узнают, что ты почему-то научился читать, то тебя затравят собаками или сожгут на костре. Мы живем без памяти, мы даже не знаем, что было на нашей планете много лет назад. И считается, что ничего другого, чем есть теперь, и быть не могло. Потому что тем, кто правит нами, выгодно, чтобы мы ничего не знали. Но среди нас оказа-

лись люди, которые догадались, что так было не всегда. Что раньше было иначе ...

— А ты знаешь, что было раньше в замке братьев Кротов? — перебила Ручейка Алиса.

— Нет, не знаю, но вернее всего, там что-то раньше было. Почти все замки устроены в старых зданиях.

— Там была обсерватория — место, чтобы смотреть на звезды, — сказала Алиса.

— Вранье, — обиделась Белка, — этот прекрасный замок построил мой отец.

— Зачем же он тогда сделал такую щель в крыше? — спросил Пашка.

— Потому что так красивее, — ответила упрямая Белка.

— Нет, раньше там стоял телескоп — такая труба с увеличительным зеркалом, — и он двигался за звездами.

— Ты говоришь плохие вещи, — сказала Белка. — Я не хочу, чтобы трубы двигались.

— Дайте мне договорить, — сказал Ручеек. — Некоторые люди догадались: что-то плохое случилось со всей нашей планетой. Они догадались, что можно читать. И в книгах, которые чудом сохранились, они прочли правду. И узнали, что мы живем не в своем мире. Мы шакалы на кладбище.

— Может, была война? — спросила Ирия.

— Не знаю. Вроде бы войны не было. — Ручеек пожал плечами. — Была какая-то беда. Разве так важно, какая? Но после этой беды наши люди изменились. И стали дикарями, стали первобытными.

— И что же дальше? — спросил Пашка. — Те, что догадались, ушли в партизаны?

— Я не знаю, что такое партизаны. К тому же все это было еще до того, как я родился. Нашего первого учителя поймали и сожгли вкушецы.

— И правильно сделали, — сказала Белка. — Поклоны должны быть поклонами, а то не будет порядка.

— Вот видите, — вздохнул Ручеек, — искалеченное дитя.

Все засмеялись. Кроме Белки.

— Учителя нашего убили, но уже были другие, которые умели читать. И они ушли в лес, потому что в лесу есть другие города, покинутые, забытые всеми. В тех городах они надеялись найти следы прошлого, вернуть

его и разогнать эту свору кровососов с красивыми именами Мокриц, Кротов, Сосунов, Вампиров, Фаланг и Скорпионов.

— Почему они берут такие имена? — спросила Алиса.

— А потому, что они думают, будто эти имена значат совсем не то, что они значат на самом деле.

— Как так?

— А просто. Никто не умеет читать, никто не помнит прошлого, никто не знает, как назывались раньше разные животные. А в Городе сидят мудрецы, это тоже паразиты, они теперь вместо ученых. Когда надо назвать знатного младенца, обращаются к ним, и за большие деньги они дают ему имя. Например, Крот. Что такое крот?

— Как что? — удивилась Алиса. — Это такое маленькое животное, оно живет под землей и роет себе ходы.

— Неправда! — закричала Белка. — Это вранье. Ты обижаешь моих братьев и моего отца.

— А что же это такое? — спросила Ирия Белку.

— Крот — это такое могучее лесное животное с большими зубами, очень сильное. Его головы мои братья носят вместо шлемов.

— Но это же головы волков! — сказала Алиса.

— Вот именно, — улыбнулся Ручеек. — Конечно, это волк. А мудрецы говорят: крот — это могучий зверь! Кто их проверит? Кто узнает правду, если только мудрецам разрешено придумывать имена.

— Не хочу больше слушать, — сказала Белка и отошла к борту баржи.

— Она не пожалеется братьям? — спросил Пашка.

— Не думаю, — сказал Ручеек. — Ей же интереснее с нами. Но к правде нелегко привыкнуть.

— Я согласна с Ручейком, — сказал Ирия. — Белка — неплохая девочка. Ей было несладко в замке. Продолжайте, Ручеек.

— Мои учителя ушли в глубину леса. Там было трудно. В лесу много страшных зверей, есть очень опасные места. Учителя отыскивали покинутый Город и поселились в нем. Назвали его Убежищем. Прошло уже много лет...

— Если никто не знает правды, — удивился Пашка, — как к вам приходят новые люди?

— Мы крадем детей, чтобы учить их, — сказал Ручеек. — У нас нет другого выхода. Помники не могут

ходить по городам и учить людей, их сразу поймают и убьют. Поэтому они и стали красть детей. Взрослого трудно переубедить, а ребенка можно всему научить.

— Но как же родители?

— По-разному, — уклончиво ответил Ручеек.

— Все-таки это жестоко, — сказала Алиса.

— Но у нас нет другого выхода! — повторил Ручеек. — Если этого не делать, кто освободит наш мир? Когда ребенок вырастет, он волен вернуться домой. Наш лесной город, наше Убежище, — это как школа. Некоторые возвращаются. Иногда тайно и скрывают свои знания. Эти люди нам очень нужны, они наши глаза и уши. Некоторые не выдерживали, погибали.

— Почему? — спросила Алиса.

— Они стали рассказывать людям правду. Или начинали учить их читать. И их выдавали собственные ученики.

— Как же свои ученики выдавали? — спросил Пашка.

— Потому что они учили рабов, — сказал Ручеек. — А рабы не знают, что такое свобода. Они любят палку. Для нас опасно покидать Город. Я очень беспокоюсь за сестру Речку. Она подглядчица.

— Значит, я должна тебе передать от нее послание, — сказала Ирия. — Она велела передать его первому помнику, которого мы встретим.

Ирия достала из кармана комбинезона сплетенную из травы косичку. Ручеек взял ее и стал перебирать травинки.

— Это шифр? — спросил Пашка.

— Это наш тайный язык. Если такое послание попадет в руки поклонов, они ни о чем не догадаются.

Белка подошла к нему и заглянула юноше через плечо, стараясь понять, над чем он так задумался.

— Плохо дело, — сказал Ручеек. — Так мы и думали.

— Что там написано? — спросил Пашка.

— Речка сообщает, — сказал Ручеек, — что все поклоны государства съезжаются в Город, потому что решено начать против нас поход.

— А это не тайна, — сказала Белка. — Я слышала, как братья говорили, что они покажут этим помникам.

— Мы надеялись, — сказал Ручеек, — что они никогда не сговорятся. На наше счастье, поклонны, как пауки в банке, все время грызутся между собой. Но вот сговорились.

— Они хотят спасти детей, — сказала Белка, — потому что помники детей крадут, а потом кушают..

— Да перестань ты нести чепуху! Надоело, — сказал Ручеек. — Кушают, кушают! Не кушают, а учат читать и писать, учат пользоваться теми вещами, которые нашли в старом городе, учат делать новые вещи. Учат! Понимаешь?

— Уж больно ты ученый! — огрызнулась Белка.

— Куда учение твоих братьев и даже его Повелительства Радикулита.

— Не смей так говорить! — испугалась Белка.

— Боишься, что меня убьют?

— Конечно. Хотя ты и противный и, может быть, даже помник, мне все равно тебя немножко жалко.

— Ну вот и хорошо.

Ручеек обернулся к Ирии:

— Речка считала корабли, которые проплыли мимо нашей хижины. Очень много кораблей. И на каждом воины.

— А у вас есть оружие? — спросила Ирия.

— Кое-что есть. Но мы не готовились ... Мы надеялись, что они побоятся леса.

— Мои братья ничего не боятся, — сказала Белка.

— Твоих братьев нам еще не хватало! — Ручеек поднялся, посмотрел вдаль, на лесистый берег, мимо которого плыла баржа.

— Надо как можно скорее сообщить обо всем нашим. Им нужно подготовиться.

— А может, нырнуть в воду и доплыть до берега? — сказал Пашка. — Если хочешь, я с тобой пойду.

— Глупости, — ответил Ручеек. — Ты не знаешь, как далеко мы уже отплыли. Отсюда до нашего Убежища идти целый день. Если не больше. И по самым диким местам. Не дойти. Даже мне.

— Отнять бы у Кротов наши бластеры, тогда бы дошли, — сказал Пашка.

— Эх, друг мой! — ответил Ручеек. — Ты не на своей Земле, где все звери добрые, а леса не опасные.

— У нас разные звери есть.

— Таких, как у нас, нет. Такие тебе и не снились. И думаю, что моим прадедушкам тоже.

— Ты хочешь сказать, что их раньше не было, а за триста лет они вывелись?

— Мне рассказывали учителя, что когда все это случилось ... в городе, где теперь лес, было очень большое место, в котором держали диких животных.

— Зоопарк, — подсказала Алиса.

— Зоопарк. Но не только для наших зверей, но и для зверей, которых привозили с других планет. И эти звери разбежались. Некоторые подошли, а другие расплодились в лесу...

— Мы видели, — сказал Пашка, — когда шли по лесу.

— Вы еще очень мало видели, потому что остались живы, — сказал Ручеек. — Вся надежда на птицу. Если она меня найдет.

Река была такая широкая, что дальний берег скрывался в дымке. Стало теплей, облака разошлись, и солнце, поднявшись высоко, приятно согревало. Алису опять стал мучить голод, но она молчала, потому что понимала: остальным тоже несладко.

Над кораблями показалась стая больших летучих мышей. Когда они спустились пониже, высматривая, нет ли чего съедобного на кораблях, Алиса увидела, что у них длинные пасти, утыканные множеством острых зубов.

С переднего корабля воины принялись стрелять по летучим мышам из луков.

— Вот вам пример, — сказал Ручеек. — Раньше их не было. Они вообще не с нашей планеты.

Одна из летучих мышей спикировала на баржу. Испуганные пигмеи бросились плашмя на дно, закрывая головы руками. Алиса увидела совсем близко разинутую пасть и отпрыгнула в сторону. Единорог поднял золотой рог.

Воины замахали мечами. С переднего корабля сыпался дождь стрел. Одна из мышей упала в воду, и ее понесло по волнам. Единорог пронзил рогом еще одну тварь и выкинул за борт.

— Спасибо, — сказала ему Алиса. — А то я так испугалась.

Единорог наклонил голову и дотронулся губами до руки Алисы.

— Ты мне тоже очень нравишься, — шепнула Алиса.

Летучие мыши взвились к небу и полетели прочь. Пигмеи испуганно щебетали.

— Они их очень боятся, — сказал Ручеек.

— Я тоже боюсь, — сказала Белка. — У нас один воин пошел в поле, на него целая стая напала — разорвали.

На правом низком берегу показалась небольшая деревенька. Хижины стояли у самой воды. Напротив, на высоком берегу, у леса, возвышался еще один замок. На этот раз Алиса сразу догадалась, что когда-то здесь стоял завод, — от него остались две трубы. Их превратили в башни, а в заводских корпусах заложили окна камнями.

Замок был безлюден. Никто не вышел на стены поглядеть на проплывающие корабли.

— Наверное, все уплыли в Город, — сказал Ручеек.

— Чего же они все так дружно поднялись? — спросил Пашка. — Неужели в самом деле хотят освободить детей?

— Да не из-за детей они переживают, — сказал Ручеек. — Они думают, что у нас там сказочные сокровища. Вот и хотят отнять.

— Скажи Ручеек, — спросила Алиса, — а ты почему притворился бе-пе?

— Так это же ясно, — сказал Ручеек. — Мы должны были встретиться с Речкой. Позже, вечером. Мне нужны были сведения о том, сколько кораблей проплыло вниз, какие корабли. Мы знали, что поклоны что-то затевают, но не знали подробностей.

— И ты шел на свидание с ней?

— Я наблюдал за лесом, — сказал Ручеек. — И тут увидел, что по лесу едет Левый Крот со своим отрядом. Я проследил за ними и увидел, как они напали на лагерь пигмеев.

— Их Вери-Мери навел, — сказала Алиса.

— Знаю, — кивнул Ручеек. — У лагеря пигмеев я увидел, что Крот захватил людей, очень похожих на тех бе-пе, что мы нашли вчера в лесу.

— Экипаж «Днепра»? — спросил Пашка.

— Правильно. Я сразу понял, что вы не бе-пе, что вы разумные. Значит, вы нам можете помочь. И тогда я стал следить за вами. Вижу — вас ведут в замок. А как мне в замок попасть? Как мне связаться с вами?

— И ты притворился бе-пе? — с ужасом спросила Белка.

— И вот я здесь.

Лес на левом берегу кончился. К реке подступили

крутые утесы, вода пенилась, и баржа поплыла быстрее. Пигмеи заверещали, испугались.

— Скажи, — тихо спросила Алиса, — а от беспамятства можно вылечить?

— Не знаю, — ответил Ручеек. — Пока что мы еще никого не смогли вылечить.

— Какой ужас!

— Вылечить нельзя, — сказала Ирия, которая все слышала, — но можно всему научить заново.

— Ты не расстраивайся. — Алиса присела рядом с Ирией и погладила ее закованные в кандалы руки. — На Земле быстро найдут противоядие от этой болезни.

Ручеек тоже подошел к Ирии.

— Ничего страшного, — сказал он. — Твой муж жив и здоров. Как только он тебя увидит, все вспомнит. Только вот добраться до него непросто. Сегодня ночью я передал через нашего человека в замке весть о себе в Убежище. Если он сможет добраться к нашим, они узнают, что мы плывем по реке и будем ночевать на Длинном острове. Тогда этой ночью к нам прилетит птица.

14. СОБЫТИЯ НА ДЛИННОМ ОСТРОВЕ

Уже темнело, когда корабли братьев Кротов достигли узкого острова посреди реки, заросшего кустарником.

У острова, приткнувшись носами, стояли еще два корабля. Видно, они добрались сюда раньше и остановились на ночлег.

На берегу, возле покосившегося навеса, горело несколько костров.

— Кто плывет? — раздалось с одного из кораблей.

В ответ Левый Крот пронзительно крикнул:

— Плывет корабль непобедимых зубастых Кротов, поклон лесного царства! А кто посмел задавать нам вопросы?

— На этом острове остановился на ночлег благородный поклон Страны зеленых болот Червяк Самый толстый. Он приветствует своих друзей и приглашает их разделить с ним его скромную трапезу.

— Ничего себе — лучший друг, — тихо сказал Ручеек. — Еще в прошлом году братья разорили деревню Червяка, а он в отместку потопил рыбацьи лодки Кротов.

— Они будут воевать? — спросил Пашка.

— Не будут. Видишь, как вежливо разговаривают. На время общей войны поклоны объявляют мир.

Флотилия Кротов пристала к берегу. Пленников с баржи отогнали к кустам. Вокруг стояли воины, но следили они за пленниками кое-как, часто отходили к кострам. Да и понятно — кто убежит с острова?

Ужин пленников был таким же скудным, как и завтрак. Слуги притащили ящик с подсохшими хлебами, а воду каждый мог черпать ладонями из реки.

Ручеек есть не стал, он отполз, таясь за кустами, туда, где близнецы медленно разгуливали с Червяком Самымтолстым, желтая тога которого была разрисована изображениями черных пантер. Видно, мудрецы опять ошиблись — назвали пантеру червяком. Ручейку надо было узнать, о чем разговаривают поклоны.

Как только зашло солнце, поднялся ветер. Стало холодно. Но приходилось терпеть. Пашка сказал:

— Алис, давай займемся акробатикой.

В прошлом году все в классе увлекались акробатикой, ходили в секцию, — конечно, это была Пашкина идея. Но когда Пашка выступил на районных соревнованиях школьников и занял всего-навсего третье место, он сразу в акробатике разочаровался и ходить на секцию перестал.

— Идите, — сказала Ирия, — побегайте, только на глаза воинам не попадайтесь.

Уже почти стемнело, осталась лишь оранжевая черточка на горизонте, там, где опустилось солнце. Алиса с Пашкой прошли на дальний берег острова, нашли широкую полосу твердого песка. Сначала они по очереди крутили сальто. Потом Пашка поддерживал Алису, и она сделала ласточку и стойку у него на руках. Потом они решили устроить соревнования: кто быстрее пробежит сто метров на руках. Пашка Алису обогнал, но до конца дистанции не добежал.

— Камень под руку попал, — сказал он.

И тут они услышали аплодисменты.

Совсем недалеко стояли братья-близнецы и Червяк Самыйтолстый. Оказывается, они смотрели, как ребята занимаются акробатикой.

— Молодцы! — сказал Левый Крот. — Что же вы раньше молчали?

— А нас никто не спрашивал, — ответил Пашка.

— Твои рабы? — спросил Червяк, тряся шестью подбородками.

— Наши, — сказал Правый Крот.

— А зачем они вам? — спросил Червяк.

— Как зачем? Везу в Город. Я их его Повелительству покажу.

— Отдай их мне, — сказал Червяк.

— Нельзя, — ответил Левый Крот. — Это подарок властителю.

— Я хорошо заплачу.

— У тебя таких денег нет, — ответил Левый Крот, ухмыляясь. — Этих детей с младенчества готовили, учили. Даже кормили особой кашей. Таких больше во всем мире нет.

— Говори, сколько!

— Ни за что! — воскликнул Правый Крот.

А Левый Крот почесал длинным пальцем подбородок и сказал:

— Такие вопросы так не решаются. Надо думать.

— Правильно, — согласился его брат. — Надо думать. Братья, как по команде, повернулись и пошли прочь от берега.

Червяк Самыйтолстый семенял следом.

— Мешок золота! — кричал он. — Два мешка золота!

Но братья не обернулись. Алиса услышала, как они хихикают.

Алиса улыбнулась. Пашка сердито спросил:

— Ты чего смеешься? Разве не понимаешь, что нас с тобой продадут? В рабство.

— Но какие хитрые братья!

— Ты что, хочешь выступать перед здешними поклонниками?

— А почему бы и нет?

— Иногда мне хочется тебя убить! — заявил Пашка и побежал прочь.

Алиса пошла следом. Разумеется, она не хотела выступать перед этими баронами, даже смешно было бы подумать ... Просто интересно на них смотреть.

— Я бы могла разбогатеть, — сказала Алиса. — Привозила бы на Крину акробатов и гимнастов. Целыми секциями и спортивными обществами.

Алиса разбежалась и сделала двойное сальто.

И чуть не врезалась в Белку, которая стояла в кустах, поджидая ее.

— Алиса! — сказала она громким шепотом. Глаза ее были круглыми от ужаса. — Они тебя продадут! Тебя продадут Червяку!

— Знаю, — сказала Алиса. — Я давно хотела прославиться.

— Тебя тоже! — Белка обернулась к Пашке.

— Я убегу, — сказал Пашка.

Когда они вернулись к тому месту, где их ждала Ирия, Ручеек уже был там. Они негромко разговаривали. Лагерь понемногу засыпал. Только у костров нестройно пели воины. Оттуда слышалась ругань, зазвенели мечи, кто-то завизжал, кто-то засмеялся.

— Нас намерены продать, — сказала Алиса. — Мы будем выступать со смертельными номерами. Сегодня и ежедневно отличники седьмого класса «Б» двойное сальто-мортале!

Но никто не поддержал Алисину шутку.

Над ними, закрывая звезды, пронеслась большая темная тень.

— Смотри, опять летучие мыши, — сказала Алиса.

— Нет, — ответил Ручеек. Он вскочил на ноги и тихо свистнул.

Снова пролетела тень, и сверху слышался ответный свист.

Ручеек сказал:

— Пошли к берегу. Она нас будет ждать там.

— Кто? — спросил Пашка.

— Увидишь, — сказала Ирия.

По дороге Белка все время жалась к Алисе.

— Я боюсь, когда темно, — шептала она. — Я идти с вами боюсь и оставаться боюсь.

На берегу, недалеко от того места, где Алиса с Пашкой крутили сальто, на небольшой полянке в кустах их ждала большая белая птица.

А может, и не птица? Подобного существа Алисе раньше встречать не приходилось.

С первого взгляда в полутьме, при свете двух кринянских лун, ее можно было принять за гигантского голубя, ростом с человека. Но если приглядишься, то удивляли глаза, они были не птичьими, а человеческими,

с веками, ресницами, белком и голубым зрачком. Клюв птицы был невелик и казался мягким. Когда птица говорила, он двигался и даже изгибался.

— Я тебя еле нашла, — сказала она Ручейку.

— Я же передал, что мы будем ночевать на острове.

— Посланец не сказал, на каком.

— Я думал, что ты догадаешься, — сказал Ручеек.

— Я и догадалась, — сказала птица. — Что за люди с тобой?

— Это наши друзья.

Птица оглядела всех.

— Дети, — сказала она, — и закованная в кандалы женщина одеты так же, как беспамятные люди у нас в Убежище. Они из одного племени?

— Вы их видели? — спросила Ирия. — Как они себя чувствуют?

— Они сидят в большой комнате, — сказала птица. — С ними говорят учителя. Они сыты. Они ничего не помнят. Что я еще могу сказать?

— Спасибо, — сказала Ирия. — Еще не узнали, почему это с ними случилось?

— Спроси у злых духов леса, — ответила птица.

Алиса заметила, что Ирия, в отличие от остальных, вовсе не удивлена встречей с говорящей птицей. Наверное, Ручеек рассказал ей все заранее.

Птица посмотрела на Алису.

— Учителя спрашивают, — сказала она, — как вы попали на нашу планету? Из дальних стран или с неба?

— С неба, — сказала Алиса.

— Где ваш корабль?

— В лесу.

— Я расскажу им. Спасибо, — сказала птица. — Мне интересно на вас смотреть. Я таких еще не видела.

Затем птица обернулась к кустам.

— А кто эта пигмейка, что прячется от меня в листве?

Конечно же, Белка при виде птицы спряталась.

— Выходи, — сказал Ручеек, — тебя никто не тронет.

— Не выйду, — послышался ответ из кустов. — Она меня унесет.

— Тогда сиди, — сказал Ручеек.

— Мне страшно.

— Пигмейка, — сказала птица, делая шаг к кустам, — я никогда никому не причинила вреда. Ты можешь

спросить об этом у любого жителя леса. Мне стыдно, что ты меня боишься.

— Сама говоришь, — слышался ответ из кустов, — а потом клюнешь.

— Какая дикость! — сказала птица. — Я, благородная Альта из рода Альтосов, оскорблена такими подозрениями.

— Нет, — ответила Белка, — я лучше здесь посижу.

Птица по-куриному склонила голову и спросила Ручейка:

— Друг мой, что мы теперь будем делать?

— Мы обсуждали этот вопрос с Ирией, — сказал Ручеек.

— Кто такая Ирия?

— Это наш благородный друг с планеты Земля, закованный в кандалы, потому что ничтожные Кроты ее боятся.

— Какой стыд! — воскликнула птица Альта. — И это называется рыцари!

— Ты моих братьев не трожь! — отозвалась из кустов Белка.

— Так, значит, ты не пигмейка? Значит, ты та самая девочка из замка Кротов, которую бьют, не кормят и на которой хочет жениться гадкий предатель Вери-Мери?

— А ты откуда знаешь?

— В лесу для меня нет тайн. Берегись, Белка. Звери и люди говорили мне, что ты добрая и не мучаешь животных. Берегись своих братьев, но втройне берегись Вери-Мери.

Белка ничего не ответила, но вышла из кустов.

Она стояла в сторонке, настороженная, готовая в любой момент спрятаться снова.

— Мне нужно передать в Убежище послание, — сказал Ручеек. — Так, чтобы к утру оно было у учителей.

— Хорошо, — сказала птица. — Полетели.

— Нет, — ответил Ручеек. — Полечу на тебе не я. Полетит мальчик Паша.

— Почему? — спросила птица.

— Почему? — воскликнул Пашка.

— Так мы решили, — сказала Ирия, обращаясь к Пашке с Алисой. — Ручеек не может сейчас покинуть нас. Ему обязательно надо быть в Городе, ему надо проникнуть во дворец и узнать, что замышляют поклонны.

— Но почему я?

— Альта может отнести в Убежище помников одного человека. Я не могу лететь. Я не могу оставить вас здесь. Но один из нас должен попасть в лес как можно скорее, увидеть наших друзей и рассказать учителям, как отыскать «Днепр» и Гай-до. Кто-то должен перенести в Гай-до контейнер с гравитонами. Без этого Гай-до не сможет взлететь и вызволить нас. Это могут сделать Алиса или ты, Паша. Я решила, что полетишь ты, Паша. Все-таки ты мальчик, ты сильнее. А путешествие может быть опасным. Алиса пускай остается со мной. Ты понимаешь, Паша, какая тебе поручена задача?

— Я понял, — сказал Пашка. — Но пускай летит Алиса. Я не хочу оставлять тебя одну. Тебе может понадобиться моя защита.

— Здесь остается Ручеек. Он меня защитит. В крайнем случае, я сама за себя постою. А от того, как ты доберешься до лесного Убежища и сможешь поднять в воздух Гай-до, зависит все. Даже наши жизни и жизни наших друзей.

— Понял, — сказал Пашка.

— Лети, — сказала Алиса. Ей было чуть-чуть обидно, что для полета выбрали не ее, а Пашку, но лучше не спорить. Если недовольна, скажешь на Земле, когда все кончится.

— Я сомневаюсь, — сказала птица Альта, которая до того бродила по полянке и что-то клевала в траве. — Я сомневаюсь. Мальчик никогда не летал. Он может испугаться и упасть.

— Я? Испугаться? — Пашка тут же забыл о своих сомнениях.

— Ты полетишь низко, — сказал Ручеек. — Медленно. Ты не позволишь мальчику упасть. Я на тебя надеюсь.

— Я постараюсь, — сказала птица. — Но возить мальчиков — последнее дело. Они всегда шалят.

— Может, привязать Пашку? Чтобы не свалился? — спросила Алиса.

— Еще чего не хватало! — возмутился Гераскин.

— Не надо, — сказала птица. — Веревки будут мне мешать.

— А сколько лететь до вашего Убежища? — спросила Ирия.

— Я буду лететь медленно, — сказала Альта. — Я буду лететь часа три-четыре. Утром будем не месте.

— Три-четыре — это много? — спросила вдруг Белка.

— Нет, немного, — сказал Ручеек. — А может быть, ты хочешь научиться считать и читать?

— Нет, что ты! — воскликнула Белка. — Это запрещено! Только ужасные помники читают и пишут.

— Какая темнота! — вздохнула птица. — Какая первобытная жизнь.

Ручеек тем временем нарвал травинок и быстро сплел послание для учителей. Ирия еле уговорила Пашку взять ее куртку — ведь в полете будет холодно.

— Я не замерзну, — возражал Пашка.

— Когда мы вернемся на Землю, — сказала Ирия, — твоя мама меня обязательно спросит: почему вы не проследили за здоровьем моего сына? Почему он чихает и кашляет? Куда вы его возили? На Северный полюс?

Ирия так здорово скопировала голос Пашкиной мамы, что Пашка засмехался и сдался.

Пока Ручеек плел свое послание, а Ирия диктовала Алисе записку для Тадеуша, Пашка вышел на берег реки. По реке протянулись две серебристые полосы — от двух лун. На том берегу мерцали тусклые огоньки — там была деревня. Под ложечкой щекотало от предчувствия приключений. Таких ему еще переживать не приходилось. Страшно ли ему сейчас подняться в небо не белой птице с голубыми светящимися глазами? Нет, не страшно. Он представил себе, как в лесной чаще ждет, волнуется, не зная, что с ними происходит, их добрый Гай-до. Что ж, в жизни всегда найдется место подвигам.

— Я готов! — сказал Пашка. — По ко́ням!

Альта присела, чтобы Пашке было сподручней забраться ей на спину. Спина была теплой, гладкой. Пашка опустил ноги перед крыльями. Ручеек снял с себя ремень и завязал его на шее Альты.

— Хватайся за него, только если будет страшно, — сказала птица. — А то задушишь меня.

— Хорошо, — сказал Пашка и поклялся себе, что даже если будет жутко, он не дотронется ло ремня.

— Ой, Паша, — сказала плачущим голосом Белка, — может, останешься? Занесет она тебя в колдовские

места, превратишься ты в цветочек безгласный, пропадешь в вонючих болотах.

— Перестань канючить, — сказала птица. — Мне стыдно за тебя.

— А мне Пашеньку жалко, — сказала Белка.

Она подошла к Ручейку и взяла его за руку.

Тот даже удивился:

— Ты меня больше не боишься?

— Я тебя, конечно, боюсь, — сказала Белка. — Но я остальных еще больше боюсь. Ты уж меня не обижай.

— Не обижу! — Ручеек запустил пятерню ей в волосы, но Белка тут же вырвалась и сказала строго:

— Ты забыл, с кем имеешь дело! Я же настоящая поклонка.

Ручеек передал Пашке шифрованное послание, Ирия — записку для Тадеуша. Алиса просто пожала руку.

— Мы полетели, — сказала Альта. — Осторожней в Городе!

Птица разбежалась по полянке и расправила крылья. Крылья оказались громадными, каждое — метра четыре длиной.

Добежав до воды, Альта резко взмахнула крыльями. Пашка сидел, обхватив ногами плечи птицы и обняв шею, ему очень хотелось вцепиться в ремень, но он сдерживался.

— Нильс на диком гусе! — услышал он голос Алисы.

В ушах засвистел ветер, Пашка зажмурился, а когда открыл глаза, остров уже выглядел черной полосой на глади реки, а костры на берегу казались светлячками.

— Только не засни, — сказала Альта.

— Еще чего не хватало!

— Это бывает, — сказала Альта. — Ты мне лучше рассказывай, где ты живешь, откуда прилетел, какие у вас птицы. Мне все интересно.

И Пашка начал рассказывать о жизни на Земле.

15. ОПАСНЫЙ ПОЛЕТ

Через час полета Пашка так закоченел, что, несмотря на всю свою гордость, вынужден был признаться Альте, что вот-вот свалится.

— Глупости, — сказала Альта. — Мог бы и раньше сказать. Мне не нужны мертвые мальчики.

— Может, спустимся, и я немного попрыгаю, согреюсь, — сказал Пашка.

— Через пять минут будет такое место, — сказала птица. — Я и сама собиралась там сделать привал. И знаешь почему?

— Н-н-ет, — ответил Пашка. Даже губы у него замерзли так, что не слушались.

— Там есть чудесные ягоды. Вам, людям, они кажутся горькими, но мы, альты из рода Альтосов, их обожаем.

Птица начала снижаться. Мерно поднимались и опускались по бокам Пашки ее громадные крылья. Внизу тянулись скалы, острые, кое-где поросшие колючками, мрачные под светом лун.

Наконец Альта опустилась в лощину между скал. Там было темно. Альта легла, чтобы Пашке было удобно с нее спуститься, и он скатился на землю — ноги не держали.

— Плохо дело, — сказала Альта, ее глаза светились в темноте, как голубые фонарики.

В лощине было теплее, чем наверху.

— Ходить можешь? — спросила птица.

— Сейчас, только ноги разотру.

— Тогда шагай за мной.

Птица уверенно пошла вдоль лощины. Впереди поднимался белый пар.

Когда Пашка добрался до того места, оказалось, что это маленькое озерко, чуть больше ванны размером. Вода в нем бурлила, и от нее поднимался пар.

— Рекомендую окунуться, — сказала птица. — Это целебная вода. Мой друг Ручеек всегда здесь купается.

Пашка послушался. Задеревеневшими пальцами он стащил с себя одежду и бултыхнулся в теплую, почти горячую, наполненную щекотными пузырьками воду. «Ванна» была неглубокой, по пояс. Пашку охватило блаженство. Наверное, никогда в жизни ему не было так хорошо.

Он нежился в воде минут десять. Наконец Альта, которая куда-то отходила, вернулась и сказала:

— Пора и честь знать. Всему хорошему бывает конец. Вылезай, а то перегреешься и простудишься. Ты забыл,

что нам еще лететь и лететь. А тебе еще обсохнуть надо.

Пашка с сожалением подчинился птице, вылез, и его сразу стало знобить.

— Иди за мной, — сказала птица.

Она отошла на несколько шагов и остановилась перед углублением в земле.

— Ложись здесь.

Пашка подчинился. Камни оказались теплыми, как лежанка на печи. Жестко, но тепло и уютно.

— Я пойду, поклюю немножко, — сказала птица. — Подожди меня.

Пашка решил, что несколько минут можно подремать. И заснул.

А когда проснулся, солнце уже встало, жужжали насекомые, было тепло. Альта сидела рядом, подняв одно крыло, чтобы защитить Пашку от лучей солнца.

— Ой! — испугался Пашка. — Чего же вы меня не разбудили?

— Людей будить нельзя, — сказала птица. — Это вредно.

— Прости, — сказал Пашка. — Я нечаянно. Сколько я проспал?

— Два часа, — сказала птица, — ты же всего-навсего человеческий детеныш, наверное, недавно из яйца вылупился. Одевайся, полетим дальше.

И через три минуты они уже были в небе.

Начался лес. Вершины деревьев так переплелись листьями и сучьями, что Пашке казалось: под ними тянется сплошной слой зелени, по которому можно ходить. Стало теплее, и даже трудно было представить себе, что совсем недавно он умирал от холода. Страшно захотелось есть. Ведь если не считать нескольких кусочков хлеба да миски с жидкой похлебкой, за последние сутки у Пашки ничего во рту не было. Он думал о еде и не заметил, как откуда-то появились летучие мыши, такие же, как те, что напали на баржу.

Увидев одинокую птицу, они тут же начали снижаться.

— Держись, Пашка! — сказала Альта. — Попытаемся уйти.

Пашка обхватил шею Альты и прижался к птице всем телом. Крылья махали чаще, они казались голубыми занавесами, раздуваемыми ветром. Альта изменяла полет, ныряла вниз, взмывала вверх. Она летела быстрее

мышей и была куда ловчее их, но мышей было не меньше десятка. И хоть почти все они промахивались, то одной, то другой удавалось дотянуться зубами до Альты ... Вот одно перо взмыло в воздух и полетело, планируя, к земле. За ним второе ...

Альта устала.

— Снижаемся, — сказала она. — Только бы дотянуть до поляны.

— А здесь нельзя?

— Нельзя! Здесь сплошная чаща, негде опуститься.

И тут одной из мышей удалось полоснуть зубами по крылу птицы.

Альта сразу полетела медленнее, часто взмахивая раненым крылом. Пашка всей душой чувствовал, как ей больно и тяжело. Почувствовали это и мыши, которые с новой яростью кинулись на Альту.

Удар, еще один ... Острые желтые зубы мелькали со всех сторон. Пашка сумел развязать ремень на шее Альты и размахивал им, отбиваясь от мышей. Одной он угодил по морде, и она с воем стала падать вниз.

— Вот вам! — кричал Пашка. — Вот вам, стервятники! Ну давайте, смелее нападайте! Я вам покажу!

Он даже не сообразил, что Альта падает ... Лишь у самой земли, на узкой прогалине между деревьями, она, отчаянно махая крыльями, задержала падение, и сев на землю, пробежала несколько шагов, волоча крыло.

Пашка свалился с птицы.

— В лес! — прошептала Альта.

Пашка помог ей спрятаться под укрытие деревьев.

Там было полутемно, сыро. Но, к счастью, летучие мыши не смогли последовать за своими жертвами и одна за другой поднялись в воздух. Они еще долго кружили над лесом, надеясь, что добыча к ним вернется.

— Плохо наше дело, — сказала птица.

— У тебя повреждено крыло.

— И боюсь, что серьезно.

— Можно, погляжу?

— Погоди, — сказала Альта. — Здесь недалеко есть развалины. Никто не знает, что там было раньше.

Альта побрела вперед. Она шла медленно, прихрамывая, крыло волочилось по земле, по перьям сочилась алая кровь.

Пашке хотелось поддержать птицу, помочь ей, но он не знал, как это сделать.

— Еще немного, — сказала Альта слабым голосом. — Осталось чуть-чуть ...

Пашка увидел развалины, только когда они подошли к ним вплотную. Обвалившиеся бетонные стены, проемы окон, заплетенные лианами, груды плиток, провода ... запустение.

Птица вошла в руины и тяжело опустилась на пыльный пол, усеянный камнями и сухими сучьями.

— Может, здесь они нас не найдут, — сказала птица.

— Кто?

— Хозяева этих мест. — Альта вздохнула и добавила: — Нельзя было лететь днем, когда летучие хищники вылетают за добычей. Я знала ...

— Значит, я виноват, — сказал Пашка. — Прости. Это я проспал.

— Теперь поздно искать виноватого, — сказала птица.

— Можно, я погляжу, что у вас с крылом?

— А ты понимаешь?

— Я постараюсь.

Пашка осторожно осмотрел крыло. В двух местах он нашел глубокие раны, до кости. Из них все еще сочилась кровь.

Птица тихонько стонала.

— Нужно лекарство, — сказал Пашка. — Давайте я пойду пешком в Убежище. Вы скажите, как дойти. Вам необходима помощь.

— Нереально, — сказала Альта. — До Убежища идти полдня. И через самую чащу. Даже наши туда не заглядывают.

— Что же делать?

— Не знаю. Я всего только птица. Я привыкла доверять людям. Они лучше умеют думать.

Пашка был бы рад что-нибудь придумать. На Земле он обязательно бы придумал. Но что придумаешь посреди непроходимого леса, на чужой, дикой планете?

— Вас будут искать? — спросил он.

— Как? Как нас найти? Я сбилась с пути.

— Но мы не можем сидеть всю жизнь в этом лесу!

— Ты прав. Значит, мы умрем. Прости, что я не выполнила своего обещания и не донесла тебя до Убежища.

— Не это важно, — сказал Пашка. — Дело не в нас с вами. Ведь в Убежище не знают, что вот-вот начнется общий поход против помников. Они не ждут его.

— Это ужасно! — сказала птица. — Я не переживу такого позора. Лучше умереть ...

Альта распласталась на полу и спрятала голову под здоровое крыло.

«Типично птичья реакция, — подумал Пашка. — Скрыться от трудностей, спрятав голову под крыло!»

Он решил осмотреться. Он был убежден, что находчивый человек обязательно найдет выход из любой ситуации.

Пашка оставил птицу скорбеть, а сам отправился исследовать развалины.

Здание, в котором они спрятались, состояло из нескольких больших комнат. Крыша обвалилась, и кое-где приходилось перебираться через груды камней и бетонных плит. В одной из комнат Пашка увидел несколько столиков и стульев. Большая часть их была опрокинута, другие разломаны. Столики были маленькими, будто для карликов. Может, в этом доме когда-то жили пигмеи? Но неужели они потом так одичали? В следующей комнате — длинной, выходившей окнами в лес, — стояли кровати. Тоже маленькие, пигмейские. На одной даже сохранилась простыня и одеяло. Пашка дотронулся до одеяла, и оно тут же рассыпалось в прах. А из-под кровати выскочил, подняв клешни, сухопутный краб размером с тарелку и боком, боком побежал к Пашке, пугая его. Пашка не стал спорить, отступил. Конечно, всем известно, что ядовитых крабов не бывает, но это на Земле, а не в диком лесу на неизведанной планете. Ведь в лесу крабам тоже не положено водиться.

Из той комнаты вниз вела лестница. Ступеньки обсыпались, лоскуты краски, отвалившиеся от стен, валялись на лестнице, как лужицы голубой воды. За приоткрытой дверью обнаружилась кухня. Да, вернее всего, это была кухня — на заржавевших плитах еще стояли кастрюли и сковородки. Грудой громоздились тарелки. На крюке висело полотенце и белый фартук, но Пашка, наученный горьким опытом, не стал до них дотрагиваться — знал, что рассыплется в пыль. «Те, кто жил здесь когда-то, — подумал Пашка, — ушли сразу, неожиданно. Бросили все как есть. Чего они испугались?»

Пашка прошел сквозь кухню и выбрался другой, узкой лестницей наружу. Лес, подходивший к дому, был здесь не так густ, в нем встречались прогалины и полянки. Одна из них, овальная, была окружена невысоким барьером из керамических плиток. Внутри барьера была впадина, облицованная белым. Большое корявое дерево выросло в центре впадины, разломав плитки. Пашка не сразу сообразил, что когда-то там был бассейн. Чуть дальше в кустах он отыскал площадку для игр, качели, большой мяч до половины врос в землю ...

Зашуршало в кустах, и Пашке показалось, что за ним из чащи следят многочисленные злые глаза. Он спохватился, что отошел далеко от дома, и бросился назад. Шуршание сзади усилилось. Что-то черное мохнатое вылезло из лиан. Пашка чуть не свалился в бассейн, споткнулся о торчащий корень и стрелой добежал до разрушенного дома. Оглянулся. Никто его не преследовал.

И все-таки было очень страшно. Лес был чужой, зловещий, он подстерегал Пашку, следил за каждым его движением, а Пашка был безоружен и сам должен был охранять раненую птицу.

Он прошел вдоль стены дома. Вот и главная дверь. Над ней покосившаяся вывеска — золотые буквы на черном фоне:

«ЛЕСНЫЕ ПОЛЯНЫ»
САНАТОРИЙ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Как странно было увидеть эту надпись, напоминавшую о тех временах, когда на Крине были санатории, дети играли в мяч или купались в бассейне. Вот почему кровати такие маленькие!

Пашка заглянул в прихожую санатория. Увидел справа небольшую дверь. Толкнул ее и она с грохотом упала внутрь.

Когда-то здесь был медицинский кабинет. На длинном белом пластиковом столе стоял непривычной формы микроскоп, в застекленном шкафу на полках — различные медицинские инструменты. Второй стол стоял у разбитого окна. На нем стопкой лежали бумаги... Пашка осторожно подошел к столу. Он не дотрагивался до бумаг. Только посмотрел, что там написано.

Дата, которая ничего не говорит, потому что на Крине свое летосчисление. Потом: «Расписание праздника проводов лема». «Праздничный ужин. Концерт гостей. Танцы. Костер на лужайке. Фейерверк».

Пашка неосторожно кашлянул — лист бумаги разлетелся в пыль.

«Фейерверк, — подумал Пашка, подходя к медицинскому шкафу, — концерт гостей, танцы ... Что же случилось? Куда делись дети?»

Пашка просунул руку сквозь разбитое стекло шкафа. Как назло, не видно никаких бинтов или пластыря, чтобы перевязать Альту. Впрочем, это все разлетелось бы от прикосновения. «Возьму ножницы. Может, пригодятся. Почти оружие», — решил он.

В комнате стало темнее.

Пашка обернулся. В разбитое окно глядела страшная образина: мохнатая морда, оскаленные зубы, прижатые желтые уши, — похоже на медведя, но очень большого желтого медведя.

— Иди отсюда! — крикнул Пашка, скорее, с перепугу.

Медведь еще шире оскалится и низко зарычал.

В следующее мгновение Пашки в комнате не было. Он выскочил в коридор. Куда бежать? Где птица?

И в этот момент он услышал тонкий крик.

Альта! Они напали на Альту!

16. ГОРОДСКИЕ ПРИЧАЛЫ

Ночь они скоротали кое-как, сбившись в кучку, — Ирия, Ручеек, Белка и Алиса. Белка все норовила забраться в середину, толкалась, а под утро проснулась и решила идти к братьям, сознаться во всем, сказать, что ее украли.

— Иди, — сонно сказал Ручеек. — Они тебя ждут.

Белка утихла.

Так они и дотерпели до утра, очнулись еле живые. Над рекой плыл туман, воины бродили по поясу в белой вате, расталкивали спящих, гнали их на баржу. Пигмеи дрожали, они были голодны, но кормить их не стали.

— Пошли умоемся, — сказала Ирия.

— Нельзя, — ответила Белка. — Мыться вредно. — Она подумала и добавила: — И холодно.

Но Ирия уже поднялась и шла к реке. Чтобы кандалы не звенели, она подобрала их, кандалы были тяжелыми, ей было трудно, но Ирия терпела и даже улыбалась, чтобы подбодрить Алису.

Белка осталась на берегу и все твердила, что Алиса и Ирия наверняка ведьмы, потому что нормальный человек по доброй воле мыться не будет, тем более холодной водой, да еще в речке, где водятся чудовища, которые тех, кто моется, обязательно утянут в воду.

Алиса побегала по берегу, размялась, стало чуть теплее.

Когда они вернулись, оказалось, что их уже разыскивают по кустам стражники. Близнецы хватились, что нет Пашки.

Их привели к близнецам, и Левый Крот спросил:

— Где мальчик, который умеет кувыряться?

— Не знаю, — сказала Алиса.

— Не знаю, — пожала плечами Ирия.

Белка стояла неподалеку, в толпе пигмеев, и молчала. Ручейка нигде не было видно.

— Ты мне его найди, — сказал Червяк Самый толстый. Он выплыл из тумана, словно обрюзгшее желтое насекомое. — Я у тебя одну девчонку не куплю. Я двоих хотел купить. Ты меня не обманешь.

— А я и не собирался продавать тебе моих рабов! — рявкнул Левый Крот. Он и без того был взбешен пропажей, а тут еще надутый Червяк.

— Если бы не мир, объявленный в стране, я бы не стал слушать твой гнусный визг! — взревел Червяк Самый толстый. — Но ты мне еще заплатишь за оскорбление. А девчонку я беру себе. Бесплатно.

Правый Крот выхватил меч — воинов у Кротов было куда меньше, чем у Червяка, но братья и не думали отступать. Червяк бесновался, грозил страшной местью. В конце концов его корабль отплыл, а братья со своими подручными еще долго обшаривали остров, споря, то ли мальчишка утонул, то ли его унесли летучие мыши... Алиса и Ирия покорно сидели у погасшего костра, ждали, чем кончатся поиски. Когда Пашку отчаялись отыскать, Алисе велели перейти на первый корабль. Кроты не хотели терять главную рабыню, так что полдня ей пришлось быть одной среди воинов. Правда, ее покормили вместе с ними. Алиса сидела на корме,

глядела по сторонам, старалась высмотреть, что делают ее друзья на барже. Она видела, как, укрываясь от любопытных глаз за единорогами, Ирия шепталась о чем-то с Ручейком, и Алисе было грустно, что она ничего не слышит. Потом, уже днем, берега стали низкими, деревни пошли куда чаще. По берегам тянулись развалины, но было трудно угадать, заводы это, лаборатории или, может, какие-нибудь склады. Алиса увидела, как Ручеек сел у борта, к нему подошла Белка и они оживленно заговорили. Белка спорила, махала руками, сердилась, Ручеек смеялся, даже издали было видно, как сверкают на смуглом лице его белые зубы, и, судя по всему, Белка его вовсе не боялась. Забыла, что ли, что он помник?

Алиса помахала Ручейку рукой, тот улыбнулся в ответ. И вдруг потупился и отвернулся от Белки.

Алиса услышала скрипучий голос одного из Кротов:

— Погляди, брат, тебе это не кажется странным?

— Вижу, — ответил второй Крот. — Что-то он сегодня не похож на бе-пе.

— Как только приедем в Город, вели его схватить и как следует допросить. Может, это подглядчик помников.

— И я так думаю, — сказал второй брат.

Алису братья не принимали в расчет. Они отлично видели, что она сидит почти у их ног, но продолжали разговаривать о своих делах, в том числе и об Алисе.

— Жалко, что мальчишка утоп, — сказал Левый Крот.

— Может, уплыл? — спросил Правый Крот.

— Куда уплыл? В лес?

— Не знаю. За двоих мы бы получили куда больше.

— А мы и за одну получим неплохо, — сказал второй брат.

Алиса почувствовала, как ей на голову опустилась тяжелая рука в жесткой кожаной перчатке.

— Ты, девочка, постарайся? — спросил Левый Крот ласково.

Алиса решила, что сразу соглашаться не стоит.

— А зачем? — спросила она.

— Затем, чтобы сделать приятное нам с братом, — ответил Левый Крот.

— Я не хочу делать вам приятное, — сказала Алиса. — Вы моей тете руки железом сковали. Вы злые.

— Не сделаешь нам приятное, — сказал Правый Крот, — тебе будет плохо.

— И тетке твоей тоже. Она не знает, как надо себя вести, если знаменитые поклоны устаивают тебя вниманием.

— Я боюсь, дяденька! — заныла Алиса. — Не наказывайте меня.

— Ладно, — смиловился Правый Крот. — Ты старайся, и мы тебя не обидим. Хочешь яблоко?

— Спасибо, — сказала Алиса. — Но не продавайте меня этому страшному Червяку.

— Еще чего не хватало! — захохотал Левый Крот. — Да этот старый выжига за тебя и кошелька не даст. Мы тебя во дворец поведем!

— А он сказал, что меня отберет.

— Посмотрим, — ответил Левый Крот. — Мы, славные зубастые Кроты, все берем сами и никому ничего не отдаем.

Яблоко было диким. Алиса его съела, хоть скулы сводило от кислоты. Она продолжала изображать из себя запуганную, дикую девочку. «Лучше пусть они меня недооценивают», — думала она.

К середине дня, когда солнце поднялось высоко и стало припекать, корабли добрались до Города.

Было тихо, лишь мерно вскрикивал надсмотрщик, подгоняя гребцов. Остальные, разморенные теплом и мирным путешествием, дремали. Алиса глядела на берега, уже густо населенные, и думала: «Как там Пашка? Добрался ли он до Убежища? Нашел ли Гай-до? Нет, до Гай-до он, пожалуй, еще не добрался. Бедненький Гай-до, как он переживает, не зная, куда делась его хозяйка».

Корабль миновал высокий, могучий замок. На его башнях развевались флаги. Алиса уже достаточно присмотрелась к здешнему миру, чтобы понять, что и этот замок построен на руинах большого завода. За замком начинались кварталы Города. Город, как все по пути, оказался полуразрушенным. Люди жили в развалинах, покрытых соломенными крышами либо разномастной черепицей. Улицы, сбегавшие к реке, были пыльными, заросшими травой и кустами, кое-где видны были повозки, которые тянули быки или лошаденки, у самого берега Алиса увидела кузницу — кузнец мерно бил мо-

лотом по наковальне, потом промелькнул небольшой базарчик — несколько покосившихся лотков с фруктами. У берега покачивались долбленные лодки, в которых сидели рыболовы с удочками, хилый старичок в длинной синей тоге колотил палкой громадного полуголого раба, и тот покорно сносил удары. Потом Алиса увидела на площади между домами виселицу, на которой висел человек ...

Вскоре пошли причалы. На причалах было оживленно. Там стояли десятки различных кораблей и плотов, некоторые с парусами, другие гребные. Корабли были раскрашены, на мачтах висели флаги с гербами, Алиса поняла, что это корабли поклонов и вкушцов, что съехались в столицу планировать поход против лесного Убежища.

Кормчий корабля Кротов углядел свободный причал, возле которого стояло несколько человек. Самый маленький из них, темнокожий, в полосатом длинном одеянии, при виде корабля замахал руками, как бы призывая: сюда, сюда!

Корабль ударился днищем о пологий берег, его занесло течением, надсмотрщик набросился на гребцов с кнутом, кормчий навалился на весло, один из воинов выбежал на нос и кинул веревку маленькому человеку, что стоял на деревянных мостках. Тот схватил веревку и потащил ее к тумбе. Он замотал веревку за тумбу, а когда он распрямился, Алиса поняла, что это пигмей Вери-Мери.

С корабля сбросили мостки, а тем временем матросы подтягивали к берегу баржу.

Братья легко сбежали по мосткам на причал. Вери-Мери склонился перед ними в поклоне.

— Мы ждем вас не дождемся! — воскликнул он. — Повелитель Радикулит Грозный гневается. Все поклоны уже собрались в столице. Ждут только вас.

— Подождут, — отмахнулся Правый Крот. — Что за спешка?

— Говорят, что послезавтра начало похода. Кто не успеет, будет объявлен врагом всех поклонов, и имения его будут захвачены.

— Не суетись, — сказал Левый Крот. — Мы, кровожадные Кроты, никогда не отказывались от походов и битв. Говори, что еще?

— Не для враждебных ушей, — сказал Вери-Мери, вставая на цыпочки.

Оба Крота наклонились к нему, и Вери-Мери принялся шептать, подскакивая на месте, чтобы дотянуться до ушей своих господ. А те, видно нарочно, не особенно старались наклоняться, будто издевались над доносчиком.

Алиса оглянулась. С баржи сгоняли рабов. Надо быстрее предупредить Ручейку, что братья подозревают его. Вот он спускается с баржи. Ирия идет в стороне, не замечая его. А где Белка? Белка среди пигмеев.

Алиса оглянулась на Кротов, они не смотрели на нее.

Алиса быстро пошла к Ручейку, наклонив голову, будто что-то искала на досках причала. Она смешалась с толпой несчастных, голодных пигмеев.

— Ручеек, — позвала она негромко.

Ручеек будто не слышал, он тупо смотрел перед собой. Но задержался.

— Они видели, — сказала Алиса, — как ты говорил с Белкой. Они хотят тебя допросить, тебе надо бежать.

Ручеек продолжал идти вперед, глядя прямо перед собой.

— Ручеек, ты слышишь?

В этот момент Алиса услышала голос одного из братьев:

— Где эта проклятая девчонка?

Что делать?

— Ручеек! — крикнула Алиса.

Никакого ответа. К Алисе, расталкивая пигмеев, уже бежали воины. Пигмеи заверещали.

— Ручеек! — закричала отчаянно Алиса. — Беги!

Именно в этот момент Ручеек, который шел у края причала, скользнул в воду. Так быстро и ловко, что даже Алиса не заметила, как он исчез.

Тем временем воины добрались до нее. Старый Сук схватил ее больно за руку, и Алиса, не притворяясь, закричала:

— Больно! Больно! Что ты делаешь? Ирия, я к тебе хочу!

А Ирия, поняв, в чем дело, кинулась навстречу Алисе, громко крича:

— Иду, иду, моя дорогая! Что они с тобой сделали!

Не смейте делать больно ребенку!

Гремя цепями, Ирия пробивалась к Алисе сквозь толпу пигмеев, что еще больше прибавило суматохи, и Алиса уже надеялась, что Ручеек благополучно убежит, как раздался крик Вери-Мери:

— Вот он! Держите его!

На берег, метрах в ста от причала, выбрался Ручеек. Он бросился вверх, стараясь скрыться между сараями, между сваленными в незапамятные времена и поросшие кустарником груды бревен.

— Так я и знал! — взревел Правый Крот. — Я его давно подозревал!

Он выхватил меч и бросился следом за Ручейком. Второй брат крикнул:

— Стрелять! Где ваши луки, небо вас разрази!

Воины были заняты тем, что пытались собрать в кучу разбегающихся, орущих от страха пигмеев. Некоторые даже и не взяли своих луков с корабля. Но все же за минуту, пока Ручеек бежал к сараям, два или три воина успели натянуть луки. Взвизгнула тетива — стрелы унеслись вслед беглецу.

Вери-Мери бежал к Левому Кроту, волоча за повод оленя. Но тот только отмахнулся и закричал:

— Не стрелять! В брата попадете.

И правда, Правый Крот огромными прыжками уже догонял Ручейка. Алиса не выдержала и закричала:

— Скорей!

На пути Ручейка появился какой-то богато одетый мужчина. Он попытался, расставив руки, остановить беглеца, но тот сумел обогнуть его, зато Правый Крот врезался в неудачливого помощника. Не разбирая, кто прав, кто виноват, взбешенный Крот полоснул мечом по лицу человека. Тот упал, обливаясь кровью, но этой задержки было достаточно для того, чтобы Ручеек перемахнул через покосившийся забор и исчез в лианах сада, что начинался за забором.

Алиса смогла перевести дух.

— Ты чуть все не погубила, — сказала стоявшая рядом с ней Белка. — Зачем кричала? Что он, глухой, что ли?

— Я думала, что он не слышит.

— Глупая ты все-таки, — сказала Белка. — Если бы они его поймали, я бы тебя своими руками убила.

— Прости, — сказала Алиса. Она поняла, что в самом деле вела себя неумно.

Ирия подошла к ней. Воин все еще держал Алису за руку, но, видно, не знал, что делать дальше, и смотрел вверх, где вдоль забора, размахивая мечом, метался Правый Крот.

— Слушай, Алиса, — сказала Ирия по-русски, чтобы воин не понял, — нас продадут в рабство.

— Не может быть! Мы будем сражаться!

— Ни в коем случае! Ручеек все уладит. Он обещал. Нас купит его друг. Веди себя спокойно.

Воину не понравилось, что пленницы говорят непонятно. Он оттащил Алису от Ирии, проворчав:

— Хватит вам на ведьмином языке колдовать.

— Где девчонка? — спросил Левый Крот. Он уже понял, что брату не догнать Ручейка и хотел сохранить хотя бы Алису.

— Веду! — ответил воин. — Здесь она.

Воин подтащил Алису к Кроту. Вери-Мери стоял рядом.

— Осмелюсь доложить, ваше поклонство, — сказал пигмей, — эта девчонка что-то кричала тому, который убежал.

— Я и сам слышал, — ответил Крот, недоверчиво глядя на Алису.

— Я не ему кричала, — сказала Алиса. — Я мою тетю звала.

На причал вернулся Правый Крот. Он был зол. Он шел, вытирая о штаны лезвие меча.

— Дьявол дернул его сунуться мне под меч, — сказал он.

Он поглядел вверх. Там, за сараями, уже собралась кучка людей, окружившая лежавшего на земле горожанина.

— Вы ранили старшину этого квартала, — сказал Вери-Мери. — Это будет вам дорого стоить.

— Еще не хватало платить за кровь простолюдина! — возмутился Правый Крот.

— Если бы ты быстрее бегал, — заметил его брат, — то поймал бы нашего раба, вместо того чтобы рубить горожан. Нам теперь на рынке ничего не продадут. Как в прошлый раз, когда ты избил вкушеца.

— Я заплачу! — быстро сказал Вери-Мери, кланяясь братьям. — Я вам обязан.

— Вот и отлично, — сказал Правый Крот.

Но Левый Крот был поумнее близнеца.

— Почему такая милость? — спросил он. — Я не слышал, чтобы ты хоть что-то в жизни делал бесплатно.

— Отвечу честно, — усмехнулся пигмей, — как всегда. Вы мне за это дадите продать ваших рабов. Может, мне удастся получить на этом несколько лишних монет.

— Я подумаю, — сказал Левый Крот.

— Еще чего не хватало! — возмутился его брат. — Я сам пойду их продавать. Если Вери-Мери этим займется, мы вообще с тобой голыми пойдем по миру.

— Господин шутит! — рассмеялся пигмей. — Мой любимый господин всегда шутит.

— Иди, — приказал ему Правый Крот. — Иди и заплати этим подонкам. Скажи, что мы добрые люди и не хотели лишней крови.

— Что за порядки в этом Городе? — расстраивался Правый Крот. — Этого не убей, этого не тронь! Где же наши права?

Вери-Мери побежал к сараям.

Правый Крот оглядел толпу пленников и велел старому воину Суку:

— Всех их на невольничий рынок! А где Белая Дама?

— Несут, — сказал воин.

И в самом деле воины вытащили из трюма корабля завернутую в тряпки статую «Читательницы».

— Грузите, — сказал Левый Крот.

Воины принялись привязывать статую между двух оленей.

С баржи свели единорогов. Они радовались тому, что наконец снова стоят на твердой земле, переступали золотыми копытами. Зеваки, что толпились у причала, оживленно перекликались при виде чудесных животных.

Воины садились на оленей, близнецы оседлали единорогов.

— Двинулись? — спросил Правый Крот.

— Готовы! — отозвался Сук.

Процессия тронулась в путь. Первым ехал молодой воин, который держал знамя — зеленое полотнище с оскаленной мордой волка. Затем, бок о бок, — братья Кроты. За ними вели Алису. Потом тянулась толпа пигмеев, и среди них шла Ирия Гай.

Алиса обернулась: какое печальное зрелище! Хорошо еще, что Гай-до не видит: знаменитого конструктора космических кораблей, одну из первых красавиц Галактики Ирию Гай уводят на невольничий рынок. Она идет, волоча тяжелые железные цепи, окруженная, как лебедь стайей воробьев, толпой пигмеев.

Не успели они миновать сарай, как из-за бревен выбежал Вери-Мери.

— Поклоны! — громким шепотом произнес он, подпрыгивая, чтобы его лучше услышали. — Впереди засада!

— Кто? — отрывисто спросил Правый Крот.

— Люди Червяка Самоготолстого.

— Так я и знал, — сказал Левый Крот. — Он хочет бесплатно заполучить акробатку. Ну, я ему покажу!

— Осмелюсь предложить, поклоны, — сказал Вери-Мери, — может быть, нам пройти вон той улицей?

— Почему? Мы не боимся этих разбойников.

— Но сейчас объявлен мир, и, если кто-то нарушит его, Правитель рассердится.

— Но ведь мир нарушает Червяк! — возмутился Левый Крот.

— Осмелюсь напомнить, — сказал Вери-Мери, — что Червяк Самыйтолстый при всей неприятности его характера — могучий поклон, который владеет обширными землями, а главное, приходится родственником госпоже Радикулит-Фаланге. Вы же — простые лесные бароны.

— Убью! — закричал Правый Крот. — Как ты смеешь нас унижать!

И прежде чем более осторожный брат успел его остановить, Правый Крот уже мчался, подстегивая своего единорога, вверх от реки.

Левый Крот, а потом и воины помчались за ним.

Остальные стали нещадно подгонять пленников, и пигмеям пришлось бежать на косогор.

Образовался довольно большой разрыв между первым отрядом и пленниками. Когда толпа пигмеев поравнялась с обширными, заросшими травой и кустарником развалинами, оттуда на них кинулись воины в желтых одеждах с нарисованными на них пантерами — засада Червяка Самоготолстого.

Воинов у Кротов было мало, и в начавшейся свалке

их быстро одолели, отогнав от пленников. Из кустов донесся пронзительный голос Червяка:

— Вон она, в голубом, хватай ее!

Сразу два воина кинулись к Алисе, но тут ей на выручку пришла белокурая женщина, закованная в кандалы. Она подняла руки и начала размахивать цепями. Цепи свистели в воздухе, и воины присели от страха.

Услышав шум боя, возвратились основные силы Кротов.

Как метеоры ворвались Кроты в толпу. Они безжалостно рубили врагов направо и налево, мечи их сверкали как молнии.

Червяк Самыйтолстый выскочил из кустов и завопил, подпрыгивая:

— Что же вы, солдаты! Отважные, зубастые червяки! Бейтесь! Кротов меньше! Вперед!

Правый Крот увидел Червяка Самоготолстого и направил единорога в его сторону. Единорог буквально взвился в воздух и ударил Червяка копытами передних ног. Тот ахнул и рухнул на землю, как мягкая кукла, выброшенная на помойку.

При виде этого воины Червяка Самоготолстого с воплями бросились в разные стороны.

На этом бой и кончился.

Два воина из охраны Кротов погибли, несколько получили ранения, белая статуя валялась на земле. На земле корчились пигмеи, попавшие между сражавшимися и пострадавшими невинно, стонали порубленные воины Червяка...

«Сколько всего страшного, — подумала Алиса, — произошло за две минуты». Она поглядела на Ирию. Та стояла, опустив руки и тяжело дыша.

— Славно мы с ними расправились, — сказал Правый Крот.

— Позволю не согласиться с великими воинами, — послышался голос Вери-Мери.

— Что еще? — спросил Правый Крот. Он спрыгнул на землю и старался стащить с пальцев Червяка драгоценные перстни.

— Повелитель будет гневаться и может вас казнить, — сказал Вери-Мери.

— Чепуха! Мы воины и поразили его в честном бою. Мы не устраивали засад.

— Как вы это докажете? — сказал печально Вери-Мери.

— Тогда заплати за нас.

— Всех моих денег и всех ваших рабов не хватит, чтобы искупить эту смерть.

— Тогда мы едем обратно, — сказал Левый Крот.

— Червяки уже добежали до дворца, — сказал Вери-Мери. — Скоро за вами будет погоня. И вам от нее не уйти.

— Мы не боимся, — сказал тогда Правый Крот. — Мы мирные бароны. Мы пойдем к Повелителю и все расскажем.

— Нужно будет сделать очень необыкновенные подарки, — сказал Вери-Мери, — чтобы замолить ваш грех. Единственная надежда на то, что Повелителю нужны сегодня храбрые воины.

— А что мы ему дадим? — спросил Левый Крот. — Белую Даму?

— Не дам! — закричал Правый Крот.

— Когда ее у нас отнимут, мудрецы ее получат бесплатно, — возразил его брат.

— Разумно, — поддержал старшего близнеца Вери-Мери, — но одной Белой Дамы мало.

— У нас больше ничего нет, кроме пигмеев, — сказал Правый Крот.

— А эта акробатка? — спросил Вери-Мери. — Из-за нее толстый Червяк и напал на вас.

— Ни в коем случае! — воскликнул Правый Крот. — Ты нас хочешь разорить.

— У вас еще останутся пигмеи, это тоже хорошие деньги, — сказал Вери-Мери.

— Хорошо, — принял решение Левый Крот. — Сук, гони рабов на невольничий рынок. Девчонку берем во дворец.

Он ловко наклонился и, подхватив Алису, посадил перед собой на спину единорога.

Алиса кинула последний взгляд на Ирию.

— Вперед! — крикнул Левый Крот. — Мы должны успеть во дворец как можно скорее. С каждой минутой гнев Радикулита будет расти.

— Я прослежу за невольниками! — крикнул вслед Вери-Мери.

Алиса обернулась, — Ирия осталась далеко позади.

«Ничего, — подумала Алиса. — Ирия в безопасности. О ней позаботится Ручеек. А я попаду во дворец и, может, узнаю что-нибудь важное о походе и потом расскажу Ручейку».

17. СОВЕТ В БЫВШЕМ ТЕАТРЕ

Там, где тянулись деревянные причалы и стояли покосившиеся сараи, когда-то был речной порт. И можно было угадать, каким он был: ряды складов, от которых теперь остались лишь огрызки стен, подъездные пути для монорельсовых повозок и грузовиков, посадочные площадки для трейлеров ... Когда этот порт в одночасье обезлюдел, он быстро пришел в упадок. Потом окрестные жители забрались в склады и растащили оттуда то, что могло представлять ценность в хозяйстве, но рельсы остались на месте — порталные краны, рухнув со временем, перегородили подъездные пути, как скелеты вымерших чудовищ. Лишь один каким-то чудом остался стоять, склонив набок острую морду. То, что было слишком тяжело или не пригодилось людям, так и продолжало валяться, ржаветь, гнить, пылиться. И потому некогда широкая улица, что вела от причалов вверх, к Городу, вынуждена была виться, огибая груды камней и бетона, проржавевшие бухты кабелей, рассыпавшиеся стопы стальных отливок, пустые контейнеры; на мостовой возвышались холмы и холмики, и теперь уж не угадать было, из чего такой холм возник, — то ли это была когда-то гора удобрений, высыпавшихся из мешков, то ли железная руда, то ли окаменевшая соль. Есть миллионы вещей и продуктов, без которых не обойтись цивилизованному обществу и которые не понятны, не нужны и даже вредны для первобытных людей. Среди этого запустения лениво бродили мелкие куры, вороны расклевывали чудом уцелевший пластиковый мешок. Из погнутой и пробитой в нескольких местах цистерны, на которой еще можно было угадать надпись «Ацетилен», выглядывала тощая собака, нищие и калеки сидели в ряд под выложенной цветными плитками в стене буквами «Холо..льник № 67», протягивали худые руки и бормотали:

— Подайте славным рыцарям, умирающим от голода!

Выше по склону склады кончились, и потянулись оплетенные лианами и диким виноградом, невероятные по размерам руины какого-то учреждения, передняя стена которого с дырками выбитых окон поднималась этажей на двадцать, а сквозь оконные проемы было видно небо и остатки гнутой арматуры. Дальше когда-то был район вилл и домов, которые прятались в садах. От садов остались редкие одичавшие деревья. Аллея высохших пальм вела к изысканным, вырезанным из розового камня воротам, от которых сохранилась лишь одна створка. Стены некоторых вилл стояли, перекрытые сверху жердями и кусками железа. Другие рухнули, и на их руинах выросли хижины и кривули-домики нынешних жителей Города.

А дорога вела все выше и выше, она обогнула стройное, ничуть не тронутое временем здание с высокой красной башней. Здание было обвешано разноцветными флагами. У входа стояли два вкушеца в синих тогах, расшитых серебряными звездами.

Братья-близнецы поклонились этому зданию, приложив руки к сердцам, воины гладили себя ладонями по щекам. Наверное, решила Алиса, это местный собор.

За собором с площади открылся вид на море.

Вернее, на море и на небо сразу — они были голубыми и сливались на горизонте так незаметно, что не догадаешься, где кончается вода, а где начинается воздух.

С этой площадки открывался другой мир, он был шире, душистей и даже теплее. И теплота в нем была наполнена упругим ветром, который мог разгуляться, набрать силу и впитать в себя просторы моря, пышность облаков и запах соли ...

Море было пустым. Только у берега, куда сбегали кривые, узкие улочки, чернели полоски рыбачьих лодок, а далеко, у самого горизонта, виднелся одинокий белый парус.

Занудные, скучные и пыльные запахи города сразу исчезли ...

Единороги замерли, глядя вперед, — возможно, они никогда еще не видели моря и не знали, какие бывают в мире просторы.

Один из единорогов легонько ударил золотым копытом по камню, и из камня вырвался столб искр.

Братья тоже не двигались и тоже молча глядели вперед; они были лесными жителями, а в лесу горизонт всегда закрыт деревьями, мир огражден зелеными стенами.

Сзади слышалось дыхание воинов. Но никто не сказал ни слова.

И неизвестно, сколько бы длилась эта сцена, если бы не пронзительный голос Вери-Мери:

— Поклоны, поклоны, мы не можем задерживаться!

— Проклятие! — Левый Крот ударил единственным сапогом в бок единорога, тот недовольно дернул головой, но подчинился и медленно начал спускаться вниз.

Они долго ехали по улицам, кривым и вблизи совсем не таким приятным и веселым, какими казались с верхней площади. Они были пыльными и грязными, там стояла вонь от жаровень, бродили облезлые псы, из-за покосившихся заборов вылезали цепкие колючки кустов, в пыли возились грязные детишки. Море часто пропадало из виду, но присутствие его все равно ощущалось — сейчас откроется за поворотом, сейчас блеснет между кустов.

Минут через десять они выехали на большой плац, окруженный некогда роскошными, а теперь запущенными и полуразрушенными строениями. На фронтоне одного из них, над колоннами — пять на месте, шестая рухнула и валяется, рассыпавшись на каменные бочонки, — выбиты слова: «Музей искусств». Перед музеем — деревянные ящики, затянутые с одной стороны решетками. В ящиках скорчились голые люди. К столбу, врытому в землю перед входом в музей, был привязан человек, два других полосовали его бичами и после каждого удара на спине несчастного вздувалась красная полоса.

— Что там? — спросила Алиса.

— Тюрьма, — ответил Левый Крот равнодушно.

— Тюрьма? А раньше что было?

— Здесь всегда была тюрьма, — откликнулся Вери-Мери, что семенил рядом с единорогом, стараясь не отстать. — Там даже написано: «Тюрьма». — И он показал потной ручкой на надпись: «Музей искусств».

— Кто вам сказал? — спросила Алиса.

— Все знают, — ответил Вери-Мери.

Рыцари свернули к другому, самому большому на той площади дому. И не надо было быть мудрецом, чтобы

догадаться, что там когда-то был театр: над широким входом, к которому вела пологая лестница, виднелись полустертые изображения поющих и танцующих фигур.

Сейчас сбоку от лестницы к невысоким столбикам был прибит длинный брус — коновязь, стояли привязанные к нему лошади, одни под попонами, другие с разукрашенными седлами, рядом лежали носилки. Вокруг толпились слуги и воины.

Кроты спрыгнули с единорогов, появление которых вызвало оживление среди челяди и охраны.

Воины Кротов отвязали и положили на землю статую «Читательницы». Вери-Мери осмотрел Алису и остался недоволен.

— Она одета не так, — сказал он.

— Так раздень ее, — отмахнулся Левый Крот.

Кроты волновались, они боялись того, что ждет их, но скрывали страх за грубостью. Кричали на воинов, топали, говорили громко.

Вери-Мери рванул Алису за рукав серенького платьица, что дала ей Речка, которое она надела поверх комбинезона.

— Это сними! — приказал он.

Алиса не выносила, когда ее хватают даже за рукав. Разумеется, старших бить нельзя ... Но тут она не выдержала, схватила пигмея за руку, вывернула ее назад и сделала ему подсечку. Пигмей взлетел в воздух и шлепнулся задом о каменную мостовую.

Как он взвыл! Рыцари схватились за мечи, слуги и воины, окружившие их, захохотали. Никто не любил Вери-Мери.

— Убью! — завопил пигмей, поднимаясь и потирая ушибленный копчик.

— Только попробуй! — ответила Алиса.

— Хватит шуметь, — сказал Левый Крот. — Пускай остается как есть. Еще не хватало нам устраивать драки перед дворцом Повелителя.

По лестнице к ним уже спешил какой-то поклон, на лице которого были нарисованы желтые и зеленые круги, в ушах висели тяжелые медные серьги, длинная розовая тога развевалась, как облако.

— Что за шум?! — закричал поклон. — Вы забыли, где находитесь?

— Мой слуга нечаянно упал, — сказал Левый Крот. —

Это больше не повторится.

Правый Крот промолчал, но Алиса увидела, как побелели его пальцы, которыми он схватился за рукоять меча.

— Так чего же вы здесь прохлаждаетесь? — сердился вельможа. — Все уже собрались. Как докладывать?

За его спиной стояли два стражника с обнаженными мечами.

— Доложи: Великие и Кровожадные Кроты, бароны леса, — сказал Правый Крот, — прибыли просить защиты, милости Повелителя и принесли с собой дары.

— Кроты? Вам запрещено входить во дворец, — сказал вельможа. — Вы нарушили мир в столице и, предательски напав из-за угла, убили знаменитого и величественного поклона Червяка Самогтолстого.

— Клевета! — воскликнул Левый Крот. — Чье слово против нашего?

— Слово его воинов.

— Слово воинов — грязь и ничтожество перед словом поклонов, — сказал Правый Крот и решительно пошел к лестнице.

— Стойте, ждите! — Вельможа отступал перед рыцарями, которые решительно шагали вверх по ступеням.

— А вы за нами! — обернулся Левый Крот к воинам и Алисе. — Девчонка, статуя — все здесь?

Вельможа повернулся и кинулся внутрь театра.

Стражники, хоть и держали мечи перед собой, медленно отступали, не смея напасть на знаменитых разбойников.

Так они и прошли через холл театра, где сохранились окошки, над которыми было написано «касса», мимо холла с остатками гардероба.

Тут их ждал следующий заслон.

Это были воины громадного роста в кольчугах и стальных шлемах. На плече каждого, вцепившись когтями в кожаную подушечку и уставившись желтыми злыми глазами на пришельцев, сидел орел. В руках они держали раздвоенные на концах короткие мечи.

Между воинами стоял длинноносый старик с острой седой бородой, на голове которого возвышалось чучело попугая.

— Остановитесь! — произнес старик. — Вы нарушаете тишину дворца. Нам не нужны разбойники в нашем великом и культурном государстве.

— Мы требуем, — сказал Левый Крот, — чтобы нас провели пред сверкающие очи Радикулита Грозного, нашего господина и покровителя.

— Вы нарушили закон!

— Закон? — сказал Левый Крот. — Закон устанавливают благородные поклоны. Пусть судит нас сам Повелитель.

— Тогда отдайте оружие, — сказал старик, — и вас выслушают.

Братья переглянулись. Они колебались. Но спереди стояли стражи в кольчугах, с орлами на плечах.

— Разрешите нам взять с собой подарки Повелителю? — спросил Левый Крот.

— Подарки всегда разрешается брать, — согласился старик.

Мечи братьев звякнули о пол. Их воины, что несли Белую Даму, тоже положили на пол оружие.

Старик подошел к дверям, над которыми была надпись: «Партер», распахнул их и воскликнул:

— Рыцари лесного замка, кровожадные зубастые Кроты приползли на брюхе просить милости и прощения Повелителя Радикулита Грозного.

Голос его гулко разносился по зрительному залу.

В ответ послышался гул многочисленных голосов. Затем голоса стихли и послышался низкий хриплый голос:

— Пусть войдут.

Они вошли в зрительный зал.

Давно в нем не играли спектаклей. Давно уже упали, сгнили портьеры, слезла бархатная обивка с кресел, да и кресел почти не осталось. Лишь десятка два, кое-как сбитых и починенных, обтянутых мешковиной, стояли полукругом в пустом и гулком зале. В креслах сидели поклоны.

На сцене стоял великолепный трон, освещенный множеством факелов и свечей. Трон был белый, с высокой спинкой, белыми подлокотниками, с двигающейся полочкой под рукой, чтобы можно было положить на нее что захочешь ... И тут только Алиса сообразила: это же старинное зубо врачебное кресло!

В кресле сидел пожилой мужчина с перебитым носом. Его редкие пегие волосы были собраны в пучок на макушке. Пучок был охвачен узкой золотой полоской

с зубцами — короной. Одет мужчина был просто — в кольчугу на голое тело. Лишь на пальцах сверкали перстни. На переносице Повелителя были очки с одним стеклом. Он снял очки, протер стекло, глядя на вошедших, которые растворились в полутьме громадного зрительного зала, снова надел их.

Алиса обратила внимание на то, что на сцене стоит еще и большой шкаф. Где же она его видела? Конечно же, он стоял на плоту, который плыл по реке! И в шкафу ехал знаменитый и великий Столп невежества, Покровитель беспамятства, Главный вкушец Клоп Небесный.

Пока Повелитель манипулировал с очками, дверцы шкафа раскрылись и оттуда выглянул Клоп в синей хламиде, расшитой серебряными звездами.

— Позор! — воскликнул он. Сделал шаг назад, и двери шкафа закрылись вновь.

— Позор! — закричали поклоны, что собрались в зале. Они подпрыгивали в креслах, размахивали кулаками, строили рожи, но, правда, ни один не поднялся с места и не посмел подойти к Кротам, что стояли у дверей зала плечом к плечу, набычившись, нахохлившись, готовые сразиться до конца.

— Не надо, — сказал тихо Радикулит Грозный, — зачем же так! Мы все здесь друзья, мы все настоящие поклоны. Если мы будем ссориться, кто же будет нас бояться, дети мои?

— Они убили Червяка Самоготолстого!

— Знаю и скорблю, — сказал Повелитель, почесывая пучок волос, что торчал над короной. — Тем более что Червяк Самыйтолстый был моим возлюбленным родственником. И потому я строго накажу наших неразумных детей — баронов леса, кровожадных Кротов. Мы решим этот вопрос сейчас же. Подойдите ближе к моему трону, гадкие дети!

Кроты одновременно поклонились и поспешили к сцене.

— Стойте! — приказал им старик с попугаем на голове, когда они подошли близко. И как бы в ответ на его слова из оркестровой ямы поднялся лес копий и верхушки шлемов, — оказывается, там затаились воины охраны.

Братья замерли.

Алиса, которая осталась стоять у входа, рядом с двумя воинами, разглядывала зал.

Вместо задника на сцене висели флаги, на каждом был нарисован белый слон. Алиса уже достаточно знала про этот мир, чтобы догадаться, что слон и называется здесь Радикулитом.

По сторонам сцены, незаметные, пока глаза не привыкли к полумраку, стояли две кучки людей. Справа — вкушецы, этих Алиса уже научилась узнавать, слева — мужчины, большей частью пожилые, бородатые, длинные одежды которых были изукрашены геометрическими знаками, словами, буквами, цифрами и непонятными значками. На головах этих людей были высокие черные цилиндры.

За троном возвышались два гигантского роста телохранителя, на головах которых были странные, чем-то знакомые шлемы — круглые, с кольцом сбоку. В кольца были вставлены пучки перьев. Что же напоминали эти шлемы? И тут Алиса не выдержала и громко засмеялась. Она поняла, что на головах главных телохранителей ночные горшки. С ручками.

— Кто смеется? — спросил Радикулит.

Тут же из темноты к Алисе кинулись две человека в темных одеждах и шапках, к которым были пришиты громадные уши.

Они схватили ее и поволокли к сцене.

— Ну, скорее, что там? — спросил Радикулит.

— Твои наушники-подслушники, великий господин, докладывают! — крикнул один из них. — Это девчонка.

— Зачем здесь девчонка?

— Разрешите сообщить, ваша милость, — сказал Правый Крот. — Разрешите сказать.

— Говорите, мои милые, — ласково произнес Повелитель. — Говорите, мои мальчики. Всю правду говорите. Ничего не таите.

Люди с пришитыми ушами держали Алису за локти. Не больно, но крепко.

— А зачем вам запасные уши? — тихо спросила Алиса.

Они не ответили, но Повелитель, у которого был изумительный слух, что, как известно, помогло ему пережить сорок четыре заговора и три восстания, ответил за них:

— Это мои наушники-подслушники, слухачи и доносчики. Моя опора и надежда. — Тут же Радикулит

поглядел на Кротов. — Говорите, мои кровожадные, — сказал он. — Говорите.

Левый Крот сделал шаг вперед, поклонился и сказал:

— Как было велено, мы сели на корабли и приплыли в столицу по зову нашего Повелителя.

— Хорошо, люблю послушных мальчиков. Говорите, говорите.

— Мы взяли с собой драгоценные и редкие дары, чтобы обрадовать глаза нашего Повелителя.

— Говори, говори.

— В пути, остановившись на ночлег на Длинном острове, мы встретили уважаемого поклона Червяка Самоготолстого. Мы не имели к нему вражды и мирно провели ночь.

— Проверить! — приказал Радикулит, обернувшись к вкущецам.

— Проверено, — ответил один из них. — Это правда.

— Но уважаемый поклон Червяк Самыйтолстый возжелал получить вот эту девочку, на которую вы обратили свое благосклонное внимание, Повелитель.

— Почему? Что в ней особенного?

— Эта девочка — акробатка, она умеет делать такие трюки, которых не знают наши акробаты. Мы сами выучили ее этим трюкам и хотели привезти ее в подарок нашему грозному Повелителю. Разумеется, мы вынуждены были отклонить требование Червяка.

— Любопытно, — сказал Радикулит. — Продолжай, мой мальчик!

— А когда мы спустились на берег в столице, Червяк устроил засаду, чтобы отнять у нас девочку. Мы не нападали на него, но защищались. И в бою подлый Червяк был убит.

Повелитель обернулся к вкущецам. Один из них вышел вперед и наклонил голову. Но сказать ничего не успел, потому что с одного из кресел, что стояли полукругом у сцены, вскочил очень высокий и страшно худой поклон и закричал:

— Я, Червяк Самыйдлинный, требую казни этих ничтожных самозванцев и жалких лесных бродяг за смерть моего возлюбленного брата. Если Червяк из нашего рода требует рабыню, вы должны с благодарностью отдать ему рабыню. Смерть преступникам!

— Я выслушал тебя, мой уважаемый Червяк Самыйдлинный, — сказал ласково Радикулит. — Я полностью

разделяю твое негодование. Я рассмотрю твою просьбу.

Дверь шкафа раскрылась, оттуда выглянул Клоп Небесный и сказал:

— Я разделяю точку зрения Червяка Самогодлинного. Никто не смеет поднять руку на представителя знатного рода.

— Никто! — закричали, перебивая и подогревая друг друга, остальные вельможи, что сидели в креслах.

Тут Левый Крот не выдержал. Он закричал, обращаясь к орущим вельможам:

— У меня нет меча, и я не могу осквернить вашей подлой кровью этот священный дворец. Но когда мы выйдем, я вызываю на честный бой до смерти любого из вас!

Эти слова вызвали новую вспышку негодования.

— Как он смеет! — кричали толстые и тонкие, низенькие и величавые вельможи Крины. — Самозванец! Поклон в первом поколении! Твой отец был простым лесным разбойником.

— Пускай, — отвечал им Левый Крот. — Пускай он был разбойником, но вы от него бегали, как быстрые трусливые черепахи!

— Ах! — закричали вельможи. — Ах!

Видно, под черепахой имелся в виду какой-то очень позорный для них зверь.

Радикулиту надоели эти крики, он поморщился и поднял руку, давая знак всем замолчать. Никто не замолчал, словно забыли, где находятся.

Тогда раздался удар гонга, такой низкий и гулкий, что его звук поглотил остальные звуки в зале.

Вельможи опомнились.

Червяк Самыйдлинный сказал:

— Просим голосования вельмож! Пускай решит голосование.

— Голосование! — закричали остальные вельможи.

— Кто за то, чтобы немедленно казнить Кротов, а их имущество и замок поделить между нами? — спросил Червяк.

Все вельможи без исключения подняли обе руки.

— Вот так, поклон Радикулит, — сказал Червяк и сел.

Наступила тишина. И в этой тишине послышался голос Радикулита:

— Мы тут посоветовались с мудрецами, — старики в высоких шапках поклонились, — и со вкушецами, — жрецы поклонились, — и решили: ваше требование законно и обычай должен быть соблюден. Так что вам, мои дорогие мальчики-кротики, придется погибнуть.

— Мы будем сопротивляться, — сказал Правый Крот.

— Похвально! — ответил Радикулит. — Вы отважные воины.

— Отдай их мне, господин, — выглянул из шкафа Клоп Небесный.

Алисе хотелось спросить, почему этот человек прячется в шкафу, но спросить было не у кого.

— Конечно, считай, что они твои, — ласково ответил Повелитель.

— Я кину их в пропасть Блаженства.

— Разумеется, — согласился Радикулит. — А теперь мы перейдем к насущным делам.

— Как так? — подпрыгнул в кресле Червяк Самый-длинный. — А казнить? Сначала казнь!

— Погодите, дорогие мои, любезные поклоны, — сказал Радикулит. — Разумеется, мы их казним. Но не сейчас. Не в день, когда мы выходим в великий и исторический поход. И в этом походе кровожадные Кроты нам очень и очень понадобятся. С их знанием леса, с их умением сражаться! Нет, пускай они погибнут в бою, в первых рядах, пускай они искупят свое преступление кровью на пользу общего дела. А если они случайно останутся живы, мы их убьем сразу после окончания победоносного похода. Разве я не мудро решил?

— Мудро, — криво усмехнулся Червяк. Конечно, он не был согласен с Радикулитом, но, если будешь возражать, получается, что ты выступаешь против общего дела. Поэтому Червяк некоторое время мялся, словно искал убедительные слова, потом махнул худой лапкой и плюхнулся в кресло.

— А пока что, — сказал Радикулит, — покажите мне, что вы там принесли мне в подарок. А то, когда погибнете, некому будет приносить мне подарки.

И многие в зале захлопали в ладоши, поражаясь мудрости Повелителя.

— Во-первых, мы нашли в лесу и отобрали у пигмеев их главную святыню, за которой тщетно охотятся многие славные мужи, — сказал Левый Крот.

Он махнул рукой. Воины вытащили на сцену мраморную статую и поставили ее. Правый Крот подозвал к себе Алису и тоже вывел ее на сцену.

Радикулит спросил:

— А это акробатка?

— Замечательная акробатка, — сказал Правый Крот, — специально выдрессированная лесными мудрецами и волшебниками, чтобы услаждать ваши глаза, милостивый Повелитель.

— Покажи, — сказал Радикулит Алисе.

— Что показать? — спросила Алиса.

— Что ты умеешь.

Алиса пожала плечами. Лживый и сладкий Радикулит ей не понравился. Впрочем, Алиса чувствовала, что и она Повелителю пришлось не по душе. Так что неприязнь была взаимной.

— Девчонка! — зарычал Правый Крот. — Показывай все, что ты умеешь.

— В ином случае, — улыбнулся Радикулит, — не поздно еще пересмотреть приговор. Почему мы должны откладывать казнь братьев Кротов? Может, сделаем это сейчас? Повеселим наших слуг?

— Конечно! И скорее! — закричали вельможи.

— Если ты думаешь, девчонка, — сказал из зала Левый Крот, — что, когда нас казнят, ты останешься живой, ты ошибаешься. Я всегда успею отрубить твою упрямую голову.

Алиса поняла, что он не шутит. Но одно дело — крутить сальто на берегу вместе с Пашкой, когда это тебе хочется, другое — здесь, на голой пыльной сцене, под взглядами напыщенных индюков.

Но что поделаешь?

Алиса разбежалась и сделала сальто. Вышла из сальто в стойку и прошлась немного на руках. Что еще им показать? Она перевернулась, сделала ласточку, потом шпагат и снова сальто.

— И это все? — спросил Радикулит разочарованно.

— Почти все, — ответила Алиса.

— И из-за этого Червяк напал на вас?

— Из-за этого, — сказал Правый Крот.

Повелитель посмотрел на своего советника — старика с чучелом попугая на голове.

— Конечно, это редкий дар, — сказал старик. — Но скорее он подходит для ярмарки, чем для Повелительского дворца.

— И я так думаю, — сказал Радикулит. — Пускай она подождет нашего решения.

— Отдай девочку мне. — Глова Клопа высунулась из шкафа. — Мне она нравится.

— Я сказал — подождем. Есть еще второй подарок.

Один из охранников подошел к Алисе и довольно чувствительно толкнул ее.

— Отойди, не слышала, что ли?

Алиса не стала спорить. Чем дальше от негодяев, тем безопаснее.

— Так, — сказал Радикулит. — А это Белая Дама?

— Так точно, ваша милость, — сказал Правый Крот.

— Таинственная Белая Господинка, богиня пигмеев?

— Она самая.

Радикулит поднялся с зубо врачебного трона, и оказалось, что одно плечо у него выше другого, и притом он хромает.

— А что у нее в руках? — спросил он подозрительно.

— Не можем знать, — ответил Правый Крот.

— Мудрецы, — приказал Радикулит, — выскажите свое высокое мнение.

Мудрецы в высоких цилиндрах тут же окружили статую, начали водить по ней пальцами, щелкать, стучать, двое встали на колени и стали вслух, споря из-за каждой буквы, стараться прочесть слово «Читательница» на пьедестале.

— Скорее, дорогие, — торопил Радикулит, — отвечайте. Нам еще многое надо обсудить. Если вы, мои голубчики, будете так долго разгадывать эту простую загадку, придется передать вас в руки вкушечов забвения.

Мудрецы засуетились, сдвинулись в кружок, так что цилиндры касались друг дружки, пошептались, и главный мудрец с длинной, до пояса, раздвоенной бородой сказал:

— Как сказало нам великое знание, учениками и слугами которого мы, господин, являемся, эта Белая Дама, давно потерянная и наконец-то возвращенная, в подлинности которой мы не сомневаемся, держит в руке

священный кирпич, который, по преданию, она заложила в основание храма.

— Но с другой стороны, — сказал второй мудрец, невежливо отталкивая в сторону своего коллегу, — есть версия не менее достойная доверия, и она заключается в том, что Белая Дама держит в руках коробку с конфетами.

Алиса снова хихикнула.

— Девочка, у тебя есть своя версия? — ласково спросил Радикулит. — Ты, по-моему, слишком умная.

— У нее в руках книга, — сказала Алиса. — Что же, ваши мудрецы книг не видели?

— Что? Что она говорит, богохульница! — закричал, распахнув дверь шкафа, вкушец Клоп Небесный. — Богиня никогда не падет так низко, чтобы взять в руки это проклятие прошлого — книгу!

— Девочка очень глупа! — сказал главный мудрец.

— А что за буквы у ног этой Белой Дамы? — ласково спросил Радикулит.

— Мы их расшифровали, — сказал белобородый мудрец. — Они означают: «Успокоение».

— Есть другая версия, — сразу же вылез вперед второй мудрец, видно, вечный соперник первого. — Там написано: «Слава Радикулиту, мудрейшему Повелителю».

— Странно, — сказал Радикулит, — неужели богиня знала о том, что я приду править этим миром. Надпись-то кажется старой. А ты что скажешь, акробатка?

— Там написано: «Читательница», — сказала Алиса. — Наверное, эта статуя когда-то стояла в библиотеке, поэтому девушка читает книгу.

— Какой ужас! — воскликнули мудрецы. — Она хочет сказать, что женщина могла читать! Таких девочек надо жечь на костре!

— Почему женщина? — спохватилась Алиса, которая перехватила горящий злобой взгляд Клопа из двери шкафа. — Вы же сами говорите, что это — богиня. А богиням все можно. И читать тоже.

— Богине можно и читать, — проскрипел Клоп. — Но вот рабыне-акробатке читать не положено.

— Ты в самом деле умеешь читать, мое сокровище? — спросил Радикулит. И в его голосе было столько сладости и столько угрозы, что Алиса почувствовала, как над ее головой повис топор.

— Нет, — сказала Алиса. — Зачем мне читать! Мне так показалось.

— Вижу, что показалось. Ты лживая девчонка, и мне хотелось бы узнать, чем ты околдовала этих глупых лесных разбойников.

— Я не колдовала. Я прыгала, — сказала Алиса.

— А прыгаешь ты слишком ловко, — сказал Радикулит.

— Отдай ее мне, Повелитель, — проскрипел из шкафа Клоп Небесный. — Я из нее быстро выпытаю правду.

— Это все куда серьезнее, чем вам кажется, — произнес Радикулит, глядя на Алису в упор кошачьими желтыми глазами. — Иди, девочка, подожди, пока дяди и тети будут говорить о своих скучных делах. Потом мы решим твою судьбу.

— Куда идти? — спросила Алиса.

— Тебе покажут, — ответил Радикулит и кивнул старику-советнику.

Тот подозвал пальцем одного из подслушников с привязанными к шапке ушами и что-то тихо приказал ему. Алиса уловила лишь последние слова: «Отвечаешь головой!»

Подслушник цепко схватил Алису за руку и утащил за сцену, в пыльные, темные проходы между ржавых колес и свисающих сверху тряпок. Когда они остались одни, он больно ущипнул ее.

— За что? — спросила Алиса.

— Чтобы знала, где ты. От нас еще никто не уходил живым, — сказал подслушник.

— А я и не убегаю, — сказала Алиса.

Рядом мелькали черные ушастые тени — подслушники охраняли заседание поклонов.

— Иди, — подслушник толкнул Алису, она споткнулась.

— Ой! — сказала она. — Ногу подвернула.

Алиса села на пол и подумала: «А что он теперь будет делать?»

— Ты где? — спросил подслушник.

— Здесь. Ой, ногу больно!

— Иди!

Подслушник принялся бить Алису ногами, но в темноте не мог попасть, сердился и ругался. Этого Алисе и

надо было. Она схватила его за поднятую ногу и так рванула, что он с пискom полетел на пол.

Алиса поднялась, сорвала с его пояса веревку, быстро скрутила ему руки. Чем бы заткнуть рот? Ага, у нее же есть платок. Жалко, конечно, платок, мама вышила, но для хорошего дела и платком можно пожертвовать. Алиса заткнула хрипящему подслушнику рот платком и, подхватив его под мышки, потащила в сторону от прохода.

И вовремя — зашуршали, зашлепали шаги: со сцены уходили вкушецы и мудрецы. Два подслушника гнали их.

— Скорее, — торопили они. — Давайте отсюда! Нечего вам слушать, о чем разговаривают великие.

Алиса засунула мычащего подслушника за кучу сломанных и сгнивших декораций и сняла с него шапку с ушами.

Шапку она надела себе на голову, потому что уже поняла, что в этой темноте видны только силуэты. А силуэт человека с громадными ушами не вызовет никаких подозрений.

Затем она проскользнула обратно к сцене и остановилась за дырявым задником. Так что теперь она отлично слышала и видела все, что происходило в зале.

18. БЕГСТВО

— Все? — раздался голос Радикулита. — Лишних нет? Тогда перейдем к делу. Как вы знаете, мы решили пойти большим походом на лесное логово помников. Давно пора их уничтожить. Для объяснений слово предоставляется его Высокому невежеству Клопу Небесному.

Послышался скрип двери шкафа.

— Вылезай, голубчик, вылезай, — сказал Радикулит. — Мы все знаем, как ты трясешься за свою драгоценную жизнь. И понимаем, что у тебя есть на то основания, — слишком много людей в мире мечтают, чтобы ты поскорей встретился со смертью.

Послышался смех поклонов, которые, видно, не любили Главного вкушеца.

Снова раздался скрип, Клоп все же вылез на сцену.

— Смертельная опасность нависла над нашим миром! — возопил он. — Грядет гибель, грядет разоре-

ние! Вы думаете, что я сижу в шкафу, потому что труслив? Нет, я отважен. Я первым в молодости поднялся на стены замка кальдонских бунтовщиков, я вступил в бой с драконом Кори, я не побоялся выйти к оборванцам в год малой смуты. Но сейчас я трепещу!

Вкушец закашлялся, и слышно было, как эхо прокатывает его кашель по гулкому пространству театрального зала.

— Если мы не ударим сегодня и не выжжем священным огнем Убежище помников, нам не жить. И погибнет наш славный мир, мир, в котором все довольны, все забывчивы и спокойны. Помники подняли руку на самое святое, что у нас есть, — на детей!

— Смерть помникам! — раздался крик Правого Крота.

— Людоеды! — раздался крик толстой поклонки, которую Алиса видела на реке. — Они пожирают наших крошек!

— Ты права, Коси-косиножка, — согласился Клоп. — Они их пожирают. Но раз уж здесь только свои, я открою вам страшную тайну, которая должна умереть в этих стенах! На самом деле они их не едят. Они их учат читать!

Наступила такая тишина, что у Алисы зазвенело в ушах.

— Читать? — спросил кто-то тихо.

— Читать и писать.

— Но этого не может быть!

— Это и есть их главная цель. Они крадут счастливых, ничего не знающих, живущих в мирном неведении крошек, утаскивают их в свой вертеп и там превращают их в новых помников. Дети уже никогда не вернуться к нам. Они уже не дети, они страшные оборотни.

— Зачем читать? — послышался голос из зала. Спрашивал горбун Таракан. — Зачем читать? Для этого есть мудрецы.

— Сегодня читают сотни помников, завтра их будут тысячи!

— Смерть помникам! — крикнул Червяк Самый-длинный.

— Смерть! — раздались крики поклонов.

— Тишина! — оборвал крики Радикулит. — Слушайте мой приказ. Поход, запланированный на послезавтра, переносится на завтра. На рассвете мы выступаем.

— Как так? — воскликнула поклонка Коси-косиножка. — Мы совсем не отдохнули с дороги.

— Помники уже пронюхали, — продолжал Радикулит, — когда мы выступаем. И будут готовы отразить наше наступление. Мы не знаем, на какие коварные хитрости они пойдут.

— Как же они об этом узнали? — спросил горбун Таракан.

— Наивный, — сказал Клоп Небесный. — Разве тебе непонятно? Помники воспитали оборотней, которые умеют читать и готовы свергнуть справедливую власть благородного невежества. Они уже среди нас. Они таятся, они ходят по улицам, они делают вид, что они такие же, как и мы с вами. И они подслушивают, вынюхивают, доносят своим господам... Вот поэтому и переносится поход на завтра.

— А что же твои подслушники и подглядчики, Повелитель? За что они едят хлеб с маслом? — спросила Коси-косиножка.

— Можно увидеть и услышать то, что говорится, — ответил Радикулит. — Но даже мои люди не могут заглянуть в душу каждого из оборотней.

— Но как их отличить? — спросил Черзак Самый-длинный. — Я их никогда не видел!

— Только мой пронзительный взгляд может проникнуть в душу оборотня, — сказал Радикулит. — И сейчас я вам покажу одного из них.

— Ой, а это не опасно? — ахнула Коси-косиножка.

— Пойманные, они не опасны. Они опасны неузнанные, — сказал Клоп Небесный.

— Голубчики Кроты, — сказал сладким голосом Радикулит, — ответьте мне, только честно, как родному папочке, где вы нашли эту девчонку-акробатку? Ведь вы не учили ее прыгать и кувыряться. Вы случайно узнали об этом?

— Случайно, — признался Правый Крот. — Мы отбили ее у пигмеев. В лесу.

— В лесу! — сказал Радикулит. — Именно в лесу! Я так и думал. Что же она сказала вам, мои наивные и глупые рыцари?

— Она сказала, что она поклонка из дальних мест, их корабль утонул, и она заблудилась в лесу.

— И вы поверили, глупенькие!

— А кто еще мог быть в лесу?

— А если она памятник?

— Нет, — сказал Левый Крот. — Памятника я за сто шагов узнаю. Не памятник она. И одета не по-нашему. А памятники одеты по-нашему.

— Ах, какое умное рассуждение! — пропел Радикунит. — Значит, если ты видишь крота в кошачьей шкуре, то ты думаешь — это кошка. Знаете ли вы, что привели в мой дворец подглядчицу памятников, оборотня?

Послышались возмущенные крики поклонов.

«Пора бежать», — подумала Алиса.

— Нет, — сказал Правый Крот. — Быть того не может.

— А мой пронзительный взгляд заметил то, к чему вы были слепы. Она прочла написанное у ног статуи!

— Но ведь мудрецы прочли это слово иначе, — сказал горбун.

— А вы им верите? Вы верите этим выжившим из ума старикашкам, которые скажут что угодно, только чтобы подольститься ко мне? Нет, я уверен, что правильно это слово прочла именно та девчонка. Что она — оборотень. Она — подглядчица памятников. И сейчас на глазах у вас мы будем пытаться ее и мучить до тех пор, пока она не сознается в своем ужасном преступлении. Приведите ее!

Старик с попугаем на голове хлопнул в ладоши.

— Подслушники! — крикнул он. — Привести акробатку.

И тогда Алиса поняла, что через минуту здесь начнется такая катавасия, что убежать будет невозможно. И она быстро пошла прочь, спустилась по железной лесенке со сцены и оказалась в неосвещенном коридоре. Навстречу ей бежали два подслушника.

— Не видел акробатку? — крикнул один из них на бегу.

— Ищу, — ответила Алиса, стараясь не ускорять шагов.

Затем она оказалась в каком-то служебном помещении, здесь уже было светлее. Мимо протопали, не замечая ее, несколько стражников. Из зала доносился гул голосов.

— Эй! — раздался крик сзади. — Стой! Ты куда? Туда нельзя.

Перед Алисой была полуоткрытая дверь. Она толк-

нула ее и оказалась в большой комнате, где была устроена спальня. Громадная кровать под пышным, но рваным и пыльным балдахином, была не убрана, на полу валялись подушки, через окно, затянутое выцветшей бархатной занавеской, пробивался луч света.

Женщина в длинном зеленом платье, которая убирала со столика грязные чашки и тарелки, закричала:

— Ты куда, проклятый подслушник! Это же спальня Повелителя!

Но Алиса, не обращая внимания на крик, рванулась к окну. По дороге она опрокинула сундучок, стоявший у кровати. Из сундучка посыпались ветхие, потрепанные книги. «Ага, — успела подумать Алиса. — Все вы лжецы! Конечно же, здешний Повелитель умеет читать!»

Уборщица погналась за Алисой, в дверь вбежал стражник, но Алиса уже откинула занавеску и глянула вниз, метрах в трех от окна — дно театрального двора, заставленного развалившимися декорациями. Алиса смело прыгнула вниз, нырнула за декорацию. И тут же фанерная стенка вздрогнула: в нее вонзилась стрела.

Алиса пробежала узким проходом между стеной театра и какими-то развалинами, перебралась через груды битого кирпича и остановилась. Прямо перед ней была улица. По улице ходили люди, совсем рядом ехала телега, запряженная парой быков. На телеге были навалены вязанки хвороста, а возчик шел по ту сторону телеги, лениво понукая быков.

Алиса медленно пошла за телегой, стараясь восстановить дыхание.

Но никто ее не преследовал. Видно, стражники потеряли ее из виду.

Улица была узкой, кое-где в старых домах и между ними разместились лавочки и мастерские. Люди, что шли по улице, были одеты не то чтобы бедно, но как-то неопрятно и скудно.

«Что теперь делать? — спросила сама себя Алиса. — Надо как можно скорее отыскать Ручейку и сообщить ему, что поход перенесен на завтра. Но как искать его в этом совершенно незнакомом Городе? Эврика! Надо пройти на невольничий рынок, там Ирия и Белка. У кого спросить? Так, чтобы не вызвать подозрения?»

Алиса увидела пожилую женщину, которая вела за руку худенькую, замороженную девочку, а в другой руке несла мешок.

Алиса догнала женщину.

— Простите, — сказала она, — вы не подскажите, как пройти на рынок, где продают рабов?

Круглое доброе лицо женщины исказилось страхом. Она бросила мешок. Девочка заплакала.

— Я ничего не знаю, — запричитала она, — я ничего не помню, я ни в чем не виновата!

— Я вас ни в чем не обвиняю, — сказала Алиса, удивившись тому, что ее испугались. — Я только хотела спросить...

Но женщина, подхватив девочку, уже мчалась прочь.

Алиса оглянулась. И поняла, что улица вокруг опустилась. Дверь в лавку, где торговали сандалиями и сапогами, захлопнулась, нищий, что сидел у стены, пополз в проход между домами, кучка мужчин, которые обсуждали что-то интересное, рассеялась.

«Почему они меня боятся?» — подумала Алиса.

Высокий согбенный человек брел по улице ей навстречу. Он нес на плече несколько тонких досок и глядел себе под ноги.

— Простите, — сказала Алиса, — скажите, пожалуйста, как пройти на рынок?

— На рынок, говоришь? — Человек поднял руку, чтобы показать направление, но тут он взглядом уперся в лицо Алисы, и у него от ужаса расширились глаза. — Я ни в чем не виноват! Я ничего не говорил! — закричал он и, бросив доски, побежал по улице, высоко поднимая колени.

«Что-то со мной неладно!» Алиса провела руками по груди и бокам. Серое платье, которое дала ей Речка, скрывает комбинезон. Башмаки уже такие грязные, что никто не догадается, что они сделаны на Земле... И тут пальцы Алисы натолкнулись на мягкие полотнища, болтающиеся у щек. Что такое? Алиса не сразу сообразила, что на ней шапка с громадными ушами подслушника. Вот за кого ее приняли! Алиса даже улыбнулась — это еще не самое страшное. Зато она узнала полезную для себя вещь: в этом счастливом государстве, где никто ничего не помнит и все довольны, прохожие смертельно боятся подслушников.

Алиса сняла ушастую шапку и хотела выкинуть ее, но потом передумала. Уши еще могут пригодиться.

Она свернула шапку в трубочку и быстро пошла прочь, держа ее в руке.

На следующей улице Алиса встретила мальчишку и уже спокойно задала ему вопрос о рынке рабов.

— Глупая ты, что ли? — спросил мальчишка. — Или нездешняя?

— Я с моим поклоном приехала. Мы вверху по реке живем, — сказала Алиса.

— На помников в поход собрались? — сказал мальчишка. — Только ничего у вас из этого не выйдет.

— Скажи, где рынок, мне некогда.

— Иди прямо, до большой площади, потом свернешь к морю. Там и рынок. Найдешь.

19. НЕВОЛЬНИЧИЙ РЫНОК

Рынок занимал бывший стадион. На вытоптанном пыльном поле стояли шатры и палатки, хижины и навесы. Здесь торговали всякой живностью — от кур и коз до людей.

Алиса боялась, что опоздала и рабов уже распродали. Но еще издали она увидела, что густая толпа окружила высокий помост, на котором стоит кучка понурых пигмеев, а рядом с ними два воина с волчьими мордами на головах.

Алиса протолкалась поближе к возвышению.

Сбоку на помост взобрался Вери-Мери. Он был роскошно одет в расшитую цветами тогу, в руке держал позолоченный посох. И, впервые увидев пигмея снизу, Алиса заметила, что из-под тоги торчат каблуки — деревянные столбики, приделанные к его сандалиям. Столбики были сантиметров по десять. Значит, на самом деле, поняла Алиса, он и среди пигмеев карлик.

Вери-Мери стукнул посохом о доски настила и объявил:

— Целое племя послушных, безропотных пигмеев. За бесценок вы купите себе полон дом слуг, куда более надежных, чем городские рабы.

— Они только и норовят в лес убежать! — раздался голос из толпы.

— А вы их привяжите, — ответил Вери-Мери. — А если на кухне, то и приковать можно. И кормить их

недорого. Жрут в два раза меньше нормального человека.

— И ты тоже? — слышался из толпы другой голос.

Вери-Мери не обратил внимания на издевательский вопрос. Он крикнул:

— По большой монете за каждого пигмея! Всего по большой монете! Это почти даром!

— По монете, еще чего не хватало! — крикнул оборванец, стоявший рядом с Алисой. — Онидохнут, как мухи.

Вери-Мери посмотрел вправо. Алиса, встав на цыпочки, увидела, что там, у самого помоста, стоит несколько человек, одетых побогаче прочих.

— По одной монете, — повторил Вери-Мери. — Кто больше?

— Даю по монете за мужчин, — слышался голос справа.

— Две монеты, — толстяк в синей тоге поднял два пальца.

«Где же Ирия?» — Алиса постаралась еще поближе пробиться к помосту, но ближе второго ряда лезть не стала — не хотела, чтобы ее заметил Вери-Мери или воин Сук.

— Две монеты, кто больше? — кричал Вери-Мери. — За идеальных слуг, за послушных рабов. Их можно бить, над ними можно издеваться, они слова в ответ не скажут!

Могучий мужчина, обросший светлой шевелюрой и густой бородой так, что на лице осталось место только для кончика курносого носа и голубых глаз, поднял три пальца.

— Три монеты, кто больше?

Никто не поднимал цену.

Торг был окончен. Вери-Мери дал знак воину Суку, тот начал по одному подгонять перепуганных пигмеев к краю помоста, бородач принимал каждого из них, отсчитывал три монеты и ждал следующего.

«Зачем такая длинная процедура? — подумала Алиса. — Ну подсчитал бы всех, сложил...» — И тут она вспомнила, что на Крине умеют считать только до десяти — сколько пальцев на руках. А уж складывать и вычитать никто не умеет.

— Следующая партия! — закричал Вери-Мери. —

Знаменитая красавица дальних стран! Сам бы ее купил, но не хватит денег!

По ту сторону помоста засуетились воины, Алиса видела, как покачиваются волчьи головы. Потом над ними поднялась золотая встрепанная голова Ирии. И вот она всходит на возвышение, спокойная, гордая, словно ее ведут не в рабство, а на трон. Ирия подобрала тяжелые железные цепи и выпрямилась.

По толпе прошел вздох удивления.

— Чего заковали? — раздался голос из толпы. — Может, она ведьма? Или психованная?

— Ни в коем случае! — ответил Вери-Мери. — Она здоровая и сильная. Она годится по хозяйству или в жены богатому человеку. А закована она, потому что еще дикая, неприрученная. Пять золотых монет — это гроши за такую драгоценную покупку.

И Вери-Мери поднял вверх руку с растопыренными пальцами.

Первым откликнулся изысканный, завитой, с подведенными бровями щеголь.

— Рука и палец! — крикнул он.

— Она тебя искушает! — крикнули из толпы.

«Какие странные люди, — подумала Алиса, — это для них развлечение. Как в театр пришли».

Ирия, обводя взглядом толпу, увидела Алису. Она чуть улыбнулась. Алиса приподняла ладонь. Ирия отвернулась, боялась подвести девочку. А у Алисы сразу исправилось настроение: «Теперь Ирия знает, что я здесь, теперь мы вместе!»

— Рука и палец — один! — крикнул Вери-Мери.

— Рука и два пальца! — отозвался молодой воин в высоком шлеме.

— Рука и два пальца. Кто больше? — воскликнул Вери-Мери. — Неужели эта прекрасная работница, эта женщина, которая будет работать на кухне за десяти-х, не стоит двух рук?

— Рука и три пальца! — сказал щеголь.

В толпе шумели. Торг покупателей всех увлек.

И тогда бородач с голубыми глазами, который уже купил пигмеев, сказал высоким голосом, что так не вязался с его могучим обликом:

— Две руки!

— О-о-ох! — прокатилось по толпе. Видно, это была высокая цена.

Молодой воин достал кошель, висевший у него на поясе, и пересчитал монеты.

— Две руки и одна! — крикнул он.

Вери-Мери обернулся к щеголю:

— Что скажешь, торговец благовониями?

— Она не стоит и одной руки, — огрызнулся тот.

— Две руки и две монеты, — сказал громко бородач.

— Проклятие! — Воин повернулся и начал проталкиваться сквозь толпу, чтобы поскорей уйти.

— Возьми свою покупку, — сказал Вери-Мери. — Ты не пожалеешь. Ты купил за бесценок лучшую женщину в государстве. Только не советую пока снимать с нее цепей. За них с тебя дополнительно половина монеты.

Алисе бородач понравился. Ей очень хотелось надеяться, что его подослал Ручеек.

— За цепи я тебе платить не буду, — сказал бородач. — Можешь их оставить себе. Я умею укрощать строптивых рабынь. Но могу дать тебе монету за оставшихся пигмеек. Там только женщины и детеныши. За них тебе никто ничего не заплатит.

— Как так не заплатит? — возмутился Вери-Мери. — Из детенышей вырастут замечательные ручные забывчивые рабы. А женщины нужны в хозяйстве. Я отдам тебе их за руку монет.

— Две монеты и цепь.

Сторговались на трех монетах.

Бородач поднялся на помост, взял у воина Сука ключ от цепей и освободил Ирию. Алисе было видно, какие темные полосы остались от цепей у нее на запястьях. Бедненькая, как она все это терпела! Ирия сошла с помоста следом за бородачом, осторожно растирая руки.

Алиса услышала, как бородач спросил:

— Больно или онемели?

— Онемели.

— Дома у меня травы есть, — сказал бородач. — Потерпи.

Из-за помоста воины вытолкали женщин и детей пигмеев. Они жались друг к дружке, плакали.

Вери-Мери стоял и пересчитывал деньги. Алиса заметила, что он считает по десятку, загибая пальцы. Насчитал десять, половину кинул в кошель. Потом оглянулся, не смотрит ли кто-нибудь на него, и пять монет ссыпал в карман.

Пигмейки увидели своих мужей и кинулись к ним. Видно, уж не надеялись, что когда-нибудь с ними встретятся. Шум поднялся такой, что перекрыл гул толпы, которая отваливалась от помоста, растекалась по полю стадиона, стремилась к трибунам, где расположились торговцы пирожками, требухой и фруктовой водой.

Крики пигмеев не понравились Вери-Мери.

— Эй, борода! — крикнул он. — Уводи их поскорей!

— Не твое дело! — ответил бородач.

Наконец-то Алиса увидела и Белку. Белка вырвалась из толпы пигмеев и кинулась к Ирии.

— Ирия, я так боялась! — бормотала она, обнимая ее.

— Отойди! Молчи! — сказала Ирия.

Алиса не слышала этих слов, а угадала по движению губ.

Но было поздно. Алиса заметила, как насторожился Вери-Мери. Он тоже увидел, как Белка обнимает Ирию.

Бородач прикрикнул на своих новых рабов:

— Пошли, пошли, нечего тут кудахтать!

Широко расставив руки, он погнал их перед собой.

— Эй! — крикнул вслед Вери-Мери. Он сделал движение вперед, начал было спускаться с помоста. Потом передумал и, приставив ладошку ко лбу, начал приглядываться к Белке, что семенила рядом с Ирией.

Тут к нему подошел воин Сук и спросил:

— Где деньги для господ?

— Сам отдам, — ответил Вери-Мери.

Он сбежал с помоста и исчез в толпе.

Алиса настигла бородача и Ирию у прохода под трибуной. Там был фонтанчик с водой. Пигмеи окружили его и жадно пили. Бородач торопил их:

— Пошли, дома напьемся, наедемся, — говорил он. — Потерпите немного.

Голос у него был добрый

Алиса не стала подходить близко к Ирии. Рано еще. Нужна осторожность. Ведь ее, Алису, ищут по всему городу подслушники и воины Радикулита. К тому же ее беспокоил хитрый Вери-Мери: а вдруг он узнал Белку?

Толпа рабов с бородачом во главе вышла на улицу и направилась в гору. Алиса не спешила их догонять. Она остановилась за углом и посмотрела назад: не бежит ли Вери-Мери? Нет, никого. У ворот стадиона снуют люди, ржут кони, мычат коровы, плачут рабы, но никто не идет за бородачом.

Толпа рабов шла медленно, бородач лениво покрывал на пигмеев. Белка совсем осмелела, она держала Ирию за руку и безостановочно болтала. С крутого поворота Алиса поглядела назад — наступал вечер, море стало густым, синим, а небо выцвело, и по нему ползли золотистые облака.

Минут через десять бородач остановился перед высоким каменным забором. В нем была деревянная дверца.

20. В ОСАДЕ

Пашка пронесся по коридору, выскочил в детскую спальню, опрокинул кровать, выбежал в столовую... Вот и комната, где, прижавшись к стене, отбиваясь здоровым крылом, несчастная Альта пытается отпугнуть еще одного медведя, который пролез сквозь разбитое окно и, поднявшись на короткие задние лапы, медленно идет к птице.

— Не выйдет! — закричал Пашка.

Выставив вперед ножницы, как кинжал, он бросился на медведя.

И тот, хоть был куда больше и сильнее Пашки, от неожиданности закрыл морду лапами и задом наперед вывалился из комнаты.

— Он ничего не сделал? — спросил Пашка птицу.

— Я думала, что ты убежал, — сказала Альта.

— Ну как не стыдно!

— Тогда беги. Спрячься где-нибудь. Пережди. Меня тебе не спасти.

Медведь вернулся к оконному проему и заглянул внутрь. Желтые глазки его яростно горели. Он рычал низким басом.

Пашка подобрал с пола камень и кинул в медведя. Медведь, обиженно взревев, исчез.

— А теперь, — сказал Пашка, — мы отступим. Я знаю, где спрятаться. Вы можете идти?

— Я постараюсь, — сказала птица. — Только это лишнее. Не думай обо мне.

— Молчите, вы и так ослабели, — сказал Пашка.

Птица поднялась на ноги и поплелась к двери в столовую. Пашка шел сзади, сжимая в одной руке ножницы, в другой — увесистый камень. Увидев, что добыча уходит, медведь снова полез в окно.

Но его возможные жертвы уже были в другой комнате.

Когда Пашка решил, что они без помех доберутся до кухни в подвале, еще один медведь преградил им дорогу. Птица от страха присела и замерла.

Пашка кинул камень. Медведь даже не обратил внимания, он был крупнее и злее первого.

Пашка оглянулся. Никакого оружия! А ножницы не помогут: пока дотянешься ими до шкуры зверя, он тебя разорвет.

Но Пашка никогда не сдавался.

— Стойте! — крикнул он птице и поднял детскую кровать, — к счастью, она оказалась крепкой и не развалилась. Пашке было тяжело, но он закрылся кроватью, как щитом, выставив вперед ее ножки.

Такого медведь не ожидал. Прежде чем железное четырехное чудовище набросилось на него, он ретировался. Дорога в подвал была открыта.

Пашка подождал, пока Альта спустится в подвал. Затем перекрыл дверь кроватью, подтащил к ней кухонный стол и тоже привалил к дверному проему.

За дверью ворчал медведь, стараясь сообразить, как преодолеть это препятствие.

— Полежите, вам надо отдохнуть, — сказал Пашка птице, переводя дыхание.

— Ты отважный рыцарь, — сказала птица. — Если мы когда-нибудь выберемся отсюда, я расскажу всем о твоём мужестве.

— Вот это лишнее, — ответил Пашка, хотя ему, честно говоря, было приятно слышать похвалу.

Медвежья морда показалась в окошке под потолком подвала. К счастью, окошко было невелико и медведь мог только облизываться, глядя на птицу.

— Так сидеть бессмысленно, — сказал Пашка. — Сколько мы продержимся?

— Нас ищут, — сказала птица. — Наши никогда не оставят нас в беде... Но они не знают, где искать, они думают, что мы погибли в лесу.

— Значит, надо дать им знать, — сказал Пашка.

— А как?

— Надо разжечь большой костер, — сказал Пашка. — Так, чтобы ваши друзья увидели этот сигнал.

— А как зажечь костер? — спросила птица. — И где?

— Не знаю, — отмахнулся Пашка. — Главное — принять решение. Как его выполнить — дело второе.

— Ты мудрый, — согласилась птица. — Считай, что мы приняли решение. Что дальше?

— Дальше надо думать, — сказал Пашка, расхаживая по комнате.

Он остановился у окошка и погрозил медведю кулаком. Медведь взревел, стараясь протиснуться в узкое отверстие. Пашка кинул в него кастрюлю. Медведь взревел еще громче. Кастрюля грохнулась на пол и покатилась между столов.

— Как зажигают огонь? — рассуждал Пашка вслух. — Для этого добывают спички. Спичек я не вижу и вряд ли они сохранились. Можно достать кремений и трут. Я их тоже не вижу. Можно достать увеличительное стекло. Где его достать? Видел! Там же стоит микроскоп! Если вынуть из него увеличительное стекло, потом разложить костер . . .

— Но где этот микроскоп? — спросила птица.

— Он там, наверху.

— Но наверху звери.

— Правильно. Они скоро уйдут.

— Не знаю. Может быть, и не уйдут, — сказала птица.

Настроение у Пашки чуть упало. Нелегко будет добраться до медпункта, разобрать микроскоп, сложить костер, зажечь его . . . но все-таки положение уже не безнадежно.

Рассуждая так, Пашка не переставал исследовать кухню. И его труды не пропали даром. За грудой ржавых кастрюль, битых тарелок, ящичков с консервными банками, солью, за жестянками со сгнившими специями он заметил небольшую дверь.

«Склад» — было написано на ней.

Пашка начал отваливать мусор, чтобы проникнуть туда. Ведь на складах случаются интересные находки.

Большой паук отпрыгнул в сторону, когда Пашка потащил какой-то пыльный мешок, но Пашка не испугался — некогда было.

Дверь на склад открылась с трудом. Там было темно. Стояли какие-то ящички. Пашка ножницами открыл первый из них — труха. Второй — какая-то ссохшаяся грязь. Он перемазался, закашлялся от пыли. Ничего на этом складе нет. Вот груда простынь, их лучше не трогать —

все равно рассыплются. Вот ящик с резиновыми мячиками... Вот ящик с какими-то длинными круглыми цилиндрами. Поверх них лежит загнутая с одной стороны трубка.

— Пашка! — раздался крик Альты. — Он здесь!

Пашка сразу бросился обратно.

И точно, один из медведей все-таки свалил кровать и лез в подвал.

Пашка метнулся обратно, выволок ящик с тяжелыми пластиковыми мячами и принялся метать их в хищника. Тот опять отступил.

Пашка потащил к двери плиту. Он чуть не надорвался, тем более что медведь навалился на плиту с той стороны и не давал поставить ее на место.

К счастью, медведю надоело толкать плиту и он отступил.

Пашка свалился на пол. Сил больше не было. Выход один: все же прорываться в медпункт. Но как это сделаешь, когда медведи не собираются уходить...

— Сейчас, — сказал он птице. — Сейчас, я отдохну немного.

— Конечно, отдыхай, — сказала птица. — Что же теперь еще делать?

Пашка посмотрел вверх. В окошко он, пожалуй, пролезет. Но там поджидает медведь. Попробовать? Сейчас он отдохнет немного и попробует...

21. ДОМ КОШМАРА

Бородач достал ключ и отпер калитку. Пигмеи послушно зашли внутрь. Ирия с Белкой вошли последними. Калитка уже закрывалась, когда Алиса, со всех ног добежав до нее, втиснулась в щель.

— Это я! — крикнула она. — За нами никто не следил!

Бородач совершенно не удивился. Он протянул Алисе руку и представился:

— Меня зовут Вепрь. Я твой друг.

— Я знаю. Меня зовут Алиса.

Бородач запер калитку на засов. Белка прыгала вокруг, совсем как маленькая девочка, и кричала:

— Алиса, Алиса пришла! Молодец Алиса! Ручеек побежал тебя спасать, а ты сама пришла!

— Я в тебе не сомневалась, Алиса, — сказала Ирия.

Алиса осмотрелась. Они стояли в густом, заросшем саду. Дорожка, усталая каменными плитами, вела к веранде, на полу которой было разложено множество вывесок. Окруженный ими, в глубокой задумчивости сидел в кресле седобородый мудрец в высокой шляпе, которого Алиса видела в театре.

— Ой! — сказала Алиса. — Тише, он нас услышит.

— Ничего, — сказал Вепрь. — Идите за мной. Господину всеумудрому Кошмару не до нас. Он думает.

Они обогнули дом.

С его задней стороны были пристроены каменные сараи. Из открытой двери одного из них тянулся дымок, такой вкусный, что пигмеи оживились и начали поглядывать на бородача. Одна пигмейка, похрабрее, дернула его за рукав и, когда он обернулся, сунула палец себе в рот.

— Ваш намек понял, — сказал бородач.

Он повел пигмеев в тот самый сарай. В сарае стоял длинный стол, за ним сидели на длинных скамьях три пигмея и хлебали из больших мисок похлебку.

— Эй, Моро-Пари, — сказал Вепрь, — я тебе новых друзей привел. Завтра ночью переправляем их в лес. Сегодня накорми их, как положено. Потом все объяснишь. Ты знаешь как.

— Слушаюсь, мастер, — сказал молодой пигмей, который стоял у большого бака с поварешкой в руке.

Пигмеи толпой кинулись в сарай, начали расхватывать тарелки и строиться в очередь к Моро-Пари.

Тот принялся кричать на них на пигмейском языке, чтобы установить порядок.

А бородач провел Ирию, Алису и Белку по узкой наружной лесенке наверх, в небольшую комнатку, пристроенную к стене дома над кухней. Там стояла кровать, два стула и низкий столик. В комнате было чисто.

— Садитесь, отдыхайте, друзья, — сказал Вепрь. — Сейчас я принесу целебной мази для Ирии.

Когда они остались одни, Алиса спросила:

— Когда вернется Ручеек? У меня для него важные новости.

— Он тебя ищет.

— Это опасно. За мной гонятся подслушники.

ЛОЧНАЯ
ДИТЕРА

КТОР

НЕ
ВЛЕЗАЙ
УБ

БЕЗ СТУКА
НЕ
ВХО

ПОСТОРОННИМ
ВХОД
ЗАПРЕЩЕН!

РЕЗКО
ПРЕЖДЕ
ВРЕМЕНИ

35

— Что ты натворила? Что ты натворила? — спросила Белка. — Ты кого-нибудь убила?

— Нет, не убила, — улыбнулась Алиса. — Но узнала тайну, которую они очень хотели сохранить.

— Это хорошо, что не убила, — сказала Белка. — А то мои братья всегда кого-нибудь убивают.

— А кто этот бородач? — спросила Алиса.

— Он управляющий в доме главного мудреца.

— Он помник?

— Самый настоящий, — сказала Ирия.

— Ты не бойся, он добрый, — сказала Белка. — Я в людях разбираюсь.

— Как странно, — сказала Алиса — Мы в доме мудреца. А я его видела в театре, то есть во дворце Радикулита, и он мне совсем не показался мудрецом. А ты очень волновалась?

— Ирия совсем не волновалась, — заявила Белка. — Ведь Ручеек сказал, что все будет в порядке. Ты просто не представляешь, какой он смелый, наш Ручеек. Он любого стражника победит. И даже Вери-Мери.

— Да, кстати, — сказала Алиса. — Мне кажется, что Вери-Мери тебя узнал.

— Не мог он меня узнать, — ответила Белка. — Я от него все время отворачивалась. Я волосами лицо закрывала.

— Почему ты так подумала, Алиса? — спросила Ирия.

— Он так поглядел вам вслед... помнишь, когда Белка к тебе кинулась?

— Это могло ему показаться странным, — сказала задумчиво Ирия.

— Но он за вами не следил, — сказала Алиса. — Я специально отстала и смотрела.

— Ему и не надо было следить, — сказала Ирия. — Он наверняка знал, что нас купил управляющий всемудрого Кошмара.

— Ну и имена у них! — вздохнула Алиса.

— Конечно, — согласилась Ирия. — Мудрец выбрал себе самое красивое.

Вернулся бородач. Он принес склянку с мазью и чистую тряпочку.

— Не бойтесь, — сказал он. — Это лесное средство. Нас научили им пользоваться пигмеи. Они знают травы.

Алиса взяла у него банку, набрала мази на тряпочку

и протерла раны Ирии. Ирия иногда морщилась, но терпела. Белка, которая уже полюбила ее, вмешивалась, давала советы и говорила под руку. Но Алиса не сердилась. Белка была доброй, только плохо воспитанной.

— В городе шум, подслушники с ног сбились, — сказал бородач. — Твоя работа, Алиса?

— Моя. А Ручеек где?

— Будем надеяться, что скоро придет. А что случилось?

— Я узнала...

И в этот момент дверь растворилась и в комнату заглянул Ручеек. Запыхавшийся, пропыленный, усталый...

— Алиса! — воскликнул он. — Ты здесь! Какое счастье! Как же ты добралась?

— Ничего особенного, — сказала Алиса. Она взяла со стола шапку с ушами и натянула ее на голову. — Узнаешь? — спросила она.

— Подслушник!

И Алиса рассказала о том, что услышала и узнала в бывшем театре.

Когда Алиса завершила свой рассказ, Ручеек сказал:

— Новости, которые ты принесла, такие важные, что я не знаю, как тебя благодарить.

— Глупости, — сказала Ирия. — Без твоей помощи мы могли погибнуть.

— Хорошо, — сказал юноша. — Мне нужна лошадь, Вепрь.

— Это очень трудно. И лошадь сейчас добыть нелегко, а выбраться из Города еще труднее. Ты же знаешь, что все ворота закрыты, на причалах дежурят солдаты. Они очень боятся, что известие о начале похода вырвется из Города.

— Что же делать?

— Можно попробовать уплыть на лодке. У меня есть люди среди рыбаков. Но грести против течения нелегко. И все равно потом придется идти пешком.

— Что делать? Что делать? — Ручеек ходил по маленькой комнате, ломая пальцы.

— Не волнуйся так, — сказала Белка. — Ты станешь старым.

— Значит, так, — произнес бородач, — когда солнце сядет, ты переберешься через стену. Мой человек про-

водит тебя до деревни — это часа три быстрой ходьбы. Деревня стоит в начале лесной дороги. Там тебе дадут коня... Правда, я не знаю, остались ли у них кони — всех коней в последние дни отняли для армии.

— Это единственный выход, — сказал Ручеек.

— Может, подождем Пашку? — спросила Алиса. — Он, наверное, уже добрался до Гай-до.

— И чем он нам поможет?

— Он прилетит на Гай-до и всех перепугает.

— Я не знаком с вашим Гай-до, но не уверен, что они испугаются. Не думай, что они такие уж суслики. Среди поклонов немало отчаянных разбойников, которые насмотрелись в лесах и в горах таких чудовищ, что еще одно их не остановит. Они верят лишь в силу своих мечей.

— Я думаю, — сказала Ирия, — что мне лучше пойти с Ручейком.

— Нет, не лучше, — возразил бородач. — Здесь вы в безопасности. А пользы от вас в лесу никакой. Да и выбраться из Города у Ручейка куда больше шансов, чем у такой красавицы, как вы.

Если Ирия и не согласилась с Вепрем, то она ничем этого не показала. Она понимала, что здесь она — гостья и должна подчиняться друзьям.

— Хорошо, — коротко ответила она и взглянула в окно.

Алиса прочитала ее невысказанные мысли: где же Пашка? Почему от него до сих пор нет вестей?

— Не будем терять времени, — сказал бородач. — Прощайся, Ручеек.

— Я с тобой, — заявила Белка.

— Я иду в лес. Я иду быстро, — сказал Ручеек.

— Что же, я леса, что ли, не знаю? — спросила Белка.

— Я мужчина.

— А я поклонка!

— Ты глупая девчонка, а не поклонка, — сказал Ручеек. — К тому же я иду в лесное Убежище, а там живут страшные помники, которые крадут и едят детей.

— Не боюсь я твоих помников, — возразила Белка. — Тоже мне, испугал! Что, я не знаю, что ты сам помник и Вепрь помник? А вы приличные, не деретесь.

— Я тебя обязательно возьму с собой. В следующий раз, — сказал Ручеек. — Я обещаю.

— Конечно, бросишь и забудешь.

— Слушай, Белка, — сказал твердо юноша, — я не из тех, кто забывает. Я никогда ничего не забываю. Я клянусь тебе лесом и великим знанием, что вернусь к тебе и возьму тебя с собой.

— Навсегда?

— Навсегда.

— Тогда иди и скорей приходи обратно.

— А нам что делать? — спросила Алиса.

— Пока я не вернусь, вы можете ходить по саду и по дому, — ответил бородач.

— Но там же ваш Кошмар!

— Не обращайтесь внимания на него. Он, как и все мудрецы, уже столько раз терял память, что ничего не помнит. Он никогда ничему не удивляется. Если будет скучно, можете поговорить с ним. Я вернусь через час.

Ручеек вслед за Вепрем вышел из комнаты.

— Увидишь Пашку, скажи, что мы его ждем! — крикнула вслед Алиса.

— Скажу! — послышалось в ответ.

22. ФЕЙЕРВЕРК В ЛЕСУ

Выглянув наружу после того как отразил очередной приступ упрямых тупых медведей, Пашка с удивлением заметил, что тени деревьев стали длиннее. Куда делся целый день? Пашка и не заметил, как он прошел. Хотя, честно говоря, жутко устал.

От усталости и напряжения Пашка отупел. Он ощущал, как медленно движутся в голове мысли . . . Сейчас надо снова встать, снова выбраться наружу через окошко, снова убежать от медведя . . . Там медпункт. Разобрать микроскоп . . . Но в медпункте дверь и большое окно, и медведи снова не подпустят его к микроскопу.

Рядом тихо стонала Альта. Видно, ей было совсем плохо.

А мысли продолжали тянуться, как кисельная пенка.

Надо вынуть стекло, пройти в медпункт . . . Там на столе расписание праздника. Будут танцы, будет фейерверк . . . Что такое фейерверк? Это когда стреляют ракетами и в воздухе горят разноцветные огни.

— Ура! — закричал Пашка и вскочил.

Птица от неожиданности вжалась в угол, даже медведь, что следил за ними сквозь окошко, отпрыгнул.

Раскидывая кастрюли, Пашка кинулся на склад.

— Что случилось? — спросила вслед Альта.

Из склада донесся шум, грохот, потом раздался треск, и птица увидела, что сквозь дверь склада прорвался на кухню ослепительный красный свет. Она в ужасе закрыла глаза. Когда она открыла их, то увидела, что из дверей склада тянется густой белый дым, а в дыму, отчаянно кашляя, стоит счастливый Пашка, держа в одной руке изогнутую трубку, в другой — несколько круглых длинных цилиндров.

— Что? Что случилось? — крикнула Альта. — Ты жив?

— Фейерверк! — закричал Пашка. — Сейчас мы им устроим такой фейерверк, что они запомнят его на всю жизнь! И внукам расскажут! Закройте глаза!

Альта послушно закрыла глаза и не видела, как Пашка вложил в трубку цилиндр и нажал на кнопку. Ослепительный сноп искр вырвался из трубки и ударил прямо в морду медведю.

Оглушенный и ослепленный медведь отскочил от окна и помчался, ревя, в лес.

— Видишь?

Птица открыла глаза. Подвал был полон дыма, дышать было трудно. А Пашка прыгал в этом дыму, смеялся и размахивал трубкой.

— Но что это? Что? Скажи, — умоляла перепуганная Альта.

— Как говорил наш друг Ручеек? — спросил Пашка. — А он говорил: «Надо читать!» Только грамотные люди могут стать господами мира! А неграмотным дикарям — стыд и срам!

— Я не понимаю, — простонала птица.

— Я догадался. Если они хотели устроить фейерверк для детишек, но не успели, то ракеты где-то должны сохраниться? Где? На складе. А что я видел на складе? Ящик с цилиндрами. На ящике надпись: «Огнеопасно». А что, если, подумала моя гениальная голова, та изогнутая трубка и есть ракетница? Все гениальное просто! Теперь мы спасены! Я разгоню ракетами всех медведей и прочую нечисть. Я спокойно, как царь природы, пройду к медпункту, выну лупу из микроскопа, разожгу костер

и пусть только кто-нибудь попытается мне помешать!

С этими словами Пашка, рассовав ракеты по карманам, направился к двери и решительно оттащил в сторону плиту и кровать.

Медведь, что дежурил за дверью, радостно заворчал, полагая, что обитатели подвала решили сдаться ему на съедение.

— Глядите на торжество просвещения! — воскликнул Пашка, отступая назад и целясь в зверя из трубки.

Он нажал на кнопку. На этот раз сноп зеленых искр осветил подвал нереальным, мертвенным светом, а рев убегающего медведя был слышен, даже когда он умчался километра за два.

— Сидите спокойно, — сказал Пашка Альте. — Я пошел разбирать микроскоп и разводить костер.

— погоди, — сказала птица, — ты, конечно, гениальный мальчик. Но можно глупой птице задать тебе вопрос?

— Валяйте, — ответил Пашка.

— А там много этих самых ракет?

— Больше сотни.

— А может быть, и не надо разводить костер?

— Почему? А как же нас заметят?

— А если эта штука, которую ты называешь ракетницей, может послать цветной огонь высоко в небо, это ведь лучше, чем дым от костра!

Пашка задумался. Ему было не очень приятно сознавать, что птица права, но, в конце концов, Пашка улыбнулся и сказал:

— Что ж, даже гениям свойственно ошибаться.

Он вышел на поляну перед домом, поднял ракетницу вверх и выстрелил.

Ракета звездой взлетела высоко над вершинами деревьев. Даже при свете заходящего солнца было видно, как в невероятной высоте она рассыпалась красными искрами.

Альта, прихрамывая и волоча крыло, тоже выбралась наружу.

— Я уверен, — сказал Пашка, — что если они не увидят наш сигнал днем, то вечером увидят обязательно.

— Я думаю, что мои собратья уже летают над лесом, — сказала Альта.

— А тебе что здесь надо? — Пашка снова увидел в листве морду медведя, который не смел подойти ближе.

Желтая ракета, как раскаленное пушечное ядро, унеслась к кустам, и визг медведя был доказательством тому, что выстрел угодил в цель.

— Эй! — крикнул Пашка. — Друзья! На помощь! — И он снова выстрелил в небо.

И как бы в ответ на его крик, над прогалиной белыми облачками появились две птицы.

— Это они, — сказала Альта. И заплакала.

Никогда еще Пашке не приходилось видеть, чтобы птица плакала. Он даже растерялся. Вдруг он почувствовал, что ноги его не держат, и сел прямо на траву.

23. ВЕЧЕР С МУДРЕЦОМ

Алиса подошла к окну. Ручеек и бородач спустились по лестнице и поспешили к дверце в ограде сада.

Вечерело. Солнце скрылось за откосом горы, южные деревья стали фиолетовыми в тени и золотыми под лучами уже невидимого солнца. Моря из окна не было видно, но присутствие его чувствовалось в воздухе, в освещении, в движении ветра.

— Пошли посмотрим, как живут мудрецы, — предложила Алиса.

— Может, все же разумнее остаться здесь? — сказала с сомнением Ирия.

— Пойдем, я не могу столько времени сидеть в комнате. Нам ведь разрешили, — вмешалась Белка.

Втроем они спустились в залитый сумраком сад. Там под навесом на циновках спали пигмеи. Они обошли дом и вышли к веранде.

Мудрец Кошмар был не один. Он сидел в кресле, а рядом с ним стоял второй мудрец. Его Алиса тоже видела в театре.

Оба с умным видом рассматривали вывески и надписи, разложенные на полу.

Алиса поднялась на веранду.

— Здравствуйте, — сказала она.

— Наше почтение, — ответили хором мудрецы. И тут же снова обратили свои взоры к вывескам.

— Вы собираете коллекцию? — спросила Алиса.

Мудрец Кошмар не ответил, зато второй оглянулся и радостно улыбнулся.

— Новое слово! — сказал он. — Коллекция! Каково его значение?

— Это собрание разных, большей частью никому не нужных вещей, — сказала Алиса.

— Очень красивое слово. Его надо запомнить. Я его дам какой-нибудь знатной поклонке.

Алиса между тем рассматривала вывески. Их явно собирали по всему Городу. Были там и маленькие, лаконичные, вроде: «Посторонним вход воспрещен», «Без стука не входить». Была большая, красивая, правда сильно потертая, вывеска: «Булочная-кондитерская». Была золотая пластинка с черной надписью: «Директор». Были там названия улиц, «Остановка автобуса» и даже: «Не влезай — убьет!». Алиса так и не догадалась, куда нельзя влезать и кто убьет.

— Вы их читаете? — спросила Алиса.

— Шшш! — Второй мудрец приложил палец к губам. — Слово «читать» запрещено в нашем государстве. Мы их изучаем и расшифровываем. Но не читаем.

— А жалко, — сказала Алиса. — Такие красивые надписи.

— Какая самая красивая? — спросил вдруг мудрый Кошмар.

— Вот эта, — сказала Алиса, показав на небольшую табличку, явно из зоопарка, на которой было написано: «Хищников кормить воспрещено».

— А мне больше нравится вот эта, — сказала Белка, показав на табличку с надписью: «Детское питание».

Табличка эта и в самом деле была очень красивой. На ней были изображены скрещенные бутылочки и погремушка.

— А мне эта надпись не нравится, — сообщил Кошмар. — Я бьюсь над ее расшифровкой уже который год. Я понимаю, что она говорит о том, что пить молоко запрещено. Но почему?

— Нет, — сказала Алиса. — Там написано: «Детское питание».

— Глупая версия, — сказал второй мудрец. — Я давно уже разгадал эту надпись. Она означает: «Запрещено сражаться на бутылках!» В древние времена это был очень распространенный вид спорта.

— Ну зачем гадать, — сказала Алиса, — если можно прочесть? Вот видите эту букву? Что она означает?

— Это не буква, — сказал Кошмар, — это рисунок.

— Это буква «Д», — сказала Алиса.

— Мой друг, не слушай ее, — сказал второй мудрец, — я подозреваю, что мы имеем дело с помницей.

— Я ее не боюсь, — сказал Кошмар, — но попрошу уйти, потому что она мешает нам плодотворно мыслить. Она разрушает спокойную научную дискуссию.

— Но почему бы вам не научиться читать? — упорствовала Алиса. — Вы бы тогда стали вдвое мудрее.

— Высшая мудрость... — Кошмар поднял к небу палец, — заключается в том, чтобы все знать, но ничему не учиться.

— Слушайте, как мудро говорит мой коллега! — воскликнул второй мудрец.

— Учиться — это значит запоминать, — продолжал Кошмар. — Что может быть опаснее этого заблуждения? Что может быть страшнее для судьбы счастливого государства, где никто ничего не помнит и не знает?

— А почему вы боитесь знания? — спросила Ирия.

— Потому что... потому что мы боимся вкушечов, — признался Кошмар.

Вдруг он вздохнул и добавил:

— Я подозреваю, что когда-то я умел читать.

— И что?

— Ничего.

— Моего друга трижды лишали памяти, — сказал второй мудрец. — Вернее всего, за дело.

— А вас лишали?

— Может быть, — устало улыбнулся мудрец. — Но я не помню. Я вообще себя помню только с прошлого лета. Вы не представляете, как рискованна жизнь мудреца. Всегда есть опасность, что ты нечаянно научишься читать. И тогда — наказание. Вкушечы этого не прощают.

— Поэтому настоящая мудрость, — воскликнул Кошмар, — это ничего не знать, но обо всем судить! Да здравствует мудрое невежество!

— Да здравствует! — согласился второй мудрец.

Но тут же, таясь, и от Алисы, и от своего коллеги, нацарапал камешком на перилах веранды букву «Д». И губы его шевельнулись.

«Запомнил», — подумала Алиса.

Она хотела сказать об этом Ирии, но не успела. Она почувствовала, что за ними кто-то следит.

Над забором торчала голова Вери-Мери.

Увидев, что Алиса обернулась, пигмей тут же исчез.

— Он здесь! — сказала Алиса. — Выследил!

— Кто выследил? Где? — всполошился второй мудрец.

— Вас не касается, живите спокойно, разгадывайте.

Она сбежала с веранды и поманила за собой Ирию и Белку.

— Там Вери-Мери! — прошептала она.

Белка тут же бросилась к калитке, распахнула ее и выглянула наружу.

— Никого нет, — сказала она. — Может, это тебе показалось?

— К сожалению, мне не показалось, — вздохнула Алиса.

К ним подошел второй мудрец.

— Я не хотел беспокоить моего коллегу, — сказал он, — но я вижу, что вы не подслушники, а эту девочку я узнал, ее сегодня хотели убить. Так что я могу быть с вами предельно откровенен. А если вы на меня донесете, то я скажу, что ничего вам не говорил.

— И что вы хотите сказать? — спросила Ирия.

— Мы, молодое поколение мудрецов, уже многое понимаем. И может быть, в чем-то, по большому счету, вы правы — в том, например, что касается знания. Но как только мы признаем знание, значит, мы окажемся где-то, как-то в одних рядах с помниками. А это недопустимо.

— Бойтесь вкушечцов?

— И не только это, — сказал мудрец. — Наш счастливый мир незыблем, потому что не меняется. И к нам, к мудрецам, идут, потому что мы единственные, кто знает то, чего не знает никто. Поэтому нас уважают и ценят, мы придумываем все названия, а нам за это дают красивые дома и одежды. А если мы научимся читать, то станем самыми обыкновенными помниками и нас придется лишить памяти. Вы меня понимаете?

— Я ничего не поняла, — сказала Белка.

— А я кое-что поняла, — сказала Алиса. — Но должна сказать вам под большим секретом, что Повелитель Радикулит умеет читать и у него в спальне есть книги.

— Молчите! — закричал мудрец и присел от страха.

— Молчу, — согласилась Алиса, мысли которой сейчас были заняты совсем другим.

Мудрец наклонился к Алисе и прошептал:

— У меня тоже есть книга. И мне очень хочется ее прочитать.

И мелкими шажками, так и не отняв пальцы от губ, он убежал обратно на веранду.

— Давайте вернемся в комнату, — сказала Ирия. — Расскажем обо всем Вепрю. Он лучше нас знает, что делать.

У лесенки их догнал веселый молодой повар Моро-Пари и сказал:

— Если голодные, я накормлю. Правда, все остыло.

— Спасибо, — сказала Ирия.

Они зашли на кухню. Моро-Пари налил им холодной похлебки.

Похлебка была вкусной, крупяной. На длинном столе, отшлифованном локтями, стояла свечка. Было уютно, как на даче вечером. Вокруг свечи кружились маленькие оранжевые мотыльки. Слышно было, как в саду под навесом ворочаются, сопят пигмеи. Издалека донесся удар колокола.

— Ночная стража, — сказал Моро-Пари, принеся всем по кружке молока. — Что-то Вепрь пропал. Но вы не бойтесь, он вернется.

Из сумеречной сини на пороге кухни возник пигмей.

— Госпожу Белку зовут, — казал он.

— Кто зовет? — удивилась Белка. — Никто не знает, что я здесь.

— Один человек, говорит, что у него для тебя важные новости.

— Это от Ручейка! — вскочила Белка.

— Ручеек не может передавать тебе новости, — сказала Алиса. — Он все скажет через Вепря.

— Этот человек ждет близко за домом, — сказал пигмей и растворился в кустах, подступающих к дверям кухни.

— Я пошла, — сказала Белка. — Это Ручеек. Я точно знаю.

Белка выбежала из кухни.

Ирия поднялась.

— Мне это не нравится.

— Я боюсь, что это штучки Вери-Мери, — сказала Алиса, тоже поднимаясь.

Они быстро вышли из кухни. В саду уже было темно,

хотя небо было светлым, зеленоватым и лишь самые яркие звезды появились на нем.

Тихо.

Они дошли до угла. Остановились, прислушиваясь. С веранды доносилось бормотание мудрецов. Потом от забора из чащи послышался тихий голос:

— Нет пойдешь! Пойдешь добром, иначе мы всех возьмем.

— Я сейчас закричу! — Это был голос Белки.

— Закричишь — будет хуже. Тогда твои дружки попадут в яму беспамятства. Ты этого хочешь?

— Нет, я не пойду! Я боюсь тебя! Ты противный.

— Привыкнешь. Госпожа Сороконожка тоже сначала спорила, потом смирилась.

Короткий крик... Треск кустов... Шум борьбы...

Ирия бросилась к забору. За ней — Алиса.

Два темных тела боролись на фоне белой каменной стены. Алисе показалось, что она видит сцену в театре теней.

Плотный, крепкий, почти квадратный Вери-Мери зажимал рот Белке, другой рукой держал ее за горло.

— Нет пойдешь! — шипел он. — Не шуми! Если твои прибегут, им же хуже будет.

Но договорить он не успел.

В следующее мгновение он валялся в траве. С Ирией шутки плохи.

Алиса подхватила падающую Белку.

— Не бойся, — сказала она, — мы с тобой.

Зашуршали кусты, из них выглянул второй мудрец. Его голова в высоком цилиндре сокрушенно закивала при виде этой сцены. Он произнес:

— Ничего не вижу, ничего не слышу — в этом высшая мудрость.

И исчез.

Вери-Мери с трудом поднялся. В полутьме его глаза сверкали ненавистью.

— Ты за это заплатишься, — пробормотал он, вытирая окровавленную губу. — Ты выплачешь это оскорбление горячими слезами.

Белка заплакала:

— Он такой страшный, такой противный! Я не хочу с ним идти!

— Не бойся, куда ты не пойдешь, — сказала Ирия.

Она возвышалась над Вери-Мери, как громадная статуя прекрасной богини над бешеным индюком. — И Вери-Мери никому никогда не расскажет, что он здесь видел.

— Расскажу. Теперь-то наверняка расскажу, — ответил Вери-Мери. — Ты посмела поднять руку на советника великих поклонов, на самого богатого человека в столице, на будущего барона Крота.

— А мне все равно, кто ты. Я знаю только одно: если ты хоть пальцем тронешь Белку, тебе не жить. Ни здесь, ни в лесу, ни в небе.

— Кто ты такая, чтобы указывать мне? — храбрился Вери-Мери.

— Я госпожа с далекой звезды, — сказала Ирия. — Я живая богиня неба. За мной стоят могущественные силы Вселенной, и не тебе, жалкий работороговец, грозить мне.

Ирия так замечательно играла свою роль богини, что Белка замерла в страхе и удивлении и даже у Алисы мурашки побежали по коже.

— Я видел тебя в цепях, — ответил Вери-Мери. — Ты не смогла их снять. Я видел тебя на помосте для рабов и тебя продавали, как скотину. Я не верю тебе, женщина.

— Потом будет поздно, — сказала Ирия. — Если ты хочешь сохранить свою жалкую, подлую жизнь, уйди отсюда тихо, забудь, что видел. И когда времена изменятся, а они изменятся скоро, ты сохранишь жизнь. Иначе я не могу тебе обещать даже этого.

Голос Ирии и ее уверенность в себе произвели впечатление на карлика. Но ему так не хотелось расставаться с добычей...

— Почему же ты таишься, почему скрываешь беглую девушку из рода кровожадных Кротов? В чем твоя сила?

— Вери-Мери, — вмешалась Алиса, — я даю тебе честное слово, что Ирия прилетела с далекой звезды. Я знаю, я была вместе с ней. И я даю честное слово, что ее власть бесконечна по сравнению с властью твоих вкушцов и твоего Радикулита.

— Но ты меня тоже пойми, — Вери-Мери с облегчением обернулся к Алисе. Наверное, потому, что разница в росте между ними была не так велика. — Я тоже человек, у меня тоже есть чувства. Одни меня не любят,

другие боятся, ибо власть моя тайная. Но я давно люблю эту девушку. Я мечтаю о ней. Я ночами не сплю, думая о Белке. Вот, например, прошлую ночь совершенно не спал... Подумайте о чувствах немолодого человека! Я согласен жить с ней в шалаше, хотя, должен сказать, у меня скоплены скромные средства. Увидев Белку в Городе, где ей грозят опасности, я обезумел. Я хочу одного: отвести ее в безопасное место, охранять ее и беречь...

Обильные слезы заблестели в полутьме, стекая по толстым щекам пигмея.

Алиса растерялась.

Не очень приятно смотреть, как плачет взрослый мужчина.

— Я не верю ему! И ты не верь. Не верь, Алиса! — Голос Белки развеял гипноз.

— Я не лгу! — ответил пигмей. — Я уйду сейчас. Но при одном условии: вы будете охранять Белку так, как охранял бы ее я. Я не появлюсь здесь до тех пор, пока вы не позволите. Но я буду охранять этот дом, эту улицу...

— Разумно, — сказала Ирия. — Больше того, мы заплатим тебе за молчание.

— Заплатите? Вы хотите оскорбить меня деньгами?

— Да, — сказала Ирия, — хотим. Сколько тебе нужно? Мешок золота?

— Мешок? А большой мешок?

— Такой, чтобы ты не смог унести, — сказала Алиса. — У нас в школьном музее килограммов на триста самородков есть. Мне дадут.

— Вы поражаете меня своей щедростью!

— А сколько тебе надо, чтобы вообще забыть о существовании Белки?

— Я не смогу ее забыть. Никогда! — Вери-Мери задумался. — Два мешка, — сказал он решительно.

— Тогда уходи немедленно.

— А зрлото?

— Золото, когда Белка будет в безопасности.

— Мне нужны гарантии, — сказал Вери-Мери. — Я деловой человек. Я привык никому не верить. Даже богиням с далекой звезды.

— Сейчас ты получишь гарантии, — раздался голос. Оказывается, вернувшийся Вепрь неслышно подошел к

ним и слышал окончание разговора. — Ты кончишь свои ничтожные дни в страшных мучениях!

Бородач протянул руку к Вери-Мери, но тот с потрясающей ловкостью кинулся прочь, перевалился через забор и исчез из глаз.

— Как неладно получилось, — сказал Вепрь. — Упустили.

И тут же из-за забора послышался голос Вери-Мери:

— А три мешка можно?

— Можно, — поспешила ответить Алиса.

— Если три мешка, я молчу, — ответил голос из-за забора. — Прощай, Белка, прощай, моя любимая!

В тишине было слышно, как стучат по мостовой деревянные каблуки карлика.

— Зря мы его отпустили, — сказал Вепрь. — Может, догнать?

— Поздно, — сказала Белка. — Он этот Город знает лучше всех. Он уже спрятался.

— Будем надеяться на его жадность, — сказала Ирия.

— Конечно, лучше бы вам уйти, — вздохнул Вепрь, — но сейчас идти некуда. Город полон подслушников. Ищут помников. К тому же пропали единороги Кротов.

— Как пропали?

— Их не нашли в конюшне. Может, они сами сорвались и убежали, потому что не хотели жить в Городе, но, вернее всего, их кто-то украл. В Городе творится что-то несусветное.

— Что с Ручейком? — спросила Белка. — Он жив?

— Он уже далеко, — сказал Вепрь. — Если он достанет лошадь, то доберется до Убежища к середине дня. А теперь спать, спать, спать. С рассветом я постараюсь перевести вас в более безопасное место. А когда из столицы уйдут войска, мы переправим вас в лес.

Они поднялись наверх, в комнату. Белка упала на кровать и сразу заснула, а Ирия и Алиса долго отвечали на бесконечные вопросы бородача. Ему хотелось узнать о Земле, о космосе, о других мирах. И только когда ударил колокол полуночной стражи и обе луны поднялись высоко в небо, Вепрь пожелал гостям спокойной ночи и сказал, что разбудит их с первыми лучами солнца.

Ирия и Алиса улеглись на полу, на шкурах, потому что больше места в комнате не было.

24. УБЕЖИЩЕ ПОМНИКОВ

Пашка долетел до города помников на другой птице — ее звали Алиной, она приходилась Альте двоюродной сестрой. Алина была птицей веселой, вздорной и все время пела. Алина уже знала о Пашкином героизме и невероятной сообразительности — Альта все рассказала птицам, которые видели ракеты, запущенные Пашкой. Она очень гордилась тем, что несет на себе не обыкновенного мальчика, а героя с другой планеты. Из-за этого она то и дело оборачивалась и спрашивала:

— Вас не беспокоит? Может, лететь пониже?

Вторая птица, ее имени Пашка не запомнил, осталась с Альтой, ждать, пока из города помников пришлют за раненой птицей повозку. Там же остались и оба человека, что прилетели на птицах. Это были совсем подростки, похожие чем-то на Ручейка, серьезные, задумчивые. Кожаные куртки и штаны сидели на них, как рыцарские латы. Они уже знали, что Ручеек встретился с землянами, но не ожидали, что Пашка полетит на Альте. Больше всего они поразились целому ящику ракет. Пашке пришлось потратить несколько минут, чтобы убедить их, что ракеты — это не страшное оружие, а развлечение.

Алина летела быстро, внизу все так же тянулся лес, в одном месте из него высунулось несколько фабричных труб. Между трубами поднимались голубые дымки, и слышно было, как что-то скрежещет и позвякивает в развалинах, заросших деревьями и лианами.

— Плохое место, — сообщила Алина. — Мы туда не летаем. Это был завод. И теперь он работает.

— Как так работает? — не понял Пашка.

— Никто не знает как. И никто не знает, кто там живет. Мы летали, смотрели — ни одного человека. А работает. Так бывает?

— Не знаю, — сказал Пашка, — может быть.

Затем пошли болота. Пятна яркой зелени перемежались с купами кустов, хилыми осинами, проплешинами рыжей воды. Кое-где над болотом поднимался пар.

— Смотри! — сказала Алина. — Какой большой!

Пашка увидел дракона. Самого настоящего дракона. Он лежал в жиже, иногда взмахивал бронированным хвостом, отмахивался от слепней. Две головы спали по

уши в грязи, тетья была на страже. При виде пролетавшей Алины голова дракона поднялась, раздула ноздри и пыхнула дымом.

— Как в сказке! — крикнул Пашка.

— Попадешь ему в зубы, будет действительность, — ответила Алина.

Они миновали болота, пролетели над пустошью, через которую протянулся железнодорожный путь без начала и конца. На рельсах стоял поезд — три вагона без паровоза, окна выбиты, стенки проржавели и потеряли цвет. Из одного окошка высунулся по пояс голый человек, замахал желтой тряпкой.

— А это кто?

— Это бе-пе, — сказала Алина. — Он здесь живет, думает, что едет в гости. Его никто не трогает, даже подкармливают.

Снова пошел лес, только был он не такой мрачный и высокий.

Пашка углядел стадо коров, которые бродили между деревьев.

— Скоро мы дома, — сказала Алина.

Внезапно показался город помников. Они летели над расчищенной от зарослей улицей. По ней шли два человека, несли на носилках груды камней. Улица уперлась в ров, в котором блестела вода. За рвом начинался высокий вал, насыпанный недавно, он даже не успел зарости травой. На валу трудились люди. Они подсыпали, укрепляли его. Один из них замахал рукой, приветствуя Алину.

— Это мой друг, — сказала птица. — Его зовут Дротик.

— Очень приятно! — крикнул в ответ Пашка. — А зачем вал? Защищаться от поклонов?

— Нет, поклоны еще не нападали. От зверей, от лесной нечисти, от разбойников. Нас многие хотят убить. Или ограбить.

Убежище помников было невелико: несколько улиц, очищенных от зарослей. Отремонтированные каменные дома окружали небольшую площадь. Там, перед трехэтажным домом с колоннами, и опустилась Алина.

К ней поспешила худая пожилая женщина, с добрым узким лицом, в простом сером платье. Следом шел молодой человек в шортах, с лопатой в руке, словно

он только что копал землю, но увидел птицу и оторвался от своего дела.

Женщина удивилась при виде Пашки — она ожидала увидеть Ручейка.

— Вы кто? — спросила она настороженно.

— Я все сама расскажу, — сказала Алина. — Это наш маленький герой.

— Простите, — сказал Пашка. — Ничего страшного не случилось. Ручеек жив. Он просил меня передать вам вот это . . .

Пашка достал из кармана плетеную косичку и передал женщине.

Та взяла плетенку и вопросительно поглядела на птицу.

— Можно, я буду петь? — спросила Алина. — Подвиги, совершенные нашим гостем, настолько велики, что их нельзя рассказывать прозой.

— Как хочешь, — сдержанно сказала женщина.

Пашка понял, что она предпочла бы выслушать его, но не могла обижать птицу.

А та распелась! Пашке казалось, что она описывает их путешествие уже целый час. Ему хотелось вмешаться и попросить прощения — уж очень птица преувеличивала его заслуги, — но женщина и молодой человек с лопатой слушали Алину внимательно, а когда та наконец закончила и завела руладу без слов, женщина сказала Пашке:

— Не удивляйтесь, Паша. Наши друзья — птицы Альтосы — очень привязаны друг к другу. И если вы спасли жизнь одной из них, можете быть уверены, что все птицы будут петь о вас гимны. Но я вижу, что в послании Ручейка говорится о тревожных вещах. Можете ли вы добавить что-нибудь новое?

— Постараюсь, — сказал Пашка.

— Тогда пройдемте со мной в штаб.

Женщина поблагодарила Алину, которая не слышала благодарности — так как была очарована собственным пением. Женщина пошла в дом. Пашка и молодой человек последовали за ней.

— Значит, вы с другой планеты? — спросил молодой человек.

— Вот именно, — сказал Пашка. — Мы ищем наших друзей, которые живут у вас.

— Да, к сожалению, они попали в плен к духам

беспамятства. И мы не можем им помочь. Но в остальном они здоровы. Мы о них заботимся.

— Первым делом, — сказала женщина, — вам, Паша, надо умыться. Копье, — обратилась она к юноше, — будь любезен, покажи гостю, где он может помыться.

Когда Пашка привел себя в порядок и вернулся в комнату, на столе уже стояла большая кружка с молоком и лежала буханка хлеба.

— Наша еда покажется вам скромной, но мы живем небогато, — сказала женщина.

— Это замечательная еда! — ответил Пашка. — В последний раз я ел тысячу лет назад.

Он отхлебнул теплого парного молока, это было самое вкусное молоко, которое ему приходилось пить в жизни.

— Простите, — сказал он с набитым ртом, — я не знаю вашего имени-отчества.

— Меня зовут Учительница Зарница. А что такое отчество? Это имя отца?

— Конечно.

— Мы забыли многие слова, — сказала женщина. — Кто был мой отец, я не знаю. Когда я была маленькой девочкой, меня продали в рабство, наши люди выкупили меня и привезли сюда.

— Сколько же лет существует ваше Убежище?

— Уже больше ста лет, — сказала Зарница.

Пашка с трудом дожевал хлеб и допил молоко.

— Я вижу, что вы хотите спать, — сказала Зарница, — но, пожалуйста, постарайтесь еще немного потерпеть. Нам очень важно знать, как готовятся наши враги к походу.

— Разумеется, — ответил Пашка.

И он начал рассказывать обо всем, что видел за последние два дня.

Во время рассказа вошел кругленький, подвижный, совсем лысый пигмей в белом халате. Зарница представила его как доктора Хруста, физика и врача Убежища.

Когда Пашка кончил свой доклад, глаза у него слипались. Но он все же нашел в себе силы попросить Зарницу:

— Можно, я встречусь с моими друзьями?

— Конечно, можно, — ответила женщина. — Только они вас не узнают.

— А вдруг? Я с ними давно знаком. Ведь не может быть, чтобы люди все забыли.

— Может быть, — вздохнула Зарница.

Они вышли из большого дома. Возле него стояла лошадь, запряженная в кузов старого автомобиля. Шин на колесах не было, и потому, когда этот экипаж поехал по улице, трясло так, словно катишься по стиральной доске. А это особенно чувствительно человеку, который только что выпил литр молока и съел буханку хлеба.

Пашка оглядывался по сторонам.

Честно говоря, он ожидал от города помников большего.

Кое-где улица шла между расчищенных от развалин кварталов. Потом тянулись груды камней, руины больших зданий, переплетение проводов и арматуры...

— У нас не хватает пока людей и сил, чтобы все привести в порядок, — сказала Зарница, заметив удивление Пашки. — Но со временем мы обязательно отстроим наш город.

Они миновали ржавый остов автобуса, опрокинутый помятый киоск, фонарный столб, привалившийся к стене... На некоторых домах сохранились вывески, напоминавшие о прошлой жизни.

Уже совсем стемнело. Улицы были освещены редкими керосиновыми фонарями. Прохожих почти не было.

— Вы так и не догадались, что здесь произошло? — спросил Пашка.

— Наш главный учитель, профессор Разум, обещал на днях сделать сообщение, — сказала Зарница. — Он уже несколько месяцев работает в архиве Собрания наук, который мы раскопали в прошлом году. А пока мы знаем только, что жизнь на нашей планете оборвалась неожиданно. Люди бросили свои дела, остановились заводы, машины и поезда; самолеты, что летели в небе, упали и разбились, в столовых люди оставили недоеденные блюда, корабли теряли путь к гавани, и их выбрасывало на берег... Что это было за бедствие, никто не знает.

— Даже самые старые старики?

— Даже самые старые.

— Но ведь здесь живут подолгу, — сказал Пашка. — Наши друзья с Атлантиды улетели триста лет назад.

— Теперь мы живем не так долго, — ответил про-

фессор Хруст. — Может, сорок — пятьдесят лет. Вот мне, например, тридцать пять...

— Погоди, — оборвала пигмея Зарница, — о каких друзьях с Атлантиды ты говоришь, Паша? Кто улетел от нас триста лет назад?

«Конечно же, — спохватился Пашка. — Она ничего не знает!» И Пашка даже расхотел спать, так напряженно слушали его жители Крины. Он рассказал им о том, как они с Алисой отыскивали забытую экспедицию с Крины на дне Тихого океана.

Но он не успел кончить рассказ, они доехали до места назначения. Там, рядом с глубокой ямой, в которой работали археологи, раскапывая подвалы научной библиотеки, стояло приземистое здание с узкими окнами. Когда-то в нем был склад. Теперь же в подвалах освободили место для тех ценностей, что помникам удалось найти или раскопать за последние сто лет. Они старались сберечь каждую крупницу знаний.

В одном из подвалов, в большой комнате, устланной мягкими коврами, Пашка нашел своих друзей.

Лучше бы он не видел их! Страшно было войти в комнату и увидеть, что капитан Полосков сидит за столом и, придвинув к себе лист бумаги, рисует на нем крестики и нолики, всклокоченный механик Зеленый мрачно бродит из угла в угол и повторяет: «Это хорошо не кончится», Тадеуш лежит, задрав ноги, на широком диване и равнодушно смотрит в потолок. В углу, прижавшись друг к другу, дремлют два старика — Посейдон и Гермес, а Афродита сидит на полу и пытается напоить Алисину старую куклу чаем из кружки... И страшнее всего, что никто из них тебя, Пашку Гераскина, не хочет узнавать.

— Здравствуйте! — громко сказал Пашка, в глубине души надеясь, что земляне и криняне, увидев его, бросятся к нему с объятиями и это недоразумение разрешится.

Но ничего подобного не произошло. Капитан Полосков поднял голову, посмотрел на Пашку равнодушно и снова принялся рисовать. Механик Зеленый произнес, глядя в угол:

— Жду больших неприятностей.

А Тадеуш даже не повернул головы.

Пашка на какое-то время буквально потерял рассудок.

Он бегал от человека к человеку, тряс каждого, кричал:

— Ну что же это? Вы меня не узнаете? Я же Пашка Гераскин! Ваш друг. Вы меня помните? Вы Алису помните?

Потом он кинулся к Тадеушу, дергал его за рукав и повторял:

— Ирия здесь! Она прилетела. Ты понимаешь, твоя Ирия здесь!

— Ирия? — Тадеуш удивился. Он осторожно освободил свой рукав от Пашкиных пальцев и повторил: — Ирия? Странное имя.

— У тебя есть дочь, Вандочка! Она живет под Вроцлавом.

— Я не знаю никакой Вандочки! — вдруг рассердился Тадеуш. — Не мешайте мне думать.

И он отвернулся к стене.

Пашка готов был разреветься.

— Не расстраивайтесь, — сказала Зарница. — Вы это раньше не видели, а для нас, к сожалению, это обычное дело. Мы потеряли таким образом много друзей.

— Но почему? Почему?

— В лесу осталось немало колодцев и котловин. Люди считают, что там живут духи беспамятства. Если человек туда попадает, он все забывает.

— А потом?

— А потом? Мы их лечим.

— Как?

— Мы все начинаем сначала. Мы показываем им разные вещи и просим запомнить! Мы учим их есть, пить, одеваться, мы подсказываем им забытые слова. Постепенно человек становится нормальным. Для него начинается новая жизнь. Он может накопить новую память, но никогда уже не вспомнит то, что было раньше.

— Какая ужасная болезнь!

— Хотите, Паша, посмотреть, как их учат? Только учтите, это не очень приятное зрелище.

— Хочу, — упрямо сказал Пашка.

В комнату вошла женщина. Она катила перед собой столик, на котором стояла тарелка с пирожками. Она остановилась посреди комнаты. Люди в комнате оживились. Афродита первой подбежала к столику.

— Дай! — закричала она.

— Подожди, — сказала женщина. — Сначала ты должна сказать мне, сколько будет один и один.

Женщина показала Афродите два пальца.

— Не знаю, не помню, хочу кушать!

— Сначала скажи, — настаивала женщина.

— Я скажу. — Полосков поднялся и подошел к столику. — Это будет два.

— Вот как хорошо, умница! — сказала женщина. — Возьми пирожок. А как тебя зовут?

Полосков жадно жевал пирожок. Паша смотрел на него с состраданием. Полосков потерял свой мундир, он был в брюках, но босиком.

— Я не помню, — сказал Полосков.

— Простите, Паша, — услышал Пашка голос пигмея Хруста. — Я хочу, чтобы вы продиктовали мне имена и род занятий наших больных. Это может быть полезно при лечении.

И Пашка, стараясь не смотреть и не слышать, как женщина учит беспамятных, продиктовал пигмею имена и занятия всех больных . . . Больных ли? Ведь они не знают, что заболели. Они думают, что все в порядке.

— А потом мы учим их работать, — сказала Зарница. — Они могут освоить простые занятия.

— Мы увезем их как можно скорее, — сказал Пашка. — Если это вирус или что-то подобное, наши ученые найдут противоядие.

— Это было бы замечательно! — сказала Зарница. — Если вы сможете привезти это противоядие нам . . .

— Первым делом! — заверил ее Пашка, будто он и был тем ученым, который вот-вот придумает противоядие. — До свидания, — сказал он своим друзьям.

Но никто из них не ответил. Они смотрели на столик с пирожками, им было не до Пашки.

Когда вышли из подвала и остановились под фонарем у экипажа, Пашка отказался идти спать.

— Поймите, — горячился он, — в лесу стоят два космических корабля. Один из них — Гай-до, мы сможем поднять его в воздух, если перенесем на него с «Днепра» контейнер с гравитонами. Так что сейчас о сне думать некогда. Пора в путь.

Сказав так, он вдруг почувствовал, что ноги у него словно ватные.

Зарница ответила, что она очень благодарна Пашке за такое самопожертвование, но не может ему этого разрешить, ведь каждому человеку надо отдыхать.

Особенно после опасных приключений.

Мимо пробежала стайка ребятишек. Они были одеты бедно, но веселы и говорливы. При виде Пашки они остановились как вкопанные. Слух о том, что в городе появился героический мальчик-инопланетянин, уже распространился во все концы.

— Можно получить ваш автограф? — спросила худенькая большеглазая девочка, протягивая Пашке дощечку, покрытую воском, и тонкую палочку.

— Конечно, — сказал Пашка, — пожалуйста.

Он взял палочку и, пока расписывался на твердом скользком воске, увидел, что к нему тянутся еще десять рук с такими же досками.

— Сейчас, — сказал он и почувствовал, что глаза у него закрываются.

— Дети, спать! — сказала Зарница. — Наш гость еще побудет в городе. А сейчас ему надо отдохнуть. Он очень устал, сражаясь с медведями.

Доктор Хруст взял Пашку под руку.

— Мой дорогой друг, — сказал он мягко, — я предлагаю пройти ко мне в дом, это совсем рядом, за углом, и несколько минут поспать.

— Но только несколько минут, не больше, — согласился Пашка.

Он не помнил, как дошел до дома профессора Хруста, как добрался до низкой короткой кровати, и заснул, и проспал десять часов.

25. ПРЕДАТЕЛЬСТВО

Алиса проснулась от того, что ее кто-то позвал.

В комнате царил голубой рассвет. За окном громко пели птицы.

— Алиса! — снова раздался отчаянный крик.

Алиса увидела, как Ирия рывком села на постели.

По лестнице застучали шаги.

Кто это? Бородач? А где Белка?

От сильного удара дверь рухнула внутрь, и комната мгновенно наполнилась вооруженными вкушцами. Несколько кинжалов нацелились в Алису и Ирию. В проrezях лиловых чадр сверкали злобные глаза.

— Вниз! — приказал один из вкушцов. — Быстро!

В саду кишмя кишели вкушецы и подслушники. Они врывались в комнаты, вытаскивали оттуда вещи, что-то искали, перекликались, ломали кусты, из кухни, гремя, вылетали кастрюли и тарелки, под навесом жались толпой пигмеи.

Ирию и Алису потащили вокруг дома. На веранде два вкушеца вязали мудреца Кошмара.

— Я ничего не знаю! — кричал он. — Я ничего не видел. Я ни о чем не спрашиваю. Это мой жизненный принцип.

— Сейчас мы покажем тебе жизненный принцип.

Один из вкушецов выволок из внутренней комнаты сундук и раскрыл его. Он начал выбрасывать оттуда многочисленные вывески и куски бумаги, исчерченные корявыми знаками, — плоды деятельности мудреца.

— Не смейте! — кричал Кошмар. — Это моя мудрость!

Тут Алиса увидела Вери-Мери.

Он стоял в сторонке рядом с толстым вкушецом. Он был возбужден, покрикивал на воинов:

— Ищите! — повторял он. — Она должна быть здесь! Она не могла убежать!

— Так вот как вы держите слово! — сказала Алиса.

— А я ничего от вас не получил, — ответил, улыбаясь, Вери-Мери. — Неужели думаешь, я поверил в ваши обещания? Я сам кому хочешь могу мешок золота обещать.

И он было засмеялся, но тут же его лицо снова собралось в кулачок.

— Ищите! — крикнул он.

Мудреца подтащили к предателю и поставили рядом с Алисой.

— Вы можете подтвердить, что я вас никогда не видел? — спросил он Алису. — Это для меня жизненно важно.

Среди гама и треска ломаемых стульев Алиса услышала тихий голос, который звал ее. Алиса подняла голову: в ветвях большого дерева затаилась Белка.

— Не бойся за меня! Я позову помников, — прошептала она.

Мудрец поднял голову, проследил за взглядом Алисы и спросил:

— А кто там прячется?

— Нет, — сказала Алиса, отводя глаза от дерева. — Вы ее не знаете.

— Вот именно, — сказал Кошмар. — Незнание — высшая форма знания.

Вери-Мери был взбешен. Он бегал по комнатам, но Белку найти не смог.

Наконец вкущецам надоело обыскивать дом, который они уже полностью разграбили. Они повели пленников на улицу. У ворот Алиса в ужасе замерла.

Там поперек дорожки лежал мертвый бородач, рядом с ним повар Моро-Пари. В руке Вепря был зажат меч.

Вери-Мери мстительно сказал Алисе:

— Допрыгались! Сопротивлялись при аресте. Это у нас карается смертью.

Тут же он подбежал к толстому вкущецу, который командовал нападением, и сказал:

— Давайте их пытаться. Сейчас. Они скажут, где она прячется.

— Не вмешивайся в высшие дела правосудия, пигмей, — сказал, напыжившись, вкущец. — Кто ты такой, чтобы направлять наши действия?

— Я стараюсь, — сказал Вери-Мери. — Я сам вас сюда привел. Вы же обещали, что в обмен на преступников я получу рабыню Белку.

— Если ее нет, я не могу тебе помочь, — сказал вкущец. — Ищи ее сам.

Он приказал вести пленников к большой повозке, на которой стояла клетка. Пленников затолкали в клетку. Алиса выглянула наружу — ей показалось, что листва на большом дереве колыхается.

Мудрец дергал Ирию за рукав и повторял:

— Вы обязаны подтвердить, что я не имею отношения к вашим ужасным преступлениям.

— К каким преступлениям?

— Неважно, — сказал мудрец. — Был бы преступник, преступление у нас всегда найдется. А я чист, я в жизни не прочитал ни одного слова.

Повозка со скрипом двинулась по улице. Вери-Мери, злой, нахохленный опухший от бессонной ночи, шагал рядом.

Он крикнул Алисе:

— Хотите остаться живыми, скажите, где Белка!

— Мы с вами даже разговаривать не хотим, — ответила Алиса.

— Вы не представляете, какой ужасной будет ваша гибель. Это хуже, чем смерть. Куда хуже.

На перекрестке повозка и ее охрана остановились. По большой улице шли войска. Ждать пришлось довольно долго.

Зрелище войска, выступающего в поход, было внушительным и в то же время, с точки зрения современного человека, смешным.

Вот верхом на быке, разукрашенном желтыми и черными полосами, видно для того, чтобы больше походить на тигра, едет Червяк Самыйдлинный. Его худые ноги волочатся по земле. За ним нестройной толпой шагают воины с копьями и луками.

Затем шестерка коров тянет катапульту.

Вот и сам Радикулит Грозный. Его несут на золотых носилках восемь воинов. Он сидит в своем любимом зубоврачебном кресле, и собравшиеся вдоль улиц зеваки кричат от восторга, видя такое богатство. За носилками шагают закованные в панцири телохранители, у каждого на плече сидит стервятник. Широким кольцом окружив носилки, семят подслушники, хлопая матерчатыми ушами.

Вот и близнецы Кроты. Они мрачны как тучи, они бледны как смерть. Еще бы! Им приходится выступать в поход верхом на оленях. Бородач не ошибся — единороги исчезли. А может, единороги, жители вольного леса, не хотели воевать?

Топали солдаты горбуна Таракана, пели боевые песни воины госпожи Коси-косиножки, стучали копыта, ревели быки и коровы, развевались флаги и вымпелы. Оркестранты били в барабаны и дудели в деревянные трубы.

Наконец последний солдат миновал перекресток, толпа загудела — внимание зевак переключилось на повозку.

Мальчишки бежали за ней, крича:

— Ура! Сегодня будет казнь!

— Я не теряю надежды, — простонал мудрец, — что это недоразумение разрешится и меня оправдают. В конце концов для казни достаточно и вас, вы как думаете?

Алиса так не думала, поэтому ничего не ответила.

Повозка остановилась возле красного собора.

— Что здесь было раньше? — спросила Алиса у мудреца.

— Когда-то здесь была водокачка, — ответил мудрец.

— А вы откуда знаете? Вы ведь ничего не помните.

— Разумеется, не помню, — согласился мудрец. — И вообще я все путаю.

Клетку с пленниками на веревках втащили внутрь красной водокачки. Там было прохладно, сквозь дыры в крыше проникали утренние лучи солнца. Громко ворковали голуби.

С другой стороны открылась широкая дверь и выехала низкая платформа, на которой стоял резной шкаф. Дверца шкафа приоткрылась, и оттуда высунулась голова в чадре.

— Наконец-то! — раздался радостный голос Клопа Небесного. — Все здесь! И девчонка-акробатка, и дикая женщина, и даже мой старый друг мудрец Кошмар. Я рад приветствовать вас в моем храме!

— Ваше Святое Незнание! — воскликнул мудрец, подползая к прутьям клетки и дергая их. — Это недо-разумение! Я спал и, как всегда, не видел никаких сомнительных снов. И вдруг меня привезли сюда. Я сначала решил, что намечена плодотворная дискуссия с вашим Незнанием по поводу некоторых букв алфавита, но оказалось, что меня обвиняют в укрывательстве опасных преступников. Защитите меня своим могуществом!

— Разумеется, ты, как всегда, ничего не знаешь, — сказал Клоп, откидывая чадру.

— Разумеется, я ничего не знаю!

— Тогда я тебе помогу, — сказал верховный вкушец. — Я сделаю так, чтобы ты совсем ничего не знал.

— Помилуй! — зарыдал мудрец.

— Отнесись к этому философски, — сказал Клоп Небесный. — Это с тобой случается не в первый раз.

— Неужели?

— Ты и этого не помнишь?

— Конечно, не помню, конечно, не помню! — И мудрец горько зарыдал.

В зал, расталкивая вкушечцов, вбежал Вери-Мери.

Хлопнула дверца шкафа — Клоп закрылся, опасаясь покушения. Воины выхватили кинжалы.

Вери-Мери, растрепанный, несчастный, подбежал к шкафу и принялся стучать в дверь.

— Откройте, ваше Неведение! — умолял он. — Это я, ваш верный раб Вери-Мери. — Меня обманули. Мне обещали мешок золота и девушку по имени Белка, но девушку не нашли, а мешок не дали.

Дверца шкафа со скрипом приоткрылась, высунулся нос Клопа — самый длинный нос на планете. И вкушец скрипучим голосом произнес:

— Зачем ты меня испугал, глупый пигмей? Я этого не прощаю.

— Но ведь это нечестно, ваша милость! Мне обещали.

— Разве мы ему что-нибудь обещали? — спросил Клоп.

— Ничего подобного, — ответил толстый вкушец, который командовал нападением на дом мудреца. — Мы приняли его донос с благодарностью.

— Благодарность — это лишнее. Великие вкушецы никогда никого не благодарят. Все остальные должны быть нам благодарны за то, что еще живы и что-то помнят. Полагаю, что пигмей Вери-Мери совершил преступление, оклеветав нас, честных вкушецов, — сказал Клоп Небесный.

— А что? — задумался толстый вкушец. — Вы, как всегда, правы, наш мудрейший. Пожалуй, Вери-Мери надо арестовать.

Может, все бы обошлось, если бы пигмей не пришел в ярость.

— Как так! — закричал он. — Я всю жизнь верой-правдой служу вам, я сделал для вас столько подлостей и совершил столько предательств, а вместо благодарности вы пытаетесь меня одурачить? Нет, хватит! Я ухожу. Поищите себе другого предателя. Вы ко мне еще придете, вы еще попросите...

Он повернулся и пошел прочь из собора.

— Это слишком, я этого не потерплю! — рассердился Клоп. — Он меня пугает, он мне угрожает, он вымогает у нас деньги. Взять его!

В мгновение ока вкушецы набросились на визжащего пигмея и поволокли его в клетку.

Хоть Алисино положение было несладким, она не могла скрыть удовольствия от того, как наказано предательство.

Пигмей сел на пол клетки, закрыл лицо руками и стал отчаянно ругаться сквозь зубы. В соборе было тихо. Все вкушецы слышали, как ругается пигмей.

— Пожалуй, состав преступления налицо, — сказал толстый вкушец. — Неприличные выражения в храме, попытка покушения на Клопа Небесного и гнусное вымогательство.

— Тогда начнем суд с него, — сказал Клоп.

— Согласен.

Воины вынесли длинную скамью, которую поставили рядом со шкафом. Несколько вкушецов уселись на нее, а толстяк, подняв колокольчик, что висел у него на груди, потряс им. Раздался мелодичный звон.

— Начинаем высший и справедливый суд! — воскликнул толстый вкушец.

— Начинай! — сказал Клоп, высовываясь из шкафа.

— Перед нами предстал известный негодяй и платный предатель пигмей Вери-Мери, — сказал толстяк. — Он не только выдал нам сотни людей...

— Большой частью невинных — добавил Клоп Небесный, — о чем мы скорбим...

— Он к тому же помогал бандитам, неоднократно судимым кровожадным Кротам, ловить и продавать в рабство собственных единоплеменников.

— Позор! — крикнул кто-то из вкушецов.

— Сегодня же он, презрев все правила приличия, ужасно вел себя в нашем присутствии. Может ли быть снисхождение к такому мерзавцу?

— Нет, не может! — откликнулись вкушецы.

— К чему мы его приговариваем? — спросил толстяк.

— К беспамятству! — отозвались вкушецы, сидевшие на скамье.

— Погоди, — вмешался Клоп. — Может быть, мы его помилуем? В прошлом он сделал для нас немало полезного.

— Помилуйте! — закричал Вери-Мери, который осознал, что ему грозит.

— Мы отпустим его на свободу, — продолжал Клоп, — если он передаст нам нечестно нажитое богатство.

— Нет, только не это! — завопил Вери-Мери.

— Тогда нам не остается ничего иного...

— Приговаривается, — сказал толстяк, — преступник и изверг Вери-Мери...

— Согласен, согласен! — закричал пигмей.

— Тогда сообщи, где хранишь свои богатства, —

произнес толстый жрец, который ждал такого исхода дела.

— Я скажу! Мое золото лежит под полом в большой комнате моего дома. Надо открыть вторую от двери половицу.

— Там все твое золото?

— Да, я клянусь!

— Оставайся в клетке, — сказал Клоп Небесный, — пока мои люди не принесут золото. Тогда мы тебя отпустим.

— Переходим к следующим преступникам, — объявил толстый жрец. — Вернее, к преступницам. Прибыли к нам неизвестно откуда, вели себя безобразно. Есть подозрение, что они умеют читать и потому служат подглядчицами помников.

— Девчонку помилуем, — сказал из щели Клоп. — Дикую бабу — в яму!

— Почему? — удивился толстяк, который не знал, что Алиса — акробатка. — Зачем миловать девчонку?

— Потому что она будет улаживать наш взор, — ответил Клоп. — Девочка, покажи нам, как ты умеешь прыгать.

— Я покажу, — сказала Алиса, — если вы не будете кидать в яму Ирию.

— Я удивлен, — вздохнул Клоп и прикрыл дверь. Все молчали. Ждали.

Минуты через две дверь раскрылась, и нос жреца высунулся наружу.

— Я решил, — сказал он, — остаться без развлечений. Казним обеих.

Толстый вкушец позвонил в колокольчик, и судьи хором воскликнули:

— Решено! Решено! Решено!

Алиса поглядела на Ирию.

— Не сердись, — сказала она.

— Что я могу сказать? — грустно ответила Ирия. — Конечно, ты поступила неразумно. Но я бы на твоём месте сделала то же самое.

И она улыбнулась Алисе.

— Дело последнее! — сказал толстый жрец. — Мудрец Кошмар, известный нам по прежним процессам и уже не единожды приговоренный. Судится за укрывательство опасных преступников, за подозрение в том, что научился читать, и за сопротивление при аресте.

— Возражаю! — закричал мудрец. — Я не сопротивлялся.

— Думаю, что выражу общее мнение, — сказал толстяк, — если скажу — в яму его!

— В яму, — согласился Клоп Небесный. — С конфискацией имущества. А где имущество?

— Уже конфисковано, ваше Незнание!

— Тогда можно казнить.

Воины повезли шкаф с Клопом к выходу. Остальные тоже потянулись к дверям.

— Когда казнить будете? — крикнул вслед вкушецам мудрец.

— Подождем, пока привезут золото пигмея, тогда и казним. Мы не задержимся.

— Ой! — рыдал пигмей. — Лишиться всего — и любви, и богатства, и репутации! И все вы виноваты! Не будь вас, жил бы спокойно!

Он с ненавистью смотрел на Алису и Ирию.

— Никто не просил нас предавать, — сказала Алиса. — Вы платите за собственную подлость.

— Что ты понимаешь, девчонка! Что ты можешь понять в душе бедного пигмея, который только своим умом и талантами смог столь многого добиться в жизни. Ты ничего не нажила, ты ничего не потеряешь. Я же теряю все!

Пигмей упал на пол и замер.

В водокачке было тихо, только под крышей ворковали голуби. Мудрец сидел прямо, шевелил губами, словно читал стихи.

«Ну почему не прилетает Пашка? — думала Алиса. — Ведь нас хотят казнить!»

— Яма забвения, — шептал мудрец. — Яма забвения... Снова эта проклятая яма забвения!

26. ГАЙ-ДО ДОЖДАЛСЯ

Проснувшись, Пашка некоторое время лежал, соображая, где он. Ему казалось, что он поспал совсем немного, полчаса, ну, час, не больше. В комнате было полутемно, за дверью разговаривали шепотом — берегли его сон.

Пашка вскочил, осторожно приоткрыл дверь и загля-

нул в щелку. Пигмей Хруст, похожий на мальчика, напялившего кожаную куртку и кожаные штаны, о чем-то спорил со своей женой, обыкновенной женщиной, которая хоть и была небольшого роста, но на голову возвышалась над ним.

— Никуда ты не пойдешь, — шептала она. — Тебе уже много лет. Пускай по лесам шастают молодые. Ты нужен здесь.

— Тобой движет не забота о науке, о нашем Убежище, в конце концов, — горячился пигмей, — а лишь эгоистические интересы!

— Назови мои эгоистические интересы!

— Мое здоровье!

— Это не мой эгоистический интерес, а твой. Ты думаешь, что здоровье принадлежит только тебе. А оно принадлежит мне и нашим детям. Вот сейчас я их позову, они начнут рыдать, тогда посмотрим.

— Замолчи! Ты разбудишь нашего гостя!

— Его из пушки не разбудишь! — ответила жена пигмея. — Как раз он-то и бережет свое здоровье. Спит уже десять часов, а весь город ходит на цыпочках.

— Как так десять часов! — воскликнул Пашка так громко, что супруги Хрусты разлетелись от его голоса в разные стороны. — Этого не может быть! Вы что, забыли, что Алиска с Ирией в плену? Почему меня никто не разбудил?

— Молодой человек, — ответил Хруст, придя в себя, — сначала я хотел бы познакомить вас с моей супругой.

— Очень приятно... Но...

— А во-вторых, должен заявить с полной ответственностью: ваш отдых не нарушил наших планов. Всю ночь шла подготовка к походу в лес, в которой ваше участие не требовалось.

Профессор Хруст всегда помнил, какого он маленького роста, и потому говорил очень торжественно.

— Вы меня жалеете, да? Но мне не нужна жалость!

— Я клянусь вам, Паша, что нам тотчас же сообщат, как только все будет готово. Пока что у нас есть время позавтракать. Дорогая, завтрак готов?

— Готов, — мрачно ответила его жена. Но при Пашке спорить с мужем она не решалась.

— Пейте молоко, оно свежее, — сказал Хруст. — У нас в городе большое стадо коров. И хлеб мы печем.

— А сахар? — спросил Пашка.

— В этом нам потребуется ваша помощь, — сказал Хруст. — Нам очень нужны семена сахарной свеклы. Здесь мы их не нашли. Когда прилетите в следующий раз, захватите, пожалуйста.

— Обязательно, — пообещал Пашка.

Он чувствовал себя бодрым и готовым к подвигам. «Пожалуй, хорошо, что я выспался, — подумал он. — Теперь можно выходить. Чего же они медлят?»

Завтракая, Пашка разглядывал комнату. Кроме стола и табуреток в ней было несколько полок. Только стояли на них не книжки, а старые предметы. Как в запаснике музея.

— Книг мы в домах не держим, — сказал Хруст, разгадав взгляд Пашки. — Слишком большая ценность. Но когда наберется много книг, они будут в каждом доме.

— А это что? — спросил Пашка. — Музей?

— Это — загадки, мой друг, — ответил Хруст. — Каждый день при раскопках, а то и просто в развалинах нам попадаются загадочные вещи. Мы не знаем их значения. Мы стараемся разгадать, что это могло значить, как это употреблялось нашими предками. Иногда случаются замечательные открытия, которые сразу на несколько лет вперед двигают нашу цивилизацию. Как рассказывают, наш первый учитель, глядя на сломанные карманные часы, изобрел колесо.

— Изобрел? — Пашка не понял.

— Конечно, изобрел, — сказала жена пигмея. — В первые годы даже этого никто не знал.

Не выпуская из руки кружки с молоком, Пашка поднялся и подошел к полкам. Предметы, что лежали там, были поломаны, некоторые заржавели, от других остались только детали.

— Во многих наших домах, — услышал он голос Хруста, — есть такие полки. Надо все время смотреть на вещи, и тогда тебя может озарить...

— Я знаю, что это такое! — сказал Пашка, подняв небольшой ржавый металлический конус, днище которого было усеяно мелкими отверстиями.

— Скажи, скажи! — воскликнул Хруст. — Я бьюсь над этой проблемой уже третий год!

— Это наконечник от садовой лейки, — сказал Паш-

ка. — Если соединить его трубкой с ведром, то можно разбить струю воды на много струек и поливать овощи.

— Гениально! — воскликнул Хруст. — Искусственный дождь! Спасибо, Павел Гераскин! Не хотел ли бы ты вернуться к нам консультантом по загадочным предметам?

— Я постараюсь, только на каникулах, сейчас мне в школу надо возвращаться.

— Похвально, — сказала строгая жена Хруста, — что у некоторых людей еще сохранилось чувство ответственности.

В комнату заглянула Зарница.

— Доброе утро, — сказала она. — Вы уже встали?

— Я готов, — ответил Пашка.

Зарница положила на табуретку мешок.

— Здесь одежда для путешествия по лесу, — сказала она. — Твой костюм уже совсем изорвался.

Пашка убежал в маленькую комнату и там быстро переоделся.

Помники все подобрали по размеру. И кожаную куртку, и штаны. Только башмаки Пашка переодевать не стал. Его собственные еще были крепкими.

— Ну вот ты и настоящий помник, — сказала Зарница, увидев его. — Пошли?

Пашка поблагодарил госпожу Хруст за завтрак, и они вышли на улицу.

На улице прямо на мостовой сидело человек двадцать молодых помников. Некоторые дремали, другие читали или писали что-то на восковых дощечках. В сторонке по земле прогуливались две белые птицы, тихо беседуя о чем-то. И с первого же взгляда было ясно, что они давно ждут сонливого инопланетянина.

— Так я и знал! — возмутился Пашка. — Мы потеряли время из-за вашей ненужной деликатности.

— Вы вчера так устали, — смутилась Зарница.

— Это не довод!

— Но вы — наш гость, — сказал Хруст. — И еще очень молоды.

— Хорошо, я принимаю ваши извинения, — сказал Пашка. — Но прошу, чтобы это было в последний раз. Пора в путь.

— Паша, — сказала Зарница. — Мы хотели рассказать, как мы планируем поход. Конечно, лучше было бы

всем полететь на птицах, но здоровых птиц в городе всего две.

— А как себя чувствует Альта? — спросил Пашка.

— Ей лучше, — сказала Алина. — Но она еще долго не сможет летать.

— Вот карта нашего леса, — продолжала Зарница, расстилая прямо на мостовой большую, грубо нарисованную карту. — Ты можешь показать, в каком месте вы вышли к реке?

— Разумеется, — ответил Пашка. — Мы вышли там, где стоит дом перевозчика, в котором живет ваша подглядчица Речка.

— Это какая Речка? — спросила Хруст Зарницу.

— Сестра Ручейка, — ответила Зарница. — Моя ученица.

И она указала на точку на берегу реки, где маленький черный квадратик изображал хижину перевозчика.

— Мы вышли под прямым углом к реке, — сказал Пашка. — А шли примерно два часа. Следовательно... — Пашка провел линию в глубь леса. — Какой у вас масштаб?

— Один к десяти тысячам, — сказал Хруст.

— Значит, примерно здесь. — Пашка показал точку в лесу и ногтем отчеркнул крестик.

— Вы правы, — сказала Зарница. — Беспамятные космонавты были найдены нами вот здесь... — И она показала на точку километрах в трех от места падения «Днепра».

— Отсюда, — сказала птица Алина, которая подошла к карте и заглядывала поверх голов, — лететь три дня, не меньше.

— Три дня? — удивился Пашка.

Хруст улыбнулся.

— Не слушайте, Паша, наша уважаемая Алина, к сожалению, не умеет считать.

— Мне это не нужно, — сказала птица. — За меня считают другие.

— Значит, план таков, — сказала Зарница. — Паша Гераскин и Хруст летят на птицах туда, где должны быть корабли. Как только они их находят, Хруст возвращается к основной группе, которая тем временем движется в этом же направлении.

— А контейнер с топливом, о котором вы говорили, он тяжелый? — спросил Копье. — Сколько он весит?

— Честно говоря, — смутился Пашка, — я не знаю. И как его переносить тоже не знаю. Но мы спросим Гай-до. Это наш маленький корабль. Он все расскажет.

— Корабль расскажет? — удивился Хруст.

— Он разумный, — ответил Пашка.

— Корабли не бывают разумными, — сказала птица Алина.

И Пашка не стал с ней спорить.

— Все равно надо брать повозку, она может понадобиться, — сказала Зарница.

Повозка — широкая телега на деревянных колесах, запряженная двумя быками, — стояла за углом.

Молодой помник вскочил на облучок и крикнул быкам:

— Трогай!

Остальные пошли следом за телегой. Копье остался с Пашкой и Зарницей.

— Держи, — сказал он, протягивая Пашке большой кинжал в кожаных ножнах.

— Спасибо, — обрадовался Пашка, который любил ходить по диким планетам вооруженным. Он прикрепил кинжал к поясу.

— Увидимся, — улыбнулся Копье, поправляя на плече большой лук.

— Счастливого пути, — сказала Зарница.

Птицы подошли поближе и присели, чтобы Пашка и Хруст могли на них влезть.

— Хорошо сидишь? — спросила Пашку Алина.

— Хорошо, — ответил Пашка.

И она, легко разбежавшись, взмыла в небо.

Город уходил вниз. Вот улица, по которой за повозкой, запряженной быками, бредет группа помников. Вон там стайкой бегут в школу дети, вон начали трудиться археологи. Но больше всего народу на валу, они готовятся к бою с поклонами.

«Хорошо, что я прилетел, — подумал Пашка. — Теперь помников никто не застанет врасплох».

Птица, которая несла Хруста, летела совсем рядом и переговаривалась с Алиной о том, какие ягоды созрели в какой-то роще, о том, что у Альты маховые перья линяют...

— Ваша жена так волнуется о вас! — крикнул Пашка Хрусту.

— Что поделаешь? — ответил пигмей. — В наши дни мужчина должен рисковать. А кто, кроме меня, полетит с вами!

— А разве другие не летают?

— Глупый, — сказала Алина. — Мы же тоже не железные. Мы взрослых не возим, надорвемся. Тебя или Хруста — пожалуйста, а уж Ручейка мне не поднять, только Альта может, она самая сильная.

— Нас мало осталось, — сказала вторая птица. — Нас надо беречь.

— Скажите, пожалуйста, — спросил Пашка, — а почему вы не летаете в столицу? Ведь это бы ускорило связь?

— Глупости, — сказала Алина. — Я никогда туда не полечу.

— Ее лучший друг, Алон, погиб возле столицы, — сказала вторая птица. — И попрошу вас не задавать больше горьких вопросов.

Птицы замолчали.

А Хруст сказал:

— Столицу охраняют прирученные стервятники. Нашим птицам там нельзя появляться.

— Не надо, не надо о печальном! — воскликнула Алина.

Под ними уже тянулся сплошной лес. Справа, вдалеке, была видна полоса реки. Пашке показалось, что он увидел над деревьями холм и на нем башню обсерватории. Но, может, он ошибся.

Впереди что-то блеснуло.

— Смотрите! — воскликнул Пашка. — Это «Днепр»?

И в самом деле, внизу, в переплетении поваленных деревьев и разорванных лиан, лежал громадный космический корабль.

— Ура! — закричал Хруст. — А я, честно говоря, сомневался...

— Вы не верили?

— В чудо трудно поверить, — отозвался Хруст.

— Теперь медленнее! Не пропустить бы, — сказал Пашка. — Там должна быть поляна...

Вот и поляна. Посреди нее стоит любимый, дорогой, покинутый, одинокий Гай-до.

— Гай-до, друг! — закричал Пашка. — Я к тебе прилетел!

И услышал снизу громкий голос корабля:

— Пашка! Какое счастье! Я чуть не умер от тоски и беспокойства.

Конечно, космические корабли не умирают от тоски и беспокойства, но Пашка понимал чувства кораблика.

— Снижаться? — спросила Алина.

— Конечно, и скорей. Мой друг ждет нас.

— Это кто ваш друг? — спросила птица. — Это железное яйцо — ваш друг?

— Конечно. И он может летать быстрее вас и выше вас, даже к звездам.

— Железные яйца не летают, — категорически ответила Алина.

Они опустились на поляну неподалеку от Гай-до, и обе птицы, как только люди сошли с них, отлетели на почтительное расстояние.

Обернувшись на их кудахтанье, Пашка понял, что причиной испуга птиц был не сам Гай-до, а громадная драконья голова, что лежала на траве в метре от Гай-до. Пасть была разинута, из нее торчали желтые кинжалы зубов, красные глаза остекленели.

Вместо того чтобы вбежать в корабль и рассказать ему, как он соскучился, Пашка изумленно спросил:

— Это еще что такое?

— Прости, — смущенно ответил кораблик. — Я понимаю, что с точки зрения экологии я совершил непростительную ошибку. Назовем ее даже преступлением. Но я, как ты понимаешь, совершенно неподвижен и не могу гоняться за драконами. Пожалуйста, сформулируй мое преступление как превышение пределов разумной обороны...

— Что ты несешь, Гай-до! — прервал его Пашка. — Мне совершенно не жалко здешних драконов.

— И нам не жалко, — ответил профессор Хруст, — слишком много их развелось в лесу. Житья от них нет!

— Как тебе удалось отрубить ему голову? — удивился Пашка.

— Понимаешь, когда эта тварь вылезла из леса и стала обдавать меня вонючим огнем из всех трех голов, шатать и бить когтями, я долго терпел. Я ему объяснял на всех известных мне языках, что несъедобен. Обычно драконы на меня не нападают, потому что об меня только зубы обломаешь... Можешь поверить, что я ста-

рался быть рассудительным. Но когда он совсем обнаглел и попытался прогрызть мой корпус, мне пришлось выпустить манипуляторы и придержать его голову. И вдруг — ты не поверишь! — он отбросил ту голову, которую я держал, и удрал в лес!

— Голову?

— Ничего удивительного, уважаемый Паша, — сказал профессор Хруст. — Некоторые ящерицы отбрасывают хвост. А драконы умеют в минуту опасности отбросить голову. Иногда рыцари устраивают ловушки на драконов, а когда дракон попадет в ловушку и отбросит голову, рыцарь возвращается в свой замок и рассказывает, что он эту голову отрубил. Хотя на самом деле ни одному рыцарю не удалось еще победить дракона.

— Вы очень подробно все объяснили, маленький человек, — сказал Гай-до. — Я вижу в вашем лице представителя местной науки. Вы сняли с меня моральную тяжесть и потому разрешите мне поблагодарить вас за внушительный вклад в космическую драконологию.

— Ну что вы, — смутился профессор. — Я драконами не занимаюсь. Мой профиль — домашний скот.

— Тем более меня поражает широта ваших познаний. Я буду рад познакомиться с вами. Меня зовут Гай-до.

— Профессор Хруст. Родом из пигмеев, — ответил карлик. — Я рад встретить столь образованный корабль.

Пашка понял, что Гай-до и Хруст могут хвалить друг друга до вечера. А времени нет.

— Послушай, Гай-до, — прервал их разговор Пашка, — нам надо спешить...

— Я понимаю твое нетерпение, Паша, — ответил кораблик. — Но вежливость отличает воспитанное существо от нецивилизованного. Надеюсь, ты не захочешь погубить мою репутацию?

Даже птицы, которые все еще жались к кустам, удивленно распахнули клювы, слушая такой изысканный монолог.

— Если на вашей планете такие корабли, — сказал профессор Хруст, — то теперь я понимаю, откуда получают такие герои, как вы, Павел Гераскин.

— Что ты натворил? — обеспокоенно спросил Гай-до. — Рассказывай!

— Некогда рассказывать! Нам надо как можно ско-

рей поднять тебя в воздух. Ирия и Алиса в плену, все остальные потеряли память!

— Так я и знал! — возопил кораблик. — Ни на минуту вас нельзя оставить одних! Скорей летим!

— Сначала надо тебя заправить, — ответил Пашка. — Скажи, контейнеры с гравитонами очень тяжелые?

— Запасные контейнеры с гравитонами очень невелики. Не более полуметра в поперечнике, включая защитную оболочку. Но вес их... — Гай-до на секунду замолчал, заглядывая в свой компьютер. — Вес их триста двадцать килограммов. Мне достаточно одного контейнера.

— Триста двадцать — это много? — спросил Хруст.

— С чем бы сравнить? Это восемь раз мой вес, — ответил Пашка.

— Не так много, — сказал Хруст. — От корабля «Днепр» до этой поляны примерно тысяча шагов. Можно отнести контейнеры на носилках. Десять юношей донесут?

— Конечно, — сказал Пашка.

— Тогда я немедленно лечу навстречу нашим друзьям. Часа через два они будут здесь. Но как найти этот... контейнер?

— Летите, профессор, — сказал Пашка. — А мне оставьте Алину. Мы с ней подлетим к «Днепру» и там будем вас ждать.

— Отлично! — сказал профессор Хруст. — Люблю деловых людей. Я сам деловой человек.

— А я тогда пока слетаю позавтракать, — сказала Алина. — Здесь недалеко я видела отличные ореховые кусты. Тем более что мне не хочется проводить время в обществе драконьих голов и железных яиц, которые называют себя летающими кораблями. Хотя вряд ли они умеют летать.

Алина презрительно фыркнула и взлетела.

Пашка с Гай-до остались одни.

— Заходи в меня, — сказал Гай-до, — на тебе лица нет.

Пашка не заставил себя долго просить. Он взобрался в гостеприимно раскрытый люк своего друга. Внутри все было по-старому, даже запах сохранился: запах ванили, молока и детской присыпки. Ведь совсем недавно здесь стояла кровать Вандочки. Вот и объем-

ная фотография девочки — сейчас засмеется. И Пашке стало грустно, когда он подумал, что отец этой девочки потерял разум, а мать сидит закованная в кандалы в неизвестном подвале.

— Открывай холодильник, — сказал Гай-до, — там твои любимые сосиски. Соскучился, наверное, по домашней пище. А я пока плиту в камбузе включу. Ты не спеши рассказывать, ты все обдумай, ты меня не пугай, но только правду говори...

Голос Гай-до оборвался.

Пашка понял, как переживает кораблик и как старается держать себя в руках.

«Он же не знает, в каком я состоянии, — думал Пашка, — может быть, я потеряю сознание от страха и отчаяния, а может, у меня полное душевное опустошение. Сейчас он предложит мне провести медицинское обследование».

Только Пашка открыл холодильник и достал оттуда сосиски, как услышал голос Гай-до:

— Пашенька, у тебя не будет свободной минутки? Мне так хотелось проверить, не барахлит ли диагност? Это займет всего несколько минут...

— Не хитри, Гай-до, — сказал Пашка, проходя в камбуз и бросая сосиски в закипевшую воду. — Не волнуйся за меня. Я в норме, нервы в порядке, чувствую себя отлично. Давай я лучше расскажу тебе о наших злоключениях.

Пашка рассказывал долго, Гай-до не прерывал его, лишь иногда вздыхал или ахал. Он все принимал близко к сердцу и очень огорчился, что стоял в лесу, когда его друзья подвергались таким страшным опасностям.

Пашка за время рассказа съел полкило сосисок, выпил литр ананасового сока и сожрал коробку сладкого печенья. Но сам этого даже не заметил. Наконец его рассказ подошел к концу.

— Должен тебе сказать, что я тоже не терял времени даром, — заявил Гай-до, когда Пашка закончил свой рассказ.

— Сражался с драконами?

— Сражения с драконами заняли лишь полпроцента моего времени, — серьезно ответил кораблик. — Кроме того, мне пришлось отразить нашествие метровых му-

равьев, нападение ядовитых улиток и наскок коррозионных микробов, которые хотели превратить меня в ржавчину. Но главное — я думал. И теперь, когда ты мне все рассказал, мне стала абсолютно ясной причина болезни наших с тобой друзей.

— Ты догадался?!

— Да... Разумеется, это потребовало некоторой изобретательности и серьезных размышлений. Ты помнишь, как на высоте восьми километров от планеты мы брали образцы заборного воздуха, подлетая к Крине?

— Помню.

— Что-то почти неуловимое в анализах мне тогда не понравилось. Должен тебе сказать, что интуиция меня не обманула, и я недаром окружил себя силовым полем. Смею думать, что это дало нам возможность спокойно сесть на Крину. Пока я сидел и ждал вас в лесу, я размышлял над этим происшествием. И в результате решил провести небольшой эксперимент. С помощью манипулятора я поймал двух мышей и поместил их в маленький несложный лабиринтик, выход из которого мыши легко находили. Но стоило мне заполнить эту мышеловку воздушной пробой, взятой нами на восьмикилометровой высоте, как мыши стали метаться и уже не могли выйти из лабиринта, они напрочь забыли, где находится выход. Значит, рассуждал я, там, в атмосфере, на этой высоте существует некая субстанция, которая заставляет живые существа терять память. Это не вирусы. Это даже не газ — газу не проникнуть в корабль. Это разновидность биологического поля. И оно, словно пелена, окутывает планету на высоте восьми километров.

— Значит, экипаж «Днепра» попал под действие такого поля и потерял память?

— Именно так!

— А на планете никто не знает, что существует такой слой. Они уже двести пятьдесят лет никуда не летают. Но зато у них есть какие-то колодцы и провалы, попадая в которые человек становится бе-пе — беспмятным.

— Молодец! — воскликнул Гай-до. — Между колодцами и слоем есть связь. Я измерил движение слоя и подсчитал, что он постепенно поднимается над планетой. Ровно двести пятьдесят лет тому назад он вплотную прилегал к поверхности Крины. Понял?

— Начинаю понимать! — сказал Пашка.

— А допусти, — воскликнул Гай-до, — что двести пятьдесят лет назад планету окутало поле беспамятства! И люди мгновенно все забыли. Тогда ты можешь объяснить, почему они до сих пор, за исключением кучки упрямых помников, не умеют читать. Ты же сам говорил, что какой-то их учитель изобрел колесо! Представляешь, как все забыто! Поэтому их так мало на планете. Ведь люди без памяти легко погибают, как погиб наш бедный Меркурий.

— Это великое открытие! — воскликнул Пашка. — Ты гений, Гай-до!

— Я давно об этом подозревал, — ответил кораблик скромно. — Кстати, Пашка, ты тоже молодец. И с ракетами ты великолепно придумал.

Собеседники были довольны друг другом.

Послышался стук в стенку корабля.

— Там птица, — сказал Гай-до, — твоя голубоглазая глупая птица, которая полагает, что я не умею летать. Она тебя зовет.

— Значит, мне пора лететь. Помники уже подходят к «Днепру».

— Тогда слушай, как пробраться в резервный топливный отсек и извлечь контейнер...

Через десять минут Пашка подлетал к «Днепру». Как раз в это время, запыхавшиеся и измученные, из леса вышли помники. Пашка провел их в «Днепр», поразивший помников своими размерами и техническим могуществом. Общими усилиями они вытащили наружу контейнер, и еще через полчаса Гай-до мог сказать:

— Я готов к полету. Прошу всех желающих на борт.

Разумеется, все помники забрались внутрь Гай-до, стало ужасно тесно, но было очень весело. Гай-до, за те несколько минут, что занял полет до города, развлекал гостей как мог, показывал им фильм о Земле, напоил с Пашкиной помощью ананасовым соком, сделал для них мороженое и успел поговорить на научные темы с доктором Хрустом. Пашка слушал их разговор краем уха, но уловил забавную фразу Гай-до, которая позволила ему заглянуть в душу корабля.

— Вы невелики ростом, — сказал Гай-до, — по человеческим меркам.

— Да, к сожалению, это так, — вздохнул Хруст. — Даже жена выше меня.

— А я невелик по корабельным меркам. Ах, сколько мне приходится выслушивать обидных слов от роботов и диспетчеров! А я ничем не хуже громоздкого дурака, вроде этого «Днепра». А вы, наверное, не глупее местного короля.

— С королем не сталкивался, — сказал профессор, — но отлично вас понимаю.

— Нам, маленьким, надо держаться друг друга.

— О, как я вас понимаю! — воскликнул профессор.

Птицы летели над Гай-до, постепенно отставая, хоть изо всех сил работали крыльями, — им не хотелось признавать, что с того момента, как на Крине появилось это железное яйцо, они перестают быть самыми быстрыми существами на планете. Они прилетели уже после того, как Гай-до, к изумлению жителей Убежища, опустил на площади перед Главным домом.

Зарница предложила послать вместе с Гай-до в столицу нескольких молодых стрелков. Но Гай-до отказался. Он знал, что каждый защитник в Убежище на вес золота.

— Спасибо, — сказал он. — Мы с Пашкой вдвоем справимся. У нас есть опыт.

27. КАЗНЬ ЗАБВЕНИЯ

Видно, времени прошло немного. Может, час, может, чуть больше. Алиса так устала, что ей уже было все равно. Нет, она не собиралась умирать. Страна эта, хоть и страшная, все равно казалась сном, сказкой. Ей было жалко бородача и веселого повара, но непонятно, существовали ли они или приснились... Рядом бормотал мудрец, и конец его бороды лежал, завившись белым червем, на грязном полу клетки. Скорей бы уж все это кончилось!

Вошли четыре вкушеца, встали по сторонам дверей, как почетный караул. Клетка дрогнула, сзади ее толкали слуги. Дребезжа и раскачиваясь, клетка выехала в дверь и оказалась на площади. Площадь была залита солнечным светом, по яркому голубому небу плыли легкие облака. Внизу было видно бескрайнее море.

Вокруг площади стояли толпы народа. Удивительные люди, беспамятные, готовые к любому развлечению. Вчера они бежали на невольничий рынок, на рассвете провожали войска, сейчас собрались глазеть на казнь.

Под крики толпы клетку подтащили к низкой балюстраде — каменному кольцу шириной метра в три, окружавшему колодец или вход в шахту. Над колодцем, упираясь многометровыми лапами в кольцо, поднимался треножник, к которому была подвешена небольшая платформа со столбом в центре. Справа, неподалеку от кольца, была трибуна, на которой возвышался большой куб, накрытый черным полотнищем с намалеванным человеческим лицом, с повязкой на глазах, завязанным ртом и заткнутыми ушами.

По сторонам этого сооружения стояли в два ряда вкушецы.

— Смотри-ка, — сказал Вери-Мери, — какой большой сбор ради вас. Обычно попроще это бывает.

— А что это? — спросила Ирия.

— Как что? Казнь.

— Людей кидают в шахту? — спросила Ирия.

— Нет, не кидают, — засмеялся Вери-Мери, — а опускают и поднимают. У вас что, не так?

— Не так.

— А я думал, что везде, где есть вкушецы, они так казнят.

— У нас нет вкушецов.

— Так я и знал! Ведьмин корень, вот ты кто! — сказал пигмей и постарался отодвинуться. Хотя как отодвнешься в клетке в два квадратных метра.

Алисе казалось, что все это происходит не с ней, с другим человеком, а она смотрит кино. Даже не очень страшное.

Вкушецы были в лиловых тогах, глаза сверкали сквозь отверстия в чадрах. Толстый вкушец вышел вперед, стукнул золотым посохом о помост и воскликнул:

— Начинается главная казнь этого года! Великая казнь, посвященная началу победоносного похода нашего славного воинства против логовища помников!

Народ на площади зашумел, некоторые хлопали в ладоши. Другие молчали.

— Командует казнью специально прибывший для этого в столицу великий Клоп Небесный, Гроза разума.

И при этих словах вкушецы стащили полотнище с куба, и под ним обнаружился уже знакомый Алисе шкаф.

Дверцы шкафа распахнулись, и оттуда вышел Клоп Небесный.

Народ на площади пал ниц.

И было из-за чего. На Клопе была высокая, золотая, в драгоценных камнях тиара, а одежды усыпаны драгоценностями. Он был без чадры, но в черных очках.

— Эти жертвы, — сказал Клоп, — мы приносим на алтарь победителей. Пусть они укажут путь в неведение всем помникам, которых вы скоро увидите на этой площади.

Затем Клоп Небесный обернулся к своему толстому помощнику:

— Кто у нас первый? — спросил он. — Начинай.

С этими словами он отступил назад, встал в шкаф и прикрыл дверцу.

— Первым будет казнен закоренелый помник, скрывающийся под видом благородного мудреца. Это не мудрец, а подколотный зайчик, ядовитый соловей, пожиратель трупов — колибри!

— Не надо! — закричал мудрец. — Друзья мои, коллеги, подтвердите, что я не умею читать, что я в жизни книги в руках не держал!

Мудрец кричал, обращаясь к небольшой группе мудрецов в высоких цилиндрах и черных траурных одеяниях, которые стояли в толпе.

— Освободите его! — крикнул из толпы второй мудрец. — Он не виноват.

— Если он не виноват, — сказал толстый вкушец, — тогда ему бояться нечего. Он ничего не знал и ничего знать не будет. Разве не в этом высшая мудрость мудрецов?

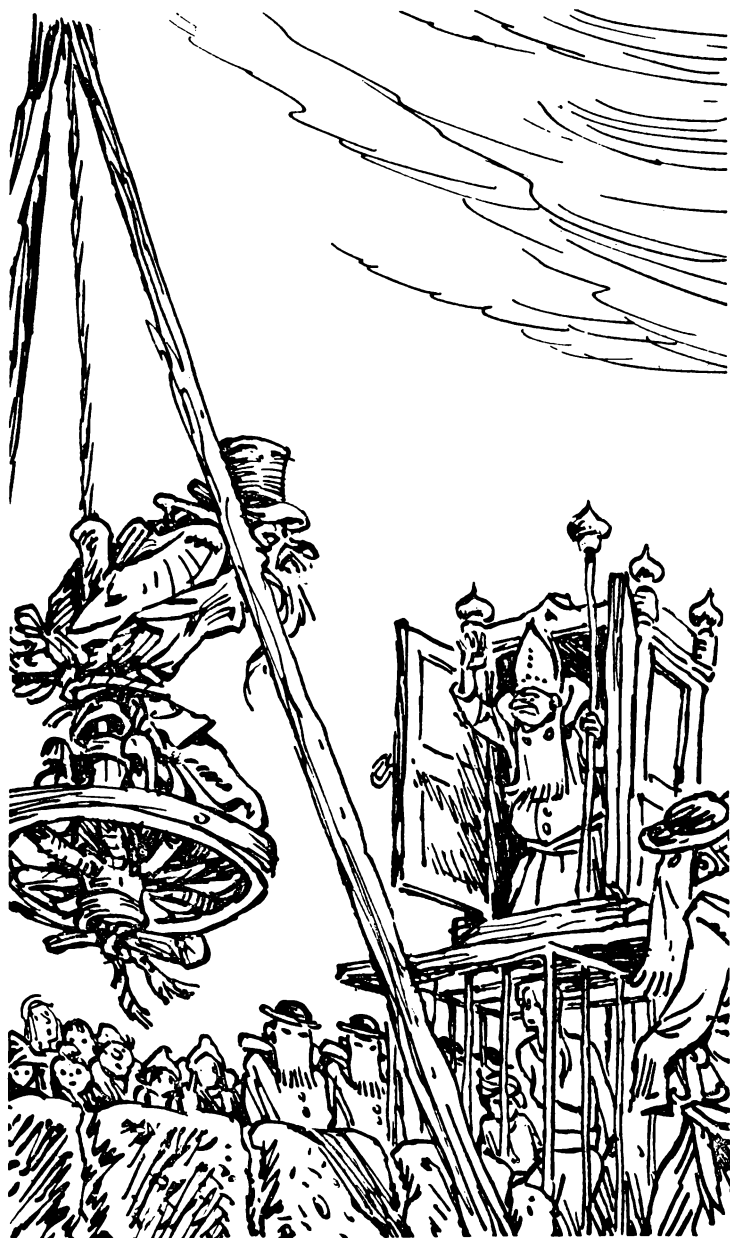
— Но жизненный опыт! Вы забыли о жизненном опыте Кошмара!

— Снова наберет, — отмахнулся от защитников жрец.

— Странная казнь, — сказала Алиса Ирии.

— Я тоже ничего не понимаю.

Вкушецы распахнули дверь клетки, ловко подхватили визжащего мудреца и поволокли его к колодцу. Платформа на треножнике покачнулась и поползла вниз. Один из жрецов захватил ее крюком за трос и подтянул к каменному кольцу. Вкушецы затащили мудреца

на платформу и быстро прикрутили к столбу. Тут же спрыгнули с платформы, и по знаку толстяка она снова поднялась и повисла над центром колодца.

Клоп Небесный высунулся из шкафа и махнул белым платком.

Платформа начала медленно опускаться вниз, мудрец вопил, остальные мудрецы стонали, закрыв лица руками.

— Я боюсь! — вдруг вырвалось у Алисы, и она прижалась к Ирии. — Они хотят его сжечь. Там огонь.

— Не бойся, девочка, — сказала Ирия, — все будет хорошо.

Она обняла Алису и крепко прижала к себе.

Воящий мудрец скрылся за бортом колодца, и вкушецы подбежали к краю, стали заглядывать внутрь и кричать:

— Ниже! Еще ниже!

Любопытные из толпы тоже пытались прорваться к колодцу, но вкушецы их не пускали. Крики мудреца вдруг оборвались. И на площади стало тихо.

— Все, — сказал толстяк. — Казнь свершилась, справедливость восстановлена. Да здравствует неведение и беспамятство!

Он обернулся к толпе, поднял руки и громко возгласил:

— Мы ничего не видим!

— Мы ничего не видим! — подхватили люди на площади.

— Мы ничего не слышим!

— Мы ничего не слышим...

— Мы ничего не знаем!

— Мы ничего не знаем...

— Мы никогда не возражаем!

— Мы никогда не возражаем... не возражаем... не возражаем...

Вкушецы принялись энергично крутить лебедку, и платформа стала подниматься. Вот из-за края колодца показалась голова мудреца. Он был жив и вроде бы не вредим. Толпа встретила его появление возгласами. Мудрец стоял совершенно спокойно, глупо улыбался, словно забыл, что только что отчаянно сопротивлялся.

Платформу подтянули к борту колодца, мудреца освободили от пут. Он остался стоять на месте, словно не знал, куда идти.

Вкушецы свели его под руки на площадь и подвели к помосту.

— Ты кто? — спросил из шкафа Клоп.

— Не знаю, — ответил мудрец и улыбнулся. — Понятия не имею.

— Как зовут тебя, ничтожество?

— Ничтожество, — согласился мудрец.

— Где ты живешь?

— Я живу? Где я живу?

— А куда ты пойдешь?

— Я никуда не пойду, — ответил мудрец.

Под аплодисменты зрителей жрецы разрешили мудрецам подойти к своему коллеге и увести его. Мудрец шел не оборачиваясь, загребая ногами, словно разучился ходить.

— Что с ним случилось? — спросила Алиса.

— Я знаю, — сказала Ирия, — они лишили его памяти.

— А что, раньше не догадалась? — спросил пигмей. — Мне говорили, что его уже пять раз лишали памяти, а он все равно остался мудрецом. Они такие, живучие... Года не пройдет, как он снова начнет учить людей, как надо жить.

— И это они хотят сделать с нами? — спросила Алиса.

— Это то, что случилось с Тадеушем, — сказала Ирия. — И со всеми нашими друзьями. Значит, Ручеек прав — они тоже попали в такой колодец.

Тут на площадь прибыла странная процессия. Три быка тащили большую телегу, на которой горой было навалено всевозможное барахло.

Пигмей кинулся к решетке клетки, вцепился в нее и закричал:

— Так мы не договаривались! Вы сказали: только золото. А не вещи. С вами нельзя договориться честно.

— Что такое честность? — спросил толстый вкушец. — Мы не помним такого слова. Господин Клоп Нечестный, мы обещали что-либо этому ничтожному пигмею?

— Не помню. Я — вкушец забвения.

— Вы меня ограбили! — закричал пигмей, кусая прутья.

Толпа на площади покатывалась со смеху. Ясно было, что пигмея многие знали и никто не любил.

— Так ему и надо! — кричали люди.

За телегой шли солдаты, волоча несколько тяжелых кожаных мешков. Они подходили к помосту, кидали на него мешки, и те с тяжелым стуком падали возле шкафа.

Клоп Небесный присел на корточки, жадными, дрожащими пальцами он развязал один из мешков, и из него посыпались золотые монеты, слитки, украшения, драгоценные камни.

Толпа зашумела, завопила.

— Все! Я разорен! Я погублен! — кричал пигмей. — Дайте только мне выйти отсюда, я до вас доберусь! Я за каждым из вас знаю такие делишки, что господин Радикулит всем вам головы отрубит. У меня все записано!

Это последнее, вырвавшееся в запальчивости слово и погубило коварного пигмея.

— За-пи-са-но? — медленно произнес, выпрямляясь, Клоп Небесный. — Значит, ты тоже агент, лазутчик помников.

— Нет! — спохватился Вери-Мери. — Я в переносном смысле, я ничего никогда не записывал. Я не умею!

— Казнь подглядчику! — закричал Клоп, прыгнул в шкаф и захлопнул за собой дверцу.

— Казнь! — требовали жрецы.

— Казнь! — кричали в толпе.

Алиса не выносила предателей, а уж Вери-Мери особенно. Но когда его, плачущего, сопливого, протаскивали к платформе, она не выдержала и крикнула:

— Пожалейте его, может, он еще исправится! Вы же у него все отняли!

— А мы его и собираемся исправить. Причем самым решительным образом, — ответил толстый вкушец.

Он подождал, пока платформа с Вери-Мери скроется в колодце и крики пигмея прекратятся, затем в наступившей тишине сказал:

— 'Здесь одна из обвиняемых обвинила нас в жестокости. Она сказала, — жрец показал на Алису, — что наша казнь ужасна. Так ли это?

— Так! — крикнул с площади молодой голос.

— Не так, — перебили его другие голоса.

— Объясняю, — произнес толстый вкушец. — Нет ничего добрее и гуманнее, чем наша казнь. Мы не приносим человеку никакого вреда, а возвращаем его об-

ществу живым и здоровым. Мы только извлекаем из него все плохое, что он накопил в своей душе: склонность к преступлениям, жестокость, жадность, стремление к заговорам, желание жить лучше, чем поклонны и господа вкушецы, преступную страсть к чтению или знаниям. Мы ничего у него не отнимаем хорошего и полезного. Разве он разучивается есть? Нет, он умеет есть и спать, ходить и стоять. Со временем он научится полезному ремеслу и вернется в общество перековавшимся, полезным существом. Да здравствует мудрость казни беспамятства!

В толпе раздалась приветственные крики и свист.

Платформа с Вери-Мери поднялась. Он стоял у столба, крутя головой. В глазах его был ужас.

— Кто эти люди? — спросил пигмей. — Они хотят меня убить!

28. ВОЗВРАЩЕНИЕ ЕДИНОРОГОВ

Профессор Хруст попросил Пашку подвезти его к дому. На одну минутку.

— А то жена волнуется, — смущенно сказал он.

— Понимаю, — ответил Пашка.

Хруст не зря беспокоился. Его жена стояла на пороге дома, скрестив руки на груди, и даже при виде Гай-до не дрогнула.

Гай-до осторожно спустился на улицу и открыл люк. Профессор выглянул наружу и игриво крикнул:

— Кисочка, я здесь! Я вернулся, я здоров!

— Вернулся — иди в дом! — ответила жена и скрылась в дверях.

— Вот видите, — развел руками пигмей. — Но она меня любит. До скорой встречи.

Он выпрыгнул из корабля и побежал к дому. В дверях он столкнулся с женой, которая вновь возникла на пороге. На этот раз она держала в руке какой-то предмет, завернутый в белую тряпочку.

— Твой мальчишка здесь? — спросила она.

— Паша? Паша летит спасать своих друзей. Все в порядке!

— Ребенок голоден, — мрачно сказала жена. — Отдай ему пирог.

И она снова ушла.

Пигмей кинулся обратно к Гай-до. Он отдал Пашке сверток и сказал:

— Вот видишь, а ты ее упрекал.

Хотя, разумеется, Пашка ни в чем не упрекал жену пигмея.

Гай-до резко поднялся ввысь, и Пашка, сев в пилотское кресло, заложил в навигационный компьютер оптимальный маршрут до столицы.

— Где мы их будем искать? — спросил кораблик.

— Не знаю, — признался Пашка. — Я сам в столице не был. Я думаю, что мы опустимся где-нибудь на окраине, и я пойду в Город искать их.

— Глупости, — сказал Гай-до. — Ты сгинешь, а мы потеряем время.

— А что ты предлагаешь?

— Открытый полет. Мы летим с законной целью: спасти из рабства наших близких. Следовательно, мы опускаемся на их главной площади и задаем прямой вопрос: что вы сделали с Алисой и Ирией?

— А они не ответят?

— Они испугаются. Они же темные.

Убежище пропало из глаз, начался густой лес. Две белые птицы поравнялись с Гай-до и, отчаянно работая крыльями, пытались его обогнать.

— Не старайтесь! — крикнул им Гай-до. — Сейчас я прибавлю в скорости, надорветесь!

— Яйцо железное! — крикнула в ответ упрямая Алина. — Ты сейчас упадешь, у тебя крыльев нет.

Почему-то белых птиц больше всего возмущало то, что у Гай-до не было крыльев.

— Забавные создания, — сказал Гай-до. — Но настолько глупы, что мне порой бывает стыдно, что я принадлежу к их породе.

— Ты? — спросил Пашка.

— Разумеется. Еще у моего прадедушки были крылья. Его называли самолетом.

Птицы держались рядом — Гай-до жалел их.

Вдруг одна из них крикнула:

— Смотри вниз! Какой ужас!

Пашка включил нижний экран, но ничего не увидел в сплошном зеленом море листвы.

А птицы уже снижались к вершинам деревьев.

— Гай-до! — закричала Алина. — Чего же ты медлишь? Помоги, яйцо железное!

— Давай посмотрим, что там, — сказал Пашка.

— Без тебя знаю, — ответил Гай-до и начал опускаться вниз.

Он коснулся верхней границы листвы. Пашке показалось, что он слышит, как шуршат листья и трещат ветки. Вскоре внизу открылось пространство, спрятанное под кронами, словно они влетели в громадный полутемный храм, в котором колоннами служили прямые стволы деревьев.

И тогда Пашка увидел то, что раньше высмотрели птицы: по лесу бежал Ручеек.

Он перебегал от ствола к стволу, отбиваясь от преследователей — стаи коротких полосатых ящериц на длинных мускулистых лапах с массивными, похожими на крокодилий головами. Ящерицы были размером со среднюю собаку, и, наверное, каждая в отдельности была не очень опасна для вооруженного человека, но когда их больше десятка! . .

Ручеек, как видно, бежал из последних сил. Он прихрамывал, движения его были неточными, ящерицы яростно наскакивали на него. Вот самая смелая бросилась вперед, широко разинув желтую пасть, усеянную треугольными зубами. Все же блеск меча заставил ее отступить и спрятаться в стае.

— Ручеек! — закричал Пашка. — Держись!

Птицы опередили Гай-до, они с трудом летали между стволами, задевая деревья концами громадных крыльев, и отчаянно кричали. Ящерицы при виде птиц остановились. Они поднялись на задние лапы, опираясь на короткие хвосты, будто надеялись сбить птицу, если она опустится слишком низко.

И тут в битву вмешался Гай-до.

Он включил свою оглушительную сирену, перепугав не только ящериц, но и птиц, которые с криком взмыли вверх, и Ручейка, не понявшего, откуда идет такой страшный вой.

В следующую секунду Гай-до коснулся земли. Пашка включил внешний микрофон и закричал:

— Не бойся, Ручеек, это я, Павел Гераскин!

Ящерицы постыдно улепетывали.

Пашка выскочил из люка и подбежал к Ручейку.

— Ты не ранен? — спросил он.

— Пашка, друг! — обрадовался юноша. — Как хорошо, что ты пришел!

— Тебя не ранили?

— Нет, устал только. Я боялся, что не хватит сил отбиваться от этой дряни, ведь до Убежища еще далеко.

— Тебе километров пять еще осталось, — сказал Пашка. — Как там дела?

— Не беспокойся, — сказал Ручеек, переводя дух и опускаясь на кочку. — Твои подруги в безопасности, они в доме у Вепря. Никто их не тронет.

— А Белка? — спросил Пашка.

— И Белка там же.

— А ты почему в лес пошел?

— Они начинают поход на день раньше. Об этом Алиса узнала. Она у тебя отважная девчонка.

— Знаю, в одном классе учимся, — согласился Пашка.

— Друзья вывели меня из Города, — продолжал Ручеек, — я должен был взять коня в деревне. Но коней нет, их всех отобрали для похода. Вот мне и пришлось бежать пешком. Всю ночь... Устал страшно.

— Ничего, мы с Гай-до мигом тебя домчим до Убежища.

— Как хорошо! — сказал Ручеек. — А то сил не осталось. И каждая минута на счету.

— Ничего подобного! — раздался сверху пронзительный голос. — Ручеек полетит в Убежище с нами. — Это говорила Алина, которая сидела на большом суку прямо над их головами. — Еще чего не хватало — лететь в железном яйце! Как упадет да как кокнется — костей не соберешь!

— Ну уж, — обиженно сказал Гай-до, — где это вы видели, чтобы я падал и кокался?

— А сегодня утром в лесу? Кто валялся чуть не кокнутой и не мог взлететь.

— Но у меня топлива не было.

— Вот я и говорю, — рассмеялась птица. — Какой же ты летун, если без топлива не можешь?

— А если тебя два дня не кормить, как ты полетишь?

— Хватит, хватит! — приказал Пашка. — Сейчас не время для ссор, друзья!

Алина опустилась на землю и подошла к Ручейку.

— Ну как, полетим или будем глазеть на железное яйцо?

— Не сердись, Алина, интересно, — сказал Ручеек, —

я никогда еще не видел космического аппарата. А тем более говорящего.

— В этом отношении я уникален, — сказал Гай-до. Но тут Ручеек поднял голову и стал прислушиваться. Птицы тоже насторожились

— Кто-то едет, — сказал Ручеек, поднимая меч.

— Два коня, — сказала Алина и взлетела на толстый сук.

— Один конь со всадником, второй без всадника, — сказала сверху вторая птица.

Все обернулись в ту сторону, откуда доносился стук копыт.

Между деревьями мелькнуло что-то белое.

В следующую минуту стала ясно: скачут два единорога.

На одном сидела верхом Белка. Второй был без всадника.

— Ручеек! — закричала издали Белка. — Ты живой? Какое счастье!

Единороги одновременно замерли, кося глазами на Гай-до, который стоял среди сломанных ветвей и кучи листьев, сорванных с деревьев при посадке.

Белка спрыгнула с единорога и кинулась к своему Ручейку.

Она плакала от радости. пышная копна черных курчавых волос скрыла лицо Ручейка. Он гладил Белку по плечам и успокаивал:

— Ну что ты, все в порядке, все живы, здоровы! Я рад тебя видеть.

— Ты ничего не понимаешь, — заговорила сквозь слезы Белка. — Это мое счастье, что единороги убежали от моих братьев. Я выскочила на улицу, темно, вокруг враги ... и тут стук копыт. Они тоже меня узнали. Им в Городе плохо было, они воевать не хотят, они в лес хотели, они знали, что я в Городе, и искали меня, а я думала, что все-все погибли, и бородача убили, а Алисочка ... — тут Белка зарыдала.

— Что, — кинулся к ней Пашка, — что с Алисой?

— Их поймали! И Алису, и Ирию. Их поганый Веримери предал, чтоб ему в колодец беспамятства провалиться! Гадкий, поганый, он меня выследил и вкушечов привел! Бородач их у ворот встретил. Он сражался, и Моро-Пари сражался, а их убили ... А Ирию с Алисой

в собор повезли, там их казнить будут, а я побежала, а единороги меня увидели, они все понимают...

Белка говорила сбивчиво, плакала, сама себя перебивала, но Пашка уже все понял.

— Где? — спросил он. — Где казнить?

— Их повели в собор, а потом к колодцу беспамятства.

— Где это? — обернулся Пашка к Ручейку.

— На холме посреди Города.

— Все! — крикнул Пашка. — До встречи!

— Я с тобой? — Ручеек побежал за ним.

— Справимся, — сказал Гай-до, — у тебя свой долг. Ты забыл, что должен предупредить Убежище?

Пашка прыгнул в люк. Люк мгновенно закрылся. Пашка сел в пилотское кресло. На экране внешнего вида он видел, как Ручеек что-то говорит птицам, и те одна за другой взмывают ввысь. Единороги преклонили колени и опустили к земле золотые рога. Белка и Ручеек вскочили на единорогов. И последнее, что увидел Пашка, прежде чем Гай-до, прорвав листву, вылетел снарядом в небо, были скачущие по лесу на прекрасных белых единорогах Ручеек и Белка. Они скакали рядом, держа за руки.

29. В ПОСЛЕДНИЙ МОМЕНТ

Под гогот толпы воины развязали Вери-Мери, тот ступил на борт колодца, испуганно вращая глазами.

— Нет! — закричал он вдруг. — Я не могу! Я боюсь!

И, сделав неосторожный шаг, упал в колодец.

Все замерли от неожиданности. И слушали... Секунд через десять донесся глухой далекий всплеск... и все затихло.

Дверца шкафа раскрылась, и оттуда выглянул Клоп Небесный.

— Что случилось? — спросил он.

— К сожалению, ваше Беспамятство, — ответил толстый вкушеч, — презренный пигмей наказал себя больше, чем мы того хотели.

— Прискорбно, прискорбно! — сказал Клоп. — Но, к счастью, перед смертью он успел завещать нам, вкушечам, свое имущество. А это искупает его грехи. Продолжайте казнь!

Он схватил ближайший мешок с золотом и утянул его в шкаф.

Толстяк прокашлялся и произнес:

— Теперь мы приступаем к казни двух женщин, пришедших к нам с заданием от помников. Одна из них старалась убить самого Повелителя Радикулита. Вторая нападала на поклонов. Так как наша задача — искоренять террор во всех его видах, мы этих подглядчиц обязаны казнить. Какую первой? — обернулся он к приоткрытому шкафу.

— Вместе, вместе! — отозвался Клоп Небесный из шкафа. — И не отвлекай меня, я считаю завещанное имущество.

Из шкафа слышался звон монет.

Воины вывели Алису и Ирию из клетки.

И тут по толпе прокатился гул возмущения. Жители столицы привыкли к казням, некоторые даже любили на них глазеть. Но казнить беспамятством девочку — этого еще не случалось. Да и красота Ирии произвела на зрителей впечатление.

— Отменить казнь!

— Детей казнить нельзя!

— Что вы делаете, изверги?

С каждой минутой толпа шумела все громче. Толстый вкушец растерянно посмотрел на шкаф.

Клоп Небесный высунул оттуда нос и крикнул:

— Исполняй, и скорее!

Воины вытащили мечи и старались остановить толпу, которая напирала на них.

Ирия решила воспользоваться этим замешательством и крикнула Алисе:

— Бежим!

И понеслась по площади.

Алиса за ней.

Может быть, они и убежали бы, тем более что толпа раздалась, пропуская их, а многие кричали:

— Давайте! Скорей! Мы задержим стражу!

Но, как назло, на пути оказалась толпа мудрецов, они окружили Кошмара и хором твердили:

— Мудрость — это незнание!

— Мудрость — это незнание, — покорно повторял за ними мудрец Кошмар.

При виде бегущих он вдруг ожил и закричал:

— Бегать нельзя! — и кинулся им наперерез.

Ирия успела увильнуть, а Алиса споткнулась о выставленную ногу и рыбкой полетела вперед.

Ирия пробежала еще несколько шагов и поняла, что Алиса отстала. Она бросилась обратно. Алиса кричала:

— Беги! Беги!

Но было поздно. Толпа вооруженных вкушцов накинулась на них.

Алиса и Ирия сопротивлялись, как пантеры. Их растащили и поволокли к колодцу. Толпа пыталась отбить их, но вкушцы обнажили мечи, и на площади полилась кровь.

Вот все ближе колодец... Над ним уже покачивается платформа...

Но в тот момент, когда Алису уже втаскивали на борт колодца, с неба, из облаков, послышался громовой голос:

— Несчастные! Остановитесь! Или я поражу вас молнией!

От этого голоса вкушцы замерли, затем бросились врассыпную. Зеваки, сшибая друг друга, неслись за ними вслед, сзади семенили мудрецы. И через минуту на площади остались только Алиса с Ирией и мудрец Кошмар.

Гай-до медленно и торжественно опустился возле колодца.

Люк раскрылся, и из него выскочил Пашка Гераскин.

— Как хорошо, что ты успел! — сказала Алиса. — Еще бы пять минут...

— И что? — спросил Пашка.

— И что? — спросил встревоженно Гай-до.

— Мы бы вас уже не узнали, — сказала Ирия, протягивая к Пашке руки, чтобы обнять его.

— Это колодец забвения? — спросил Гай-до.

— Он самый, — сказала Алиса. — А как вы догадались, где нас искать?

— Нам сказала Белка, — ответил Пашка. — Мы ее встретили в лесу.

— Как же она успела?

— Ей помогли единороги, — ответил Пашка.

Гай-до покачулся и выпустил манипулятор. На конце его был шнур с небольшим контейнером. Гай-до

взмахнул манипулятором, чтобы забросить контейнер в колодец и взять в нем воздушную пробу.

Как раз в этот момент Клоп Небесный выполз из шкафа и, волоча за собой мешок с сокровищами пигмея, пополз в сторону. Увидев манипулятор, он решил, что страшная, железная рука тянется именно к нему. Иначе зачем бы ему прыгать в сторону? А прыгнув в сторону, обезумевший от страха жрец попал прямо на платформу. С визгом начали разматываться тросы... Еще мгновение — и жрец скрылся вниз.

— Ой! — закричал Гай-до. — Скорее! Остановите его! Он погибнет!

Тросы размотались и замерли. Платформа была глубоко внизу.

— Ничего, — сказала Алиса, — они потом придут, его вытащат и научат полезному для общества труду.

— Значит, его не надо вытаскивать? — спросил Гай-до.

— Этим ему уже не поможешь, — сказала Ирия.

— Как там наши? — спросила Алиса.

— Они здоровы, — уклончиво ответил Пашка. — Они чувствуют себя хорошо.

— Они тебя узнали?

— Пока еще нет, — сказал Пашка.

— Все ясно, — вздохнула Ирия. — Я уже нагляделась на больных этой болезнью.

— Простите, какой болезнью? — спросил, подходя, мудрец Кошмар.

— Той, от которой вы уже никогда не излечитесь, — ответила Ирия.

— А разве надо? Я отлично себя чувствую, — сказал Кошмар.

Он пошел к колодцу.

Ирия развернула его в другую сторону, подтолкнула в спину и приказала:

— Идите и не оглядывайтесь. Ваш дом там!

И мудрец послушно побрел с площади.

Что говорить о встрече Ирии с Тадеушем? Это была печальная встреча. Он не узнал свою любимую жену, хотя Алиса в глубине души надеялась, что любовь окажется сильнее беспамятства.

Они стояли в большой комнате под библиотекой лесного города.

Беспамятные земляне и атланты смотрели на Алису и Ирию не узнавая. Как на чужих.

Ирия подошла к Тадеушу, протянула ему руку. Тадеуш взял руку, поглядел, наморщился, будто старался что-то вспомнить, потом сказал:

— Простите, — и отошел в угол.

— Я надеюсь, — произнес доктор Хруст, который был огорчен не меньше землян, — что на Земле вы скорее найдете способ вылечить своих друзей.

— Конечно, найдем, — сказал Пашка. — Гай-до уверяет, что он на пути к отгадке.

Алисе хотелось плакать. Но она и виду не подала, как ей тяжело. Она стояла рядом с Ирией и держала ее за руку. Пальцы Ирии были холодными, а в глазах такая тоска, что представить себе трудно.

— Больным надо отдыхать, — сказал доктор Хруст. — Мы их подготовим к отлету. Вы когда собираетесь улетать?

— Мы бы хотели улететь сейчас же... — начала Ирия. Но тут же взяла себя в руки: — Мы ваши гости. Мы знаем, что войско Радикулита и его поклонов движется к вашему Убежищу. И мы считаем своим долгом остаться с вами, чтобы помочь отразить нашествие.

— Спасибо, — сказала Зарница. Ее большие добрые глаза были полны слез, она понимала, каково сейчас приходится Ирии. Ведь муж Зарницы, один из учителей, погиб два года назад, попав в засаду отряда вкушечов. — Спасибо, но мы отразим это нашествие без вашей помощи. Ручеек успел нас предупредить, и мы готовы к бою. Мы уже знаем об электричестве.

Зарница показала на потолок, и тут только Алиса поняла, что над их головами светит настоящая электрическая лампочка. Слабенькая, но ярче свечей и факелов в королевских дворцах.

— Мы протянули вдоль рва проволоку и пустили по ней ток. А если ток не поможет, у нас есть порох и пушки.

— Хорошо, — сказала Ирия, — тогда мы улетаем... через час?

— Раз у вас остался час времени, — сказала Зарница, — я предлагаю навестить нашего учителя, уважаемого Книгочей. Он ждет вас.

— А зачем? — спросил Пашка, которому очень хотелось остаться в Убежище и сражаться с рыцарями, хотя он понимал, что Ирия этого не позволит.

— Сегодня учитель нашел архив одной лаборатории ... и разгадал загадку нашей планеты.

— Да, мы пойдем к нему, — сказала Ирия, — это очень интересно и важно.

— Разгадка странная, — сказал профессор Хруст. — Мне даже трудно было в нее поверить. Но человеческая натура порой так удивительна. Человек хочет добра и наносит непоправимый вред. Бывало ли так на вашей уважаемой Земле?

— Да, бывало, — коротко ответила Ирия.

Они вышли из библиотеки. На улицах лесного города царило оживление. Даже дети были заняты делом. Некоторые несли боеприпасы, другие спешили куда-то с заступами и лопатами. Стайка девочек в белых халатах с рулонами бинтов пробежала мимо...

Доктор Хруст подвел своих спутников к старому, вросшему в землю зданию. Дверь была открыта. За ней тянулся длинный, узкий коридор. По сторонам его были стеллажи с кассетами и микродисками.

Навстречу им вышла пожилая женщина в сером халате.

— Идите, — сказала она, — учитель ждет.

Учитель оказался древним стариком.

Он сидел за большим столом, заваленным кассетами и листами бумаги. При виде гостей он поднялся.

— Здравствуйте, люди Земли, — сказал он. — Я рад, что дождался вас. Я знаю об экспедициях на Землю и прочел документы о них. Но за прошедшие годы вы ушли далеко вперед. И обогнали нас.

— Нам сообщили, что вы знаете причину катастрофы на Крине, — сказала Ирия.

— Да. Я искал ответа на эту загадку многие годы. И только теперь мне открылась правда. Садитесь, мои дорогие гости. Я знаю, что вас постигло несчастье, но оно лишь малая доля того несчастья, что обрушилось когда-то на нашу планету.

Гости расселись.

— Двести пятьдесят лет назад, — продолжал учитель Книгочей, — наша планета была одним из ведущих центров галактической науки. Мы покорили космос, мы достигли многого. Но не достигли счастья. Да и можно ли его достичь?

— Нет, — сказала Ирия. — Счастье в пути, в движе-

нии, в борьбе. Полного счастья не бывает.

— Именно так, — согласился старик. — Но среди жителей Крины был один ученый, гениальный, но наивный ум, который решил, что все несчастья людей происходят от того, что они слишком многое помнят. Они помнят все обиды и потери, все разочарования и беды. Видно, он сам пережил когда-то тяжелую утрату или оскорбление, но документы об этом молчат. В то время он работал над изучением поля, открытого им, — поля, которое стирало у живых существ память. Это поле было всепроникающим и опасным. Но наш гений не думал об опасности. Ему в этом поле виделось всеобщее лекарство от всех бед человечества. Он утверждал, что если человек забудет обо всем, то, начав жизнь сначала, он будет счастлив. Беда его заключалась в том, что он решил за всех людей, что им нужно для счастья. Он полагал, что сам отсидится в подземном убежище, а потом выйдет наружу и научит людей добру. Но поле, выпущенное им, окутало всю планету и проникло во все подземелья. Память потеряли все без исключения. В том числе и сам изобретатель. Вот и вся история.

Старик замолк.

Остальные тоже молчали.

Потом Пашка спросил:

— А когда поле исчезло?

— Оно не исчезло совсем, — сказал учитель. — Остатки его вы можете найти в глубоких шахтах. Говорят, что следы его есть на вершинах высоких гор... Но я не могу проверить эти слухи.

— Это так, — сказала Ирия. — Теперь это поле окутывает вашу планету на высоте восьми километров. Наш корабль Гай-до, узнав, что «Днепр» не выходит на связь с Землей, заподозрил неладное. Он сумел окружить себя силовой защитой и тем самым спасти нам жизнь.

— Значит, ваши товарищи потеряли память не в лесу? — спросил Хруст.

— Нет, — сказала Ирия. — Они потеряли память перед посадкой. Они спустились, уже не понимая, что с ними происходит, кто они и куда попали.

— Я выражаю вам свое сочувствие, — сказал учитель. — И надеюсь, что мое открытие может быть вам полезно.

На улице их ждал Ручеек.

— Все в порядке? — спросил он, широко улыбаясь. Через плечо у него висел большой лук, у пояса колчан. — Летите осторожней.

— Мы обязательно вернемся, — сказал Пашка.

— Тогда я вас приглашаю на свадьбу.

— С Белкой? — спросила Алиса. И подумала: «Хоть одна хорошая новость за день».

— Конечно, с Белкой.

— А где она? — спросила Ирия. — Мне бы хотелось с ней попрощаться. Она славная девочка.

— Она единорогов в лес повела. Она обещала им свободу.

— Когда мы вернемся к вам, — сказала Алиса, — я обязательно с ними встречусь. Они очень красивые. И конечно, они все понимают.

— Может, подождете? Белка должна скоро вернуться.

Ирия отрицательно покачала головой.

— Понимаю, — сказал Ручеек. — Но учтите, свадьбы без вас не будет. И если не прилетите, мы с Белкой так и не поженимся.

— Прилетим, — сказал Пашка.

— Передай привет своей сестре Речке, — сказала Алиса.

— Обязательно. Я как раз иду ее встречать.

Из дома в сопровождении Зарницы и доктора Хруста вышли потерявшие память земляне. Капитан Полосков, механик Зеленый и Тадеуш. Атланты оставались на родной планете и здесь будут ждать, пока на Земле найдут лекарство от беспамятства.

Механик Зеленый посмотрел на небо, по которому бежали кучевые облака, и сказал:

— Погода испортится. Имейте в виду, что я предупреждал, что это хорошо не кончится.

— По крайней мере, характер у него не изменился, — сказала Алиса.

Они подошли к Гай-до, который ждал их на краю площади.

Над Гай-до кружились белые птицы.

— Никакая ты не птица, — говорила Алина. — Ты — толстое яйцо, которое летает по недоразумению. Ты — живое оскорбление всем нам, пернатым.

— Учтите, что я вовсе не пернатое, — отвечал Гай-

до. — И если вздумаете снова соревноваться со мной, предупреждаю, что на этот раз я лечу за пределы атмосферы, а вам там делать нечего.

— А мы и не собираемся за пределы! — ответила птица. — Мы хотели с мальчиком попрощаться. Он отважный мальчик.

— До свидания! — крикнул птицам Пашка. — Передавайте привет Альте. Пускай скорей поправляется.

— Счастливо, смелый мальчик! — сказала Алина, и птицы поднялись высоко в небо.

— Ну что ж, — вздохнул доктор Хруст, — мы рады, что с вами познакомились.

Он церемонно пожал всем руки. А Пашку хлопнул по плечу и добавил:

— Жду в гости. Жена обещала испечь пирог, который тебе так понравился.

— Скорей, скорей, — сказал Гай-до. — Тут все меня отвлекает. А я должен сообщить, что у меня возникли некоторые важные идеи. Я, кажется, нашел путь нейтрализовать поле беспамятства. Но для размышлений мне нужно спокойствие космического пространства.

Алиса первой вошла в кораблик. И обернулась, потому что услышала голос Тадеуша:

— Ирия... Ты знаешь Ирию? — Он смотрел на свою жену, наморщив лоб и мучительно стараясь что-то вспомнить.

— Милый, — сказала Ирия и взяла его за руку.

Так вместе они и вошли в корабль. Последним забрался Пашка. Люк закрылся. Алиса хотела провести космонавтов в трюм, но увидела, что они стоят перед пультом и рассматривают его, как что-то знакомое. И Алиса решила, что рубка корабля — лучшее лекарство для космонавтов.

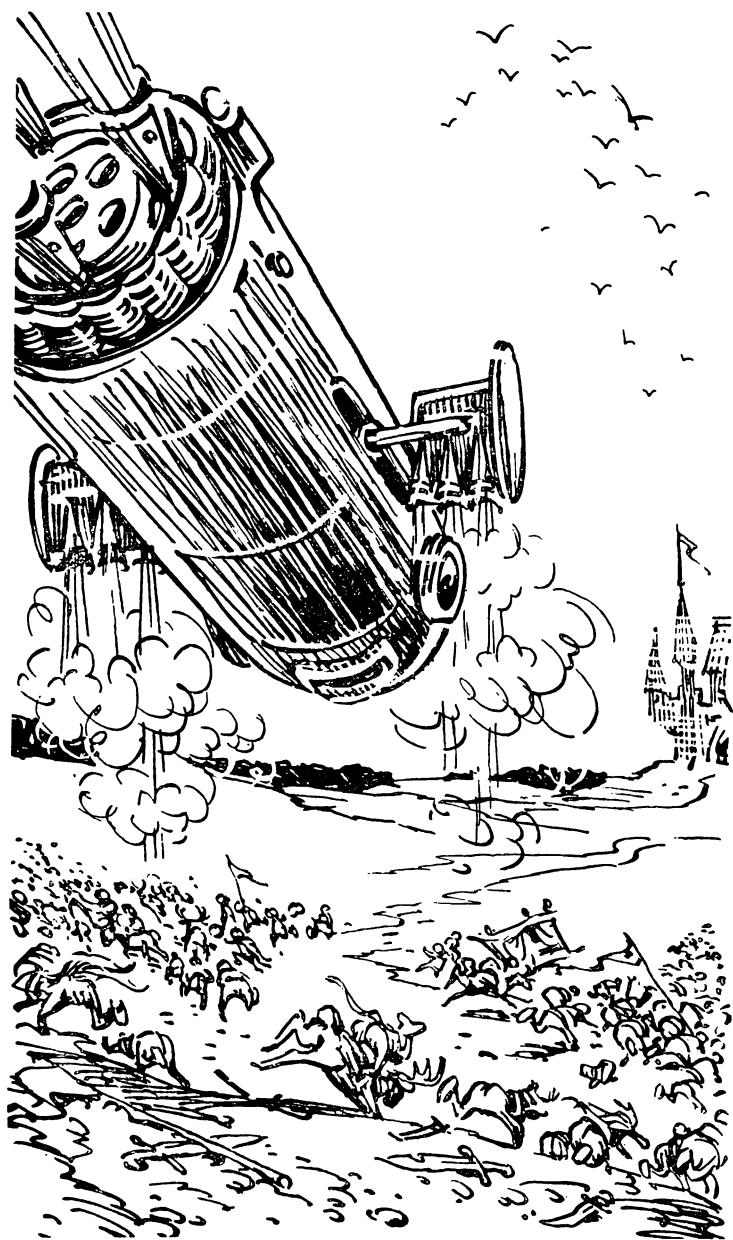
А Ирия села рядом с Тадеушем на диван и смотрела на него.

— Я поведу тебя, — сказал Пашка кораблику, садясь на место пилота.

— Веди, — сказал Гай-до, который отлично мог сам себя вести, но не хотел обижать друга.

Они поднялись над городом. Алиса смотрела в люк на разрытые улицы, на деревья и развалины.

— Ты куда? — услышала она голос Пашки. — Я тебе этого курса не задавал!

— Две минуты, только две минуты, — ответил Гай-до — Не мешай мне, дружок.

Вместо того, чтобы подниматься, кораблик взял курс на юг, в сторону столицы. Вот мелькнула внизу река... а вот впереди показались клубы пыли — вдоль леса двигалось войско Радикулита.

— А ну, держитесь! — сказал Гай-до.

Он резко пошел вниз и на бреющем полете промчался над войском.

Появление его было таким неожиданным и таким страшным, что кони, олени и быки бросились в разные стороны, воины приседали, бросая оружие. Телохранители кинули паланкин с Радикулитом, зубо-врачебное кресло упало, и сам Повелитель закатился в камыши.

Удесятая паника, с неба гремел голос Гай-до:

— Остановитесь, безумные! Не смейте идти в лес! Поверните домой, несчастные! Ни один из вас не вернется живым, если посмеет напасть на Убежище помников!

Сказав так, Гай-до включил сирену...

Дорога опустела, лишь валялись в пыли брошенные копья и опрокинутые осадные орудия.

И только после этого гордый своей выдумкой Гай-до взял курс к Земле.

На высоте восемь километров от Крины он включил силовое поле. Еще через полчаса перешел на космическую скорость. Планета Крина быстро уменьшалась на экранах.

Эпилог

Еще в полете Гай-до догадался, как уничтожить поле забвения. А на Земле, через три недели лечения, к космонавтам полностью вернулась память. Правда, Тадеуш уже к концу обратного пути вспомнил, что любит Ирию. Так что его лечение прошло куда быстрее. Алиса полагала, что это сделала любовь, а Пашка считал, что сильный характер и педагогические способности Ирии.

Алиса снова попала на Крину только через шесть лет, уже студенткой. В Городе она встретила многих знакомых.

Ручеек стал строителем. Они с Белкой жили у самого моря, а их дети — мальчик и девочка, — научились плавать раньше, чем ходить. Бывший мудрец Кошмар, который теперь получает пенсию и умеет читать, с утра уходит на пляж, следит за малышами в подзорную трубу и кричит пронзительным голосом:

— Вернитесь! Я вас почти не вижу!

Иногда к нему присоединяется бывший предатель пигмей Вери-Мери. Он держит лавочку на базаре, торгует дарами леса и клянется, что ровным счетом ничего не помнит о своем темном прошлом.

Афродита открыла модный салон «Московский стиль», она сама шьют, а все деньги, что зарабатывает, тратит на коллекцию кукол.

Старые атланты Мастер и Посейдон живы и до сих пор работают. Лекарство от беспмятства, которое привезли с Земли Алиса и Гай-до, позволило атлантам вспомнить все, чему они научились за долгую жизнь. Так что теперь их опыт очень пригодился на Крине.

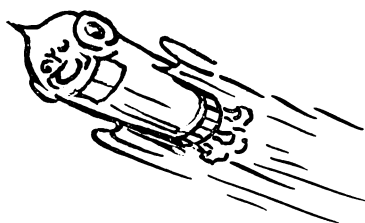
Когда Алиса отправилась в лес изучать диких животных, с ней полетела туда Речка. Она живет в Убежище, работает на станции по изучению леса, директор которой — профессор Хруст. В лесу Алиса встретила братьев Кротов. Они — лесные объездчики. Единороги к ним вернулись.

В лесу Алисе пришлось пережить много приключений.

Но это уже совсем другая история.

СОДЕРЖАНИЕ

КОНЕЦ АТЛАНТИДЫ	3
ГОРОД БЕЗ ПАМЯТИ	106

Кир Булычев. ПРИКЛЮЧЕНИЯ АЛИСЫ
Конец Атлантиды

Редактор-составитель **С. Митрохина**
Оформление **Ф. Барбышева**
Художественный редактор **В. Горин**
Технический редактор **Л. Глушкова**
Корректоры **В. Кондратьева, Т. Карагодина**

Сдано в набор 4.06.1991 г. Подписано в печать 20.12.1991 г.
Формат 84×108/32. Бумага типографская № 2. Гар-
нитура журн. рубл. Печать высокая. Усл. печ. л. 18,48.
Уч.-изд. л. 16,98. Тираж 350 000 экз. Заказ 2334. Цена 16 р.

Издательское объединение «Культура». 141200, г. Пуш-
кино Московской области, ул. Некрасова, 5. Диапозити-
вы изготовлены в НИИ Геодезии. Книжная фабрика № 1
Министерства печати и массовой информации РСФСР.
144003, г. Электросталь Московской обл., ул. Тевосяна, 25

Кир Булычев

Б90 Приключения Алисы. В 6-ти книгах.
Книга шестая. **Конец Атлантиды.**
Издательское объединение «Культура». 1992 г.
352 стр. с илл.

Фантастические повести и рассказы о маленькой девочке Алисе, которой довелось участвовать в необычайных путешествиях, приключениях и происшествиях, случившихся в XXI веке.

ISBN 5-7158-0027-7

ББК 84Р7

Приключения Алисы продолжаются

ВНИМАНИЮ ПОДПИСЧИКОВ!

Издательство «КУЛЬТУРА», в согласии с автором «Приключений Алисы», готовит к выпуску седьмой, дополнительный том данной серии. Книга будет действительно последней в знаменитом сериале о знаменитой девочке Алисе.

«Прощание» с Алисой — выпуск завершающего, седьмого тома «Приключений» — планируется не позднее четвертого квартала 1992 года.

Издательское объединение «КУЛЬТУРА» начинает выпуск многотомного серийного издания под общим названием **«ПУТЕШЕСТВИЯ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ»**.

Серия предназначена для детей школьного возраста.

В 1991—1992 гг. намечен выпуск первых 6-ти томов серии, включающих произведения **Д. Дефо, Р. Стивенсона, Дж. Свифта, Ф. Купера, Ж. Верна, Р. Сабатини.**

Издательское объединение «КУЛЬТУРА» в 1992 году начинает выпуск серии «ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА. Для семейного чтения». В первый шеститомник включены около 20 произведений, являющихся лучшими образцами отечественной и зарубежной детской литературы.

В основу комплектования томов положен принцип сюжетной тематики (повести о животных, сказочные повести, детективы и приключения).

***** Куп БУКЛЕС - Приключението АЗУСЪ